Российская академия наук
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР
Владимира Терентьевича Пашуто

Выпуск XXXIV

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Москва
2022

Russian Academy of Sciences
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

EASTERN EUROPE IN ANTIQUITY AND THE MIDDLE AGES

Annual Conference in Memory of V.T. Pashuto

Volume XXXIV

INTERETHNIC CONTACTS IN THE SOCIO-CULTURAL CONTEXT

Moscow
2022

ББК 63.3
В 782

Редакционная коллегия:

д.и.н. Е.А. Мельникова (ответственный редактор)
к.и.н. Е.В. Литовских (ответственный секретарь)
к.и.н. Ю.А. Артамонов
д.и.н. Т.В. Гимон
д.и.н. Т.Н. Джаксон
к.и.н. Т.М. Калинина
д.и.н. И.Г. Коновалова
к.филол.н. В.И. Матузова
к.и.н. И.М. Никольский
д.и.н. А.В. Подосинов
к.и.н. Б.Е. Рашковский
д.и.н. Л.В. Столярова
к.и.н. А.С. Щавелев

В 782

Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Выпуск XXXIV. Межэтнические контакты в социокультурном контексте / Отв. ред. Е.А. Мельникова. – М., 2022. – 287 с.: ил.

Выпуск содержит статьи, представленные в качестве докладов на очередных, XXXIV Чтениях памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто, в этом году посвященных межэтническим контактам в социокультурном контексте. Эта проблематика раскрывается на материале европейских и азиатских обществ Древности и Срдневековья, включая Восточную Европу и Древнюю Русь.

ISBN 978-5-94067-533-4
© Институт всеобщей истории РАН, 2022 г.
© Авторы, 2022 г.
© Редакционная коллегия, 2022 г.

А.И. Айбабин

КЛИМАТЫ В СОСТАВЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ФЕМЫ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ*

В письменных источниках словом «Климаты» в VII в. именовали область Дори, а в VIII – первой половине XIII в. – регионы Готии. С начала VIII в. Климаты оказались под властью хазар (Айбабин 2019б. С. 7–12).

В 839 г. напуганные вторжением венгров в подконтрольные хазарам причерноморские степи правители Хазарского каганата обратились за военной помощью к императору Феофилу (829–842) (Treadgold 1988. P. 313, 448; Zuckerman 1997. P. 210–211). Феофил в ответ на просьбу кагана и пеха (бека) хазар о постройке для них крепости Саркел на р. Танаис отправил в место сближения рек Волги и Дона экспедицию во главе со спафарокандидатом Петроной Каматиром (DAI-I. P. 182–185). Возвратившийся в Константинополь Петрона Каматир в докладе о своей экспедиции предложил Феофилу назначить своего стратига в Херсон. Император присвоил Петроне ранг протоспафария и назначил его стратигом в Херсон, «повелев тогдашнему протевону и всем [прочим] повиноваться. С той поры до сего дня стало правилом избирать для Херсона стратигов из здешних», чтобы управлять крепостью Херсона «и местностью в нем» (τὸ τῆς Χερσὼνος κάστρον καὶ τοὺς ἐν αὐτῇ τόπους) (Ibid. P. 183–185), т.е. в новую фему помимо Херсона включили и соседние Климаты (Айбабин 2019б. С. 9). «Патрикий и стратиг Климатов» (ὁ πατρίκιος καὶ στρατηγὸς τῶν Κλιμάτων) включен в «Табель о рангах – Тактикон Успенского» 843 г. (Oikonomidès 1972. P. 45, 48–49). Другими словами, стратиг фемы Климатов мог получить титул высшего класса патрикия. Чиновнику этой фемы приписывали печать, хранящуюся в коллекции Дамбартон Оукс, с надписью «...пяти Климатов» (…τῶν πέντε Κλιμάτων) (Nesbitt, Oikonomidès 1991. P. 182). К. Цукерман датировал учреждение фемы пяти Климатов 841 годом (Zuckerman 1997. P. 214–215).

Как мы видим, император Феофил воспользовался сложившимися обстоятельствами для возвращения империи Климатов. Пятью Климатами были Херсон и климы соседней Готии с кре-

постью (κάστρον) Δόρος на плато Мангуп и разнотипными укрепленными городами (πόλισμα) на горах Эски-Кермен, Чуфут-Кале и Бакла (Айбабин 1999. С. 211; 2021. С. 489). С включением Климатов во вновь образованную византийскую фему византийская администрация восстановила укрепления Эски-Кермена (Айбабин 2019а. С. 23), реконструировала оборонительные стены Баклы (Айбабин 1999. С. 216, 218) и Мангупа (Герцен, Науменко и др. 2021. С. 40). Тогда же в долине р. Бельбек на высоком плато Сюйрень у с. Малое Садовое построили новую крепость (Ajbabin 2011. S. 206, 208, Abb. 87). По конструкции и характеру кладки упомянутые стены Баклы и Сюйрени отличаются от хазарских, но аналогичны куртинам и башням, возводившимся в Херсоне и других регионах Византии с IX в.

Вскоре после создания фемы Климатов в ее название включили Херсон. Печати, принадлежавшие спафарокандидату и стратигу Климатов Херсона (σπαθαροκανδιδάτῳ καὶ στρατηγῷ τῶν Κλιμάτων τοῦ Χερσῶνος), найдены в Херсоне, в районе горы Демерджи и в Сугдее (Соколова 1983. С. 74, 75, 149, 150, № 14; Alekséenko 2012. P. 118–119). Н.А. Алексеенко, игнорируя текст Константина Багрянородного, ошибочно приписал сугдейские печати спафарокандидата стратига фемы Климатов Херсона ее первому стратигу Петроне (Alekséenko 2012. P. 119). Напомню, что Петроне при назначении стратигом в Херсон пожаловали более высокий титул протоспафария.

Из Херсона происходят многочисленные печати стратигов Херсона (Ibid. P. 120–178). Н. и В. Зайбт обоснованно выделили раннюю серию с крестообразной монограммой, обращением и тетраграммой на лицевой стороне. Причисленные к данной серии печати стратигов Херсона ипата Зоилы, императорских спафариев Фоки и Константина отнесены к 50-м годам IX в. Печати другого стратига Херсона Никифора с так называемым нимбированным крестом датированы 860–880 гг. На двух печатях у Никифора был ранг императорского спафарокандидата, а на двух – императорского протоспафария (Зайбт, Зайбт 1995. С. 91, 92). Владелец печатей «vir nobilis Niceforus, eiusdem civitatis dux» упомянут в созданной в начале XII в. латинской редакции текста херсонской легенды о переносе мощей св. папы Климента среди участников церемонии, происходившей зимой 860/61 г. (Meyvaert, Devos 1955.

P. 74). Латинский титул *dux* является в данном случае переводом греческого титула *стратиг* (στρατηγὸς). В начале 850-х годов фему Климатов Херсона преобразовали в фему Херсона (Zuckerman 1997. P. 214–217, 221–222).

Обстановка в Херсоне в 860–861 гг. отображена и в житии Константина-Кирилла Философа, возглавлявшего миссию, отправленную через Херсон к хазарскому кагану. В Херсоне он узнал о нападении хазар на один из христианских городов и отправился на переговоры с «воеводой» хазар, осадившим город. На обратном пути в Херсон на Константина напали мадьяры (Климент Охридски 1973. С. 126, 127, 158). В 860-е годы Анастасий Библиотекарь в письме епископу Гаудериху со слов сосланного в окрестности Херсона митрополита Смирны Митрофана рассказывал об открытии Константином-Кириллом Философом мощей св. Климента. Анастасий назвал Херсон пограничным с хазарской землей и охарактеризовал его хору – Гераклейский полуостров. По словам Анастасия Библиотекаря, «место опустело и сделалось необитаемым, храм разрушился, и вся та часть Херсонской области была почти покинута, так что видно было, что епископ Херсона с очень немногочисленным народонаселением оставался внутри того города, да и те, казалось, были скорее жители тюрьмы, чем города, из которого не смели выходить» (Epistola Anastasii 1928. P. 436–437; Якобсон 1959. С. 52).

По утверждению К. Цукермана, цитированное письмо Анастасия демонстрирует сокращение территории фемы до городских стен и указывает на провал «амбициозного проекта Феофила» и неспособность империи защитить «Готию от венгров, как раннее от хазар, а позднее от печенегов» (Zuckerman 1997. P. 222). Однако еще А.Л. Якобсон полагал, что в житии и письме идет речь о соседстве хазар с областью Херсона, т.е. с его Климатами (Якобсон 1959. С. 46). Рассказ о набеге хазар на город Климатов вовсе не указывает на их независимость от фемы. Хазары не совершили бы набега на свои города. Хазары ушли из Крыма в 873 г. (Айбабин 1999. С. 222).

О подчинении Византии городов Корсунской страны сказано в договорах императоров 944 г. с князем Игорем и 971 г. с князем Святославом (ПВЛ. С. 37, 52; Пашуто 1968. С. 65). По мне-

нию Н. Икономидиса, власть стратига Херсона распространялась на Климаты и во второй половине IX – X в. (Oikonomidès 2000. P. 321, 323).

Выводу К. Цукермана о неспособности Византии сохранить Климаты в составе фемы противоречит надпись из Мангупа о постройке стены «во дни местоблюстителя (τοποτηριτοῦ) Цулы-бега, сына Полета, в 6503 году», т.е. в 994–995 гг. (Виноградов 2015. IOSPE. V. 176). Топотирит (τοποτηρητὴς) был офицером тагмы (Oikonomidès 1972. P. 110, note 69) фемы Херсона. Вероятно, фему переименовали после подчинения Готии турмарху. Об этом свидетельствуют печати императорского спафария турмарха Готии конца X – начала XI в. (Alekséenko 1996. P. 271–275).

Согласно К. Цукерману, в Херсоне фемный период завершился ок. 1070 г. (Zuckerman 2017. P. 713–714; 2019. С. 237–244). По утверждению В.П. Степаненко, фема Херсона продолжала существовать до конца XI в. (Степаненко 2018. С. 713–714).

Примечание

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда по проекту № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в средние века и новое время».

Литература

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Айбабин А.И. Город фемы Херсона на плато Эски-Кермен // АДСВ. 2019. Вып. 47. С. 20–28. (а)

Айбабин А.И. Топоним климаты в средневековом Крыму // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 6. С. 6–17. (б)

Айбабин А.И. Крымская Готия в первой половине XIII века // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 6. С. 56–68.

Айбабин А.И. Ранневизантийский и хазарский периоды эволюции городов на Внутренней горной гряде Крыма // МАИЭТ. 2021. Вып. 26. С. 475–497.

Виноградов А. Византийские надписи Северного Причерноморья // Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. L., 2015. Vol. 5 (https://iospe.kcl.ac.uk/5/toc-ru.html [21.06.2020]).

Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А. и др. Археологические исследования укрепления А.XI Главной линии обороны Мангупской крепости в 2020 году // История и археология Крыма. 2021. № 15. С. 38–46.

Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов фемы Херсон // Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. С. 91–97.

Климент Охридски. Собрани съчинения / Ред. и ком. С.Б. Ангелов, Х. Кодов. София. 1973. Т. 3.

Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.

Степаненко В.П. Византия и Крым в постфемный период (конец XI – XII в.). К постановке проблемы // МАИЭТ. 2018. Вып. 23. С. 713–720.

Цукерман К. Закат византийской власти в Крыму: полемический отклик // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис. XI Междунар. византийский семинар. Симферополь, 2019. С. 237–244.

Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.

Ajbabin A.I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. Mainz, 2011. (Monographien RGZM; 98).

Alekséenko N. L'administration byzantine de Cherson. Catalogue des sceaux. P., 2012.

Epistola Anastasii apostolicae sedis bibliothecarii ad Gaudericum episcopum / Ed. E. Perels, G. Laehr. B., 1928. (MGH. Epistolae; t. 5–7).

Meyvaert P., Devos P. Trois énigmes cyrillo-méthodiennes de la "Légende Italique" résolues grâce à un document inédit // Analecta Bollandiana. 1955. Vol. 73. P. 375–461.

Nesbitt J., Oikonomidès N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Washington, 1991. Vol. 1.

Oikonomidès N. Les listes préséance byzantines des IXe et Xe siècles. P., 1972.

Oikonomidès N. Le «systéme» administratif byzantin en Crimée aux IX–Xe s. // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 318–323.

Treadgold W. The Byzantine Revival, 780–842. Stanford, 1988.

Zuckerman C. Two Notes on the Early History of the Thema of Cherson // Byzantine and Modern Greek Studies. 1997. Vol. 21. N 1. P. 210–222.

Zuckerman C. The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus // МАИЭТ. 2017. Вып. 22. С. 311–336.

Н.А. Алексеенко

ПОЛИЭТНИЧНАЯ ВИЗАНТИЯ: ПАТРОНИМЫ ЗНАТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПАМЯТНИКОВ СФРАГИСТИКИ

Византийские письменные источники повествуют о многих выходцах из аристократических кругов империи, зачастую называя их титулы или должности, а иногда даже сообщают о превратностях служебных карьер и перипетиях судеб отдельных персонажей. Однако бóльшая часть представителей имперского нобилитета всё-таки обойдена таким вниманием. И здесь на помощь приходят сфрагистические источники. Многие из византийских вельмож стали известны именно благодаря моливдовулам. Среди таковых можно назвать и некоторых членов императорских фамилий, и военачальников или гражданских чиновников, многие из которых были представителями элиты отнюдь не греческого, а иного этноса (болгарского, армянского, грузинского, сирийского и др.).

Империя неоднократно расширяла свои владения и охотно принимала к себе на службу как простых, так и титулованных иноплеменников. Нередко совершались межэтнические браки, которые не только способствовали укреплению связей между этническими группами, но и служили гарантией их лояльности империи или своеобразными рычагами давления на случай возникновения конфликтных ситуаций.

Кризис фемного строя заставил империю сделать главный упор в проведении административной политики и укреплении границ государства на привлечение в армию наемников из числа русов, варягов, франков, болгар, армян, ивиров, алан, сарацин и даже кочевников (Литаврин 1977. С. 236–259). Здесь достаточно вспомнить эксусиаста перса Теофоба (Seibt 1975. P. 212, № 2526), херсонского стратига Иоанна Вогу, по происхождению, скорее всего, печенега (Moravcsik 1958. S. 92), или тмутараканского князя Олега-Михаила, который в начале правления Алексея I Комнина на печати именует себя архонтом и дукой Матархи и всей Хазарии (Степаненко 2013. С. 157–168). Особенно показателен в этом смысле период правления Романа IV Диогена. Среди придворных и военных, которых император на-

значил на руководящие посты в византийской армии, выделялась группа офицеров армянского происхождения, а также выходцев из болгар, на поддержку и преданность которых особо рассчитывал император. Многие из них были представителями местных правящих династий или известнейших аристократических родов. Список выходцев из этих семейств окажется достаточно многочисленным. Ограничимся лишь некоторыми, которые, на наш взгляд, наглядно отражают политику толерантности Византийского государства и общества в вопросах не только этнических, но и конфессиональных.

Одним из таких «неромейских» семейств являлся род Алусианов. Родоначальник фамилии Алусиан был вторым сыном последнего болгарского царя Ивана-Владислава и, поступив на службу Византии, оказался удостоен титулов патрикия и магистра. Его сыновья, превратившие имя отца в патроним, также занимали высокие посты в империи. Василий был правителем Эдессы, а его брат Самуил стал известным военачальником, командовавшим элитными войсками Запада (Алексеенко 2012. С. 127–139).

Представители рода Алусианов совсем не случайно оказались в окружении Романа IV. Став императором-соправителем, Диоген получил права главнокомандующего с неограниченными военными полномочиями, сумел укомплектовать регулярные тагмы восточной армии и передислоцировал на Восток наиболее боеспособные западные части византийской армии, состоявшие из воинских контингентов Фракии, Македонии и Болгарии. Надо полагать, что император широко использовал свои связи периода балканской карьеры и привлек известных и преданных ему военачальников под свое начало. Среди них, безусловно, оказались и Алусианы.

В качестве подобных иллюстраций можно было бы привести и целый ряд аристократических семейств Востока: род царя Васпуракана Сенахерима, Тороните, Апокапы, Вурцы, Гавры и многие др. Ограничимся лишь Врахамиями (Варажнуни), само имя которых выдает их армянское происхождение.

Наиболее ярким представителем фамилии является Филарет Врахамий, который верно служил Роману IV Диогену и сделал стремительную и блистательную карьеру, став высокопоставлен-

ным придворным сановником, а в армии прошел путь от простого военачальника до великого доместика (Cheynet 2008. P. 377–412).

По письменным источникам и памятникам сфрагистики известен еще один интересный персонаж, связанный с деятельностью Врахамия в период его правления Антиохией. Михаил Сириец в своей хронике сообщает, что Филарет Врахамий поставил в качестве наместника Мелитины Феодора (известного по армянским источникам как Торос), сына «грека Хетума». Весьма примечательны его печати, поскольку, кроме византийских рангов дисипата, проедра и дуки, куропалата и дуки Милитены, он именует себя еще и эмиром (Cheynet, Theodoridis 2010. P. 63). В свое время А.П. Каждан отмечал, что для восточных и западных авторов Торос всё-таки персонифицируется «как грек, более того “грек по происхождению”, хотя, разумеется, сын Хетума был греком лишь в том смысле, что исповедовал халкидонитство» (Каждан 1975. С. 128, 129, § 48). Упоминание мусульманского ранга, видимо, имело вполне определенное значение, ведь не случайно, по свидетельству Матфея Эдесского, сельджукский султан Дамаска Тутуш в 1094/95 г. назначил Тороса правителем Эдессы, уже не принадлежавшей тогда Византии. Из источников известно, что Торос-Феодор сделал себя практически независимым от всякой власти вплоть до прихода на Ближний Восток крестоносцев Бодуэна и создания Эдесского графства (1098 г.).

Среди византийской знати XI в. хорошо известны и представители ивирских фамилий, выходцев из Тао-Тайка. Наиболее представительны из них, конечно, Торники и Пакурианы. Однако в связи с находкой в византийском Херсоне моливдовула анфипата, патрикия и стратига Каппадокии Ферса Цоцикия вспомним род Цоцикиев (Степаненко 2009. С. 235–245). О представителях фамилии сохранились сведения в грузинских, армянских и византийских хрониках. Степанос Таронский упоминает отца Ферса ишхана ишханаца Джоджика в связи с событиями во время мятежа Варды Склира в 976 г. Скилица сообщает, что впоследствии (в начале XI в.), когда Василий II создал на территории Тао византийские фемы и переселил на территорию империи «первенствующих по происхождению в Иверии» представителей таосской элиты, местная знать получила широкие возможности продвижения по византийской иерархической ле-

стнице и заняла высокие посты в провинциальной администрации. Сыновья Джоджика Цоцикия Пакуриан, Февдат и Ферс были удостоены титулов патрикиев. В дальнейшем сын Февдата получил должность стратига Доростола, а сын еще одного иверийца Смбата Викхаци Григорий – пост стратига Ларисы и Македонии. В 1022 г. среди представителей ромейской знати, которых император по тем или иным причинам лишил престижных званий и постов, созрел заговор. Мятеж был подавлен, и по приказу императора Ферс и его зять Андроник были казнены. Надо полагать, что к моменту мятежа Ферс был наместником одной из основных малоазийских фем – Каппадокии (как указано на херсонской печати) и вместе с Давидом Арцруни, сыном царя Васпуракана Сенекерима, являлся одним из руководителей заговора и посредником между его лидерами и царями Закавказья. По мнению В.П. Степаненко, лишь в таком случае царю Грузии могло быть обещано возвращение владений Давида Куропалата, а Давиду Арцруни – Васпуракана (Там же. С. 242). Несмотря на то, что Ферс достиг высокого положения при дворе и в административной карьере, его участие в заговоре после 20 лет службы Византии – очевидное свидетельство того, что отдельные представители элиты аннексированных территорий даже спустя десятилетия не очень-то мирились с утратой своих былых привилегий и в порыве этнического патриотизма стремились к их возрождению. Надо полагать, отсюда и то жестокое наказание, которому, в отличие от других заговорщиков, был подвергнут Ферс Цоцикий.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что представители как столичного, так и провинциального нобилитета (в том числе и пришедшие на службу империи иноплеменники) играли заметную роль в жизни византийского государства и общества. Моливдовулы представителей родовой элиты прекрасно отражают процесс интеграции иноплеменников (и отчасти даже иноверцев) в византийское общество и даже в систему государственного управления. Сказанное относится к большинству основных этнических групп, проживавших на территории империи, не исключая ни болгарских, ни армяно-иверийских, ни даже древнерусских.

Литература

Алексеенко Н.А. Болгары в армии Романа IV Диогена: карьера Самуила Алусиана по данным сфрагистики // ΠΟΛΕΜΟΛΟΓΟΣ. Сб. ст. в память проф. В.В. Кучмы. Волгоград, 2012. С. 127–139.

Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X–XV вв. // Проблемы истории одного столетия: 976–1081. М., 1977.

Степаненко В.П. Ферс Цоцикий, анфипат, патрикий и стратиг Каппадокии (1000–1022) // Нумизматика, сфрагистика и эпиграфика. София, 2009. Т. 5. С. 235–245.

Степаненко В.П. «Архонт и дука» в конце XI в. (к эволюции византийской системы международных отношений) // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Симферополь, 2019. Вып. 2. С. 211–228.

Cheynet J.-Cl. Les Brachamioi // La société byzantine. L'apport des sceaux. 2008. Vol. 2. P. 377–412.

Cheynet J.-Cl., Theodoridis D. Sceaux byzantins de la collection D. Theodoridis. Les sceaux patronymiques. P., 2010.

Moravcsik G. Byzantinoturcica. B., 1958. Bd. 2.

Seibt W. [Besprochen] *Zacos G., Veglery A.* Byzantine Lead Seals. Basel, 1972 // Byzantonoslavica. Prague, 1975. Vol. 36. Fasc. 2. P. 208–213.

Ю.А. Артамонов

ЗАМОРСКИЕ КОРНИ СУЗДАЛЬСКОГО ЕПИСКОПА СИМОНА

Под 6734 (1226) г. Лаврентьевская летопись сообщает о кончине первого суздальского и владимирского епископа Симона:

> М^{с}ца . мая . въ . 22 . дн҃ь . престависѧ блж҃ныи и мл^{с}тивыи оучителныи єп^{с}пъ Симонъ . Суждальскыи и Володимерьскыи . постригъсѧ в скыму . и положено бы^{с} ч^{с}тноє тѣло ѥго въ цр҃кви ст҃ыя Бц҃а в Володимери (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 448).

Величание усопшего владыки «учительным» в данном случае не является трафаретным определением, а отражает реальный факт биографии. Симону принадлежат произведения, составившие основу Киево-Печерского патерика: Послание к иноку Поликарпу с приложением девяти новелл о печерских монахах и Слово о Печерской церкви, которое включает семь небольших рассказов, повествующих о знамениях при основании, строительстве, росписи

и освящении Успенского собора, чуде от наместной иконы Богородицы, оковании раки преподобного Феодосия Печерского.

Упоминания о Симоне в летописании Новгорода, Северо-Восточной Руси и Москвы позволяют в общих чертах реконструировать его биографию. Будучи постриженикомом и насельником Киево-Печерского монастыря, Симон в конце XII в. оказался на Залесской земле, где по воле правящего здесь князя Всеволода Юрьевича (1176–1212) занял должность игумена в придворном монастыре Рождества Богородицы во Владимире. Это назначение могло состояться в начале 1190 г., когда прежний настоятель Иоанн занял Ростовскую кафедру (Артамонов 2018. С. 9). В качестве рождественского игумена Симон выполнял обязанности духовника княжеской четы – Всеволода и его супруги Марии (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 424; Т. 38. С. 161). Статус княжеского душепопечителя и настоятеля главного монастыря земли обязывал Симона быть в центре событий политической и церковной жизни.

Кончина Всеволода в 1212 г. спровоцировала затяжной конфликт между его наследниками. Старший сын, ростовский князь Константин потребовал у младшего Юрия освободить Владимир и перебраться в Суздаль, но последний запросил Ростов. Когда Константин отказал, Юрий в союзе с братом Ярославом предпочел взяться за оружие. В ходе этого противостояния был смещен епископ Иоанн, что привело к разделению епархии на две самостоятельные кафедры – Ростовскую и Суздальскую. Первую по воле Константина занял игумен монастыря св. Петра в Ростове Пахомий, вторую Юрий поручил заботам Симона.

Победа Константина в Липицкой битве (21 апреля 1216 г.) вынудила Юрия уступить Владимир и отправиться в Городец Радилов на Волге, куда за ним последовал и епископ Симон (ПСРЛ. Т. 25. С. 114). Впрочем, эта ссылка продлилась недолго. В конце августа того же года братья примирились. Согласно заключенному договору, Юрий получал Суздаль, а после смерти Константина к нему должен был перейти Владимир. В воскресенье 11 сентября 1216 г. Юрий и Симон торжественно вступили в Суздаль (Там же. С. 115).

Во Владимир суздальский князь перебрался сразу после кончины Константина, которая случилась 2 февраля 1218 г. Вслед за ним сюда должен был переехать и Симон. 7 сентября 1219 г. в

присутствии Юрия, его брата Ярослава и сына Всеволода он освятил кафоликон Рождественского монастыря, где когда-то игуменствовал. С другой стороны, владыка не оставил своим вниманием Суздаль. В 1222 г. здесь начались масштабные работы по возведению нового соборного храма Рождества Богородицы[1]: прежний, построенный при Владимире Мономахе, сильно обветшал, и его пришлось разобрать. И хотя летописец в сообщении о закладке собора упоминает только о князе, душой этого проекта был именно Симон. Недаром в Послании к Поликарпу он с гордостью вопрошает: «Кто не весть мене, грешнаго епископа Симона, сея съборныа церкве, красоты Володимеръскыя, и другыа Суждальскыа церкве, юже сам създах?» (Абрамович 1991. С. 103). Участием Симона нужно объяснять скорое завершение строительства: согласно летописи, освящение главной церкви Суздаля состоялось уже 8 сентября 1224 г. В то же время кончина владыки (22 мая 1226 г.) сказалась на сроках росписи собора, которую начали только в 1230 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 447, 455).

Итак, факты биографии говорят о выдающемся положении Симона при дворе владимирских князей в конце XII – первой четверти XIII в. Внимания заслуживает и его особое отношение к Суздалю, который, к слову, был «отчиной» князя Юрия (рождение, постриги). Произведения Симона подтверждают эти наблюдения. В Послании к Поликарпу он прямо говорит о своей «славе и чести», указывает на благорасположение Юрия и его сестры Верхуславы (княгиня, желая угодить Симону, ходатайствовала о поставлении его подопечного Поликарпа на одну из вакантных епископских кафедр Руси: Абрамович 1991. С. 103–103). Что же касается Суздаля, то объяснение связи Симона с этим городом находим в Слове о Печерской церкви.

Слово начинается с изложения событий, которые предшествовали строительству Успенского собора Киево-Печерской обители. Симон сообщает, что «в земле Варяжской» был князь Африкан, брат Якуна, который сражался на стороне Ярослава против Мстислава (имеется в виду Лиственская битва 1024 г.). Африкан имел двоих сыновей – Фриада и Шимона. Оба были выдворены из страны после смерти родителя. Покидая родину, Шимон[2] забрал с собой золотые пояс и венец, которые отец ко-

гда-то возложил на чресла и главу изображенного на кресте Спасителя. Голос от образа известил изгнанника, чтобы он не примерял на себя венец, но отнес на уготованное место и передал в руки тому, кто будет созидать Богородичный храм. Другое знамение, явленное Шимону на море, определило пояс в качестве меры величины этой церкви. На Руси варяга тепло принял киевский князь Ярослав Владимирович (1019–1054) и вскоре определил старшим в дружину своего сына Всеволода. Молитвы Антония и Феодосия спасли Шимона от смерти в битве с половцами на р. Альте в 1068 г. Дважды он удостаивался видения храма, который только предстояло воздвигнуть: первый раз по пути на Русь, второй – после сражения с кочевниками. Эти знамения убедили Шимона принять православие и передать священные реликвии в руки печерских отцов. Отказ от «латинской ереси» и переход в «истинную веру» сопровождался сменой имени: Шимон стал Симоном[3]. Варяг упросил Феодосия не только отпустить грехи всем своим сродникам, но и дать письменное заверение вечно молиться (при жизни и после смерти) о нем, его сыне Георгии и всех потомках («до последнего рода»).

Симон был первым погребен в стенах новой Печерской церкви. Его расположение к монастырю унаследовал сын Георгий Симонович. Опеке последнего Владимир Мономах поручил малолетнего сына Юрия, которому предстояло править в Северо-Восточной Руси. Впоследствии Юрий сел в Киеве, а своему кормильцу, как отцу, доверил блюсти всю Суздальскую землю. Будучи тысяцким, Георгий за свой счет оковал раку Феодосия, выделив для этой цели 500 гривен серебра и 50 гривен золота. Симон приводит письмо, в котором сын Шимона свидетельствует, что был исцелен Феодосием от трехлетней слепоты. Он увещевает своих потомков не изменять семейной традиции: заботиться о Печерском монастыре и упокоиться на его земле. Для этого не обязательно искать место в главном соборе, подойдет и монастырское село, ведь молитва преподобных отцов не знает границ. В заключение Симон отмечает, что правнуки Георгия до сих пор имеют свой некрополь в суздальском монастыре св. Дмитрия. Актуальность этого фамильного захоронения в свете завещания Георгия определялась тем, что Дмитриевская обитель была дочерней по отношению к Киево-Печерскому монастырю.

Рассказ о варягах-ктиторах излагается Симоном в связи с историей Успенского собора. Автор подчеркивает исключительность этой церкви, отмечая участие Небесных сил в ее создании. Согласно Симону, Отец благословил место создания храма, Сын передал меру его величины, Дух Святой бесплотным огнем выжег растительность для сооружения фундамента и, наконец, Богородица наняла в Византии мастеров, с которыми передала мощи святых и икону своего образа. Роспись и обновление собора тоже не обошлись без чудес: художники были наняты уже почившими Антонием и Феодосием, каменный жертвенник появился неизвестно откуда, а епископы собрались на освящение стараниями Божией Матери. Позже Владимир Мономах в Ростове, а его сын Юрий в Суздале построили церкви, которые во всем были подобны Печерскому храму (археология этого не подтверждает).

Итак, в Слове о Печерской церкви тесно переплетены две сюжетные линии. Первая нацелена на прославление Киево-Печерского монастыря и его главной церкви – Успенского собора. По этой причине история храма излагается Симоном как непрерывная вереница чудес и знамений. Вторая линия связана с желанием автора увековечить память о роде Шимона. Сведения, которые приводит Симон в Слове, не находят подтверждения в ранних агиографических сочинениях Печерской традиции (XI – начала XII в.). Так, например, они ничего не знают о варягах-ктиторах и священных реликвиях, привезенных ими на Русь (свидетельство Ипатьевской летописи об оковании Георгием Ростовским раки Феодосия под 1130 г. восходит к известию Патерика: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 293). Что могло побудить Симона связать историю родной обители с семьей варяга Шимона?

Логика подсказывает, что такой труд определяли личные мотивы[4]. Допускаю следующую дилемму: либо кто-то из наследников *суздальского* тысяцкого Георгия покровительствовал Симону (отсюда – желание возвеличить род своего патрона), либо он сам принадлежал к числу его потомков. Последнее предположение кажется более вероятным: во-первых, из летописи и Патерика известно, что благодетелями Симона были непосредственно Рюриковичи – владимирский князь Всеволод, его сын Юрий и дочь Верхуслава; во-вторых, владыка имел особое попечение о Суздале (место службы Георгия и расположения дей-

ствующего некрополя его наследников); наконец, в-третьих, он носил имя, которое при переходе в православие принял варяг Шимон (традиция родового имянаречения). Таким образом, можно думать, что первый епископ Суздаля и Владимира принадлежал к знатному боярскому роду варяжского происхождения, который на протяжении нескольких поколений служил потомкам князя Ярослава Владимировича по линии его сына Всеволода и внука Владимира. Всё сказанное объясняет высокий статус Симона при дворе владимиро-суздальских Рюриковичей в конце XII – первой четверти XIII в.

Примечания

[1] По своим размерам Суздальский храм был сопоставим с Успенским собором во Владимире постройки 1158–1160 гг. (Раппопорт 1982. С. 51, 59).

[2] За русским именем *Шимон* стоит скандинавский антропоним *Сигмунд* (Михеев 2008. С. 32).

[3] В Древней Руси переход из католичества в православие предусматривал смену имени.

[4] Интересное мнение на этот счет относительно недавно высказали А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский. Исследователи допускают, что епископ Симон был пострижен в честь Симона Варяга, местное почитание которого существовало в монастыре уже в XII в. Это и побудило владыку «увековечить и расцветить монастырское предание о своем тезке и патроне» (Литвина, Успенский 2020. С. 96). Весьма плодотворной мне кажется гипотеза о том, что сестрич князя Всеволода Юрьевича Яков, упоминаемый в Ипатьевской летописи под 1187 г., мог быть сыном Георгия Шимоновича (Там же. С. 88–89, примеч. 10).

Литература

Абрамович Д.И. Киево-Печерский патерик. Киев, 1991.

Артамонов Ю.А. Владимирский Рождества пресвятой Богородицы монастырь: от учреждения к архимандритии // ДРВМ. 2018. № 4 (74). С. 5–14.

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Судьбы варягов на Руси XI–XII вв. // Вестн. РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 1. С. 76–101.

Михеев С.М. Варяжский князь Якун, Африкан и Шимон: Литературные сюжеты, трансформация имен и исторический контекст // ДРВМ. 2008. № 2 (32). С. 27–32.

Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв. Л., 1982. (Археология СССР. Свод археологических источников; Е1-47).

В.А. Арутюнова-Фиданян

КОНТАКТНАЯ ЗОНА ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

Словосочетание «контактная зона» в разных дисциплинах наполнялось разнообразным содержанием. Историки долгое время наделяли это словосочетание широкими смыслами при отсутствии четких рамок. Всё же некоторые ключевые моменты общепризнанны. Считают, что для контактной зоны характерно длительное совместное проживание этнических групп, сосуществование разных культурных, религиозных, административных и иных систем, многослойная языковая ситуация, а также размытость границ и их подвижность. В настоящее время исследователи то расширяют понятие «контактная зона» (до размеров Восточной Европы, например), то сужают (до одного многоэтничного города).

Армения и Византия с их многовековыми связями предоставляют исследователю широкие возможности для выявления условий генезиса, функционирования и крушения контактной зоны.

Главным условием возникновения контактных зон является историко-географическая близость, однако далеко не всегда между пространственно близкими цивилизациями может возникнуть контактная зона, в особенности при непреодолимой дистанцированности – ментальной, культурной, социально-экономической и конфессиональной – контактирующих сторон.

Предложенная мною концепция армяно-византийской модели интерпространства в X–XI вв. включает: 1) общую территорию; 2) общую государственность; 3) взаимодействие этносов; 4) культурные взаимовлияния.

Процесс генезиса синтезной контактной зоны требует, как минимум, нескольких десятилетий (или столетий), т.е. временной фактор является конституирующим для возникновения контактной зоны как органичной структуры со своими законами.

Магистральные социокультурные процессы в зрелой и завершенной модели контактной зоны определялись синтезом армянских и византийских общественных, политических, хозяйственных институтов и форм идеологии. Преобразование этих институтов приводило к обретению ими нового качества,

и в результате появилась новая структура. Такая модель межцивилизационного диалога не могла появиться в X–XI вв. без предыстории.

Первый этап сближения обеих цивилизаций в VI–VII вв. – это армянское полуавтономное политическое образование, основанное на нахарарском строе с явным влиянием византийской культуры и конфессии. Положительный образ Византии и ее императоров, союзников в борьбе с персами и арабами, именно тогда впервые появляется в армянской историографии. Тем не менее идеологическая составляющая не была ведущей на этом первом этапе незавершенной зоны контактов.

Иное дело, синтезная контактная зона X–XI вв., появление которой было подготовлено в IX – середине X в. византийскими армянами-халкидонитами, креаторами сближения Армении и Византии. После отступления Арабского халифата в результате успешной армяно-византийской реконкисты в Малой Азии бóльшая часть армянских царств и княжеств растворилась в византийских военно-административных округах, армяно-халкидонитская знать заняла ведущие посты в восточных провинциях. Византийские императоры вводят армянских владетелей в систему «духовных» и «семейных» связей («сыновья» и «друзья» византийского императора), и эти термины вассального подчинения становятся топосом армянской средневековой историографии. Сущность византийской политической идеологии заключается в том, что правильность приоритетов предполагает упорядоченность социального устройства. Τάξις (‘порядок’) – ключевое и наиболее устойчивое понятие в византийской системе ценностей – было, в определенной степени, воспринято армянской общественной мыслью в период становления контактной зоны и нашло отражение во взглядах армянских историографов на роль византийской администрации в армяно-византийских лимитрофах и в осуждении мятежей против императоров.

Становление армяно-византийской синтезной контактной зоны – длительный и многоэтапный исторический процесс (VI–VII, IX–X, X–XI вв.) со своими механизмами воспроизводства, сохраняющими и углубляющими содержание и значение этой модели межцивилизационного диалога.

О.В. Ауров

ПРОРОК ИСЛАМА В ЗЕРКАЛЕ КАСТИЛЬСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ХРОНИКИ: К ПРОБЛЕМЕ ИСТОЧНИКОВ

В тексте «Изначальной версии» пространной хроники «История Испании», составленной в пиренейском королевстве Кастилия и Леон в последней трети XIII в. под руководством короля Альфонсо X Мудрого (1252–1284) на разговорном (старокастильском) языке (Ауров 2019. С. 31–94), довольно неожиданным, на первый взгляд, оказывается пространное описание биографии пророка Мухаммада (570–632) (EE. 466–467, 469, 471, 472, 475, 478, 483, 489, 493–494). Доклад посвящен характеристике источников жизнеописания Пророка ислама, состав которых во многом предопределил и особенности его содержания. В отечественной историографии эта проблематика затрагивалась лишь частично (Марей 2019. С. 311–324; Лучицкая 2017). Говоря же о зарубежной литературе проблемы, следует особенно отметить тот факт, что перечень источников «Истории Испании», составленный в 1930-х годах под руководством А. Гарсия де Солалинде, в части, посвященной жизнеописанию Мухаммада (García de Solalinde 1955. P. CXXIV–CXXVII), к настоящему времени явно устарел и нуждается в существенной корректировке.

При описании биографии Пророка ислама для Альфонсо X и его анонимных соавторов основным источником стало латинское сочинение «История арабов» (Rod. Hist. Arab.), первое произведение этого жанра, созданное западным писателем. Его автором являлся архиепископ Родриго Толедский (ок. 1170–1247), выдающийся церковный и политический деятель, среди прочего ставший инициатором первого латинского перевода Корана, осуществленного в 1209–1210 гг. Маркосом (ум. ок. 1216), каноником толедского собора (Alcoranus).

Время создания «Истории арабов» – между 1243 и 1247 гг. Вопрос об источниках памятника до сих пор далек от окончательного решения (Fernández Valverde 1999. P. 28–33), однако некоторые аспекты проблемы к настоящему времени не вызывают сомнений. В первую очередь, Родриго Толедский пользо-

вался ранними латинскими жизнеописаниями Мухаммада, возникшими непосредственно в Испании и вобравшими в себя дух зарождавшегося ожесточенного религиозного противостояния. Речь идет о соответствующих фрагментах так называемой «Хроники 754 года» (она же – «Мосарабская хроника», Chron. Muzarab.) и «Альбельдской хроники» (Chron. Albeld.), созданной в рамках мосарабского цикла конца IX в. (наряду с «Хроникой Альфонсо III», сохранившейся в двух версиях, и «Пророческой хроникой»). Кроме того, Родриго Толедский использовал также литературу, связанную с так называемым «движением добровольных мучеников» в Кордове середины IX в., апологетические сочинения идеологов движения, в первую очередь – пресвитера Евлогия (ум. 859) и мирянина, крещенного иудея Павла Альвара (ум. 861) (Ауров 2017. С. 255–258, 261–263).

Помимо упоминавшегося выше латинского Корана (Alcoranus; ср.: Кор.), Родриго Толедский, и сам знавший арабский язык, использовал и оригинальные арабские тексты. В первую очередь, речь идет о «Жизнеописании Посланника Аллаха» (араб. «Сира расулу-Ллах», краткое наименование – Сира), наиболее распространенной и авторитетной арабской биографии Мухаммада, составленной Ибн Исхаком (Абу Бакра Мухаммада ибн Исхак) (ум. 767) и завершенной Ибн Хишамом (Абу Мухаммад Абд аль-Малик ибн Хишам аль-Химьяри) (ум. 828 или 833/34) (Куделин 2005). Именно этот текст стал основным источником для описания биографии Мухаммада в «Истории арабов». В настоящем докладе использованы полный английский (*Sīra*) и частичный русский (Сира) переводы памятника.

Еще одной частью исламского Предания, к которой обращался Родриго Толедский, стали хадисы о «ночном путешествии и вознесении» (араб. аль-Исра́ ва-аль-Мира́дж) Пророка ислама, чудесным образом перенесенного в Иерусалим и вознесенного на небеса в конце мекканского периода его жизни. Это важное для мусульман событие активно рассматривается в экзегетической литературе (*тафсиры*). В частности, хорошо известно о распространении в мусульманской Испании «Тафсир аль-Джазин». Две версии фрагментов этого текста, посвященных Исре и Мираджу, были опубликованы с параллельным переводом на испанский арабистом М. Асин Паласиосом. Их содержа-

ние близко к тому, которое знал Родриго Толедский (Asín Palacios. Apénd. P. 430–431, 434–437).

Гораздо в меньшей степени Альфонсо X и его анонимные соавторы пользовались своим вторым источником – «Всемирной хроникой» Луки Туйского (ум. 1249). Вопреки своему названию, это сочинение сконцентрировано почти исключительно на испанских событиях. Третья часть хроники (Luc. Tud. Chron. III.4–6) также содержит отдельные сведения о биографии Пророка ислама, однако она излагается в совершенно ином ключе. Автор хроники, занимавший должности каноника коллегиальной церкви св. Исидора в Леоне (1221–1239) и епископа г. Туй в Галисии (1239–1249), посетил христианский Восток (по его собственным словам, он бывал в Иерусалиме, в Армении, в Киликии, Греции и Константинополе, а также на Кипре) (Falque 2003. P. VIII) и обладал довольно обширными знаниями, что отразилось и в его сочинении. Вместе с тем Лука имел склонность к креативности специфического характера: он выдумывал не только трактовки, но и (при необходимости) даже факты, если этого требовали политические, идеологические и иные соображения (Ibid. P. XLIX). Именно поэтому фрагменты жизнеописания Мухаммада в «Истории Испании», основанные на свидетельствах Луки Туйского, выглядят наиболее пристрастными и наименее достоверными.

Наконец, третьим источником при создании жизнеописания Пророка ислама стала «Всемирная хроника» Сигиберта (ум. 1112), монаха бенедиктинского аббатства Жамблу, одно из многочисленных продолжений «Хроники Евсевия–Иеронима»; она охватывает период 381–1111 гг. (Sig. Chron.). Не имевшие доступа к более точным сводам фактов истории Запада и Востока (включая хронологию важнейших событий), создатели «Истории Испании» были вынуждены пользоваться этим – далеко не всегда надежным – источником, что сказалось и на части текста, посвященной Пророку ислама.

В докладе будет представлен детальный анализ целей и способа использования описанного круга источников. Его результатом стал сложный и многомерный образ пророка Мухаммада, представленный в негативном ключе, но вызывавший живой и непосредственный интерес у средневековых читателей.

Литература

Ауров О.В. Альфонсо X Мудрый, его эпоха и его «История Испании» // *Альфонсо X и сотрудники.* История Испании. СПб., 2019. Т. 1. С. 31–94.

Ауров О.В. Власть, Церковь и текст в Испании до 1000 года // Теология и политика. Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (V – начало VIII века). Исследования и переводы. М., 2017. С. 183–266.

Коран / Перевод смыслов Э.Р. Кулиева. М., 2007.

Куделин А.Б. «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака-Ибн Хишама как памятник средневековой арабской литературы // Письменные памятники Востока. 2005. № 2 (3). С. 223–234.

Лучицкая С.И. Мухаммад: Восприятие М. в средневековой христианской традиции: В западной традиции // ПЭ. 2017. Т. 48. С. 60–66.

Марей Е.С. «Ересиарх» и «Лжепророк»: образ Мухаммада в «Истории Испании» // *Альфонсо X и сотрудники.* История Испании. СПб., 2019. Т. 1. С. 311–324.

Ибн Хишам. Жизнеописание пророка Мухаммада, рассказанное со слов аль-Баккаи, со слов Ибн Исхака аль-Мутталиба (первая половина VIII века) / Пер. Н.А. Гайнуллина. М., 2007.

Alcoranus Latinus quem transtulit Marcus canonicus Toletanus / Est. y ed. crítica por N. Petrus Pons. Madrid, 2016.

Apéndice Primero. Testos de la leyenda de la ascensión de Mahoma // *Asín Palacios M*. La escatología musulmana de la Divina Comedia. Madrid; Granada, 1943. P. 423–443.

Chronica Albeldensia / Ed. por J. Gil Fernández, J.L. Moralejo, J.L. Ruiz de la Peña. Oviedo, 1985. P. 151–188.

Chronica Muzarabica // Corpus scriptorium muzarabicorum / Ed. I. Gil. Madrid, 1973. T. 1. P. 15–54.

Falque E. Introducción // Lucae Tudensis Chronicon mundi / Cura et studio E. Falque. Turnhout, 2003. P. VIII.

Fernández Valverde J. Introducción // Roderici Ximenii de Rada Opera omnia. Pars III: Historiae minores. Dialogus libri vite / Cura et studio J. Fernández Valverde, J.A. Estévez Sola. Turnhout, 1999.

García de Solalinde A., Muñoz Cortés M., Gómez Pérez J. Fuentes de cada capítulo en particular // Primera Crónica General de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuaba bajo Sancho IV en 1289. Madrid, 1955. Vol. 1. P. LXXIII–CCVIII.

Liber epistolarum Albari // Corpus scriptorum muzarabicorum / Ed. I. Gil. Madrid, 1973. Vol. 1. P. 144–270.

The Life of Muhammad / A Transl. of Isḥāq's Sīrat Rasül Allāh; With Introduction and Notes by A. Guillaume. Oxford, 2004.

Lucae Tudensis Chronicon mundi / Cura et studio E. Falque. Turnhout, 2003. (Corpus Christianorum, Continuatio Mediaevalis; 74).

Roderici Ximenii de Rada Historia Historia Arabum // Roderici Ximenii de Rada Opera omnia. Pars. III. Turnholti, 1993. P. 87.
Sancti Eulogii Liber Apologeticus martyrum // Corpus scriptorum muzarabicorum / Ed. I. Gil. Madrid, 1973. Vol. 2. P. 475–495.
Sigeberti Gemblacensis Chronographia / Ed. L.C. Bethmann. Hannoverae, 1844. (MGH. Scriptores in folio; 6).

О.Б. Бубенок

БРАК ЯРОПОЛКА И ЕЛЕНЫ ЯСКИ (К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРИДОНЕЦКИХ ЯСОВ)

Среди этнических меньшинств, сыгравших заметную роль в истории Южной и Северо-Восточной Руси, следует отметить ясов, в которых исследователи традиционно видят потомков аланов Восточной Европы и Северного Кавказа. Ясы как соседний с Русью народ упоминаются в тех разделах летописей, где речь идет о походе Ярополка, сына Владимира Мономаха, в 1116 г. против половцев на «Дон», в результате которого были захвачены подчиненные половцам городские центры Балин (Галин), Чешуев (Шарукань), Сугров. Тогда же Ярополк, «Ясы поимав с собою приведе, и жену полони себе Ясыню». В летописях также сказано, что пленница Ярополка была «красна вельми» и являлась «ясского князя дщерь» (ПСРЛ. Т. 7. С. 24; Т. 2. С. 7, 8, 291). В Ипатьевской летописи уточняется, что Ярополк взял не только три «града», но и «сел много» (ПСРЛ. Т. 2. С. 291).

С данным сообщением перекликается другое, где повествуется о походе Владимира Мономаха против половцев на «Дон» в 1111 г., в результате которого половецкая крепость Шарукань была захвачена без боя, другой город, Сугров, был сожжен, а половцы потерпели окончательное поражение на р. Сальнице. Наиболее подробные сведения об этом походе содержатся в Ипатьевской и Воскресенской летописях. Однако между ними имеются различия относительно даты прибытия войска Владимира Мономаха на «Дон» (ПСРЛ. Т. 2. С. 2; Т. 7. С. 22), что создает определенные трудности в локализации поселений. Уже доказано, что здесь речь идет не о современном

Доне, а о Северском Донце. Впервые к такому выводу пришел еще в XVIII в. В.Н. Татищев (1963. С. 259). Исследователи предлагали различную локализацию этих центров: Донецкое городище (В.А. Городцов, В.В. Мавродин), р-н Змиёва (С.А. Плетнёва, О. Прицак), среднее течение Северского Донца (К.В. Кудряшов, М.В. Сибилёв). Как видим, вопрос до сих пор не решен.

События 1116 г. явились переломными для придонецких ясов, ибо тогда Ярополк привел их с собой на Русь (ПСРЛ. Т. 7. С. 24; Т. 2. С. 7, 8, 291). Ярополк в то время был князем Переяславской земли. По мнению Н.И. Костомарова и В.Г. Ляскоронского, эти ясы были поселены Ярополком в его владениях (Костомаров 1872. С. 186; Ляскоронский 1897. С. 322). Об этом могут свидетельствовать названия населенных пунктов на территории Полтавской губ.: *Ясиновой* (*Ясиновщина*), *Ясиново*, *Ясиновка* (Полтавская губерния 1862. С. 19, 31, 197).

В 1132 г. умер Мстислав I и киевским князем стал Ярополк Владимирович. Однако княжил он недолго. Ярополк умер в 1139 г. Летопись сообщает, что его женой стала плененная дочь ясского князя (ПСРЛ. Т. 2. С. 8). Именно она упоминается в Киеве под 1145 г. как Елена Яска (Там же. С. 21). Однако она не была единственной представительницей ясов на Руси. Ясы долгое время находились и при владимиро-суздальском дворе преемников Мономаха. Так, в 1175 г. был убит Андрей Боголюбский. Среди убийц был и Анбал (Амбал) Ясин (Там же. С. 114). Сын киевского князя Святослава Всеволодича Мстислав и суздальский князь Всеволод Юрьевич в 1182 г. женились на двух сестрах, ясках по происхождению (Там же. С. 125), жену Всеволода звали Мария (ПСРЛ. Т. 7. С. 112).

Вполне возможно, что после того, как Ярополк в 1132 г. стал киевским князем, он переселил из Переяславля свою жену и ее родственников в Киев, где они заняли высокое социальное положение. Следует помнить, что суздальские князья являлись потомками Мономаха. После смерти Владимира Мономаха в 1125 г. земли Суздальского княжества перешли к его сыну Юрию Долгорукому, который правил и в Киеве в 1149–1151 и 1155–1157 гг. Возможно, что тогда Юрий и мог переселить ясов из Киева на земли Суздальского княжества. Поэтому есть

основания видеть в ясах, упоминаемых летописями в 1174 и 1182 гг., потомков тех аланов, которых Ярополк в 1116 г. переселил с «Дона».

В начале XX в. было доказано, что в Верхнем Салтове на Северском Донце в хазарское время обитали выходцы из северокавказской Алании. Поэтому придонецких ясов XII в. стали связывать с их потомками (Спицын 1909). Однако в хазарское время аланы северокавказского происхождения проживали в верховьях Северского Донца, а не южнее г. Харькова, где тогда находились носители степного (зливкинского) варианта салтовской культуры, связываемого с болгарами. Предлагалось объяснить это тем, что в среде зливкинского населения продолжали сохраняться родовые группы сарматского происхождения, которые не ушли из субрегиона в послехазарский период (Бубенок 1997. С. 45–54). Но есть и альтернативное объяснение происхождения придонецких ясов.

Так, еще П.Г. Бутков в начале XIX в. высказал предположение, что упомянутые на Руси ясы могли быть связаны своим прохождением с Северным Кавказом (Бутков 1825. С. 317–329). Такого же мнения придерживался и А.П. Новосельцев (1968. С. 216–217). Действительно, археологические исследования зафиксировали факт миграций населения из северокавказской Алании на земли Восточной Европы в предмонгольский период. Так, можно отметить могильник Бабий Бугор в Болгарах на Средней Волге, который функционировал в XII–XIV вв. Он представлял собой христианское кладбище, где умерших хоронили в грунтовых ямах, в ряде случаев с каменной обкладкой (Халикова 1978. С. 205–207). Краниологические серии из Бабьего Бугра обнаруживают сходство с серией из Верхнего Салтова, а также с черепами понтийского типа из курганных могильников Северо-Западного Кавказа (Трофимова 1956. С. 97–98). Именно на Северо-Западном Кавказе в то время получили распространение долихокранные серии, аналогичные верхне-салтовским (Алексеев 1993. С. 279–284). По данным В.А. Кузнецова, на западе и востоке Кавказской Алании в первые века II тыс. на смену погребениям в скальных и земляных катакомбах пришли христианские захоронения в каменных ящиках (Кузнецов 1973. С. 69–70). Все это позволило Е.А. Халиковой счи-

тать, что могильник Бабий Бугор был оставлен переселившимися в XII в. с Северного Кавказа аланами (Халикова 1978. С. 210).

Такие могильники предмонгольского времени были зафиксированы также в Нижнем Поднепровье: на о. Кизлевом, возле сел Ясиноватое, Лоц-Каменка, Первое Мая и др. Здесь были отмечены долихокраны, как на Северном Кавказе (Козловський 1992. С. 22, 27, 29, 154). Есть основания считать, что после 965 г. в древнерусскую крепость Белая Вежа (Саркел) также переселялось население с территории северокавказской Алании. Об этом могут свидетельствовать результаты исследований христианских некрополей Белой Вежи древнерусского периода. Там долихокранные черепа средиземноморского типа были обнаружены на кладбищах возле оборонительных стен в насыпях 19/1, 24/6, 24/1, а также на могильнике возле юго-западной стены крепости (Гинзбург 1963. С. 275–277). На могильнике у юго-западной стены Белой Вежи были отмечены в восьми могилах кирпичные обкладки (Артамонова 1963. С. 37). По-видимому, здесь кирпич использовался вместо камня из-за дефицита последнего.

В начале XIII в. епископ Феодор сообщал об аланах: «племя это рассеяно и простирается от Кавказских гор до Иверийан, древний предел их родины; они возлюбили посылать некие многолюдные выселки, так что наполнили почти всю Скифию и Сарматию» (Кулаковский 1998. С. 17, 26). Анализ текста его «Аланского послания» позволяет считать, что Феодор в понятие «Скифия» вкладывал как степные пространства Северного Причерноморья, так и степи Северного Кавказа, где «Сарматия» – это пространство на восток от «Скифии». В результате возникает вопрос: с чем было связано появление переселенцев из северокавказской Алании на землях Восточной Европы и Средней Азии? В связи с этим отметим сообщение Плано Карпини об аланах-христианах в городе Орнас (Ургенч), которые занимались торговлей (Карпини 1957. С. 46). Получается, что мы имеем дело с торговыми миграциями аланов с Северного Кавказа.

В случае с придонецкими ясами можно допустить подобный вариант. Поэтому не исключено, что поселения и могильники северокавказских аланов предмонгольского периода вдоль течения Северского Донца зачастую могли восприниматься археологами как древнерусские.

Литература

Алексеев В.П. Результаты исследований палеоантропологического материала из могильника у северного Зеленчукского храма // *Кузнецов В.А*. Нижний Архыз в X–XIII веках. Ставрополь, 1993. С. 279–284.

Артамонова О.П. Могильник Саркела–Белой Вежи // МИА. 1963. № 109. С. 9–123.

Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.). Киев, 1997.

Бутков П. О браках князей Русских с Грузинками и Ясынями в XII веке // Северный архив. 1825. № 4. С. 317–329.

Гинзбург В.В. Антропологический состав населения Саркела–Белой Вежи // МИА. 1963. № 109. С. 260–281.

Карпини П. История монгалов // *Джованни дель Плано Карпини*. История монгалов. *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. М.; Л., 1957. С. 1–65.

Козловський А.О. Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX–XIV ст. Киев, 1992.

Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1872. Т. 1.

Кузнецов В.А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V–XIII вв. // СА. 1973. № 2. С. 60–74.

Кулаковский Ю.А. Епископа Феодора "Аланское послание" // ЗООИД. Одесса, 1898. Т. 21. С. 11–27.

Ляскоронский В.Г. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1897.

Новосельцев А.П. Русь и государства Кавказа // *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 216–217.

Полтавская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1862.

Спицын А.А. Историко-археологические разыскания. Исконные обитатели Дона и Донца // ЖМНП. Новая серия. 1909. Ч. 19. С. 60–80.

Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1963. Т. 2.

Трофимова Т.А. Антропологический состав населения г. Болгара в X–XV вв. // Антропологический сборник. М., 1956. Вып. 1. (ТИЭ. Новая серия; Т. 33). С. 43–54.

Халикова Е.А. О могильнике «Бабий Бугор» в Болгарах // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 111–155.

Е.В. Булычева

УЧАСТИЕ АФИНСКИХ ТЕХНИТОВ ДИОНИСА В УСТАНОВЛЕНИИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ В IV–II вв. до н.э.

В IV в. до н.э. в Афинах появляется понятие «техниты Диониса» (Булычева 2013. С. 115). Большинство исследователей, опираясь на отдельные сведения античных авторов и эпиграфический материал, полагает, что техниты представляли собой объединение граждан творческих профессий (Фролов, Никитюк, Петров, Шарнина 2002. С. 220). Существует также мнение, что первоначально выражение «технит Диониса» являлось синонимом слова «актер», но со временем уступило место другому обозначению «художник бога» (Schachter 2016. P. 344–361). Безусловно, ученым сложно составить единое мнение о значении выражения «техниты Диониса», поскольку до нашего времени сохранилось мало источников, позволяющих судить о том, какой смысл вкладывали сами древнегреческие граждане в это понятие. Можно предположить, что существовало разное восприятие этого понятия. Судя по словам Аристотеля, первоначально оно имело даже какой-то негативный, насмешливый смысл (Aristotel. Rhet. III. 2. 1405). Однако со временем оно стало означать особое мастерство профессиональных деятелей искусств (Dem. XIX. 192). В период эллинизма существует немало союзов технитов по всей территории Эллады. Появляются техниты Диониса в Ионии, Истме и Немее (Скржинская 2010. С. 192). В научной литературе существуют исследования, посвященные Ионийскому, Немейскому и Истмийскому союзам технитов Диониса (Фролов, Никитюк, Петров, Шарнина 2002. С. 260–275; Pickard-Cambridge 1969. P. 312–320). Очень мало работ о деятельности технитов Диониса в Афинах, что во многом связано с небольшим количеством источников по этому вопросу (Pickard-Cambridge 1969. P. 307–320). В то же время данные эпиграфики показывают, что техниты Диониса, начиная с IV в. до н.э., принимали весьма активное участие в общественной жизни полиса (Булычева 2018. С. 55–64).

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы на основании имеющихся в нашем распоряжении источников постараться обратить внимание на один из аспектов деятельности афинских технитов Диониса – их участие в установлении межкультурных контактов с другими территориями в IV–II вв. до н.э. Хронологические рамки обусловлены наличием эпиграфического материала, содержащего информацию по данному вопросу. До нашего времени сохранилось несколько надписей, в которых есть сведения о межкультурных контактах технитов Диониса в IV–II вв. до н.э. Тексты опубликованы в сборниках эпиграфических документов: «Sylloge inscriptionum graecarum» (Syll^{3}), а также в «Recueil d'inscriptions Grecques» (Michel).

К сожалению, большинство надписей фрагментарны, что не позволяет подробно изучить участие афинских технитов Диониса в межкультурных контактах, но, судя по сведениям эпиграфики, представители этого сообщества старались постоянно взаимодействовать с другими территориями, знакомить их с культурными достижениями Афин. В конце IV – начале III в. до н.э. техниты Диониса из Афин становятся постоянными участниками торжественных празднеств и церемоний, которые проводятся на территории других греческих полисов. Сохранилась надпись 284 г. до н.э. (Michel. 902.1.20–30), где говорится о том, что на Аполлониях, проводившихся на Делосе, выступали комические актеры Телест и Диодор, представлявшие союз афинских технитов Диониса (Michel. 902.1.20–30). Аполлонии на Делосе являлись значимым праздником. Геродот в «Истории» упоминает о том, что на это празднество съезжались граждане из разных областей греческого мира (I. 146). К сожалению, нам не известны подробности его проведения, но мы знаем, что на Аполлониях проводились различные мусические агоны, во время которых граждане участвовали в творческих состязаниях, демонстрируя свой талант и представляя духовные достижения родного полиса (Farnoux 1991. P. 722). При этом известно, что некоторые из участников этого мероприятия удостаивались особых прав. До нашего времени сохранилась часть декрета афинских технитов Диониса в честь музыканта и поэта Амфикла, технита Диониса из Афин, который был почитаем за то, что написал гимн для торжественного шествия на Аполлониях, а так-

же обучал детей «петь с лирой достойно богов и афинского демоса» (Syll^3. 389.1.15). По-видимому, Амфикл был удостоен особого права написать гимн для праздника, а также подготовил хор детей, который выступил в мусическом агоне во время проведения делосских Аполлоний. Право подготовить гимн для торжественной церемонии на Делосе граждане получали от делосской амфиктионии, что было весьма почетно и престижно как для самого гражданина, так и его родного полиса (Зайцев 2001. С. 110–111). Таким образом, деятельность Амфикла, судя по всему, была направлена на развитие межкультурных контактов Делоса и Афин, что вызывало одобрение среди технитов Диониса. Можно предположить, что межкультурному обмену также способствовала деятельность технитов Диониса из Афин, которые являлись участниками праздника Муз в Феспиях. Это было масштабное мероприятие, привлекавшее внимание греков из разных областей Эллады, а также чужеземцев. Участие в организации и проведении этого празднества было почетно и давало возможность познакомить зрителей с культурными достижениями своего полиса (Schachter 2016. P. 345–346). Следует особо отметить, что в тексте надписей, сохранившихся до нашего времени, немного конкретных указаний на то, что речь идет именно о технитах Диониса из Афин (Syll^3. 704). В некоторых случаях есть упоминание о том, что участник мероприятия – артист из Афин, что не дает полного права говорить о принадлежности гражданина именно к технитам (Syll^3. 389. 457). Тем не менее даже фрагментарные сведения эпиграфики позволяют представить, какими были межкультурные контакты афинских технитов Диониса с Феспиями. В надписи середины III в. до н.э. говорится о том, что за выступления на праздничных агонах в Феспиях были награждены афинские флейтисты, поэты и певцы, представлявшие технитов Диониса (Michel. 891). Как свидетельствуют данные эпиграфики, в это время отношения между Афинами и Феспиями были дружескими, в частности сохранился декрет из Афин о признании агона Муз равным Пифийскому, что было очень важно (Фролов, Никитюк, Петров, Шарнина 2002. С. 274). Возможно, техниты Диониса в Афинах также способствовали установлению этих межкультурных контактов. К середине II в. до н.э. относится обширная надпись из Дельф, по-

священная прославлению афинских технитов Диониса, которые принимали участие в организации различных драматических конкурсов и постановке театральных пьес на территории дельфийской амфиктионии (Syll^3. 704). Межкультурный обмен с Дельфами был важным событием в духовной жизни греческих полисов и, по-видимому, немало способствовал усилению авторитета и популярности афинских технитов Диониса. К сожалению, в нашем распоряжении мало информации о духовных контактах афинских технитов с чужеземными народами. Тем не менее отдельные сведения позволяют делать некоторые предположения о культурных контактах афинских технитов Диониса. В частности, до нашего времени сохранилась большая надпись афинских технитов, датированная примерно серединой II в. до н.э., в честь царя Каппадокии Ариарата V (IG. II^2. 1330.1.10). В ней сказано о том, что царь обещал позаботиться о технитах Диониса в Афинах и прислать им дары от своего имени (IG. II^2. 1330.1.10). Благодарные техниты в ответ приняли решение о совершении жертвоприношений в честь царя и царицы, об устройстве мусических состязаний, а также представления в честь каппадокийского правителя комедии и трагедии (IG. II^2. 1330. 1. 43–46). Судя по тексту надписи (IG. II^2. 1330.1.43–46), на эти мероприятия техниты приглашали царя в Афины, но также можно предположить, что они выезжали с гастролями в Капподокиию, способствуя знакомству чужеземных народов с достижениями греческой культуры. Известно, что эллинистические правители проявляли большой интерес к духовной жизни греков, старались постоянно взаимодействовать с представителями греческой интеллигенции (Фролов, Никитюк, Петров, Шарнина 2002. С. 274). Судя по надписям из Ионии, Истма и Немеи, техниты Диониса использовали этот интерес монархов к греческой культуре для развития дипломатических и культурных отношений с чужеземцами (Там же. С. 274–275). Таким образом, несмотря на небольшое количество эпиграфического материала, имеющегося в нашем распоряжении, можно сделать вывод о том, что техниты Диониса из Афин старались участвовать в межкультурных контактах в самой Элладе и за ее пределами, способствуя распространению духовных достижений родного полиса.

Литература

Булычева Е.В. Техниты Диониса – представители интеллигенции в Древней Греции // Вестн. Литературного ин-та им. А.М. Горького. 2013. № 2. С. 115–118.

Булычева Е.В. Дипломатическая деятельность технитов Диониса в Афинах (II–I вв. до н.э.) // Метаморфозы истории. 2018. Вып. 11. С. 55–64.

Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции. СПб., 2001.

Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб., 2010.

Фролов Э.Д., Никитюк Е.В., Петров А.В., Шарнина А.Б. Альтернативные социальные сообщества в античном мире. СПб., 2002.

Farnoux D. Delos // Bulletin de Correspondance Hellenique. 1991. Vol. 115. P. 720–726.

Pickard-Cambridge A. The Dramatic Festivals of Athens. Oxford, 1969.

Schachter A. Boiotia in Antiquity. Cambridge, 2016.

А.Б. Ванькова

ИНОЯЗЫЧНЫЕ МОНАХИ В «ГРЕКОЯЗЫЧНЫХ» МОНАСТЫРЯХ СИРИИ И ПАЛЕСТИНЫ

В Сирии и Палестине в V–VII вв. существовало множество монастырей, значительную часть которых можно назвать греческими. Говоря о греческих монастырях, мы имеем в виду те общины, где большинство монахов принадлежало к эллинистической культуре и чей родной язык был греческим или, по крайней мере, большинство монахов пользовались греческим как вторым языком.

Однако помимо большинства «грекоязычных» монахов существовало меньшинство. В данной статье речь пойдет только о тех монахах, которые не принадлежали к эллинистической культуре, не знали греческого языка или же владели им, в лучшем случае, на уровне повседневного общения. Можно ли говорить о каком-либо влиянии этого негрекоязычного меньшинства на повседневную жизнь «греческих» монастырей?

Сирия и Палестина представляют собой два региона, где монашество имело целый ряд особенностей. Так, Палестина, Святая Земля, привлекала паломников не только со всей империи,

но и из-за ее границ, многие из которых, поклонившись Святым местам, решали остаться здесь и стать монахами. Таким образом, большинство монахов в палестинских монастырях не были уроженцами этой страны. Так, в «Луге Духовном» Иоанна Мосха (начало VII в.) есть рассказ об авве Зосиме, уроженце Киликии в Малой Азии (Johannes Moschus. Cap. 123. Col. 2985). Евфимий Великий (377–473) был родом из Милитены (Малая Азия), его первые ученики, три родных брата Косьма, Хрисипп и Гавриил, были уроженцами Киликии, хотя и выросли в Сирии (Kyrillos von Skythopolis 1939a. S. 25). Савва Освященный (439–532) родился в Каппадокии в Малой Азии (Kyrillos von Skythopolis 1939b. S. 86).

В наших источниках нет данных о каких-либо языковых проблемах или мерах, предпринимавшихся главами монастырей для решения языковых проблем внутри монастыря. Отсюда можно сделать вывод, что такой проблемы не было ни в повседневной жизни, ни в богослужении, что в общем-то понятно, учитывая, что большинство монахов, хотя и были в Палестине чужестранцами, прибывали туда, как правило, из грекоязычных областей империи – Малой Азии и Балкан, в меньшей степени это справедливо по отношению к Сирии. Стандартная картина в источниках: есть основной язык богослужения и повседневной жизни монастыря, греческий, которым пользуются монахи, вне зависимости от места своего происхождения. Среди них было немало тех, кто знал несколько языков. Так, в Житии Евфимия подчеркивается, что ученик Евфимия Гавриил «мог правильно говорить и писать по-римски (т.е. по-латыни. – *А.В.*), по-гречески и по-сирийски».

Следует осветить вопрос о так называемом сирийском языке, о котором неоднократно идет речь в источниках. Сидней Гриффит в своей статье (Griffith 1997) предложил различать два родственных языка, оба именуемых в источниках «сирийскими»: собственно сирийский и так называемый христианский палестинский арамейский (или палестинский сирийский, как его называют некоторые другие ученые).

Для сравнения с данными о жизни монашеских общин в Палестине можно предложить параллель из церковной жизни вне

их стен. В нашем распоряжении есть отчет паломницы Эгерии (конец IV в.):

> И так как в этой местности часть народа знает по-гречески и по-сирийски, часть только по-гречески, другая только по-сирийски, то епископ, хотя бы и знал по-сирийски, говорит, однако, всегда по-гречески, и никогда не говорит по-сирийски. И потому всегда стоит пресвитер, который… переводит по-сирийски, чтобы понимали всё, что толкуется... И чтобы не смущались латиняне, которые здесь находятся, и которые не знают ни по-гречески, ни по-сирийски, …братья и сестры, знающие по-гречески и по-латыни, толкуют им по-латыни (Die Pilgerreise der Aetheria 1958. 47. 3–4. S. 254, 256).

Как мы видим, и внутри церкви, и внутри монастыря знание или незнание местного языка или греческого не представляло, на первый взгляд, никаких проблем. Однако иногда жизнь преподносила удивительные коллизии, в которых отсутствие у монаха языковых навыков являлось проблемой. Например, в Житии Евфимия Великого есть интересный рассказ о монахе Авксентии (Kyrillos von Skythopolis 1939a. P. 28–29), которому эконом монастыря предложил стать погонщиком монастырских мулов. Авксентий отказался. Когда игумен спросил Авксентия, почему он не хочет принять это послушание, он назвал три причины, первой из которых было незнакомство с окружающей страной (он был выходцем из провинции Азия) и незнание местного языка. Таким образом, складывается картина того, как грекоязычные монахи, чувствуя себя очень комфортно в монашеском кругу, где основным языком был греческий, могли столкнуться с некоторыми трудностями вне монастырских стен.

Очень интересное, но не уникальное решение было принято в Великой Лавре ее основателем Саввой Освященным:

> В то время в Лавру был принят некий богоносный муж… армянин по происхождению, по имени Иеремия, вместе с двумя своими учениками… Отец наш Савва обрадовался этим монахам, так как они были богобоязненными и дал им пещеру и небольшую келлию… Он предоставил в их распоряжение маленькую молельню для совершения псалмопения на армянском языке по субботам и воскресеньям. И таким образом число армян в Лавре постепенно увеличивалось (Kyrillos von Skythopolis 1939b. P. 105).

В этом фрагменте интересны два обстоятельства. Прежде всего, Савва предоставил армянам возможность совершать службу на родном языке, хотя их было всего трое. Это означает, что разрешение на богослужение на армянском языке никак не связано с численностью армян в монастыре. Здесь прослеживается обратная зависимость – армян в монастыре стало много потому, что там было введено богослужение на армянском языке. Во-вторых, из этого отрывка не следует, что эти армяне хоть в какой-то степени, но говорили по-гречески. Аргумент, который я хотела бы привести, безусловно, является всего лишь косвенным доказательством. В источниках, описывающих египетское монашество, например в Лавсаике, «Historia monachorum», Апофтегмах, нередко упоминается о языковых проблемах и присутствии переводчиков при разговорах монахов и пришедших к ним посетителей. Однако при чтении отрывка из Жития св. Саввы складывается впечатление, что армянам и Савве переводчик был не нужен.

Армянская часть монашеской общины упоминается в Житии Саввы еще раз. Когда был построен новый храм, Савва предоставил в распоряжение армян старую церковь, потому что их прежнее святилище не было достаточно большим, чтобы вместить их. В этой церкви они совершали всю службу на армянском языке, но в момент божественной проскомидии и последующего причащения соединялись с грекоговорящими отцами в новой церкви (Kyrillos von Skythopolis 1939b. P. 117). Однако некоторые из армян попытались петь Трисвятое с добавлением монофизитской формулы «…распныйся за нас», Савва возмутился и велел им петь его по-гречески. Отсюда ясно, что армяне Великой Лавры, по крайней мере некоторые из них, могли знать греческий язык в достаточной степени, чтобы понимать божественное служение.

В монастыре св. Феодосия (423–529) богослужение совершалось на греческом, армянском и языке бессов (Der heilige Theodosios 1890. S. 45). В то время бессы были довольно многочисленной этнической группой в Палестине, хотя их происхождение неизвестно. А. Фестюжьер (Festugière 1962. P. 124) и Г. Узенер (Der heilige Theodosios 1890. S. 150, примеч. к S. 45) предполагали, что бессы были потомками фракийского племе-

ни, служившего в римской армии, а затем осевшего в Палестине. По другому мнению, бессы были иберами (Milik 1961. P. 127, n. 1). Как бы то ни было, они составляли немалую часть не только населения Палестины, но и монахов, и у них даже были свои монастыри, например так называемый Сувивский монастырь бессов близ Иордана. Кстати, это был еще один вариант: учредить моноэтнический монастырь в иноязычной монашеской среде. В источнике ничего не говорится, велось ли богослужение в монастыре св. Феодосия, в отличие от монастыря св. Саввы, от начала до конца раздельно или же три языковые группы монахов объединялись в самый торжественный момент службы.

Таким образом, представляется очевидным, что разрешение армянам и бессам вести богослужение на родном языке определялось не языковыми, а иными соображениями. Сидней Гриффит считает, что выделение отдельного богослужения для армян и бессов было вызвано именно тем, что они, в отличие от сирийцев, бывших в массе своей билингвами, не знали греческого (Griffith 1997. P. 16). Но, как мы могли видеть, по крайней мере армяне – монахи Великой Лавры, имели некоторое знание греческого языка, да и бессы, жители Палестины, где греческий язык был языком повседневного общения, могли в какой-то степени его понимать. Были в монастырях и египтяне-копты, и арабы, и сирийцы, однако источники не сообщают об отдельном богослужении для них.

«История боголюбцев» Феодорита Кирского (середина V в.) дает еще один вариант сосуществования двух разных в языковом плане групп. В сирийских монастырях было гораздо больше местных монахов, чем в палестинских. Рассказ об авве Публии сообщает, что он родился в г. Зевгме на Евфрате и жил отшельником близ родного города (Théodoret de Cyr 1977. V. 5. P. 328–345). Постепенно к известному отшельнику стала прибывать братия, и так был основан монастырь, где монахи, «говоря на одном языке, подвизались, упражнялись и славили Бога по-гречески» (Ibid. P. 334). Затем к Публию пришли местные жители, которые тоже захотели стать монахами. Феодорит подчеркивает, что они говорили на местном языке (τῇ ἐγχωρίῳ κεχρημένους φωνῇ). Публий построил для них здание, отдельное

от грекоязычных монахов. Он же построил церковь, где обе части братства – греческая и сирийская – совершали утренние и вечерние службы и славили Бога попеременно на греческом и сирийском языках (Ibid. P. 336).

Итак, мы можем сделать вывод, что в подавляющем большинстве так называемых греческих монастырей в Палестине и Сирии присутствие не говоривших по-гречески монахов не только не создавало никаких проблем, но и не влияло ни на повседневную жизнь монастырей, ни на богослужение. Однако в определенных случаях в монастыре могли выделяться для того или иного этноса отдельные места для богослужения на родном языке или же богослужение велось на двух языках. Может быть, благодаря такому подходу и было возможно сосуществование иноязычных и иноплеменных монахов, главным объединяющим моментом для которых был не язык, а вера, единая во всех монастырях, о которых шла речь.

Источники и литература

Festugière A.-J. Les moines d'Orient, III.2. Les moines de Palestine (Cyrille de Scythopolis. Vie de St. Sabas). P., 1962.

Griffith S.H. From Aramaic to Arabic: The Languages of the Monasteries of Palestine in the Byzantine and Early Islamic Periods // DOP. 1997. Vol. 51. P. 11–33.

Der heilige Theodosios. Schriften des Theodoros und Kyrillos / Hrsg. von H. Usener. Leipzig, 1890.

Johannes Moschus. Pratum Spirituale // PG 87.3. Col. 2847–3116.

Kyrillos von Skythopolis. Leben des Euthymios // Leben / Hrsg. von E. Schwartz. Lepzig, 1939. S. 3–84. (a)

Kyrillos von Skythopolis. Leben des Sabas // Ibid. S. 85–200. (b)

Milik J.T. La topographie de Jérusalem vers la fin de l'époque byzantine // Mélanges de l'Université St. Joseph. 37.7. Beyrouth, 1961.

Die Pilgerreise der Aetheria (peregrinatio Aetheriae) / Hrsg. von H. Petre. Wien, 1958 (рус. пер.: Паломничество по Святым местам конца IV века // Православный палестинский сборник. СПб., 1889. Вып. 20: Письма паломницы IV века. М., 1994).

Théodoret de Cyr. Histoire des moines de Syrie / Introduction, texte critique, traduction, notes par P. Canivet. P., 1977. T. 1.

Е.В. Вдовченков

ГЕРАК, ГЛАВНЫЙ ПЕРЕВОДЧИК АЛАНОВ

В 1910 г. на месте крепости Фанагория была найдена надпись, упоминающая Герака, главного переводчика аланов (КБН. № 1053). На одной стороне этой плиты высечены тамга Савромата II и строительная надпись, в которой сообщается, что некое здание построено попечением Герака, сына Понтика, в 505 г. б.э., т.е. в 208 г. н.э. (илл. 1).

Илл. 1. Надпись КБН 2004. № 1053. Без масштаба

На другой стороне – рельеф, изображающий сцену прощания, и эпитафия, датирующаяся по характеру шрифта I в. н.э. (КБН. № 1085; илл. 2).

Илл. 2. Надпись КБН № 1085, обратная сторона надписи КБН 2004. № 1053. Без масштаба

В 2017 г. в Кыз-Ауле была найдена еще одна надпись, которая введена в научный оборот и уже анализировалась в ряде статей (Pavlichenko, Fedoseev 2018; Кучеревская 2019; Павличенко 2020). На лицевой стороне фрагмента сохранилось 7 строк надписи, на другой стороне видна часть рельефа – протома лошади вправо. Сохранившийся текст позволяет достаточно надежно восстано-

вить имя и титул Герака, сына Понтика, главного переводчика аланов. В надписи мы видим дату по понтийской эре – 501 г., т.е. 204 г. н.э. Кроме того, в надписи есть слово «управляющий», и Н.А. Павличенко восстанавливает его в титул «управляющий царским двором» (Павличенко 2020).

Герак, сын Понтика, был не обычным переводчиком. Это следует из его должности – главный переводчик, т.е. управляющий переводчиками (коллегией переводчиков?). Исследователи обратили внимание на то, что в обеих надписях Герак, сын Понтика, наблюдает за строительными работами. Его функции явно выходили за пределы обычного переводчика с аланского на греческий. Он, безусловно, был тесно связан с иранским миром степей, он являлся посредником и представителем царской администрации, отвечавшим за взаимодействие с иранскими кочевниками, которые играли важную роль в варварском окружении Боспорского царства во время правления Савромата II. Мы можем сопоставить его положение с танаитами, иранскими поселенцами в Танаисе, известными нам с 188 г. н.э. Я связываю их появление с политикой усиления Боспора за счет варваров. Танаиты и их архонты упоминаются в официальных строительных надписях (КБН. № 1242, 1243, 1245–1251а, 1256, 1258), как и Герак.

Тамга Савромата II на надписи 1910 г. говорит о том, что надпись эта, вмонтированная в постройку, должна была быть ориентирована именно на сарматов. Характерно, что плиты с царскими тамгами на официальных надписях найдены только на азиатском Боспоре, где доля варварского населения была выше, и влияние их значительнее. Боспор, окруженный влиятельными группировками номадов, сильно от них зависел. Вопросом выживания и существования была успешная коммуникация с сарматами (использую это понятие в самом общем смысле), для чего требовались символика и атрибуты, понятные варварским вождям. Свидетельством этого являются так называемые энциклопедии тамг (скопления тамг на плитах) – результат договоров и союзов; использование царских тамг в официальной символике, ориентированной на варваров; значительная роль Танаиса и архонта танаитов; должность главного переводчика аланов.

Следует обратить внимание на роль и политический вес этих посредников. Если верна реконструкция Н.А. Павличенко, то

Герак занимал весьма значительную должность на Боспоре. Архонты танаитов в надписях следуют впереди эллинархов, что говорит об их значении.

Любопытно, что обе надписи, где упоминается Герак, сделаны на оборотных сторонах уже готовых плит, и в обоих случаях на оборотной стороне мы видим изображение коня/всадника. Это может быть не случайно, а связано с предпочтениями заказчика.

Проблема переводчиков на Боспоре уже рассматривалась (Казанский 2014; Подосинов 2016). В одной надписи из Рима (CIL. VI, 5207) упоминается «Аспург, сын Биомаса, переводчик сарматов, боспорянин». Переводчик упоминается в надгробной надписи II в. н.э., найденной в Керчи (КБН. № 698). Новая надпись 2017 г. позволяет существенно дополнить эти сведения.

Также обе надписи позволяют ответить на один очень важный вопрос – об этничности кочевого населения позднесарматской эпохи. Для времени существования среднесарматской культуры (рубеж эр – середина II в. н.э.) этничность номадов известна благодаря данным письменной традиции. О том, что в 72 г. н.э. центр аланов находился в низовьях Дона, свидетельствуют Иосиф Флавий и Гегесипп (Ios. Flav. Bell. Iud. VII, 7, 4). В пантикапейском энкомии боспорского государственного и военного деятеля времени Савромата I (по мнению С.Ю. Сапрыкина) упоминаются несколько царей у аланов (Сапрыкин, Парфенов 2012. С. 169).

Для позднесарматской эпохи ситуация известна намного хуже. В середине II в. н.э. среднесарматская культура сменяется позднесарматской. Эта смена культур сопровождается серией военных акций, самая известная из которых – разгром Танаиса середины II в. н.э. Через сто лет ситуация в Подонье снова меняется – в середине III в. на смену носителям позднесарматской культуры приходят группы кочевников из Центрального Предкавказья, носители раннеаланской культуры (Малашев 2009).

Для IV в. в Подонье фиксируются аланы-танаиты, хорошо известные Аммиану Марцеллину (XXXI, 3, 1). Они, судя по всему, и являются выходцами из Предкавказья, где со II в. существует такой политический и культурный феномен, как Кавказская Алания, впервые фиксируемая Певтингеровой картой (Tab. Peutin. VIII, 3). Таким образом, с середины I по середину II в. в Подонье

мы видим аланов, и уже другие аланы, аланы-танаиты появляются в Подонье в середине III в. н.э. из Предкавказья.

Но нам неизвестны имена номадов позднесарматской эпохи. Ряд авторов настроены скептически в отношении этнической атрибуции пришельцев II в., ссылаясь на скудность данных письменных источников (Малашев, Мошкова 2010. С. 51–52). С.А. Яценко считает, что это – еще одна группировка аланов, вторая волна их переселения в Европу. Главный его аргумент заключается в том, что упоминания центра аланов у аль-Хваризми в Приуралье и аланов-скифов Птолемея на восток от Волги, «по эту сторону горы Имаон» (Урала), могут относиться именно к поздним сарматам, поскольку, как известно, именно в Приуралье позднесарматская культура сформировалась и получила свой классический облик (Яценко 2011. С. 201–202). В свое время я предположил, что манираты Певтингеровой карты, которых условно можно расположить на левом берегу Дона / в междуречье Дона и Волги, – это и есть поздние сарматы (Tab. Peutin. VII, 5–VIII, 1). У нас есть упоминание в надписи Савромата II 193 г. сираков (КБН. № 1237), но никто их не связывает с населением позднесарматской культуры.

Название должности – «главный переводчик аланов» – наводит на мысль о том, кем были эти кочевники в начале III в. Они тоже могли быть аланами. Вообще, это название было чрезвычайно популярно и устойчиво у ираноязычных кочевников.

Можно, конечно, предположить, что с I в. н.э., с момента появления аланов в степях Причерноморья, имя аланов стало популярным и распространялось на всё кочевое население европейских степей, и отсюда и название должности. Но против этого говорят эпиграфические данные. Если в литературе мы видим использование названий в соответствии с традицией и существующей научной картиной мира, независимо от реального положения дел (скифы, сарматы), то в эпиграфике встречаем актуальную информацию, обычно упоминаются конкретные группы варваров, с которыми имели дело жители античных городов: саи, сираки, аспургиане, меоты и т.п. Титул переводчика, соответственно, включил в себя название одной из самых мощных группировок номадов в начале III в. н.э.

Литература

Казанский Н.Н. Социолингвистическая ситуация в Боспорском царстве и особенности языковой политики эллинистических государств // Боспорский феномен: население, языки, контакты. Мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2011. С. 665–673 (см. также расширенную версию под тем же заглавием: ДГ, 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М., 2014. С. 188–199).

Кучеревская Н.Л. К интерпретации рельефа на опистографе с надписью Герака, сына Понтика, из некрополя Кыз-Аул // Вестник Танаиса. Ростов-н/Д, 2019. Вып. 5. С. 217–219.

Малашев В.Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // РА. 2009. № 1. С. 47–52.

Малашев В.Ю., Мошкова М.Г. Происхождение позднесарматской культуры (к постановке проблемы) // Мат-лы семинара центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград, 2010. Вып. 3. С. 37–56.

Павличенко Н.А. Вторая надпись Герака, сына Понтика, главного переводчика аланов // Таврические студии. Сер.: Ист. науки. 2020. № 22. С. 119–127.

Подосинов А.В. К вопросу о языковой ситуации в греко-варварском боспорском царстве // ВЕДС. М., 2016. [Вып.] 28: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. С. 230–235.

Сапрыкин С.Ю., Парфенов В.Н. ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ энкомия из Пантикапея: Домициан или Коммод? // ВДИ. 2012. № 1 (280). С. 163–182.

Яценко С.А. К дискуссии об оформлении позднесарматской этнокультурной общности 2-й половины II – 1-й половины III века нашей эры // Нижневолжский археологический вестник. 2011. Вып. 12. С. 197–213.

Pavlichenko N., Fedoseev N. A New Inscription of Herakas, Son of Pontikos, ἀρχερμηνεὺς Ἀλανῶν // Hyperboreus. 2018. Vol. 24. Fasc. 2. P. 315–335.

К.В. Вершинин

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ ДОМОНГОЛЬСКОЙ ЭПОХИ: К СОСТОЯНИЮ ИЗУЧЕНИЯ

Труды ученых по выявлению в общей массе славянской переводной литературы текстов, вышедших из-под пера переводчиков в Древней Руси раннего периода, продолжаются более ста лет. Первое масштабное обобщение темы с перечнем текстов опубликовал А.И. Соболевский (1980), впоследствии его список дополнил Н.Н. Дурново (1969. С. 103–111). В качестве основы для локализации переводов был выдвинут лексический критерий, а именно

употребление в тексте специфически восточнославянской лексики. В наши дни лингвисты подтвердили правильность данного подхода (хотя список русизмов оказался скорректирован и, возможно, еще будет исправлен). Установлено, что южнославянские переводы при их переписке на Руси не подвергались лексической редактуре и, следовательно, наличие русизмов, подтверждаемое текстологически, позволяет почти наверняка относить эти русизмы к архетипу перевода (Молдован 1997. С. 67–68). В то же время русизмы могли, напротив, устраняться из текста как неясные или не соответствующие «высокому» стилю.

Из сказанного следует, между прочим, что переводы с русизмами обязательно имеют русское происхождение, однако возможны «русские» переводы, в доступных списках которых русизмы не сохранились или вовсе отсутствовали (в тех, например, случаях, когда к делу были причастны южнославянские книжники или их ученики). Известен один достоверный пример – послание папы Льва в переводе Феодосия «Грека» (Полонский 2018), не содержащее никаких русизмов. Впрочем, даже если бы все такие переводы могли быть учтены, то едва ли масштаб явления возрос бы качественно. Речь идет о десятках текстов, что выглядит скромно на фоне сотен переводов, осуществленных книжниками предыдущих эпох, в первую очередь симеоновской Болгарии. Отметим, что при правильной постановке проблемы нет необходимости выстраивать «бинарную оппозицию» южнославянских и «киевских» переводов, об опасности которой справедливо предостерегает Д.М. Буланин (2012. С. 22). Единство средневековых славянских литератур не противоречит их языковой вариативности и даже наличию в них местных переводческих традиций.

Перечень А.И. Соболевского с поправками Н.Н. Дурново насчитывает 37 произведений. Не учитываем шесть «небольших статей канонического и легендарного содержания» с дополнительной нумерацией (латинскими буквами). Большинство из них не изучено; древнерусское происхождение перевода «Толка священнического чина» отвергнуто Т.И. Афанасьевой (2012. С. 92–102). Как «сомнительные» Н.Н. Дурново отмечены «Слово на перенесение мощей Николая Чудотворца» (могло быть написано сразу по-славянски), Краткий летописец патриарха Никифора и «Слово об Индийском царстве» (вероятно юж-

нославянское происхождение этих переводов), а также «Повесть о царице Динаре» (может датироваться более поздней эпохой). «Книги законные» признаются плодами совместной работы русских и южнославянских переводчиков. Следует добавить, что определенно или с высокой степенью вероятности южнославянскими являются следующие переводные памятники: Житие Нифонта Констанцского, «Разумы» Менандра, Хроника Георгия Синкелла, Откровение Мефодия Патарского, Хиландарский Типик. Оставшиеся 26 текстов содержат бесспорные, по современным представлениям, русизмы и датируются ранним временем. Не все они исследованы в равной мере, но почти все привлечены А.А. Пичхадзе к капитальному лингвистическому исследованию домонгольской переводческой школы (Пичхадзе 2011).

«Список Соболевского» не только сокращался, но и дополнялся. А.А. Пичхадзе учтен еще ряд переводов, древнерусских по происхождению: канонические ответы митрополита Иоанна II, «Повесть о Варлааме и Иоасафе», Мучение св. Артемия, Слово архиеп. Нектария в честь Феодора Тирона, Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского, Беседы на Шестоднев Севериана Гавальского, Иосиппон, «Исход Моисеев» (Пичхадзе 2011. С. 25–45).

Не вошли в это исследование, а также были обнаружены или опознаны как древнерусские в последние годы: Толковый Екклисиаст (Алексеев 1988. С. 185–186), ряд литургических толкований (Афанасьева 2012. С. 68–77, 83–110), полемические «Речи к Жидовину» (Райнхарт 2015), комплекс сочинений Евагрия Понтийского, а также соседствующие друг с другом «Разумы» Евагрия Понтийского и Фалассия Ливийского (Вершинин 2015, 2018б), первый перевод Поучения аввы Дорофея (Афанасьева 2017), катена на Псалтырь с большими фрагментами толкований Исихия Иерусалимского (Вершинин 2018г), Житие Феодора Эдесского (Вершинин 2021а), фрагмент одного из слов Исаака Сирина (Вершинин 2021б).

Весьма вероятно, что древнерусскими по происхождению являются несколько текстов (с восточнославянизмами), греческие оригиналы которых утрачены или не разысканы, – Житие Евпраксии Олимпийской (Иванов, Пичхадзе 2020), Повесть о царе Казарине (Турилов 2011. С. 29–31) и анонимные схолии на Ветхий Завет (Вершинин 2018в), а также несколько бесед Василия Великого,

пока недостаточно исследованных (Вершинин 2016. С. 11), и повесть (Антиоха Стратига?) о пленении Иерусалима персами, где имеется единственный, хотя и яркий русизм (Вершинин 2018а).

Таким образом, к настоящему времени список переводов, сделанных в домонгольской Руси, насчитывает более 40 пунктов, а возможно, приближается к 50. Сейчас уже ясно, что эти переводы не могут быть отнесены исключительно к легендарному предприятию Ярослава Мудрого по «преложению книг», но осуществлялись и в дальнейшем на протяжении XI–XII вв.

Представляется, что данный феномен требует дальнейшего осмысления не только с лингвистической, но и с исторической стороны. Среди древнерусских переводов, число которых невелико, выделяются две группы текстов: обширные жития «романного» типа, не входящие в состав четьих миней, с примыкающими к ним «светскими» романами и повестями, а также ряд толковых произведений. Можно сделать вывод, что русские книжники предпринимали усилия по заполнению лакун, оставленных болгарскими переводчиками эпохи Первого царства. В частности, это привело к принципиальным различиям в составе корпуса экзегетической литературы на Руси и на Балканах. Если у южных славян исчезло из оборота даже большинство древнеболгарских переводов и толкования распространялись в основном в виде кратких компиляций, тяготеющих к «народной Библии», то на Руси древние переводы сохранились и были дополнены новыми текстами. В результате наличие библиотеки «высокой» экзегетики на славянском языке стало отличительной особенностью древнерусской книжности.

Литература

Алексеев А.А. К истории русской переводческой школы XII в. // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 154–196.

Афанасьева Т.И. Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв.: Исследования и тексты. М., 2012.

Афанасьева Т.И. О происхождении первого перевода Поучений аввы Дорофея // Slověne. 2017. № 2. С. 84–100.

Буланин Д.М. Изборник 1076 года и споры о национальных приметах в древнейших славянских переводах // Русская литература. 2012. № 2. С. 3–30.

Вершинин К.В. «Разумы» Фалассия и Евагрия в славянской книжности // Тр. Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. М., 2015. Вып. 5: ЛИИРЯ, 2014–2015. С. 88–103.

Вершинин К.В. Фрагменты бесед Василия Великого в Изборнике 1076 г. // Текстология и историко-литературный процесс. М., 2016. Вып. 4. С. 5–16.

Вершинин К.В. Анонимный рассказ о пленении Иерусалима персами и его славянский перевод // «Вертоград многоцветный»: Сб. к 80-летию Б.Н. Флори. М., 2018. С. 124–132. (а)

Вершинин К.В. Из истории славянских переводов Евагрия Понтийского // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XVI Междунар. съезд славистов (Белград, 20–27 августа 2018 г.). Докл. рос. делегации. М., 2018. С. 52–61. (б)

Вершинин К.В. Неизвестный древнерусский перевод (анонимные схолии на Ветхий Завет) // ВЕДС. 2018. XXX Юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. С. 41–45. (в)

Вершинин К.В. Неизвестный древнерусский толковый перевод (катена на Псалтырь) // Тр. Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. 2018. Вып. 16: ЛИИРЯ, 2016–2017). С. 90–118. (г)

Вершинин К.В. Первая редакция славянского перевода Жития Феодора Эдесского // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности. Сб. ст. к 70-летию акад. А.М. Молдована. М.; СПб., 2021. С. 473–484. (а)

Вершинин К.В. Фрагмент неизвестного славянского перевода Исаака Сирина // Тр. Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова, 2021. № 1: ЛИИРЯ. С. 56–68. (б)

Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. М., 1969.

Иванов С.А, Пичхадзе А.А. Житие неизвестной византийской святой-трансвестита: Евпраксия Олимпийская // *Иванов С.А.* Византийская культура и агиография. М., 2020. С. 202–223.

Молдован А.М. Лексический аспект в истории церковнославянского языка // Вопросы языкознания. 1997. № 3. С. 63–75.

Пичхадзе А.А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.

Полонский Д.Г. Феодосий «Грек», Климент Смолятич и безымянный патриарх // Slověne. 2018. № 2. С. 8–46.

Райнхарт Й. Древнерусский антииудейский трактат, его греческий оригинал и проблема его происхождения // Тр. Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. 2015. Вып. 5: ЛИИРЯ, 2014–2015. С. 289–332.

Соболевский А.И. Особенности русских переводов домонгольского периода // *Соболевский А.И.* История русского литературного языка. Л., 1980. С. 134–147.

Турилов А.А. Из истории русско-южнославянских книжных связей XII–XIII вв.: новое и забытое // Russica Romana. Pisa; Roma, 2011. Vol. XVII (2010). С. 9–32.

Ю.Е. Вершинина

БРАКИ МЕЖДУ ЯЗЫЧНИКАМИ И ХРИСТИАНАМИ В «ИСТОРИИ ФРАНКОВ» ГРИГОРИЯ ТУРСКОГО

В настоящей работе нами будут рассмотрены представления о межконфессиональных браках в «Десяти книгах историй» («Decem libri historiarum») Григория Турского, более известных российскому читателю как «История франков». Межконфессиональные браки, упомянутые в этом сочинении, можно разделить на две группы: браки между христианами и язычниками и браки между католиками и арианами. В настоящей работе мы рассмотрим союзы, относящиеся к первой группе.

В «Десяти книгах историй» упоминается всего о нескольких браках между христианами и язычниками, при этом язычниками были преимущественно женихи, а христианками – невесты. Самые известные из них – союз между королем Хлодвигом I и Хродехильдой Бургундской (GT 1951. P. 73–78, II: 28–31), их внучкой Хлодозиндой и королем лангобардов Альбоином (Ibid. P. 137, 174; IV: 3, 41) и их правнучкой Бертой и королем Кента Этельбертом I (Ibid. P. 157, IV: 26; p. 445, IX: 26).

Что бросается в глаза при изучении указанных сюжетов, так это тот факт, что Григорий Турский никак не акцентирует межконфессиональный характер этих браков. Почему же епископ Тура никак не комментирует это обстоятельство и не использует дидактического потенциала этих сюжетов?

В качестве ответа можно предложить несколько гипотез. Во-первых, Григорий Турский мог передавать реальную ситуацию, сложившуюся с восприятием подобных браков в описываемый им период. Действительно, при заключении брачного союза между королевскими особами решающее значение, судя по нарративу самого Григория Турского, играло их происхождение, красота и качества характера (для женщины), сила, авторитет и размер подконтрольной территории (для мужчины), наконец, их богатство (Ibid. P. 73–74, II: 28; p. 97–98, III: 1; p. 127, IV: 27–28). Это объяснимо с точки зрения реалий Европы V–VI вв.: правители ряда германских королевств уже приняли христианство, но во многом это было лишь политико-культурной декла-

рацией. В связи с этим разное вероисповедание жениха и невесты могло не восприниматься в качестве непреодолимого препятствия к заключению брака.

Во-вторых, с точки зрения самого автора «Десяти книг историй», вероисповедание могло не иметь большого значения при вступлении в брак. Как известно, Григорий Турский придавал большое значение соблюдению условий «честного брака» (*honorabile conubium*). На основе изучения источников меровингского периода И. Реаль определила его как союз, заключенный с соблюдением определенных ритуалов и условий (Réal 2001. P. 251–300). Общее вероисповедание к их числу не относилось.

Не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что Григорий Турский мог опасаться критиковать королей франков и их брачную политику. Известно, что в «Десяти книгах историй» он открыто осуждал брачное поведение только тех королей Меровингов, которые подверглись открытому порицанию со стороны других прелатов христианской церкви (GT 1951. P. 124, III: 27; p. 140–141, IV: 9; p. 158–159, IV: 26; p. 136–137, IV: 3; p. 160, IV: 28). В случае с Хлодвигом и Хродехильдой критиковать было некого: как сообщается в «Десяти книгах историй», дядя бургундской принцессы, в отличие от нее самой, ее матери и сестры бывший арианином, незадолго до ее замужества убил ее отца.

Хлодозинда и Берта же были выданы замуж за язычников, которых они сами так и не смогли обратить в христианство. Хотя с конца XIX в. господствовала точка зрения, что лангобарды приняли христианство в форме арианства до вторжения Альбоина в Италию в 568 г., в настоящее время большинство исследователей считает, что они оставались на тот момент язычниками. Даже если допустить, что супруг Хлодозинды был арианином, она не смогла обратить его в католичество. Муж Берты принял христианство, но крестил его не прибывший с ней епископ, а посланный папой Григорием I из Рима св. Августин.

Григорий Турский упоминает о браках Хлодозинды и Берты дважды, но никак не комментирует их. Возможно, уже само молчание автора указывает на его неодобрение. Однако чтó именно мог осуждать турский епископ: само заключение подобных союзов, поведение христианок, не преуспевших в обраще-

нии своих мужей, или отцов принцесс, выдавших их замуж за язычников и не обеспечивших им надлежащей поддержки?

Если судить по сюжетам с Хродехильдой и ее правнучкой Ингундой (муж которой был арианином), преуспевшими в обращении своих мужей, от женщин требовалось не только стойко придерживаться католической веры, но и активно проповедовать ее своему супругу – словами и делами (Ibid. P. 74–78, III: 29–31; p. 243–245, V: 38). При этом Григорий Турский ничего не упоминает про действия отцов и других родственников, которые могли бы способствовать усилиям наших героинь. А таковые действия, судя по другим источникам, предпринимались (Bede 2015. P. 571–572, I: 25–26; Epistolae Austrasicae 1892. P. 119–122, № 8). Тем не менее ни Берта, ни Холодозинда не преуспели на ниве миссионерства. Возможно, Григорий Турский счел, что, получив благоприятную возможность способствовать распространению христианской веры, принцессы не проявили достаточно рвения на этом поприще. Внучка короля Хлодвига I даже не сумела отговорить своего мужа от разорения церквей в Италии (GT 1951. P. 174, IV: 41). Таким образом, браки Берты и Хлодозинды не могли быть использованы в качестве примеров, способных вдохновить женщин на усилия по обращению супругов в других подобных союзах, в отличие от упомянутых выше Хродехильды и Ингунды. Однако сообщения о них свидетельствуют об осуждении, скорее, женщин, чем тех, кто выдал их замуж за язычников.

В связи с этим очень интересно композиционное построение данных сюжетов. Если история с Хродехильдой и Хлодвигом рассказывается достаточно подробно и поступательно на протяжении нескольких глав, то первое упоминание о браке Хлодозинды помещается в конце главы, описывающей, как ее отец женился на родной сестре ее матери при жизни последней и по ее просьбе, что уже бросает тень на брак самой принцессы. Второй раз этот союз упоминается в связи с вторжением лангобардов в Италию, в ходе которого они грабили церкви и убивали епископов. При этом Альбоин идентифицируется в этом сюжете как «Alboenus vero Langobardorum rex, qui Chlothosindam, regis Chlothari filiam, habebat» (Ibid. P. 174, IV: 41), что делает Хлодозинду своего рода соучастницей случившегося разорения. Упо-

минание о браке Берты предшествует подробному описанию того, как ее отец оставил ее мать и сожительствовал с двумя сестрами-служанками, одна из которых была монахиней. Кроме того, Григорий Турский ничего не сообщает нам о семье самой королевы Ингоберги, что, судя по «Десяти книгам историй», может свидетельствовать о низком происхождении этой женщины. Таким образом, он словно намекает читателям, что не стоит возлагать больших надежд на девушку из такой семьи. Второй раз речь о замужестве Берты идет в главе о кончине ее матери, которая перед смертью составляет при помощи турского епископа завещание в пользу церкви в Туре. В этом случае упоминание о браке Берты даже не с королем, а с *regis filius*, которого она не смогла обратить в христианство, создает резкий контраст с «деятельностью» ее матери на благо церкви.

Можно также предположить, что, не акцентируя межконфессионального характера этих браков и не используя дидактического потенциала этих сюжетов, Григорий Турский стремился замолчать роль женщин в распространении христианства. Однако подобное представляется маловероятным, поскольку он не только не умаляет, но, напротив, подчеркивает участие Хродехильды в крещении Хлодвига, который обращается к Христу как «Iesu Christi, quem Chrotchildis praedicat esse filium Dei vivi» (Ibid. P. 75, II: 30). Это, контрастирует, например, с тем, как Беда Досточтимый изображает роль принцессы Этельбурги, дочери Берты Кентской, в евангелизации ее мужа, короля Нортумбрии Эдвина (Bede 2015. P. 603–605, II: 9; p. 609–613, II: 12–13).

Хотелось бы отметить, что, по всей видимости, Григорий Турский не считал брак между христианами и язычниками совершенно недопустимым хотя бы в среде правящей элиты варварских королевств. При этом, судя по «Десяти книгам историй», он возлагал на супруга-христианина ожидания по обращению супруга-язычника. Возможно, именно это, с его точки зрения, делало подобные браки допустимыми. Как показала практика, брак сам по себе не гарантировал обращения язычника. Вероятно, поэтому Григорий Турский не акцентировал межконфессионального характера брачных союзов. Если женщина, подобно Хродехильде (или Ингунде, в случае с мужем-арианином), активно проповедовала свою веру супругу и преуспевала в

его обращении, то она удостаивалась признания своей роли и подробного рассказа о себе. Если она не проявляла достаточно рвения и ее история не могла мотивировать других на повторение ее «подвига», то она фактически замалчивалась. От открытой же критики подобных «неуспешных» с точки зрения христианизации союзов Григория Турского мог удерживать высокий статус супругов.

Литература

Bede. Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum // The Complete Works of Bede. East Sussex, 2015. (Delphi Classics). P. 547–761.

Epistolae Austrasicae / Hrsg. von I. Tabula. B., 1892. (Epistolae Merowingici et Karolini aevi; 1). P. 110–153.

Réal I. Vies de saints, vie de famille: Représentation et système de la parenté dans le royaume mérovingien (481–751) d'après les sources hagiographiques. Turnhout, 2001.

Ю.Я. Вин

КОНЦЕПТ *RES PUBLICA* И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ В ВИЗАНТИЙСКОМ ПРАВЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД СЛАВЯНСКИМИ КОМПИЛЯЦИЯМИ В СВЕТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОДХОДА И КОГНИТИВНЫХ ИЗЫСКАНИЙ

Проблема концепта *res publica* неоднократно рассматривалась в исследованиях и Античности, и Средневековья. Современные византинисты не стоят в стороне от поставленной проблемы. Воплощенное в концепте *res publica* римское идейное наследие, обусловленное гражданством и суверенитетом «римского народа» (*populus Romanus*), его «высшей властью» (*imperium*), т.е. военной и правовой юрисдикцией, предопределяло значимость хранимых в веках республиканских институтов, которые наследовали византийцы. Сам концепт *res publica* стал предметом многократных и разнообразных по форме заимствований и интерпретаций.

Проделанные изыскания в сфере византийского права и актов дополняют наблюдения над славянскими правовыми компиляциями. В их ряду надо отметить особо один из вариантов лекси-

конов правовой терминологии Λέξεις λατινικαί. Он был переведен на средневековый сербский язык, сохранив название греческого оригинала «Латинские речи». Сербский компилятор воспроизвел ряд юридизмов, восходящих к латинскому прототипу, где фигурировал концепт *res*, который переведен как «имение».

По всей видимости, подобное прочтение, **имѣніе**, соотносимое с понятием τὸ πρᾶγμα – τὰ πράγματα, было достаточно широко распространено в славянской правовой и канонической литературе. Оно использовано составителями Древнеславянской кормчей XIV титулов (далее – ДСК). Вместе с тем в древнейших славянских компиляциях памятников византийского права испокон веку лексическим соответствием указанного греческого понятия выступало понятие «вещь» (**вѣшть** и т.п.), столь же семантически емкое, как и их латинский эквивалент. Примеры нетрудно подыскать не только в ДСК, но и в переложении на славянский язык «Номоканона 50-ти титулов». В одном из них Апостольские правила содержат ссылку на **градьскыа вещи**, которая вполне адекватна греческому оригиналу τὰ πολιτικὰ πράγματα. Правда, интерпретация и славянской компиляции, и греческого прототипа в силу присущей этим концептам многозначности вызывает у любого ученого необходимость дать отнюдь не односложные объяснения, имея в виду латинский аналог приведенных понятий, столь же семантически необъятный концепт *res publicae*. Он охватывает целостный спектр смыслов, от обозначения «вещей» и «имущества» до экивоков на «общественные» и «государственные дела».

Конечно, возникает вопрос, был ли известен непосредственно латинский концепт «республика» средневековым славянским книгочеям. Но выраженный в их родном языке эквивалент этого концепта, а может быть, и не один, вероятно, существовал. По мнению О.В. Хархордина и его соавтора, со ссылкой на одно из соборных правил, ДСК содержит выражение **людскыа вещи**, которое соответствует понятию δημόσια πράγματα греческого прототипа. Его эквивалентом, в свою очередь, признан латинский концепт *res publica*. Приводимая аргументация, однако, не исчерпывает проблемы, потому что искомое словоупотребление встречается уже на первых листах ДСК.

Сообразно лексиконам правовой лексики именно атрибутив δημόσια, несмотря на различные допустимые варианты его понимания, сопоставлен с прил. *publica* латинского прототипа. С одной стороны, проделанные наблюдения полностью отвечают общей закономерности равноценных чтений византийских правовых лексиконов, где родственные указанной паре πούβλικα δημοσία латинские прототипы и греческие понятия сопоставляются систематически.

С другой стороны, выделяя приводимый оборот речи ДСК **людскыѧ вещи** в качестве семантического соответствия концепту *res publica*, необходимо обратить внимание на использованное в оглавлении Кормчей также словоупотребление **градьскыѧ вештѣ**. Оно, как и пример славянского переложения Номоканона, является лексическим соответствием концепта πολιτικὰ πράγματα в воссозданном В.Н. Бенешевичем греческом прототипе. И такие соответствия практически равноценны лексическому соответствию обозначений «градских законов», т.е. τῶν πολιτικῶν νόμων – **градьскыихъ ѕаконъ**, и подобны «градским людским законам», букв. «уставам» τοῖς πολιτικοῖς καὶ δημοσίοις τύποις – **градьскыимъ людьскыимъ ѕакономъ.**

Как сам греческий атрибутив πολιτικός, так и его рецепция в латинском языке *politicus* обладают довольно широкой семантикой со значениями, предполагающими занятия «общественной», «политической», «гражданской» и «государственной» деятельностью. В свой черед, выявленные славянские соответствия позволяют утверждать, что даже самые «заскорузлые» из них в сопоставлении с греческими прототипами не заслоняют собой византийские социокультурные установки. С этой точки зрения, словоупотребления **людскыѧ вещи** и **градьскыѧ вештѣ**, будучи осмысливаемы мерками мировосприятия средневекового славянского знатока права, равным образом приемлемо считать искомым эквивалентом концепта *res publica* с учетом его разнообразных значений и семантики.

Одновременно греческое понятие πολιτεία, которому А. Калделлис и многие другие ученые разных поколений прямолинейно приписывают однозначное значение полного эквивалента понятия *res publica*, в средневековых славянских пере-

водах подчас интерпретируется по-разному, что особенно ярко проявляется в каноническом праве. Понятие πολιτεία греческого прототипа ДСК во многих случаях передается понятием **житие**. Это славянское слово в лексическом плане прежде всего соответствует греческому понятию βίος, т.е. «жизнь». Наряду с тем, заметны прямые сопоставления «благочестивого жития» (πολιτείας εὐσεβοῦς – **житиꙗ благоꙋѣстиваагѡ**) и тому подобных понятий. Особенно достойна внимания контаминация понятий «житие» и «жизнь», где именно последнее выступает соответствием понятию «полития» (ἡ ... ὀρθὴ τοῦ βίου πολιτεία – **Житиꙗ жизнь праваꙗ поставлѧти**). А поучение пресвитера Тимофея относительно Великой церкви, т.е. константинопольской Софии, прямо изобличает фотиниан, требуя осуждения «чуждого» «ромейской политии» (букв. τῆς Ῥωμαίων πολιτείας), чему в древнецерковном переводе соответствует указание «римского жития» (**Римьскаагѡ житиꙗ**). Равным образом правила митрополита Иоанна содержат экивок на отступление от норм «нашей веры» и образа жизни, воспринятого у греков: **И греѹьское благовѣрьство жїтїꙗ**. Этот ход мысли вполне отвечает каноническому греческому прототипу, указывающему на нарушение «благочестия и римской благопристойной политии» (τῆς νῦν εὐσεβείας καὶ ῥωμαϊκῆς εὐσχήμονος πολιτείας).

Безусловно, весьма сходная семантика средневековых понятий «житие» и «жизнь», обладающих в каких-то контекстах значением «имущество», не исключает коннотаций такого рода в приводимых примерах. На передний же план в них, пожалуй, выходит одно из основных значений указанного понятия: «образ жизни», что и раскрывает понимание средневековым человеком не только самого понятия «полития», но и, опосредовано, «республика», которому соответствуют также иные лексические эквиваленты и семантика. Таков пример в историческом экскурсе о правлении Ираклия, когда «персами» была захвачена большая часть «римской политии» (τῆς Ῥωμαίων παρέλαβε πολιτείας), т.е. «государства», его территории. И потому славянский переводчик в качестве эквивалентного обозначения прибег к понятию «область» (**римьскыѧ · wблести прїа**), которое в Средне-

вековье, пусть и условно, сохраняло коннотацию лексического значения «власть».

Некоторые аналогии проделанным наблюдениям над лексическими соответствиями понятию «республика» прослеживаются и в содержании правовых и канонических памятников последующих столетий вплоть до Старопечатной кормчей 1653 г., на что указывают О.В. Хархордин и его коллеги. Бесспорно, упоминания требует «Алфавитная синтагма» Матвея Властаря. В ее славянском переводе в качестве лексического и понятийно-терминологического соответствия греческой «политии» используется не только **жителство**, но и **гражданство**.

Вместе с тем становится ясным принципиальное различие между средневековыми славянскими и византийскими правоведами. Для последних, следовавших их римским предшественникам, профессионализм заключался в наиболее точном воспроизведении латинских прототипов законов, где и фигурировало понятие *res publicae* во всем своем семантическом и терминологическом многообразии. А средневековые славянские компиляторы, в противоположность их византийским коллегам, прибегали к формам изъявления специальных знаний, свойственным славянскому праву. Византийские любители юриспруденции были нацелены на соблюдение профессионализма, ярким выражением которого становилось употребление заимствованных в римском праве юридизмов. Византийские, как и римские, знатоки права отображали правоотношения с точностью недвусмысленно формулируемых определений. Византийские наследники воспроизводили римскую правовую традицию, культивируемую в их профессиональном сообществе, несмотря на возможные, волей-неволей допускаемые отклонения. Средневековые же славянские переводчики и толкователи законов, знакомя образованные круги современников с византийским правом, не ограничивали свои попытки строго очерченными профессиональными юридическими навыками, а использовали всю разноцветную семантическую палитру славянского языка (или славянских языков). Славянские правотворцы, не избегая старых, привычных для себя понятий и терминов, вводили в оборот новые, незнакомые прежде, лексические соответствия и эквиваленты. Поэтому вряд ли оправданно думать, что латинский прототип *res*

publica, который и в греческом языке не может быть сведен лишь к единственному лексическому соответствию πολιτεία, благодаря необычайно широкой семантической гамме и латинского, и греческого концептов, у средневековых славян, при необычайном разнообразии лексических форм славянского языка, получил некое «уникальное» словесное воплощение! Собранные в Экспертной системе «Византийское право и акты» материалы не позволяют так утверждать, и даже так думать.

А.Ю. Виноградов, Д.В. Каштанов

ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРОШЛОЕ РУССКИХ ИЕРАРХОВ

«Русский архиерей из Византии» на протяжении XI–XII вв. был главным агентом византийского мира на Руси. Его практически постоянное присутствие в Киеве, к тому же институционально оформленное, гарантировало этому каналу коммуникации с Константинополем наиболее устойчивый характер по сравнению с другими, как публичными (дипломатия), так и частными (торговля, передвижения мастеров и паломников).

Поэтому историки давно чувствовали важность и необходимость понимать фамильную, социальную, корпоративную, партийную принадлежность русских митрополитов, их карьеру, связи в сложной структуре византийской церкви и вне ее. Одним из первых эту проблему во всей полноте обозначил П. Соколов в своей диссертации 1913 г., с оммажа которой мы и начали нашу заметку. Главным препятствием, с которым сталкивается исследовательский интерес, является крайний дефицит свидетельств источников.

Летописцы не проявляли абсолютно никакого интереса к предыстории киевских митрополитов: как следствие, на Руси те появляются подобно *deus ex machina* античной трагедии. Некоторыми определенными данными мы располагаем только в отношении Фотия, а говорить о биографии в полном смысле этого слова можно лишь применительно к Исидору. Но их деятельность принадлежит XIV и XV вв., что же касается времени до падения Константинополя в 1204 г. и монгольских походов, ос-

тается довольствоваться разрозненными сведениями византийских и отчасти русских источников, которые в последние десятилетия были дополнены данными печатей, приобретающих всё большее значение для исследования идентичностей в Византии.

Целостная картина из этих *membra disiecta* не складывается. Думается, именно поэтому в работах, касающихся древнерусских церковных дел, византийское прошлое русских иерархов чаще всего игнорируется. Другим путем пошел А.Е. Мусин, поддавшийся «исследовательской монопросопомании» (по выражению Д.М. Буланина). Его гипотеза, исходящая в первую очередь из совпадения имен митрополита Никифора и одного из деятелей патриаршей администрации конца XI в., не имеет, как вынужден признать сам автор, более надежной основы.

Альтернативой таким подходам является систематическое рассмотрение византийского бэкграунда русских иерархов, которое поможет пролить свет на некоторые страницы истории и лучше понять формирование отношения к византийцам на Руси вообще.

В последнее время значимые результаты показывает подход, рассматривающий церковную иерархию Византии как сетевую структуру с узлами-персоналиями и разветвленными связями между ними. Она не представляла собой монолитной общности, а состояла из противоборствующих группировок, нестабильных по составу и временно бравших верх одна над другой. Эта партийная борьба захватывала тех, кто претендовал на занятие русской кафедры. Мы можем судить об этом по той роли, которую сыграл киевский митрополит Константин I на соборе 1156 г. перед тем, как отбыть в свою епархию. Он предстает перед нами как активный сторонник ригористической партии в церковной верхушке, и его последующая деятельность на Руси логически вытекает из принадлежности к ней.

Согласно надписям на печатях, относимых к XI в., двое иерархов – митрополит Георгий и епископ Переяславля Ефрем – носили ранг синкелла, который, с одной стороны, указывал на близость к патриарху, а с другой – присваивался императором и позволял его обладателю заседать в сенате. Еще один иерарх, митрополит Иоанн (II или III), имел титул протосинкелла, который вошел в употребление во второй половине столетия. Как и в случае их современников, архиепископа Охрид-

ского Льва и иерархов южноитальянских городов Бари и Трани Николая и Иоанна, эти звания, по замечанию Б. Муле, империя использовала как средство для поддержания своего влияния и власти в периферийных регионах.

Имеется пример назначения митрополита из «кадрового резерва» патриархии. Согласно трактату «О переводах епископов», при императоре Василии II Феофилакт был перемещен с севастийской кафедры на киевскую. А. Поппэ предложил отождествить его с анонимным митрополитом Севастии, который фигурирует у армянского историка Степана Таронского как гонитель армян и глава посольства в Болгарию, закончившегося убийством его самого. Проблематичность этой гипотезы показал А.В. Назаренко, который предложил датировать перевод Феофилакта временем не ранее первого десятилетия XI в.

Двое митрополитов называют себя монахами: протосинкелл Иоанн (XI в.) и Кирилл (1220–1230 гг.). В Византии епископы выбирались из мирян, из духовенства и из монахов, причем в XI–XII вв., если судить по печатям, монахи находятся в меньшинстве. На Руси же с самого раннего времени проявился «монашеский уклон». Монахами были оба кандидата на митрополию из русских: «мних и прозвитер» Иларион и «черноризец, скимник» Клим Смолятич.

В русской иерархии были представлены евнухи. Карьера певца Мануила, эмигрировавшего на Русь вместе с двумя менее удачливыми компатриотами, увенчалась занятием новосозданной в 1136/37 г. кафедры в Смоленске. Более того, Мануил действовал в характерной для Византии парадигме «епископской династии». Сын его сестры Феодор был протеже Андрея Боголюбского и участником его проекта по созданию еще одной новой церковной структуры – митрополии Владимира, о чем свидетельствует пространная версия перевода письма патриарха Луки Хрисоверга князю.

Другого скопца, митрополита Иоанна III, привезла в 1090 г. дочь киевского князя Всеволода Янка. На окружающих он произвел неблагоприятное впечатление: «муж не книжен, но умом прост и просторек».

Напротив, его предшественник и тезка Иоанн II описан совсем иначе: «муж хитр книгам и ученью... речист же книгами

святыми». Это и неудивительно, поскольку Иоанн был дядей знаменитого византийского поэта Феодора Продрома (попытка А.П. Каждана опровергнуть это родство не может быть принята из-за прямых показаний источника, неизвестного исследователю) и мог быть близок к столичным ученым кругам, хотя и не иметь высокого происхождения.

Родство с другим византийским интеллектуалом, Евстафием Солунским, для митрополита Никифора II предположил В. Зайбт. Согласно его гипотезе, выражение ὁ τοῦ πρὸ Μύρου/Μύρων на его печатях означает «племянник избранного митрополита Мир Ликийских». Последнего он и отождествил с Евстафием, выдвинутым на эту должность в 1174 г., но не вступившим в нее из-за занятия города сельджуками и ставшим митрополитом Фессалоники в 1175 или 1178 г. Следует отметить, однако, что πρὸ в наречном значении, в каком оно здесь употреблено, может означать только «до, прежде», т.е. речь идет о прежнем митрополите Мир.

Моливдовул, судя титулу «всей Росии», который появляется впервые на печатях митрополита Константина, т.е. не ранее 1156 г., принадлежит Никифору II, действовавшему в конце XII в. В любом случае, подчеркивая свое родство с авторитетным иерархом, Никифор явно позиционирует себя как представителя «епископской династии». Евстафий же, в свою очередь, был близким человеком, учеником или родственником Николая Катафлорона, занимавшего высокие преподавательские посты в патриархии.

Никифор II, вероятно, стал митрополитом Росии вследствие отказа занять этот пост Леонтия, игумена монастыря Иоанна Богослова на Патмосе, позднее патриарха Иерусалимского. Такое предложение Леонтию сделал император Мануил Комнин между 1172 и 1176 гг. Мы видим, как монарх единолично распоряжается кафедрами, а патриархия, по всей видимости, низведена до роли регистратора его решений. Естественно полагать, что главой важных церковных структур Мануил желал видеть доверенное лицо и проводника своей политики.

В годы церковного кризиса середины XII в. связь епископов с Византией является компрометирующим обстоятельством, служащим летописцу для создания отрицательного образа сторонников «константинопольской» партии, которые своими дейст-

виями провоцировали конфликты и вызывали неприятие со стороны городских общин и князей.

Конфронтационная модель просматривается в деятельности двух иерархов, занимавших, без сомнения, вполне определенное место в сетевой топологии византийской церкви. Епископ Ростова Леонтий дважды изгонялся горожанами и князем, в том числе за введение новых постовых норм, и был вынужден судиться в Константинополе. Описание этого действа, в частности диспут Леонтия с архиепископом Охридским Адрианом и его выпад в адрес императора, не оставляет сомнений в том, что Леонтий хорошо владел греческим языком. Новгородского епископа Нифонта оппоненты обвиняли в намерении сбежать в Константинополь с сокровищами Софии Новгородской. На его связи с Византией недвусмысленно указывает письмо патриарха с выражением поддержки позиции Нифонта в отношении Клима Смолятича, а также детальное знание литургической практики, отраженное в канонических ответах.

Черниговский епископ Антоний, вмешавшись в выборы князя, принес клятву на иконе, которую нарушил, «лесть тая в собе, бяше бо родом гречин». Осуждается он и за позицию по вопросу постов, так же как и его единомышленники Леонтий и митрополит Константин II, на которого даже возлагается вина за разграбление Киева Глебом Юрьевичем. После смерти ростовского епископа Леонтия горожане и князь отвергли византийца («гречина») Николая, и киевскому митрополиту пришлось направить его в Полоцк.

Имеющиеся сведения о византийском прошлом иерархов домонгольского времени позволяют лучше понять мотивацию их поведения на Руси и наметить факторы, которые влияли на их продвижение. Один из них – близость к патриарху, принадлежность к числу его сторонников, в некоторых случаях опосредованные родством с влиятельным митрополитом. Что касается роли императора, то в XI в. сенатский титул церковные функционеры могли получать и после назначения на Русь. Высокое значение этого фактора проявилось только в период правления Мануила Комнина, что могло быть связано с незаурядной фигурой самого правителя.

Какую-то роль должен был играть интеллектуальный уровень претендентов на киевскую кафедру, но явно не всегда он был необходимым условием, что показывает случай евнуха Ио-

анна III. Все известные нам в оригинале или переводах сочинения написаны митрополитами уже на Руси и связаны, главным образом, с текущими делами митрополии, укладываясь в три типа документов: ответы на вопросы, антилатинская полемика и письма князьям. Два исключения – это служба Борису и Глебу, надписанная именем митрополита Иоанна, и послание, которое направил (анти)папе Клименту Иоанн II.

Н.Ю. Гвоздецкая

ЭТНИЧЕСКИЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В КОМПОЗИЦИИ «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ НАРОДА АНГЛОВ» БЕДЫ ДОСТОПОЧТЕННОГО

«Церковная история народа англов» Беды Достопочтенного (672–735, труд написан в 731 г.) дает обширный материал для изучения этнических, религиозных и языковых контактов в эпоху крещения Британии, которые нередко приводили к серьезным конфликтам. В настоящей работе ставится задача выявить место подобных конфликтов в композиции «Церковной истории» с целью изучить их роль в осуществлении авторского замысла. Труд Беды состоит из пяти книг, каждая из которых последовательно освещает этапы христианизации страны (далее текст цит. по: Беда 2001; указываются номер книги и главы).

Книга I в описании Британии (I: 1) представляет мирную картину состояния ее народов и языков: все они (англы, бритты, скотты и пикты) следуют «одной мудрости», будучи объединены посредством латинской книжности, позволяющей им постигать «высшую истину». Упоминаемый здесь этнический конфликт разрешается мирно: пикты, не получив от скоттов земли в Ирландии, поселяются в северной части Британии, еще не занятой бриттами. Взаимоотношения бриттов с завоевателями-римлянами, хотя и включают ряд военных стычек, также представлены скорее в мирном ключе: бритты, устрашившись легионов Цезаря, заключают с ним мир, а впоследствии император Клавдий завладевает страной «в считанные дни» и «без сопротивления и кровопролития» (I: 2–3). Причем тут же (I: 4) упоминается принятие бриттами крещения от римско-

го престола, что можно расценить как награду за их поведение. Гонения Диоклетиана (первый религиозный конфликт в тексте Беды) следуют в тексте сразу за упоминанием обострения военно-политической обстановки в Британии и потому, возможно, выступают в причинной связи с нею (I: 5–6). Кульминация рассказа о противостоянии христиан и язычников достигается в описании мученичества св. Альбана, где разрешение конфликта происходит на небе, ибо души мучеников «вознеслись к радостям Вышнего Града» (I: 7). Следующий религиозный конфликт в Британии – между ортодоксами и еретиками (I: 8, 10) – Беда приписывает слабой вере бриттов, после чего в их характеристиках возрастают негативные черты (I: 12, 14), позволяющие автору оправдать англосаксонское завоевание Британии. Любопытно в рассказе, что рост ересей перемежается с земными нестроениями (I: 8–11), что вкупе, по-видимому, и провоцирует призвание саксов (I: 14–15), чьи военные столкновения с бриттами описываются в библейских тонах, словно Сам Бог определяет их исход: ярость язычников предопределена «мщением Божиим погрязшему в грехе народу» (I: 15). Вначале исход конфликта будто колеблется на весах, ибо местные вожди, как и святые галльские иерархи, совершающие немало чудес, пытаются укрепить веру бриттов (I: 16–20), несмотря на то, что в конфликт вмешиваются злые духи (I: 21). Однако в восприятии Беды поражение бриттов неминуемо: ведь они «не научили вере народы англов и саксов» (I: 22). Последняя треть *Книги 1* посвящена миссии святителя Григория, которая протекает мирно: король Кента, вдохновляемый безгрешной жизнью проповедников и письмами папы, поддерживает посланцев Рима и принимает крещение. Религиозные конфликты переносятся здесь из сферы внешней в сферу внутреннюю: конфликт воли Божией с немощью человеческой природы обнаруживается и в страхе миссионеров проповедовать «варварскому, свирепому и недоверчивому народу, говорившему на непонятном для них языке» (I: 23), и в опасениях короля перед «чарами» миссионеров (I: 25), и в предостережении папы Григория Августину против творения чудес (I: 31), и в колебаниях миссионеров относительно самой вероятности оставления новокрещеными язычниками своих привычек (I: 27, 30).

Книга 2 сосредоточена на крещении Нортумбрии в лице ее короля Эдвина. Здесь Беда продолжает тему внутреннего кон-

фликта совести с прежними убеждениями. Как язычник, Эдвин ждал от нового божества прежде всего земной награды (каковую и получил в виде спасения от меча убийцы, рождения дочери и победы над врагом, II: 9, 13), но окончательно уверовал, лишь вняв философской притче о бренности земной жизни и награде на небесах (II: 13). Вместе с тем повествуется также о противостоянии язычников и христиан, заканчивающемся появлением в одних случаях новых борцов за веру, вдохновляемых помощью свыше (эпизод явления апостола Петра епископу Лаврентию, которому удалось вернуть к вере короля-отступника, II: 6), в других – новых мучеников за веру (именно так трактует Беда гибель короля Эдвина, ср.: II: 20). Не оставлены без внимания и межконфессиональные противоречия, выражающиеся в конфликте между римской и кельтской церковью (отказ иерархов бриттов от предложения Августина принять римский церковный обычай, II: 2; письмо Лаврентия к скоттам по сходному поводу, II, 4).

Книга 3, посвященная возрождению веры в Нортумбрии в правление королей Освальда и Освиу, продолжает мотив противостояния язычников и христиан, который обретает яркие краски в эпизодах победы Освальда под знаком Креста над врагами веры (III: 2) и его мученической кончины на поле боя (III: 9, 12). Конфессиональный конфликт между римским и кельтским христианством достигает апогея при описании собора в монастыре Витби (III: 25), причем Беда не только подает в диалогах вероучительные основания спора, но придает ему оттенок семейного конфликта (между воспитанником ирландских монахов королем Освиу и его супругой из Кента, колыбели римской миссии). И это неслучайно. Ведь супруги соединены не только телом, но и душою, и должны идти по одному пути спасения. По Беде, именно спасение в Боге, а не перевес тех или и иных богословских аргументов оказывается главным в разрешении спора (точку в котором поставили не сами спорящие клирики, а король Освиу, признавший первенство апостола Петра как хранителя ключей от рая). По этой причине важными оказываются для Беды и психологические конфликты внутри одной конфессии – между проповедниками и паствой (эпизод замены неудачливого миссионера епископом Айданом, давшим подопечным «молока простого учения», III: 5; эпизод предречения

епископом Кеддом смерти ослушнику, III: 22). Другим примером «внутриконфессионального» конфликта является отказ монахов Линдсея принять к себе мощи святого короля Освальда, т.к. «он был родом из другой провинции и некогда завоевал их» (III: 11). Этот конфликт можно было бы отнести к разряду этнических, если бы не его политическая окраска. Удачи и неудачи в языковой коммуникации представлены в трех эпизодах: Освальд успешно переводит устную речь Айдана (III: 3); парижский епископ Агильберт признается в недостаточном владении языком англов на соборе Витби, где «прилежным» переводчиком и англов, и скоттов выступает епископ Кедд (III, 25); упомянутый Агильберт (родом галл, владевший, видимо, франкским диалектом) лишается места в королевстве Уэссекс из-за своей «варварской» речи (III: 7).

Книга 4 представляет плоды деятельности второй римской миссии, благодаря которой всеанглийские соборы во главе с архиепископом Теодором становятся органом разрешения конфликтов, прежде всего разногласий ортодоксов (последователей правил Вселенских соборов) и не-ортодоксов в пользу первых (IV: 5, 17). Противоборство язычников и христиан отодвигается на окраины Англии, однако по-прежнему дает и новых борцов за веру (епископ Вилфрид в Сассексе, IV: 13), и новых мучеников (юноши на о. Векта, IV: 16). Межконфессиональный конфликт обретает в рассказе этническую окраску: скотты и англы, уехавшие в Ирландию как приверженцы кельтского обряда, не смогли жить вместе, якобы по причине лености скоттов, и разделились на две обители, причем только англы прославляются как принявшие впоследствии «верное правило» (IV: 4). Умножение сцен видений обнаруживает контакты с потусторонним миром, конфликт сил бесовских и ангельских (Гвоздецкая 2021), призывающий человека к бдительности (Rowley 2009).

Книга 5 описывает состояние «народа англов», современное Беде, чье внимание привлекают теперь, однако, не этносы, правители и иерархи, а частная жизнь отдельного человека, состояние его души и отношения с Богом, выражающиеся нередко в целом ряде чудес. Акцент смещается на конфликт добра и зла в духовном мире, повторяются сцены видений Иного мира.

Церковная история народа англов видится Беде не просто как череда мирских событий, а как реализация в земной жизни Про-

мысла Божия, отчего почти все представляемые им конфликты имеют трансцендентальный смысл. Противостояние христиан и язычников направлено на укрепление веры. Этнические разногласия направляются и разрешаются силою свыше. Военные и политические конфликты интересуют Беду не сами по себе, а как повод показать работу Провидения в истории, средство наказания или исправления: за жестоким нападением Эгфрида на скоттов последовала его гибель, а убийство королем Освиу соперника послужило покаянию убийцы. Языковые барьеры преодолеваются при осуществлении высокой цели, а само их наличие тоже является провиденциальным: Агильберт оказался более полезным в Париже в роли наставника Вилфрида, нежели в роли провинциального епископа западных саксов. Внутриконфессиональные конфликты не разрабатываются в деталях, если только не служат дидактической цели: пример епископа Хада, смиренно подчинившегося Теодору, для Беды дороже, чем столкновение с королями и иерархами Вилфрида, которому отводится место лишь в конце труда. В плане описания межконфессиональных конфликтов Беда планомерно отстаивает истину, которую видит в следовании традициям вселенской церкви, однако умеет отделить человека от его неправомыслия, сочиняя панегирик евангельскому образу жизни ирландского монашества. Его «история спасения» касается не одного «народа англов», но каждого отдельного его представителя, отчего центральное место обретают в конце его труда конфликт добра и зла в человеческом сердце.

Источники и литература

Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. с лат., ст., примеч., библиогр. и указатели В.В. Эрлихмана; Отв. ред. С.Е. Федоров. СПб., 2001.

Гвоздецкая Н.Ю. Функции видений в «Церковной истории народа англов» Беды Досточтимого // Атлантика. Записки по исторической поэтике. М., 2021. Вып. 17. С. 5–20.

Bede's Ecclesiastical History of the English People / Ed. and transl. by B. Colgrave, R.A.B. Mynors. Oxford, 1969.

Rowley Sh.M. The Role and Function of Otherworldly Visions in Bede's *Historia ecclesiastica gentis Anglorum* // The World of Travellers: Exploration and Imagination. Louvain, 2009. (Series Mediaevalia Groningana; 6).

Т.В. Гимон, А.А. Кузнецов

ФИННО-УГРЫ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ (XI–XIII вв.): ОБЗОР ТРУДНОСТЕЙ

Летописи и другие письменные источники пестрят упоминаниями финно-угров Восточной Европы, но их информативность ограниченна, а интерпретация зачастую сопряжена с трудностями, обзор которых мы бы хотели представить в настоящем докладе.

Проблематична локализация многих финно-угорских этносов. Так, в «Повести временных лет» (ПВЛ) при описании «Афетовой» части после Руси следуют «чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, моръдва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, югра» и народы, что «преседять» к Балтийскому морю. В *ями* могут усматривать *емь* Новгородской I летописи (Н1) и 1220-х годов Лаврентьевской летописи (Лавр.) (Рябинин 2014), проживавшую на территории будущей Финляндии. Но помещение в ПВЛ *ями* между *печерой* и *югрой*, рядом с *самоядью* (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234–235; Т. 2. Стб. 224–225) противоречит этой гипотезе, заставляя видеть в *ями* какую-то другую общность, проживавшую восточнее.

В этногеографической части ПВЛ *мордва* «тянет» к устью Оки. А в 1103 г. *мордва* воевала с муромским князем (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 280; Т. 2. Стб. 256; Т. 3. С. 19, 203). Другие сведения о *мордве* связаны с основанным в 1221 г. Нижним Новгородом (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 448–449, 450–451, 459). В 1239 г. «Мордовская земля» разорена монголами, двинувшимися на Муром и Гороховец (Там же. Стб. 469). Возникает впечатление широкого расселения мордвы, выходившего к Руси и у Мурома, и у устья Оки. Следовательно, *мордва* могла восприниматься и как общий массив (в ПВЛ начала XII в.), и как отдельные его части в начале XII и первой трети XIII в.

Подобное отмечается и в связи с *чудью*: сначала она подается в летописях как единое целое, а ее представители – как участники древнерусского политогенеза и важных событий X в. Но уже в начале ПВЛ фиксируются среди «всех языцев» «Заволочьская чудь» и *чудь*, плативщая дань Руси (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 4, 11; Т. 2. Стб. 4, 8). В XI–XIII вв. слово *чудь* могло обозначать как эстов, так и, очевидно, другие финноязычные группы, в том числе в

Заволочье (см. библиографию: Селарт 2010. С. 292, примеч. 35). А в составе эстонской *чуди* летопись упоминает локальные группы: *сосолы*, *ерева*, *торма* (ПСРЛ. Т. 3. С. 52, 183, 52, 250–251). Примечателен поход «на чюдь на очелу» 1179 г. (Там же. С. 36, 225): если *очела* – это группа латгалов, то *чудью* могли называть не только финно-угров (есть, впрочем, и североэстонская версия локализации *очелы*, см.: Селарт 2010. С. 293).

В *черемиси* этногеографического экскурса ПВЛ, указанной между *муромой* и *мордвой* у устья Оки (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 10–11; Т. 2. Стб. 8), часто усматривают черемись(у)-марийцев в привычном их ареале на левобережье Волги (см. историографию: Кузнецов 2017. С. 61–62, 64–65). Однако в летописании XV в. происходит замена *черемиси* в части ПВЛ на *мещеру* – между теми же *мордвой* и *муромой* (ПСРЛ. Т. 25. С. 339 и др.). Системное изучение письменных источников позволило предположить: существовала этно-территориальная общность *черемись(а)* на левобережье Оки от среднего и нижнего течения Клязьмы на восток до Волги и территории правого берега Оки напротив устья Клязьмы; со второй половины XIII в. этноним/хороним *черемись* вытеснен онимом *мещера* (см. подр.: Кузнецов 2017).

Локализация финно-угорских общностей крайне затруднена, когда они упомянуты в источниках лишь один–два раза. Так, в 1210 г. владимирский князь Всеволод Юрьевич послал войско на некую *тепру*, и она же фигурирует в списке народов ПВЛ в варианте Троицкой летописи рядом с *пермью*. В верхневолжском регионе и сейчас есть ряд деревень с названием *Тепра*, а общий исторический контекст не исключает того, что общность *тепра* проживала где-то в Заволжье (см. подр.: Гимон 2019). То, что *тепра* – этноним, подтверждается существованием в XVII в. недалеко от Галича Костромского *Теприновского* (*Тепринова*) *стана* (Холмогоров 1895. С. 64; Каталог 2010. С. 413).

Вяда упомянута в «Слове о погибели русской земли» (СПРЗ) – между *черемисой* и *мордвой* – и, возможно, у венгерского монаха Юлиана. Предполагалось, что *вяда* – субэтнос *мордвы* или *черемиси*, соотносимый с «Ватцкой мордвой» XVI в. по р. Пьяне (Тихомиров 1951. С. 238). Это в сочетании с «землей сарацинов Вя(е)да» и «Wedin regna», упомянутой в отчетах Юлиана, позволило поместить *вяду* к юго-западу от Булгара, в границах Пензен-

ской и Саратовской областей второй трети XX в. (Соловьев 1958. С. 102–104). Но позднее выяснилось, что «Ватцкая мордва» именовалась по притокам Пьяны – Вадку и Ватьме (Мокшин 1994. С. 78), и мордовская принадлежность *вяды* была отвергнута.

СПЗР сообщает еще о «поганых» *тоймичах*. Они, очевидно, обитали по берегам Нижней и Верхней Тоймы, притоков Северной Двины (Соловьев 1958. С. 80; Горский 1999. С. 315). *Тойма* уже в Уставе Святослава Ольговича 1137 г. обозначена как место сбора дани новгородцами (ПРП. Вып. 2. С. 117). А в 1217/18 г. владимирские князья не пустили через свою землю новгородцев «на тоимокары» (ПСРЛ. Т. 3. С. 59, 260). Перечень погостов в Уставе 1137 г. определяет постановку еще одной проблемы. Если *тоймичи* – производное гидронима, то местное население других погостов тоже могло именоваться по топонимам. Следовательно, *тоймичи* могли быть не отдельным этносом, но частью какой-то финно-угорской общности.

Даже в, казалось бы, бесспорных случаях, таких как *мордва*, имеются детали, подрывающие однозначность толкования, например, некая *Пургасова Русь*, упомянутая в связи с предводителем *мордовского* племени Пургасом под 1229 г. А противостоявший ему Пуреш, ротник владимирского князя (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 451), считается предводителем другого мордовского племени. Но кроме созвучия имен *Пур*гас – *Пур*еш(а) нет оснований считать второго предводителем мордвы. Пурешев сын командовал половцами, так что сообщение о будто бы мордовской роте укладывается в контекст известных по источникам половецких рот (благодарим за указание А.С. Щавелева).

Еще один проблемный блок связан с типологией форм русско-(владимирско-, новгородско-)финно-угорских отношений. Распространено представление о зависимости едва ли не всех финно-угров от князей Руси. Оно проистекает из списка народов, плативших дань Руси, в ПВЛ: если князья и совершали походы на тех или иных финно-угров, то лишь потому, что те временно отпадали от Руси (см. в отношении *еми*: Шаскольский 1941. С. 100; 1978). Но список данников Руси в ПВЛ надо ограничить *чудью*, *мерей*, *муромой* и *весью* (Петрухин 2012. С. 213–214). Анализ летописных сведений о *еми* показывает, что эта общность вряд ли была зависима от Руси: их отношения в XI–XIII вв. всегда были конфликтны. Од-

нако в Уставе 1137 г. в числе погостов указано «у Еми скора», что толкуется в комментариях как «у корелов» (ПРП. Вып. 2. С. 121). Такая трактовка сомнительна (*емь* и *корела* в древнерусских источниках не смешиваются); возможно, какая-то часть *еми* в XII в. платила Новгороду дань, хотя конкретизировать это пока нельзя.

Типологически схожими были, видимо, отношения с *мордвой*. Кроме ее упоминаний в этногеографической части ПВЛ, они всегда конфликтны (см.: Кузнецов 2012). Подобное отмечается и для прибалтийской *чуди* (см.: Guimon 2015; историографический очерк см.: Селарт 2010).

Не всегда ясен характер отношений с финно-угорскими общностями, бывшими под политическим влиянием русских княжеств или являвшимися их союзниками. Применительно к общностям финно-угров, входившим в политическую орбиту Новгорода (*водь*, *ижора*, *корела*), определяются три этапа: 1) данническая зависимость (до начала XIII в.); 2) вхождение в новгородскую политию на правах автономной составляющей, сопоставимой с городами-«пригородами» (см. известия Н1 под 1241, 1270 и 1316 гг.; другие данные этого времени также говорят о некоторой сопоставимости статуса Пскова и *корелы*); 3) лишение какой-либо субъектности в составе Новгородской земли (вероятно, к 1330-м годам) (см.: Гимон 2017). Но новгородское летописание дает хотя бы крупицы сведений на этот счет. Аналогичных данных о взаимоотношениях владимирских князей с финно-угорскими общностями нет.

С этой проблемой связан вопрос о христианизации финно-угров. Единственное прямое свидетельство о ней – известие Лавр. под 1227 г. о крещении Ярославом Всеволодичем *корелы* (см.: Кузнецов 2014). В «Житии Александра Невского» ижорянин Пелгусий назван в крещении Филиппом, жившим среди своего «поганого» рода. Данные археологии и зарубежные источники тоже указывают на приверженность как минимум части *корелы*, *ижоры* и *води* язычеству в XIII – начале XIV в. (см. отсылки: Гимон 2017. С. 53). В СПЗР только упомянутые после карел *тоймичи* названы «погаными». Перед нами – фрагменты многомерной ситуации, которая вряд ли может быть реконструирована во всей полноте.

Сложный вопрос – упоминание в древнерусских источниках укрепленных пунктов финно-угров. В абсолютном большинстве

случаев таковых нет. Исключение – прибалтийская *чудь*. Уже в 1054 г. упомянут «осекь Кедипив, сирѣчь Солнца рука» (ПСРЛ. Т. 42. С. 65) (вероятно, городище Кеава); в XII в. в качестве целей новгородских походов значатся *Медвежья Голова* (Оденпе, 1116 г.) и Юрьев (1133, 1191 гг.). Для сравнения: при всей многочисленности сообщений о войнах с *емью*, первый упомянутый укрепленный пункт в их земле – Ванай под 1311 г., когда земля *еми* уже была частью Шведского королевства. В 1193 г. упомянуты без названий два «города» *югры* (ПСРЛ. Т. 3. С. 40–41, 232–233).

Почти все упоминания финно-угров, будь то в летописях или в источниках других видов, носят единичный и, зачастую, случайный характер – за исключением военных событий. Так, в новгородском летописании XII–XIII вв. присутствует много известий о конфликтах с *чудью* и *емью*, в летописании Северо-Восточной Руси за 1220–1230-е годы – с *мордвой*. Здесь, вероятно, информация источников близка к полной. Применительно к новгородскому летописанию о высокой степени систематичности фиксации военных предприятий говорит сравнение с «Хроникой Ливонии» Генриха Латвийского. Оно же свидетельствует о том, что Н1, как правило, не отмечала походов, совершавшихся одними псковичами (без участия новгородцев), хотя фиксировала нападения той же *чуди* на Псков (см.: Гимон 2011). Единственным в своем роде является известие о походе *корелы* на *емь* под 1143 г. (ПСРЛ. Т. 3. С. 26–27, 212–213).

В отличие от походов на *чудь*, *емь* и *мордву*, военные акции против финно-угров, проживавших восточнее, упоминаются в летописях редко: мы знаем только о походах новгородцев на *югру* (1193 г.) и «на тоимокары» (1217/18 г.), владимирского войска – на *тепру* (1210 г.). Очевидно, что это лишь эпизоды истории колонизации Новгородом и Владимиром земель на Севере и Востоке, почти не освещенной письменными источниками.

Литература

Гимон Т.В. Военная история Балтийского региона в XII–XIII вв. и новгородская летопись // Висы дружбы: Сб. ст. в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 74–82.

Гимон Т.В. К вопросу о статусе финноязычных «племен» в составе новгородской политии (XII – первая половина XIV в.) // Единая российская нация: Проблемы формирования ее идентичности: Сб.

ст. участников Всерос. научно-практич. конф. (25–27 октября 2017 г.). Арзамас; Саров, 2017. С. 51–56.

Гимон Т.В. Тепра (тепьра) Лаврентьевской и Троицкой летописей // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2019. № 4. С. 9–14.

Горский А.А. К вопросу о датировке «Слова о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 40. С. 313–320.

Каталог писцовых книг Русского государства. М., 2010. Вып. 4: Писцовые книги Верхнего Заволжья / Отв. сост. М.Ю. Зенченко.

Кузнецов А.А. Отношения мордвы и Руси. Размышления в связи с 1000-летием единения мордовского народа с народами России // Центр и периферия. 2012. № 3. С. 12–17.

Кузнецов А.А. Крещение карел в контексте военно-политических практик Новгорода и Владимирского княжества // ВЕДС. 2014. [Вып.] 26: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. С. 153–158.

Кузнецов А.А. Черемись-мещера Нижнего Поочья // Единая российская нация: проблемы формирования ее идентичности: Сб. ст. участников Всерос. научно-практич. конф. (25–27 октября 2017 г.). Арзамас; Саров, 2017. С. 61–65.

Мокшин Н.Ф. Из истории мордовско-тюркских связей // Этнографическое обозрение. 1994. № 3. С. 75–86.

Петрухин В.Я. Финские племена и призвание варягов // ВЕДС. 2012. [Вып.] 24: Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. С. 211–216.

Рябинин Е.А. Емь // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия. М., 2014. С. 276.

Селарт А. Власть русских князей в Прибалтике в XI–XIII вв.: источники и интерпретация // Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века и раннее Новое время: Сб. ст. памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 284–294.

Соловьев А.К. Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ. Л., 1958. Т. 15. С. 78–115.

Тихомиров М.Н. Где и когда было написано «Слово о погибели русской земли» // ТОДРЛ. Л., 1951. Т. 8. С. 235–246.

Холмогоров В.И. Материалы для истории Костромской епархии. Кострома, 1895. Вып. 1, отд. 1: Галичская десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею, Кологривом, Парфеньевым и Чухломой жилых данных церквей. 1628–1710 и 1722–1746 гг.

Шаскольский И.П. Емь и Новгород в XI–XIII веках // Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. ист. наук. 1941. Вып. 10. С. 93–115.

Guimon T.V. Estonia during the Eleventh and Twelfth Centuries in the Novgorodian Chronicles // Forschungen zur baltischen Geschichte. Tartu, 2015. Bd. 10. S. 31–45.

Т.Н. Джаксон

«САГА О ГРИМЕ МОХНАТАЯ ЩЕКА»: «ФИННЫ», ТРОЛЛИ/ВЕЛИКАНЫ, «ЛЮДИ С ХРАВНИСТЫ» И ПЕРВЫЙ ИСЛАНДСКИЙ ЗАКОНОГОВОРИТЕЛЬ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛИ ОДНОГО РОДА

Среди древнеисландских «саг о древних временах» исследователи выделяют группу из четырех саг, обозначаемых как «саги о людях с Хравнисты». В их число входят – если разместить их по хронологии описываемых в них событий – «Сага о Кетиле Лососе» («Ketils saga hængs», далее – *Ket*), «Сага о Гриме Мохнатая Щека» («Gríms saga loðinkinna», далее – *GrL*), «Сага об Одде-Стреле» («Qrvar-Odds saga», далее – *Qrv*) и «Сага об Ане Сгибателе Лука» («Áns saga bogsveigis», далее – *Án*). По восстанавливаемой хронологии записи их порядок – несколько иной. *Ket* написана, вероятно, в XIII в. (Ciklamini 1993. P. 352–353). Есть свидетельства того, что сага существовала уже в первой трети XIII в., поскольку автор «Саги об Эгиле», как кажется, был знаком с ней (Baldur Hafstað 1995; Torfi Tulinius 2005. P. 452). Концом XIII или началом XIV в. датируется *Qrv*, сохранившаяся в трех редакциях – краткой (S, рукопись начала XIV в.), промежуточной (M, втор. пол. XIV в.) и пространной (A, B, XV в.), значительно отличающихся одна от другой (Kroesen 1993; Вестейн Оласон, однако, считает ее старшей из четырех саг: Vesteinn Ólason 1994. P. 104). *GrL* была сочинена в начале XIV в. (Jorgensen 1993). Относительно *Án* известно лишь, что самая ранняя рукопись, в которой она сохранилась, – начала XV в., однако имеется вероятность того, что у писца был доступ к двум более ранним рукописям (Campbell 1993).

Соотношение этих саг между собой и их принадлежность к одной группе всегда были и по сей день остаются предметом дискуссии. О вероятности того, что за этими четырьмя сагами стоит – хоть и сильно измененная в процессе создания письменных саг и их последующих редакций – устная традиция, исследователи говорят на основании того, что сведения о «людях с Хравнисты» и их потомках присутствуют в традиции, отличной от традиции «саг о древних временах» (в «родовых сагах», в

«Книге о занятии земли»), и того, что имеются расхождения в генеалогиях, отображающих соотношение этих персонажей друг с другом и с их потомками (Mitchell 2009; Leslie 2010; Simek, Broustin 2021. P. 458).

Ряд первопоселенцев в Исландии, если судить по «Книге о занятии земли», был связан с о. Хравниста. Так, один из них – Кетиль Лосось, полный тезка своего деда, протагониста *Ket*, – считается, как и его двоюродный брат Скаллагрим, одним из самых влиятельных поселенцев, поскольку от них пошли два наиболее значительных клана конца эпохи народовластия в Исландии – жителей усадьбы Одди и Стурлунгов (Clunies Ross 1998. P. 189). Среди потомков «людей с Хравнисты» много знаменитых исландцев: и Хравн Кетильссон, первый исландский законоговоритель (в 930–949 гг.), и знаменитый скальд Эгиль Скаллагримссон (ок. 910–990), и Гицур Белый (ум. 1117), активный сторонник принятия христианства в Исландии, и его сын Ислейв (1006–1080), первый исландский епископ в 1056–1080 гг., и Йон Лофтссон (1124–1197), воспитатель Снорри Стурлусона, и многие другие (Kruse 2019. S. 39; см. генеалогические таблицы потомков Кетиля Лосося и Ана Сгибателя Лука: Simek, Broustin 2021). По подсчетам Ч. Робинсона, 9 основных действующих лиц *Ket* и *GrL* были упомянуты в «Книге о занятии земли» как люди родом с Хравнисты (Robinson 2015. P. 59). Вполне логичным выглядит предположение, что истории о «людях с Хравнисты» рассказывались и передавались из поколения в поколение (с неизбежными потерями и искажениями) именно их потомками (Kroesen 1993; Ramsta-sagaene 2002. S. 31). Сохранности в этих рассказах бытовых деталей способствовало также и то, по мнению Х. Лесли, что условия жизни первопоселенцев в Исландии, где сообщество бондов должно было бороться за выживание в далеко не идеальных условиях, мало чем отличались от жизни обитателей о. Хравниста (Leslie 2010. P. 207).

Вместе с тем не раз высказывались сомнения относительно реальной связи саг внутри данной группы. На основании составленного ею (при участии Т. Уилса) каталога всех 147 рукописей, содержащих хоть одну из четырех означенных саг (https://onp.ku.dk/q-122 [дата обращения: 21.01.2022]),

П. Эллитон (Ellyton 2021) продемонстрировала, что большое влияние на восприятие саг как группы оказала рукопись XV в. AM 343 a 4to, впервые включившая все четыре саги (см., например: Orning 2017). Проведенный ею анализ литературных элементов и параллелей между данными сагами выявил существенные различия в жанре, тематике и литературном стиле, что, по ее мнению, противоречит идее об изначальной связи группы. Исследовательница полагает, что первоначально связь, хотя и частичная, образовалась между *Ket* и *GrL*, после чего эти саги были объединены с *Qrv*, и лишь затем к группе была добавлена *Án*, что и произошло именно при написании рукописи AM 343 a 4to (ок. 1450–1475 гг.).

Кто бы ни был прав в этом споре, в глазах современного читателя (как и ряда исследователей) объединяет эти саги как минимум то, что их главные герои воспринимают о. Хравниста как свою родину: кто-то из них всегда туда возвращается, кто-то при знакомстве добавляет, что он «с Хравнисты». Кроме того, все титульные персонажи четырех саг состоят в более либо менее близких родственных отношениях друг с другом. Остров *Hrafnista* (о. Рамста) расположен на севере Норвегии – в устье Фолла-фьорда в Намдале на севере Трёнделага. Приключения героев означенных саг происходят еще дальше к северу от этих мест, там, где обитают «финны» (саамы), а также различные сверхъестественные существа – тролли, великаны и др. «Люди с Хравнисты», заключавшие порой браки за пределами своего людского сообщества, а именно, с великанами и троллями, как о том повествуют саги, оказались самой «экзогамной легендарной династией германского мира» (Straubhaar 2012).

Грим Мохнатая Щека, о котором пойдет речь, был сыном Кетиля Лосося, сына Халльбьёрна Полутролля, сына Ульва Бесстрашного. Об Ульве говорится в «Перечне скальдов», что он «был знаменитым херсиром в Норвегии, в Наумдале, отец Халльбьёрна Полутролля, отца Кетиля Лосося. Ульв за одну ночь сочинил драпу и рассказал о своих героических деяниях. Он умер на рассвете» (Edda 1954). Прозвище его сына Халльбьёрна, *hálftröll*, указывает на то, что тот был рожден женщиной-троллем. О матери Кетиля в означенных сагах не говорится. А вот матерью Грима была Хравнхильд, дочь «финна»

Бруни, высокая, мужеподобная, с лицом шириной в локоть, которую Халльбьёрн называет «троллем». О соотношении «финнов» и троллей в сагах, о том, что «(полу)тролль» могло означать «(полу)финн» только с уничижительным оттенком, о том, что на «финнов», этнически и внешне иных, чем они сами, норвежцы и исландцы могли переносить свои представления о сверхъестественном, мифическом и опасном Севере, мне уже доводилось писать (см.: Джаксон 2022; там же – литература).

В данном докладе я представлю слушателям двуединый Север – мифическое место чудес и диковинных обитателей и реальное место добычи пропитания. Герой саги Грим, сам то ли финн, то ли тролль, применяя волшебное оружие (стрелы «Дар Гусира») и магические навыки (умение наполнять ветром паруса), побеждает обитающих к северу от Холугаланна троллей и великанов, убивает двенадцать берсерков, освобождает от колдовства свою невесту (см. множество сказочных параллелей к этому месту в: Тиандер 1906. С. 76–80). Но пускается он в путь на север не с целью показать себя или прославиться, а потому что в Холугаланне случился очередной неурожай и нужно добывать средства для пропитания. Сага отражает географию Севера (Финнмарк, Гандвик), описывает (устами женщины-тролля) царящие там холод и стужу, называет возможную добычу (множество дичи и выброшенных на берег китов), добавляет бытовые подробности, явно отражающие реальность. Сага демонстрирует, что, будучи преодолены, чудеса магического и трудности реального Севера могут обернуться обильными ресурсами. Прославляя ум и храбрость одного из «людей с Хравнисты», сага вносит свой вклад в сотворение мифов о происхождении исландцев, которые возводили свои знатные роды к этим обитателям севера Норвегии (Figenschow, Holt, Tveit 2020. P. 16).

Литература

Джаксон Т.Н. «Финны» в «Саге о Кетиле Лососе» // Археологические вести: Памяти А.Н. Кирпичникова. СПб., 2022 (в печати).

Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.

Baldur Hafstað. Die *Egils saga* und ihr Verhältnis zu anderen Werken des nordischen Mittelalters. Reykjavík, 1995.

Campbell C. Áns saga bogsveigis // MSE. P. 16–17.

Ciklamini M. Ketils saga hængs // MSE. P. 352–353.
Clunies Ross M. Prolonged Echoes: Old Norse Myths in Medieval Northern Society. Odense, 1998. Vol. 2: The Reception of Norse Myths in Medieval Iceland.
Edda Snorra Sturlusonar, nafnaþulur og skáldatal / Guðni Jónsson. Reykjavík, 1954.
Ellyton P. En fædrene forbindelse? Om sammenhængen mellem de fire *Hrafnistumannasögur* // Gripla. 2021. B. 32. Bls. 101–133.
Figenschow S., Holt R., Tveit M. Introduction // Myths and Magic in the Medieval Far North: Realities and Representations of a Region on the Edge of Europe. Turnhout, 2020. P. 11–18.
Gríms saga loðinkinna // Fornaldar sögur Norðurlanda / Guðni Jónsson. Akureyri, 1954. B. 2. Bls. 183–198.
Jorgensen P.A. Gríms saga loðinkinna // MSE. P. 243–244.
Kruse M. Troll und Mensch – Die Darstellung des "Mischlings" (blendingr) in der altisländischen Literatur // Nordeuropaforum. Zeitschrift für Kulturstudien. Jhg. 2019. S. 34–54.
Kroesen R. Qrvar-Odds saga // MSE. P. 774.
Leslie H.F. "The Matter of *Hrafnista*" // Quaestio Insularis. 2010. Vol. 11. P. 169–208.
Mitchell S.A. The Supernatural and the *fornaldarsögur*. The Case of *Ketils saga hængs* // Fornaldarsagaerne, myter og virkelighed / A. Ney et al. København, 2009. P. 281–291.
Orning H.J. The Reality of the Fantastic: The Magical, Political and Social Universe of Late Medieval Saga Manuscripts. Odense, 2017. (The Viking collection; 23).
Ramsta-sagaene / Oversatt av Liv Kjørsvik Schei, innledning og noter av Hermann Pálsson. Aschehoug, 2002.
Simek R., Broustin V. Wise Men and Half Trolls // Folklore and Old Norse Mythology / Frog and J. Ahola. Helsinki, 2021. P. 451–469. (The Kalevala Society Folklore Fellows' Communications; 323)
Straubhaar S.B. Iarpskammr: Tribal Taxonomy and Transgressive Exogamy in the *Fornaldarsögur* // The Legendary Sagas: Origins and Developments / A. Lassen, A. Ney, Ármann Jakobsson. Reykjavík, 2012. P. 103–119.
Torfi H. Tulinius. Sagas of Icelandic Prehistory (*fornaldarsögur*) // A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture / Ed. by R. McTurk. Oxford, 2005. P. 447–461.
Vesteinn Ólason. The Marvellous North and Authorial Presence in the Icelandic fornaldarsaga // Contexts of Pre-Novel Narrative: The European Tradition / Ed. by R. Eriksen. B.; N.Y., 1994. P. 101–134.

Д.А. Добровольский, М.Л. Лавренченко

РУССКИЕ ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ В ЕВРОПЕ XII–XIII вв.: ПРАКТИКИ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Матримониальные связи Рюриковичей с правящими династиями Европы привлекают внимание многих исследователей (Пашуто 1968. С. 31–56, 151–185; Назаренко 2001. С. 559–648; 2009; Raffensperger 2012. P. 71–114; Makaryk Zajac 2017; и др.). Большое внимание уделяется конфессиональным различиям Руси и ее ближайших внешнеполитических партнеров, со всей яркостью обозначившимся после Схизмы 1054 г. Церковь относилась к межконфессиональным бракам подчеркнуто негативно. Однако брачные союзы между Рюриковичами и правящими домами соседних государств продолжали заключаться, причем далеко не всегда под давлением политических обстоятельств. Не у всех правительниц иностранного происхождения жизнь на новой родине складывалась успешно. Некоторые (Кунигунда фон Орламюнде, Евпраксия Всеволодовна), овдовев или разведясь, возвращались обратно, или даже – как жена венгерского короля Кальмана Книжника, Евфимия Владимировна – оказывались высланы по неизвестным причинам. Но многим удавалось завоевать прочные позиции и даже проводить собственную политику, несмотря на конфессиональные различия, которые по идее должны были бы осложнить вхождение в новую социокультурную среду.

Среди иностранок-жен русских князей особое место занимает, несомненно, княгиня Гертруда, дочь Мешко II и супруга князя Изяслава Ярославича. Даже после нескольких изгнаний и пленений, смерти супруга и сына она не вернулась в Польшу. Более того, помимо молитв на латинском языке, внесенных в принадлежавший ей экземпляр Псалтири и воплотивших ее ежедневные тревоги, сохранилось свидетельство об основании ею в Киеве женского монастыря св. Николая, считавшегося – судя по некоторым признакам – весьма престижным (Поппэ 2007. С. 221–222). Религиозные различия (как видно из той же Псалтири, княгиня сохраняла верность «родному» для нее латинскому обряду) на авторитете Гертруды практически не сказались.

Нетрудно подобрать и «симметричные» примеры из числа русских невест, оказавшихся на Западе в XII–XIII вв. В. Заблоцкий, специально исследовавший биографию одной из таких правительниц, убежден, что в родительском доме его героиня «несомненно» получила «строгое воспитание в атмосфере православной религиозности», для которой было свойственно «недоверие к католицизму». С этой точки зрения, глубокая интеграция княжон из дома Рюриковичей в культурные и особенно религиозные практики Запада «заставляет задуматься» (Zabłocki 2012. S. 90). Однако число таких парадоксальных карьер оказывается достаточно велико, чтобы видеть за ними определенную тенденцию.

Яркий пример русской женщины, вышедшей на первые роли в политике и культуре соседней страны, – Евфросиния Мстиславна, дочь киевского князя Мстислава Владимировича. Семья Евфросинии отличалась широкими международными связями. В частности, бабушка княжны, Гида, была тесно связана с кёльнским монастырем св. Пантелеймона, что послужило распространению культа этого святого среди русских князей (Назаренко 2001. С. 596), а единокровные сестры стали супругами виднейших правителей скандинавских стран. В 1145 г. Евфросиния, очевидно, при непосредственном участии ее старшего брата Изяслава, была выдана замуж за короля Венгрии Гезу II (об обстоятельствах и дате брака см.: Домбровский 2015. С. 167, 172–175) и вскоре приобрела достаточное влияние, чтобы самой содействовать заключению династических браков («Изяславъ, сгадавъ съ зятомъ своимъ королемъ, и съ сестрою своею королевою, и пояша у бана дчерь за Володимера». – ПСРЛ. Т. 2. Стб. 407; имеется в виду брак младшего брата Евфросинии с дочерью бана Рашки и палатина Венгрии Белоша).

В 1162 г. Геза II умер, и поскольку первенец и наследник короля – Иштван – еще не достиг совершеннолетия, Евфросинии пришлось включиться в политическую борьбу, прежде всего с византийским императором Мануилом Комнином, имевшим собственных кандидатов на венгерский трон. Важную роль в этой борьбе должен был сыграть союз с чешским князем Владиславом II, очевидно, доставшийся Евфросинии в наследство от брата Изяслава, умершего в 1154 г. (ср. упоминание Владислава как «свата» Изяслава в Киевской летописи под 6657 [1149] г.:

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 384). В итоге Иштван III скоропостижно скончался в 1172 г., Евфросиния борьбу проиграла, провела какое-то время в заключении, а затем через Византию отправилась в Иерусалим, где проживала в монастыре Ордена госпитальеров, которому оказывала значительную финансовую поддержку. Тесные связи венгерской королевы со знаменитым рыцарским орденом Запада можно объяснить тем, что после брака Евфросиния перешла в католичество. Однако полностью порвав с православием, она вряд ли сохранила бы свое имя, столь типичное для женщин из рода Рюриковичей (еще семь несомненных примеров: Литвина, Успенский 2006. С. 544–545), но известное нам – примечательным образом – только по документам на латинском языке (Домбровский 2015. С. 170). Скорее, следует допустить некую ситуативную религиозность, допускавшую взаимодействие поверх конфессиональных границ.

Н. Макарык Заяц отмечает, что интеграция Евфросинии в культуру Запада была во многом подготовлена специфическим контекстом Венгрии XII в., где западное христианство традиционно соседствовало с восточным, а политические интересы правителей подсказывали союз не только с Русью, но и с Сербией (Рашкой); особую роль исследовательница уделяет матери Гезы II Илоне Сербской, поддержка которой могла бы содействовать «приспособлению» Евфросинии «к новому культурному окружению» (Makaryk Zajac 2017. P. 266–268). Вместе с тем случай Евфросинии далеко не единственный и может быть дополнен примерами, относящимися к иным регионам. В частности, с историей венгерской королевы целесообразно сопоставить судьбу Гремиславы, с большой вероятностью дочери Ярослава Владимировича (Домбровский 2015. С. 642–647), супруги краковского князя Лешека Белого, сыгравшей заметную роль в польской политической и церковной жизни первой половины XIII в.

Биографии Евфросинии и Гремиславы характеризуются значительным сходством. Как и королева Венгрии, краковская княгиня значительную часть жизни провела в статусе вдовы. Как и Евфросиния, Гремислава противостояла влиятельным родственникам, покушавшимся на права ее несовершеннолетнего сына; различие состоит разве что в роли внешних факторов, конфигурация которых в Польше середины XIII в. была иной, чем в

Венгрии веком раньше, когда их действие во многом обусловило изгнание Евфросинии. Наконец, как и Евфросиния, Гремислава сохранила связи с Русью и в 1245 г. поддержала представителя черниговской ветви Рюриковичей Ростислава Михайловича против Даниила Галицкого (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 800; дата: Грушевський 1901. С. 32; Галицко-Волынская летопись 2005. С. 266). Но особенно примечательны в контексте настоящего исследования связи Гремиславы с иерархами церкви и монастырями в Малой Польше, которые воплотились в пожертвованиях и привилегиях, данных ее сыном Болеславом V «совместно с матерью» («una cum dilecta matre nostra». – CDP. T. 3. P. 65) или даже «по настоянию» последней («secundum instantiam dilectissime matris nostre». – Ibid. P. 57).

Первый из такого рода документов – привилегия епископу Куявскому Михаилу на право охоты в окрестностях Вольбожа (CDP. T. 1. P. 31–32) – был выдан от имени самой Гремиславы спустя несколько месяцев после гибели Лешека Белого и может объясняться стремлением вдовы «компенсировать» свое нестабильное положение за счет «активных контактов с церковью» (ср.: Zabłocki 2012. P. 89–90). Однако немалые пожертвования приходятся на 1250-е годы, когда статус Болеслава (а значит и его матери) уже не вызывал сомнений. Для истолкования этой серии пожертвований может быть показательна формула, в составе которой имя Гремиславы появляется в грамоте об основании монастыря клариссинок в Завихосте (1257 г.): «…pro… incolumitate nostra, et nostre ingenue genitricis Grimislave, et Cunegundis nostre generose consortis, semper preponentes Deum in conspectu nostro, a quo habemus quod vivimus, et paternorum principatuum gubernacula possidemus…» (CDP. T. 1. P. 78). Появление такой риторической конструкции трудно объяснить инерцией актового языка; скорее, нетривиальное выражение подчеркивает существенную роль, которую сыграла мать Болеслава в создании обители. Видимо, связь Гремиславы с малопольскими монастырями, особо тесная в последние годы жизни княгини, диктовалась не только соображениями политики или требованиями придворного протокола, но и желаниями самой правительницы. А значит, даже при отсутствии таких благоприятных факторов, каким была много-

конфессиональность, характерная для Венгрии XII в., женщина из дома Рюриковичей могла успешно интегрироваться в новую для себя религиозную и культурную среду.

Представление о разрыве между Русью и ее западными соседями, возникшем в 1054 г. и углублявшемся на протяжении XII–XIII вв., стало одной из аксиом, широко используемых в исторической науке. Однако биографии княжон из дома Рюриковичей, выданных за западных правителей, убеждают, что на практике граница двух конфессий не была непроницаемой. «Благородные женщины с Руси» не теряли связи с родиной и одновременно пользовались уважением и почетом в своем новом доме, и это заставляет по-новому взглянуть на культурные границы эпохи Средневековья.

Источники и литература

Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н.Ф. Котляра. СПб., 2005.

Грушевський М.С. Хронольогія подій Галицько-Волинської літописи // Зап. Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 1–72.

Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей: первые поколения (до начала XIV в.). СПб., 2015.

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.

Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.

Назаренко А.В. «Зело неподобно правоверным»: межконфессиональные браки на Руси в XI–XII веках // *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне: (историко-филологические исследования). М., 2009. (ДГ, 2007 год). С. 269–283.

Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

Поппэ А. Гертруда-Олисава, русьская княгини: пересмотр биографических данных // Именослов: историческая семантика имени / Сост. Ф.Б. Успенский. М., 2007. Вып. 2. С. 205–229.

Codex diplomaticus Poloniae. Warszawa, 1847–1887. T. 1–4.

Makaryk Zajac N.A. Women between West and East: the Inter-Rite Marriages of the Kyivan Rus' Dynasty, *ca*. 1000–1204: [Ph.D. thesis]. Toronto, 2017.

Raffensperger C. Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World. Cambridge (Mass.); L., 2012.

Zabłocki W. Grzymisława Ingwarówna, księżna krakowsko-sandomierska. Kraków, 2012.

И.Е. Ермолова

СМЕШАННЫЕ БРАКИ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ IV в.

Римское постклассическое право опиралось на нормы права классического. Представления о классическом брачном законодательстве сохранились в сочинениях Гая и Ульпиана. По «Институциям» Гая, «римские граждане тогда вступают в законный и действительный брак... когда они женаты на римских гражданках, или даже латинянках и иностранках, с которыми существовало *jus conubii*» (Gai Instit. I. 56; Ulp. Fragm. V. 2; 4). Отличительная особенность этого брака заключалась в том, что дети, произошедшие от него, поступали под отеческую власть домовладыки, получали наследственные права на его имущество (Боголепов 2004. С. 202). Очевидно стремление законодателей ограничить возможности матримониальных отношений римских граждан с посторонними лицами. Поскольку нет никаких данных о том, что в период поздней античности заключались договоры о *jus conubii* с многочисленными племенами, граничившими с римлянами и просачивавшимися на территорию империи, достаточно закономерным представляется появление конституции императоров Валентиниана I и Валента, содержащей строжайший запрет провинциалам любого пола и состояния заключать браки с варварами, нарушение которого грозит виновным смертной казнью:

> Пусть никто из провинциалов, какого бы сословия, или из какого бы места он ни происходил, не заключает брак с варварской женой, а провинциальная женщина пусть не соединяется с кем-либо из гентилов. Если же между провинциалами и гентилами появится родство вследствие такого брака, то пусть они будут подвергнуты смертной казни, так как это обнаруживает в них неблагонадежность, особенно достойную наказания (CTh. III.14.1).

На фоне данной конституции, вероятно, не следует предполагать, основываясь на том, что позднеантичная аристократия вступала в родство с германцами, что «подобное слияние происходило и в среде рядовых граждан Империи, но, к сожалению, этот факт не нашел отражения в источниках» (Пржигодзкая 2007. С. 335).

Вероятно, правительство предпринимало серьезные усилия, стремясь предотвратить смешение своих подданных с теми, кто фактически был ему неподвластен. Разбираемая конституция, возможно, является частью целенаправленной политики как можно большей закрытости Римской империи, жесткого разграничения римлян и варваров, проводимой Валентинианом I (Lenski 2002. C. 136). Недаром в тексте брак с варваром оценивается как проявление неблагонадежности: «quod in iis suspectum vel noxium detegitur». Многие исследователи придают этой конституции общегосударственное значение и считают нормой римского права (Wenskus 1961. S. 475). Общим запретительным законом ее считал Ж. Годеме (Gaudemet 1958. P. 223), хотя итальянский правовед Р. Сорачи полагал, что она имела специальное применение, т.к. была издана в момент враждебных отношений с аламаннами и была направлена только против них (Soraci 1965; 1974. P. 81–108).

Дело в том, что данная конституция точно не датирована. Она адресована магистру конницы Феодосию, отцу будущего императора Феодосия I. Феодосий-старший был возведен в ранг магистра конницы после удачной экспедиции в Британию в 369–370 гг. (Amm. Marc. XXVIII.3.9). После рейдов против аламаннов (Ibid. XXVIII.5.15; XXIX.4.5) он был отправлен в Африку (Ibid. XXVIII.6.26), где и воевал до 374 г. (Ibid. XXIX.5.1–56; Oros.VII.33.6). Вероятно, в 375 г. Феодосий был казнен в Карфагене (PLRE I. P. 993) по неизвестной причине, может быть, будучи втянутым в заговор против Валентиниана (Randers-Pehrson 1983. P. 57, 348) или будучи оклеветан. Орозий пишет, что случилось это «из-за возникшей и застигнувшей [его] врасплох ненависти (stimulante et obrepente invidia)» (Oros. VII.33.7).

Получается, что в ранге магистра конницы Феодосий пробыл с 370 по 374 г., почти всё это время оставаясь в Африке. Поэтому указанную конституцию относят к 370 или 373 г. (Blockley 1982. P. 63). Помимо военных успехов, одержанных там Феодосием в борьбе с местными племенами, Аммиан Марцеллин подчеркивает его активную административную деятельность и сообщает, что он издал много распоряжений (Amm. Marc. XXIX.5.10). Все эти обстоятельства делают вероятным появление конституции о браке в то время, когда магистр конницы находился в Африке.

Некоторыее исследователи считают, что конституция о браке Валентиниана и Валента была ответом на восстание Фирма в Мавретании, которое и подавлял Феодосий, попытавшийся запретить потенциально опасные, по мнению властей, смешанные браки (Sivan 2001. P. 217). Может быть, поводом, действительно, послужил данный мятеж, но конституция Валентиниана получила общегосударственное значение, недаром она вошла в Бревиарий Алариха. Известно множество рескриптов, которые, хотя и были адресованы лицам подчиненным, получили силу основного закона (Ван Берхем 2005. С. 129). Характерно, что в интерпретации к ней, написанной либо при Аларихе (Blockley 1982. P. 64), либо в конце V в. (Сильвестрова 1999. С. 108, примеч. 34), термин *gentiles* уже отсутствует:

> Пусть никто из римлян не намеревается иметь варварскую жену какого угодно племени, и римские женщины пусть не соединяются брачными узами с варварами. Если же они это сделают, то будут подлежать смертному приговору (Nullus Romanorum barbaram cuiuslibet gentis uxorem habere praesumat, neque barbarorum coniugiis mulieres Romanae in matrimonio coniungantur. Quod si fecerint, noverint se capitali sententiae subiacere. – CTh. III.14.1[=brev.3.14.1]).

Римским властям, возможно, удавалось, в том числе и законодательными запретами, препятствовать матримониальным отношениям различных категорий варваров с рядовым провинциальным населением, но военачальники варварского происхождения охотно заключали смешанные браки. Здесь вопросы брачной политики тесно переплетаются с проблемой получения гражданства теми, кто служил поздней Римской империи, поскольку одним из элементов гражданства было *jus conubii*.

Нет ясных свидетельств того, что в поздней Римской империи варвары за службу в легионах (Mommsen 1910. S. 248), а тем более во вспомогательных частях, и даже приобретая ветеранский статус, получали гражданство. Т. Моммзен считал, что римское гражданство, возможно, получали офицеры (Ibid.), тем более высшие, о браках которых, собственно, иногда и сообщают источники. Другие ученые полагают, что даже офицеры не обязательно становились гражданами (Liebeschuetz 1990. P. 13, n. 26). Применительно к IV в. можно найти информацию об 11

конкретных лицах, известных по имени, названных в текстах варварами и заключивших браки с римлянами (Blockley 1982. P. 66–70). Если предположение о наделении командного состава римским гражданством верно, то все эти брачные союзы осуществлялись на законных основаниях, но от этого их участники не переставали быть варварами в глазах римлян.

Единого определения «варвара» не существует. В римском обществе был важен правовой аспект: варвар противопоставлялся гражданину (Gilissen 1958. P. 10; Sherwin-White 1973. P. 452).

Одного безымянного, но могущественного варвара упоминает Иероним Стридонский в обличительном письме к Сабиниану, дьякону-прелюбодею:

> В конце концов пламя бесстыдства охватило тебя почти под мечом и посреди стражи варвара, и варвара – супруга, и супруга могущественного (inter gladios barbari, et barbari mariti, et mariti potentis excubias). Ты не побоялся совершить прелюбодеяние в том доме, где оскорбленный муж без суда мог бы отомстить за себя (sine judice laesus vir se poterat ulcisci) (Hieron. Ep. CXLVII.11)

Приверженность к грубой силе и отсутствие правовой культуры – типичные общие места в характеристиках варваров:

> И так как у варваров право на стороне сильного… (atque ut barbaris esse omne ius in viribus adsuevit. – Amm. Marc. XVII.12.18).

Интересно было бы узнать, какого вероисповедания придерживались этот варвар и его римская супруга, но Иероним не упоминает об этом.

Данные о смешанных браках высокопоставленных лиц свидетельствуют о постоянном стремлении аристократии, независимо от ее этнической принадлежности, укрепить свое положение посредством матримониальных отношений, что, вероятно, способствовало частичной интеграции варваров в римское пространство (Le Moyen âge 1994. P. 42).

На это же указывает весьма любопытное сообщение Евнапия об одном из вождей тервингов. Фравитта вынужден был переправиться через Дунай под напором гуннов и вместе со своим народом оказался на положении федерата. Он женился на римлянке, но для этого, видимо, понадобилось персональное разре-

шение императора Феодосия, т.к. римским гражданином в то время Фравитта еще не был: «Он тотчас женился на римлянке, для того чтобы потребность физическая не доводила его до поступков насильственных; царь одобрил его брак» (Eun. Fr. 59). Э.А. Томпсон считает, что Фравитта сделал это в обход римского законодательства (Томпсон 2003. P. 39). Евнапий чрезвычайно благожелательно отзывается об этом варваре, противопоставляя его неблагодарным соплеменникам, строящим козни Риму, и, возможно, поэтому пишет, что отец девушки был счастлив иметь такого зятя: «Отец невесты (она была еще под властью отца) был приведен в удивление предложением Фравифа: он считал за счастье иметь такого зятя» (Eun. Fr. 59; Zos. V.20.1). Но, может быть, такое заявление объективно отражает действительное стремление римской знати породниться с могущественными пришельцами хорошего происхождения. Похвалы Евнапия связаны и с тем, что Фравитта «признавал и чтил богов по прежнему обычаю» (Eun. Fr. 59), «был эллин по религии» (Id. Fr. 69.2), т.е. был язычником, причем в античном понимании. Вероятно, он был хорошо образован, если имел представление о греко-римских культах. К сожалению, Евнапий не сообщает о вероисповедании избранницы Фравитты. Но, поскольку в организации его женитьбы участвовал император Феодосий I, можно предположить, что девушка была не только из знатного рода, но, возможно, и христианкой, и тогда речь идет не только о межэтническом, но и о межконфессиональном браке.

Примеры такого рода союзов в высшей среде не противоречат стремлению римского правительства не допускать в массовом порядке браки провинциалов с варварами, а подчеркивают особое положение знати, характерное не только для Рима, но и для любого древнего общества.

Источники и литература

Боголепов Н.П. Учебник истории римского права. М., 2004.

Ван Берхем Д. Римская армия в эпоху Диоклетиана и Константина. СПб., 2005.

Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., 2003.

Пржигодзкая О.Ю. Процесс вхождения варваров в состав общества Римской империи: романизация (IV–V вв.) // Мнемон. СПб., 2007. Вып. 6. С. 335.

Сильвестрова Е.В. Титул CTh. I. 29 De defensoribus civitatum в контексте проблемы городского управления эпохи поздней Римской империи // Древний Восток и античный мир. М, 1999. Т. 2. С. 99–108.

Томпсон Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2003.

Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / Ed. W. Seyfarth. Leipzig, 1978. Vol. 1–2.

Blockley R.C. Roman-Barbarian Marriages in the Late Empire // Florilegium. 1982. T. 4. P. 63–79.

Codex Theodosianus // Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis et Leges novellae ad Theodosianum pertinentes / Ed. Th. Mommsen et P.M. Meyer. B., 1905. Vol. 1.

Domitii Ulpiani Fragmenta // Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана / Пер. Е.М. Штаерман. М., 1998.

Eunapius. Text and Translation // The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus / Ed. and transl. R.C. Blockley. Liverpool, 1983. Vol. 2 (пер. С.Ю. Дестуниса цит. по изд.: Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. Рязань, 2003).

Gai Institutiones. Гай. Институции / Пер. Ф. Дыдынского. М., 1997.

Gaudemet J. L'Étranger au Bas-Empire (1) // L'Étranger. Bruxelles, 1958. Vol. 1. (Recueils de la société Jean Bodin; 9).

Gilissen J. Le statut des étrangers, à la lumière de l'histoire comparative // Ibid.

Hieronymus. Ep. CXLVII // PL. 1864. T. 22. Col. 1198–1203.

Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire, A.D. 260–395. Cambridge, 1975. Vol. 1.

Lenski N. Failure of Empire. Valens and the Roman State in the 4th Century A.D. Berkeley; Los Angeles, 2002.

Liebeschuetz J.H.W.G. Barbarians and Bishops: Army, Church, and the State in the Age of Arcadius and Chrysostom. Oxford, 1990.

Mommsen Th. Das römische Militärwesen seit Diocletian // *Mommsen Th.* Gesammelte Schriften. B., 1910. Bd. 6. S. 206–283.

Le Moyen âge, IVe–Xe siècle / Ed. M. Kaplan. Bréal, 1994. (Histoire médiévale; T. 1).

Orosius Paulus. Historiarum adversum paganos libri VII / Rec. C. Zangemeister. Lipsiae, 1889 (пер. цит. по изд.: *Павел Орозий.* История против язычников. Кн. VI–VII / Пер. В.М. Тюленева. СПб., 2003).

Randers-Pehrson J.D. Barbarians and Romans. The Birth Struggle of Europe, A.D. 400–700. Norman, 1983.

Sherwin-White A.N. The Roman Citizenship. Oxford, 1973.

Sivan H. Why Not Marry a Jew? Jewish-Christian Marital Frontiers in Late Antiquity // Law, Society and Authority in Late Antiquity. Oxford, 2001. P. 216–217.
Soraci R. Richerche sui conubia tra romani e germani nei secoli IV–V. Catania, 1965.
Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln; Graz, 1961.
Zosimus. Opera / Ex rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1837.

А.А. Зедгенидзе

ХЕРСОНЕССКИЙ ПОЛИС И ТАВРЫ В КОНЦЕ V – IV в. до н.э.

Реконструкция процесса освоения территории греками является основной задачей изучения Херсонеса в начальный период его истории. Для решения этой задачи необходимо, прежде всего, установить главные элементы инфраструктуры полиса и их взаимосвязь. Создание этой инфраструктуры в значительной степени определялось двумя факторами – особенностями ландшафта и демографической ситуацией на Гераклейском п-ове в данный период. В этой статье мы охарактеризуем главные территориальные элементы полиса; основное внимание мы уделим назначению укрепленного пункта на западной оконечности Гераклейского п-ова.

В случае Херсонеса освоение территории заключалось в следующем: во-первых, в возведении города около нынешней Карантинной бухты; во-вторых, в формировании основы для существования города – обустройстве ближайшей хоры; в-третьих, в создании системы защиты как города, так и хоры. Таким образом, базовыми территориальными единицами полиса в начальный период являлись: город; укрепление на западной оконечности Гераклейского п-ова, которое отождествляется с «древним Херсонесом» «Географии» Страбона (VII.4.2); дорога между городом и укреплением; размежевка на Маячном п-ове (он является западной оконечностью Гераклейского п-ова); несколько более поздняя размежевка на основной части Гераклейского п-ова (конфигурации этих размежевок различа-

лись в силу чисто географических причин); возможно, еще позже появились оборонительные сооружения на восточной границе, между верховьями Севастопольской и Балаклавской бухт (Зубарь 2004. С. 96). К первым работам на Гераклейском п-ове относится строительство дороги от главных ворот Херсонеса к воротам в восточной стене «древнего Херсонеса». Эта дорога была проложена по наиболее краткому маршруту между двумя пунктами; именно ее линия определила конфигурацию размежевки на Гераклейском п-ове. Что касается «древнего Херсонеса», т.е. укрепления на перешейке Маячного п-ова, то его создание было, помимо прочего, связано с предпосылками географического характера. Прежде всего, здесь есть перешеек (шириной ок. 760 м), излюбленное греками место для создания укреплений. Перешеек достаточно узок, чтобы отгородить его стенами с обеих сторон. Крепостные стены – западная, обращенная в сторону Маячного п-ова, и восточная, обращенная в сторону Герклейского, – были возведены одновременно: в конце V – начале IV в. до н.э. Одновременность создания стен нужна была, в частности, для использования пространства между ними в качестве убежища в случае нападения. Существенно, что часть перешейка возвышается над окружающей местностью. Это обеспечивало идеальный обзор практически всего Гераклейского п-ова на востоке и Маячного на западе. Крепостные стены имели башни, что улучшало возможности обзора (подр. о стенах см.: Зедгенидзе 2019. С. 617). Результаты изучения пространственной организации укрепления и учет возможных аналогов в Греции привели нас к выводу о том, что из всех типов древнегреческих фортификаций ближе всего к нашему памятнику находится φρούριον (Зедгенидзе 2019. С. 634). В литературе указываются следующие черты фруриона: это укрепление является постоянным, находится в определенном удалении от города, возводится в местности с враждебным варварским населением (Lawrence 1979. P. 137, 172–173). Судя по данным источников (см. их анализ в статье: Nielsen 2002. P. 50–51), фрурион является комплексом строений, представляет собой укрепленный пункт, может иметь башни и использоваться как сторожевой пост; назначение фруриона – прежде всего военное, как оборонительное, так

и наступательное. Укрепление на Маячном п-ове вполне соответствует этим признакам. Оно сооружено вне города, в сельской местности; имеет отделенное поперечной стеной внутреннее пространство – акрополь, который мог использоваться для размещения гарнизона – фруры. В задачи фруриона входила защита границ хоры; он служил убежищем для жителей прилегающей территории в случае нападения. За его западной крепостной стеной простирался Маячный п-ов, размежеванный на наделы после возведения крепостных стен на перешейке, а именно на рубеже первой–второй четвертей IV в. до н.э. (Сапрыкин 2018. С. 496).

Следующим вопросом является назначение «древнего Херсонеса» в системе полиса и установление причин появления укрепления в данном месте Гераклейского п-ова. Против кого, собственно, были предназначены фортификации «древнего Херсонеса»? Ответить на этот вопрос можно, только учитывая демографическую ситуацию на Гераклейском п-ове в период создания системы полиса. Территория Гераклейского п-ова во время прибытия греков не была совершенно безлюдна: она была заселена народом, именовавшимся в античной литературной традиции таврами. Археологическим эквивалентом таврского населения является, вероятно, кизил-кобинская культура. Тавры пользовались у древних авторов «ужасной славой» (Mela II, 11; Древняя Русь 2009. С. 234; ср., например, у Геродота яркое обсуждение того, каким образом тавры приносят в жертву потерпевших крушение мореходов и всех захваченных в море эллинов: Her. IV, 103). Тавры, безусловно, представляли собой серьезную опасность в глазах херсонеситов. Мы считаем, что именно тавры представляли собой ближайшую угрозу для колонистов в начальный период. Существование какого-либо неукрепленного греческого поселения рядом с такими соседями кажется совершенно невозможным: это означало бы существование под постоянной угрозой грабежа с последующей перспективой быть принесенными в жертву теми способами, которые описаны у Геродота. Для безопасности хоры требовалось создание двух рубежей фортификации: с восточной стороны Гераклейского п-ова по линии между верховьями нынешней Севастопольской и Балаклавской бухт и с западной – на перешейке Маячного п-ова.

Очевидно, что эти линии фортификации делают границы хоры четко фиксированными и предотвращают возможность нападения с запада и востока. Юг Гераклейского п-ова, т.е. побережье между современной Балаклавой и Казачьей бухтой, представляет собой практически непрерывный неприступный обрыв, что является естественной защитой. Что касается северного побережья, то оно имеет много низменных участков и, следовательно, допускает высадку. Однако едва ли нападение с этой стороны могло быть неожиданным, т.к. нападающим пришлось бы плыть в виду «древнего Херсонеса», если бы они двигались с юго-запада, и в виду основного поселения, если бы они плыли с севера. По-видимому, укрепление на Маячном перешейке создавалось в том числе с целью защиты в случае нападения с моря. В южной части перешейка имеется небольшая прибрежная низина, однако восточная стена расположена так, что в случае высадки с этой стороны нападающие оказываются прямо под стеной укрепления, что ставит их в заведомо невыгодное положение. Таким же образом, высадка со стороны Казачьей бухты затруднительна из-за наличия западной стены, примыкающей к берегу. Кроме того, в случае нападения владельцы наделов Маячного п-ова могли укрыться в укреплении, которое находилось сравнительно недалеко даже от самой дальней точки Маячного п-ова. Сомневаться в способности тавров напасть со стороны моря нет оснований: тавры были жителями побережья и, разумеется, могли так или иначе выходить в море; Геродот сообщает о том, что они захватывали эллинов, «выплыв в море» (ἐπαναχθέντες). Таким образом, подобно фрурионам Греции, назначением укрепления на перешейке Маячного п-ова было освобождение территории Гераклейского п-ова от варварского населения. После создания фруриона, т.е. во второй четверти IV в. до н.э., жизнь в варварских поселениях Гераклейского п-ова прекращается. При этом существование варварских поселений в Инкерманской, Бельбекской, Балаклавской долинах продолжалось. Это подтверждает предположение о том, что прекращение жизни в поселениях Гераклейского п-ова явилось следствием колонизационной деятельности греков (Савеля 1996. С. 14; 1997. С. 88–89; Кравченко 2010а. С. 53–55, 59–60; 2010б. С. 140). С.А. Коваленко (1999. С. 127) предположил, что победа

над таврами была ознаменована херсонеситами специальным выпуском монет, относимых к 70-м годам IV в. до н.э., с изображением богини Девы, увенчанной лавровым венком, – символом одержанной победы.

Итак, создание мощных фортификаций на границе Гераклейского п-ова свидетельствует о существовании серьезной угрозы для полиса, ближайшим источником которой следует признать тавров. Само наличие этих оборонительных сооружений косвенно говорит о враждебных отношениях с окружающим населением; создание фруриона, по-видимому, устранило эту проблему на период IV в. до н.э.

Литература

Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2009. Т. 1: Античные источники / Сост. А.В. Подосинов.

Зедгенидзе А.А. Херсонес Таврический: пространственная организация и назначение Укрепления на перешейке Маячного полуострова // ВДИ. 2019. № 3. С. 608–639.

Зубарь В.М. Еще раз по поводу интерпретации надписи в честь Агасикла, сына Ктесия (IOSPE I^2. № 418) // ВДИ. 2004. № 3. С. 89–99.

Коваленко С.А. О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху // Нумизматика и эпиграфика. 1999. Т. 16. С. 108–131.

Кравченко Е.А. Таври і Херсонес // Археологический альманах. 2010. № 22: Древняя и средневековая Таврика. С. 51–70. (а)

Кравченко Е.А. До історії вивчення тубільного населення Криму доби раннього заліза // Боспорские исследования. 2010. № 23. С. 133–154. (б)

Савеля О.Я. Археологические материалы к истории Гераклейского полуострова доколонизационного периода // Херсонесский сборник. 1996. Т. 7. С. 13–18.

Савеля О.Я. Новые материалы к истории Гераклейского полуострова и его окрестностей доколонизационного и античного периодов // Проблемы греческой культуры. Симферополь, 1997. С. 87–89.

Сапрыкин С.Ю. Древнее Причерноморье. М.; СПб., 2018.

Lawrence A.W. Greek Aims in Fortification. Oxford, 1979.

Nielsen T.H. A *Phrourion*. A Note on the Term in Classical Sources and in Diodorus Siculus // Even More Studies in the Ancient Greek Polis. Stuttgart, 2002. P. 49–64.

Winter F.E. Greek Fortifications. L., 1971.

М.В. Земляков

ТРИРСКИЙ КАПИТУЛЯРИЙ КАК ПРИМЕР ПЕРЕВОДА ЛАТИНСКОГО ПРАВОВОГО ТЕКСТА В ВОСТОЧНО-ФРАНКСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ X в.

Переводы латинских правовых памятников на диалекты древневерхненемецкого языка нередко имеют необычную судьбу. Наиболее внушительный корпус составляют отдельные глоссы к титулам варварских правд (Салической, Рипуарской, Алеманнской, Баварской, Лангобардской и др.), при этом нам известны только две попытки более полного перевода текстов раннесредневекового законодательства. Первая была предпринята в начале IX в. и представляла собой фрагмент перевода Салической правды в редакции 802/3 г. под названием *Karolina*, предпринятый приблизительно в 817–819 гг. (см. подр.: Simone 1991). Вторая относилась к главе капитулярия из собрания аббата Фонтенеля Ансегиса (827 г.), который сам позаимствовал ее текст из *Capitula legibus addenda a. 818–819* (Capitularia 1883. S. 378–381; Die Kapitulariensammlung 1995. S. 629–631). И если первый перевод сохранился в виде одного листа каролингского времени в Трирской городской библиотеке, то второй – только в качестве копии в произведении «Трирские древности и анналы» историка церкви, иезуита из Нидерландов Кристофа Бровера (1559–1617).

В своей работе, начинающейся от римской эпохи и доходящей до 1600 г. (вторую часть до 1652 г. закончил и издал после его смерти Якоб Масен), он собрал большое количество выдержек из античных и средневековых памятников. В главе под названием «О языке древнего народа» К. Бровер пишет о наречии, которое проникло в эти земли вместе с франкскими завоевателями, и приводит в подтверждение своих слов «прославленный документ Карла Великого из [числа] памятников Трирского собора» – тот самый перевод главы капитулярия о праве завещания имущества церкви, родственнику или другому лицу (Brouwer, Masen 1672. S. 26–27; выполненные на рубеже XVI–XVII вв. анонимом списки с пометами автора хранятся в Трире

и Бонне: https://handschriftencensus.de/20037; https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/ulbbnhans/content/titleinfo/7519763).

Ныне оригинал этого памятника утерян и не обнаруживается в архивных и библиотечных собраниях Германии и других стран Западной Европы. По этой причине целью доклада выступает критика этого перевода; задачи состоят в анализе внешнего оформления списка и языка протографа, установление его подлинности или подложности, выдвижение гипотезы о времени создания и назначении этого перевода капитулярия времен Людовика Благочестивого.

Необходимо отметить ключевую черту этого источника: он представляет собой билингву. Перевод сопровождается на всем протяжении латинским «оригиналом» (причем на первой строке всегда стоит латынь, а на второй – немецкий текст). Кроме того, на полях перевод сопровождается 15 глоссами, которые указывают на разночтения с основным текстом (обозначены астериксом). По аналогии с другими изданиями XVI–XVII вв. ныне утраченных памятников права (например, списка Салической правды из Фульды: Herold 1557. P. 1–37) можно предположить, что речь идет, скорее всего, об интерполяциях самого К. Бровера в текст анонима; отметка сомнительных чтений при наборе в типографии маловероятна.

Интересным является заглавие капитулярия и отсылка к собранию, из которого он был взят. Заголовок гласит: *Lex Hluduici Aug[gusti] et Hlotharii Cæsaris F[lavii] ex lib[ro] IV Franc[orum] Legum*; сходная запись встречается на полях: *Lib[er] 4 Franc[orum] Leg[um], c[apitulum] 18 ex MS. Biblioth[ecae] primariæ Ecclesia.* Это указывает на то, что историк был знаком с собранием капитуляриев Ансегиса IX в. (возможно, через издание И. Герольда 1557 г.). Г. Перц предполагал, что изначально существовал судебник, в котором были соединены полностью переведенные на немецкий язык Салическая правда и собрание капитуляриев Ансегиса, но от которого остался только один лист *in octavo* (Pertz 1858. S. 96–98), однако эта точка зрения не была подтверждена архивными разысканиями. Напротив, на рубеже XIX–XX вв. К. Мюлленхоф и В. Шерер (Denkmäler 1892. S. 538–539), а также Э. фон Штайнмайер (Die kleineren althochdeutschen Sprachdenkmäler

1916. S. 307–308) считали, что перевод был создан не на основе редакции Ансегиса, а с использованием первоначального текста капитулярия – *Capitula legibus addenda, a. 818–819, c. 6* (Capitularia 1883. P. 282), возможно – с дополнением другими источниками, на что указывают расхождения с оригиналом. Однако Г. Тифенбах в конце XX в. доказал, что латинский текст был добавлен позднее К. Бровером к готовому переводу, который являл собой «примитивную форму интерлинеарной передачи, напоминающую скорее передачу слово за словом, чем высокоразвитое искусство трирского перевода»; кроме того, ряд чтений латинского текста и перевода при наборе рукописи оказался испорчен (Tiefenbach 1975. S. 277–279, 282, 305).

Х. Мордек упростил трактовку Г. Тифенбаха, предположив, что «интерлинеарная форма древневерхненемецкого текста восходит не к раннесредневековому оригиналу, но к одной из поздних переработок (может быть, самого Бровера), который, возможно, искал сходные места в [капитулярии под редакцией] Ансегиса» (Bibliotheca 1995. S. 735). Однако ошибок и опечаток в рукописи на поверку оказывается не так много: к числу не вполне точно переданных с латинского языка на древневерхненемецкий выражений можно отметить сочетание *ce anderrn craftlicheru stat*, досл. ‘какому-то обладающему властью месту’ (лат. *ad aliquem venerabilem locum* подразумевает монастырь), слова *ecclesia* (‘церковь’) как *samununga* (правильнее *samanunga* – ‘конгрегация’ или ‘монашеская братия’) и *immunitas* (‘церковный иммунитет’) как *muzzunga* (имеет также значение *immutatio* ‘перемена’; кроме того, может быть производным от *muoza* ‘самостоятельность, возможность’) (Tiefenbach 1975. S. 305–306). Исходя из этого можно заключить, что перед нами подлинный текст «пословного» перевода, возникший в позднекаролингскую эпоху, с незначительными интерполяциями и отдельными опечатками XVII в.

Сложным является вопрос о языке и времени возникновения этого капитулярия. Я. Гримм увидел в тексте смешение верхне- и нижненемецких форм, датировал его рубежом IX–X вв. и предположил его возникновение в «лотарингско-трирском пространстве» (Grimm 1882. S. 420–422); его позицию разделяли Г. Перц и А. Бореций (Capitularia 1835. P. 260; Capitularia 1883.

P. 378–379). Однако Г. Тифенбах на основе лингвистических исследований XX в. доказывал, что у многих морфем произошло второе передвижение согласных «в его среднефранкской форме», относя их к мозельско-франкскому или рейнско-франкскому диалекту (Tiefenbach 1975. S. 292–294, 300). Он же в ходе анализа актового материала аббатства св. Максимина в Трире X в. установил сходство формуляра и лексики грамот о дарении церкви имущества в 959–963 гг. с латинским текстом капитулярия, приняв 963 г. за *terminus ante quem*, тогда как возможной датой его возникновения полагал 943 г. – год реформы аббатства и передачи в его владение некоторых земель графского дома Люксембургов (Ibid. S. 307–309); правдоподобной эта точка зрения виделась и Г. Шмицу (Die Kapitulariensammlung 1996. S. 369).

Говоря о назначении перевода, необходимо указать на три точки зрения. Г. Эрисман вслед за Г. Вайцем утверждал, что из-за особой важности содержания «он доводился епископами и священниками в церкви до всеобщего сведения» (Geschichte der deutschen Literatur 1918. S. 342). Г. Тифенбах видел в этом памятнике формализацию процесса церковных дарений, т.к. некоторые грамоты напрямую повторяли фрагменты латинского текста капитулярия, а немецкий текст должен был служить цели их толкования (Tiefenbach 1975. S. 306–309). Другие исследователи видели в переводе исключительно документ без цели практического использования, частные упражнения (Die kleineren althochdeutschen Sprachdenkmäler 1916. S. 308) или же копию «для обучения грамматике юношей» (Heinen 2018), что кажется нам наиболее обоснованной точкой зрения. Во-первых, с этим можно связать разночтения и глоссы на полях, добавленные в рукопись К. Бровером (в разных списках мог быть неодинаковый текст); во-вторых, отталкиваясь от позиции Г. Тифенбаха в отношении добавления латинского текста в рукопись позднее древневерхненемецкого перевода, практически невозможно доказать использование последнего при составлении актов или в проповедях в архиепископстве Трир (акты в X в. составлялись почти исключительно на латыни; у нас нет сведений об использовании переводных формул капитулярия и в трирских проповедях).

Источники и литература

Brouwer Ch., Masen J. Antiquitatum et annalium Trevirensium libri XXV… Leodii, 1670. T. 1–2.

Capitularia regum Francorum / Hrsg. von G.H. Pertz. Hannover, 1835. (MGH. LL; 1).

Capitularia regum Francorum / Hrsg. von A. Boretius. Hannover, 1883. Bd. 1. (MGH. Capit.; 1, 1).

Denkmäler deutscher Poesie und Prosa aus dem VIII–XII Jahrhundert / Hrsg. von K. Müllerhof und W. Scherer. 2. Aufl. B., 1873.

Geschichte der deutschen Literatur bis zum Ausgang des Mittelalters / Hrsg. von G. Ehrismann. München, 1918. 1. Teil. Die althochdeutsche Literatur.

Grimm J. Aus einem Capitulare // Kleinere Schriften von Jacob Grimm / Hrsg. von K. Müllenhoff und E. Ippel. B., 1882. Bd. 6: Recensionen und vermischte Aufsätze. 3. Teil. S. 420–422.

Handschriftencensus: Eine Bestandsaufnahme der handschriftlichen Überlieferung deutschsprachiger Texte des Mittelalters // https://handschriftencensus.de/20037 (8.02.2022).

Heinen S. Kapitular des Monats Mai 2018: "Das Trierer Kapitular" (BK 182) // Capitularia. Edition der fränkischen Herrschererlasse (https://capitularia.uni-koeln.de/blog/kapitular-des-monats-mai-2018-das-trierer-kapitular-bk-182/ [4.02.2022]).

Herold J.B. Originum ac germanicarum antiquitatum libri... Basileae, 1557.

Die Kapitulariensammlung des Ansegis / Hrsg. von G. Schmitz. Hannover, 1996. (MGH. Capit. NS; 1).

Die kleineren althochdeutschen Sprachdenkmäler / Hrsg. von E. Steinmeyer. B., 1916. N 40. S. 305–308.

Mordek H. Bibliotheca capitularium regum manuscripta: Überlieferung und Tradizionszusammenhang der fränkischen Herschererlasse. München, 1995. (MGH. Hilfsmittel; 15).

Pertz G.H. Über einige Handschriften Deutscher Rechts- und Gesetzgebung // Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaften. 1857 (1858). S. 79–98.

Simone G. LS vs. LF: La traduzione frammentaria in antico alto tedesco della *Lex Salica* e la sua basa latina. Bologna, 1991.

Tiefenbach G. Ein übersehener Textzeuge des Trierer Capitulare // Rheinische Vierteljahrsblätter. 1975. Jg. 39. S. 272–310.

Universitäts- und Landesbibliothek Bonn. Handschriften // https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/ulbbnhans/content/titleinfo/7519763 (8.02.2022).

А.В. Иваненко

KATIAPOI, ИЛИ О ТОЧНОМ СЛОВЕ В СЕМАНТИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЯХ

Одна из неизбывных проблем, осложняющих этимологическую интерпретацию скифской ономастики, – достаточно скудные (подчас – туманные) сведения древних авторов о скифах и их образе жизни. Такое положение дел характерно, прежде всего, для эпохи ранних культурно-экономических контактов греков со скифами: первые известия о них в греческих источниках находим у Гомера, Гесиода, Эсхила. Разумеется, со временем ситуация менялась – постепенно продвигаясь на (северо-)восток, колонизируя Северное Причерноморье, греки узнавали о своих иранских соседях всё больше, а описания их быта становились всё подробнее.

Подобным образом обстоит дело и с греческими известиями об одном из скифских племен – *катиарах*. Первоначально (у Гесиода и Эсхила) это, скорее, сведения о скифах в целом (благодаря которым греческий культурный быт пополнился, в частности, новым понятием – *скифская повозка*). И лишь значительно позднее, у Геродота, *катиары* предстают уже как отдельное скифское племя.

Сам этноним *катиары* на сегодня уже этимологизирован достаточно точно С.В. Кулландой: Κατί-αροι ~ иран. **kata*- (ср. хот. *kata*-, согд. *kt'k*, *kt*-, перс. *käd* ‘дом’, вахан. *kut* ‘крыша’) + *^{2}*har*- ‘двигать(ся), передвигать(ся)’ + суфф. -*u̯a* = ‘имеющие передвижные дома / жилища’ или ‘передвигающиеся в домах / жилищах’ (Кулланда 2016. С. 69). При этом в доступных нам работах Кулланды свидетельства Гесиода и Эсхила (как и их филологический анализ) отсутствуют, хотя создается впечатление, что именно от этих свидетельств и отталкивался ученый, этимологизируя этникон *катиары*.

И всё же вопрос о восприятии скифов в греческой среде оставляет некоторое пространство для уточнений. Собственно, о точности переводческого слова (ибо всякий, кто доносит нам новые сведения о другом народе, так или иначе выступает в ро-

ли толмача) и отражении в нем рецепции скифов греческими авторами – речь в данной статье.

Впервые как этноним ΚΑΤΙΑΡΟΙ слово зафиксировано в рассказе Геродота (V в. до н.э.) о сыновьях Таргитая:

> ἀπὸ μὲν δὴ Λιποζάϊος γεγονέναι τούτους τῶν Σκυθέων οἳ Αὐχάται γένος καλέονται, ἀπὸ δὲ τοῦ μέσου Ἀρποξάϊος οἳ Κατίαροί τε καὶ Τράσπιες καλέονται, ἀπὸ δὲ τοῦ νεωτάτου αὐτῶν τοὺς βασιλέας, οἳ καλέονται Παραλάται· σύμπασι δὲ εἶναι οὔνομα Σκολότους, † τοῦ βασιλέος ἐπωνυμίην · Σκύθας δὲ Ἕλληνες ὠνόμασαν (От Липоксая произошли те скифы, которые именуются родом авхатов. От среднего Арпоксая произошли именуемые катиарами и траспиями. От самого же младшего из них – цари, которые именуются паралатами. Все вместе они называются сколоты по имени царя; скифами же назвали их греки) (Геродот 1982. С. 100, 101).

Нас же в связи с *катиарами* интересуют свидетельства более древние и информативные, а приведенная выше реконструкция Κατίαροι ‘передвигающиеся в домах’ побуждает обратиться к тем известиям о скифах, в которых способ их передвижения описан впервые.

Прежде всего необходимо привести дошедшее до нас в пересказе Страбона свидетельство Гесиода (фрагмент 151-й), благодаря которому этноним Σκύθαι впервые появляется в греческом литературном пространстве:

> Ἡσίοδον δ᾽ ἐν τῇ καλουμένῃ Γῆς περιόδῳ τὸν Φινέα ὑπὸ τῶν Ἁρπυιῶν ἄγεσθαι… // «Γλακτοφάγων εἰς γαῖαν ἀπήνας οἰκί᾽ ἐχόντων» (И Гесиод в так называемом «Объезде земли» говорит, что Гарпии увлекли Финея… // «В землю галактофагов, что домы имеют в повозках»).

Здесь, упоминая *галактофагов* и тем самым отсылая нас к началу тринадцатой главы «Илиады», Гесиод отчасти дополняет Гомера, указывая на ранее не известный грекам факт передвижения и проживания скифов в четырехколесных повозках, ср. др.-гр. ἀπήνη ‘повозка, телега (четырехколесная)’. При этом закономерно, что как ближайший из известных нам поэтов – современников Гомера Гесиод прибегает к слову из его лексикона: ср. гомеровское τετράκυκλος ἀπήνη (Дворецкий 1958. I. С. 194; Hom. Il. XXIV, 324).

И поскольку донесенные нам Гесиодом сведения о способе передвижения скифов имеют вполне бытовой характер, сказать однозначно, скрывается ли за словами ἀπήνας οἰκί (живущие в повозках) обычное наблюдение или же эти слова калькируют этноним Κατίαροι, отражая его внутреннюю форму, нельзя.

Более позднее свидетельство Эсхила оказывается намного информативнее, позволяя исследователю при должном внимании извлечь из него максимум этимологической пользы (Schütz 1823. 713–719; Эсхил 1989. 708–711):

Πρῶτον μὲν ἐνθένδ’ ἡλίου πρὸς ἀντολὰς
Στρέψασα σαυτὴν, στεῖχ’ ἀνηρότους γύας
Σκύθας δ’ ἀφίξῃ νομάδας, οἳ πλεκτὰς στέγας
Πεδάρσιοι ναίουσ’ ἐπ’ εὐκύκλοις ὄχοις,
Ἐκηβόλοις τόξοισιν ἐξηρτημένοι...

Направишь шаг по целине непаханой
И к скифам кочевым придешь. Живут они
Под вольным солнцем *на телегах*, в коробах
Плетеных. За плечами – метко бьющий лук.

В данном фрагменте следует обратить внимание на семантику выражений, весьма точно характеризующих конструкцию *скифской повозки*, – πλεκτὰς στέγας и ἐπ’ εὐκύκλοις ὄχοις. «Критический разбор» каждого из них (ранее, судя по приводимой С.В. Кулландой истории вопроса, никем из этимологов для скиф. Κατίαροι, кажется, не предпринимавшийся) способствует прояснению как внутренней формы скифского этнонима в целом, так и уточнению семантики каждого из его компонентов.

В словосочетании πλεκτὰς στέγας (плетеные жилища) нам важен его второй компонент – др.-гр. στέγος ‘крыша, кровля’, ‘жилище, дом’, семантически близко соответствующий вост.-ир. рефлексам иран. **kata*-: ср. вахан. *kut* ‘крыша’; х.-с. *kata* ‘крытое место; дом’. Также у приведенной греческой и иранской лексики отмечены семантические совпадения в области погребальной обрядности и обозначений дома (Дворецкий 1958. II. С. 1500; ЭСИЯ 4. С. 341).

Еще интереснее словосочетание др.-гр. ἐπ’ εὐκύκλοις ὄχοις, снабженное характерной ремаркой: «о скифских повозках»

(GEL. P. 1281), оба компонента которого (особенно – ὄχος) подобраны весьма точно.

Если же сравнивать свидетельства Гесиода и Эсхила, то последний для точнейшего описания скифской повозки (**kata-*) обращается к семантически более насыщенному ὄχος ‘вместилище, т.е. убежище, укрытие’, а также ὄχος ‘колесница, повозка’ и ‘колесо’ (Дворецкий 1958. II. С. 1213; подробнее о дуализме ‘повозка’ – ‘убежище’ см.: Beekes 2010. II. С. 1136–1137). И поскольку в данном случае важно было указать именно на четырехколесную конструкцию повозки (гр. ὄχος обозначало еще и двухколесную колесницу), возникает необходимость в слове, которое бы эту особенность подчеркнуло.

С этой целью Эсхил прибегает к гомеровскому εὔκυκλος ‘с хорошо закругленными колесами, т.е. быстро катящийся’, ‘с хорошо крутящимися колесами’, употребленному в «Одиссее» в качестве эпитета к ἀπήνη ‘повозка, телега (четырехколесная)’ (Hom. Od. VI, 57–58, 69–70). Здесь драматург апеллирует к эпизоду с царевной феаков Навсикаей, в котором героиня для своих нужд использует ἀπήνην ὑψηλὴν ἐύκυκλον – «колесницу большую на быстрых колесах» (букв. «повозку высокую с хорошо закругленными колесами»).

Завершая краткий анализ обоих древнейших послегомеровских свидетельств о скифах, отметим, что и Гесиод (посредством ἀπήνη), и Эсхил (при помощи εὔκυκλος) так или иначе обращаются к творчеству своего великого предшественника. При этом известия Эсхила о скифах вообще более точны, а случай со *скифской повозкой* демонстрирует нам вполне научный подход поэта к работе со словом.

Далее, отталкиваясь от семантики анализируемого греческого материала, можно предположить, что первый компонент сложения Κατίαροι – скифский рефлекс иран. **kata-* – помимо значений ‘крыша’, ‘дом’ имел еще одно, контекстуально обусловленное значение: *‘крытая повозка-жилище’.

В этом нас убеждает обращение Эсхила для обозначения скифского дома (скиф. **kata-*) к полисемантическому гр. ὄχος, очень точно описывающему конструкцию скифского жилища – основой для «плетеных коробов» выступала более устойчивая четырехколесная телега.

При этом следует иметь в виду, что само скиф. **kata-*, вероятнее всего, подверглось влиянию рефлексов созвучного иран. **kat-* ‘катить, поворачивать; опрокидывать’, восходящего, предположительно, к и.-е. **kat-* ‘приводить в быстрое движение; метать’ (ЭСИЯ 4. С. 339). Если это так, то др.-гр. ὄχος ‘повозка’ и ‘колесо’ почти в точности соответствуют скиф. **kata-* во всем его семантическом разнообразии. Более того, в этом случае весьма заманчиво видеть в гр. ὄχος и скиф. **kata-* греко-иранскую семантическую изоглоссу.

Что же до второго компонента этнонима Κατίαροι, то, отталкиваясь от присущей др.-гр. εὔκυκλος семантики ‘быстрого передвижения’, из двух общеиранских обозначений движения, рефлексы коих можно ожидать в составе композита, – **[1]ar-* : **ar-* : **i̯-* : **ra-* ‘двигать(ся), передвигать(ся), приводить в движение’ и **[2]har-* ‘передвигаться, идти, течь’ ~ и.-е. **ser-* ‘течь, быстро двигаться; стремиться (в одном направлении)’ (ЭСИЯ 1. С. 188; 3. С. 369), – семантически ближе к «быстроходному» др.-гр. εὖκυκλος оказывается именно иран. **[2]har-*. При этом не исключено, что второй компонент сложения мог выглядеть не как **har-i̯a*, а как **harya-* (‹**[2]har-* + *-i̯a* ‹ арийск. **-ya-* с герундиальным значением: Герценберг 1973. С. 243). Нельзя отрицать и возможности использования в качестве второго компонента сложения скифского рефлекса этнонима иран. ** *ar.i̯a*, однако в этом случае не вполне ясен мотив употребления Эсхилом эпитета εὔκυκλος.

Краткий анализ зарисовок скифского быта дает нам основания для следующих предположений.

1. Уже в свидетельствах Гесиода и Эсхила о скифах достаточно точно отражены как их кочевой образ жизни, так и внутренняя форма скифского этнонима Κατίαροι. Само же слово Κατίαροι в качестве этнонима в догеродотовской Греции известно не было – иначе оно бы проявилось в творчестве хотя бы одного из названных авторов. И, скорее всего, с соответствующей глоссой в тексте (как в случае с *абиями* – справедливейшими/гостеприимнейшими из смертных – у Гомера и Эсхила соответственно).

Можно, однако, допустить, что имело место калькирование этнонима *катиары* у Гесиода и Эсхила (у последнего – намного

точнее) по аналогии с гомеровскими *гиппомолгами-кобылодоильцами* и *глактофагами-млекоедами* (подробнее о предполагаемой судьбе этих гомеровских этнонимов см.: Иваненко 2021). Но, если это и так, то оба автора используют разные лексические средства – единого слова для обозначения *катиаров* не было. А стало быть, для обоих авторов указание на жизнь и передвижение *скифов* в повозках было, прежде всего, не этнонимом, но еще одним точным культурно-бытовым наблюдением, одной из характеристик их образа жизни. Вероятно, именно поэтому сам этноним в цитируемые греческие источники не попал.

2. Сказанное позволяет допускать, что уже не позднее VII в. до н.э. (первое упоминание *скифов* Гесиодом) среди скифских племен могло быть племя, «кибиточный» образ жизни которого отразился в его имени – Κατίαροι. Кроме того, упоминание носителей этнонима Κατίαροι Гесиодом и Эсхилом позволяет удревнить его (в сравнении с Геродотом) примерно на два века.

3. Соотнесение с иранским материалом греческих конструкций ἀπήνας οἱκί᾽ ἐχόντων (Гесиод) и ἐπ᾽ εὐκύκλοις ὄχοις (Эсхил) – весьма точных описаний *скифской повозки* – позволяет уточнить и семантику каждого из компонентов этнонима, верифицируя тем самым этимологию С.В. Кулланды. Таким образом, уточненное значение этнонима – *‘обитающие в быстроходных и/или хорошо преодолевающих преграды в крытых четырехколесных повозках-жилищах’.

Предложенное уточнение важно не столько для семантической реконструкции этнонима (в целом она остается неизменной), сколько для понимания механизма работы со словом древних авторов. Во многом благодаря именно точности их слова мы сегодня можем достаточно полно восстанавливать значения некоторых единиц из скифского лексикона.

Литература

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты. Перевод. Комментарий / Под общ. ред. В.Т. Пашуто. М., 1982.

Герценберг Л.Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л., 1973.

Гесиод. Полное собрание текстов. М., 2001.

Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 1–2.

Иваненко А.В. Имена киммерийских царей (*^{m}Te-uš-pa-a* и *^{m}Dug-dam-me-i*) // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XXIV (Чтения прамяти И.М. Тронского). Мат-лы Междунар. конф. (21–23 июня 2021 г.). СПб., 2021. С. 443–459.
Кулланда С.В. Скифы: язык и этногенез. М., 2016.
Страбон. География. В 17 книгах. Л., 1964.
Эсхил. Трагедии / Пер. Вяч. Иванова. М., 1989.
Æschyli tragoediæ / Varietate lectionis, et commentario perpetuo illustravit Chr. God. Schütz. L., 1823. T. I.
Beekes R. Etymological Dictionary of Greek / By R. Beekes. With the assistance of L. van Beek. Leiden; Boston. Vol. 2.
Homeri Ilias / Cum potiore lectionis varietate edidit A. Nauk. B., 1879. Vol. 2.
Homeri Odyssea / Cum potiore lectionis varietate edidit A. Nauk. B., 1874.
Strabons Geographia / Hrsg. von S. Radt. Göttingen, 2003. Bd 2.

Т.М. Калинина

ПИСЬМО «КОРОЛЕВЫ ФРАНКОВ» ХАЛИФУ АЛ-МУКТАФИ: КОММУНИКАЦИИ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Лингвоэтнический барьер как разность языков и культур отчетливо проявился в Средние века при дипломатических взаимоотношениях представителей Арабского халифата и уполномоченных отдаленных государств. Встречи официальных эмиссаров способствовали культурному и языковому взаимодействию.

Обмен посольствами между доверенными Халифата, франками и византийцами носил, прежде всего, политический характер: при договорах о мире или перемирии, возможностях матримониальных связей, обмене пленными. Торговые и религиозные контакты также весьма способствовали оформлению двусторонних отношений и почтовой службы между странами. Дипломатическая практика обмена посольствами предусматривала и присылку подарков, состоявших из разнообразных ценных предметов, характерных для страны-отправителя (Drocourt 2019. С. 64–65).

В крупных городах Халифата существовали «дома мудрости» – центры, где осуществлялись переводы на арабский язык литературных, географических и других трудов с греческого, сирийского, пехлеви, санскрита, китайского и др. Однако, несмотря на

развитие переводческой деятельности, при дворах халифов и эмиров иной раз не хватало переводчиков с иных языков.

Одним из ярчайших примеров служит история письма «королевы франков» последнему халифу Аббасидов ал-Муктафи (903–908). Впервые документ обнаружил и перевел на французский язык востоковед К.А. Иностранцев в антологии рассказов «Восходы лун на стоянках веселья» («Matali al-budūr fi manazil al-surūr») Ала ад-дина ал-Гузули (ум. 1412/13 г.) (Inostrancev 1911. P. 82). В.В. Бартольд обратил внимание на схожие, но краткие известия в «Фихристе» («Каталоге») Ибн ан-Надима (X в.) (Бартольд 1966а. С. 432–461; 1966б. С. 604–608), в разделе о видах письменности у разных народов. Ибн ан-Надим писал:

> Страна франков. Их письмена похожи на греческое письмо, только оно более ровное. Мы могли видеть его на франкских мечах. Королева франков написала к ал-Муктафи письмо на белом шелке и послала со слугой, оказавшимся в ее стране из района Магриба, [чтобы] посвататься с приданым к Муктафи, она хотела выйти за него замуж. Слугу звали ʾАл(б)а. Он был одним из евнухов Ибн ал-Аглаба. Вот пример их письма...

Примера письма, однако, не оказалось (The Fihrist of al-Hadim 1970. P. 15; Калинина 2019. С. 389, 398–400).

В середине XX в. послание нашлось также в «Книге сокровищ и даров» двух братьев-поэтов ал-Халиди (X в.) (Abū Bakr Muḥammad and Abū ʿUthmān Saʿīd al-Khālidiyyān 1956), схожее с вариантом ал-Гузули (Christys 2010. P. 154). Помимо этого, проф. М. Хамидулла в подборке литератора ал-Ахвади (ум. 1408) обнаружил «Книгу подарков и драгоценностей», содержавшую выборки из более ранних произведений о всяческих раритетах и приношениях (Ibid. P. 153). М. Хамидулла признал автором служащего двора Бувайхида Абу Калиджара (ум. 1048) Кади Рашида ибн аз-Зубайра, который после завоевания государства Бувайхидов сельджуками в 1055 г. мог воочию видеть сокровища при разграблении дворца Бувайхидов, после чего он переехал в Асуан (Верхний Египет). Здесь он стал чиновником внешнеполитического ведомства с возможностью использования официальных документов и устной информации (Hamidulla 1953. P. 8–9; Семенова 1982. С. 82). М. Хамидулла перевел письмо «королевы франков» на

французский язык (Hamidulla 1953; это издание мне недоступно, но статья воспроизведена). На итальянский язык фрагмент перевел Г. Леви Делла Вида (Levi Della Vida 1954. P. 21–38). Был опубликован и перевод на английский язык всего произведения (Book of Gifts 1996). Издатель и переводчица Габа ал-Каддуми не признала авторства Ибн аз-Зубайра и посчитала труд XI в. анонимным (Ibid.). В этот текст входил и фрагмент из книги ал-Гузули, некогда переведенный К. Иностранцевым.

Я привожу краткий фрагмент текста переводов письма на французский язык, выполненный М. Хамидуллой, и на английский язык, сделанный Г. ал-Каддуми, в моей редакторской обработке на русском языке. Мне также удалось проверить перевод по арабскому оригиналу издания (Ibn al-Zubayr 1959. P. 48–50), фотокопию фрагмента которого мне любезно предоставил уважаемый коллега Д.Е. Мишин.

> Я, [Б][Т]арта бин ал-Аугари, королева страны франков и зависимых от нее территорий, послала евнуха Али, одного из евнухов Зийадат-Аллаха ибн ал-Аглаба с подарком. Я была в дружеских отношениях с королем Ифрикии, потому что до сих пор не знала, что существует король, превосходящий его. Мои корабли, выйдя, захватили флот царя Ифрикии, командующим которого был евнух по имени Али: я взяла его в плен вместе со ста пятьюдесятью людьми, которые были с ним на трех кораблях, и держала их в течение семи лет… Я послала тебе с ним в качестве подарка вещи, которые производятся в моей стране, чтобы оказать тебе честь и завоевать твою любовь: 50 мечей, 50 щитов, 50 франкских копий, 20 кусков ткани, сотканных из золота, 20 славянских евнухов, 20 красивых и нежных славянских девушек, 10 таких больших собак, что ни один свирепый зверь с ними не сразится, 7 ястребов, 7 шпор, шелковый навес со всеми его принадлежностями, 20 шерстяных кусков ткани, окрашенных цветом, извлеченным из морской ракушки, найденной в глубинах, шерсть, которая сияет всеми цветами радуги и которая меняет цвет каждый час в течение дня, 3 птицы из страны франков, которые кричат и машут крыльями, чтобы предупредить, что мы находимся перед отравленной пищей, стеклянные бусины для безболезненного извлечения наконечников копий и стрел, оставшихся в телах раненых, даже если плоть зажила» (Ibn Zubair 1959. P. 48–50; Hamidullah 1953. P. 9; Book of Gifts 1966. P. 91–92).

В письме было также указано, что у этой властительницы более многочисленная армия, чем у византийцев, очень обширная

страна с городом Великий Рим, состоящая из разноязыких народов, поэтому она предлагает халифу не только дружбу, но и брачный союз, а также обмен пленными.

Достоверность письма и личность «королевы франков» вызывали сомнения. К.И. Иностранцев и В.В. Бартольд предполагали, что письмо было послано патрицианкой Феодорой, женой консула и сенатора Рима Феофилакта, могущество и влияние которой сильно преувеличено; странным казалось и брачное предложение со стороны Феодоры, которая уже была замужем (Inostrancev 1911. P. 84; Бартольд 1966б. С. 608).

Имя «королевы» в рукописях сочинений Ибн ан-Надима, ал-Гузули, братьев ал-Халидийан, Ибн аз-Зубайра (или Анонима) имеет буквы Т(Б).Р.Т(Н) или Т(Б).Р.Н(Т)., Т(Б).Р.И(Т), которые в арабском языке легко заменяются перестановкой только одной точки. Было высказано предположение, что имеется в виду *Берта* (чье имя искаженное неверной постановкой диакритических точек при буквах Б-Т, И-Н) – маркиза Тосканы и дочь ал-Автари – последнее имя близко к имени *Лотарь* (Лотарь II, 865–869) (Hamidullah 1953. P. 9). Евнух ’Али ибн Хадам ранее принадлежал Зийадат Аллаху ибн ал-Аглабу III, правителю Ифрикии (903–909), и был захвачен в плен, вероятно, в 899 г. в битве между мусульманами и византийцами или между франками и Византией, и стал приближенным Берты (Hamidullah 1953. P. 9–10; Talbi 1966. P. 503). После этих изысканий появились вошедшие во многие монографии и энциклопедии имя и образ Берты, игравшей видную роль в дипломатии начала X в.

Не вдаваясь здесь в дискуссию о подлинности переписки Берты и ее персоны, обратим внимание на само письмо и его детали.

От писца ‘Абу ‘Адаллаха Мухаммада ибн ‘Абдаллаха ал-Исбахани, бывшего вместе с халифом ал-Муктадиром, известно, что халиф попросил кого-нибудь перевести это письмо. Нашелся франк Бишр, умевший читать на «языке народа королевы», который сделал перевод греческим письмом (*руми*). Затем был вызван известный ученый, врач и переводчик Исхак ибн Хунайн (ум. 910/11), чтобы перевести письмо с греческого языка на арабский (Hamidulla 1953).

Уместно вспомнить замечание Ибн ан-Надима о том, что письмо франков напоминает греческое, но оно ровнее, и его

можно увидеть на франкских мечах. Франкские мечи производились в мастерских на Среднем Рейне и были снабжены надписями, выполненными латинским маюскулом (Кирпичников 1996. С. 12 и сл.; 1997. С. 117). Таким образом, здесь произошло знакомство арабских вельмож с латинским языком через посредство греческого языка при помощи арабского ученого.

Подарки, по-видимому, не доехали до халифа, т.к. евнух опасался мести и захвата их Зийадат-Аллахом ибн Аглабом, бывшим властителем Ифрикийи (903–909) (Hamidulla 1953. P. 11; Book of Gifts 1966. P. 92).

Сохранился также ответ ал-Муктафи, со слов рассказчика Абу ал-Хасана (Абу Абдаллаха?) ал-Исбахани, который также был писцом канцелярии, ведавшей составлением писем. Ал-Аббас ибн ал-Хасан, визирь халифа, поручил написать ответ от имени ал-Муктафи тому же ал-Исбахани, который справился с заданием только со второго раза: первый вариант был признан визирем слишком резким (Hamidullah 1953. P. 11), что показывает, видимо, отрицательное отношение двора халифа к информации письма Берты.

Ответное послание занимает так много места, что здесь я не могу его привести. Составлено оно весьма многословно и уклончиво; часть посвящена осторожным заверениям в том, что халиф и без Берты владеет сведениями о своих соседях и Византии, оказано уважение к заявкам Берты, но без каких-либо обещаний или заверений. История заканчивается тем, что евнух на обратном пути умер и ответ халифа не дошел до Берты (Ibid.).

Как бы то ни было, переводы с языков арабского, греческого, латыни и общение их носителей наглядно показывают соприкосновение разных культур, а посольские дары демонстрируют культурный взаимообмен, выражающийся в узнавании и освоении новшеств иной цивилизации: в нашем случае – письмо на шелке, шерстяная ткань, «франкские мечи» и пр.

Литература

Бартольд В.В. К вопросу о франко-мусульманских отношениях // *Бартольд В.В.* Соч. М., 1966. Т. 6. С. 432–461. (а)

Бартольд В.В. Посольство из Рима в Багдад в начале X в. // Там же. С. 604–608. (б)

Калинина Т.М. «Фихрист» Ибн ан-Надима (X в.) о письме и письменности некоторых восточно- и западноевропейских народов // ДГ, 2017–2018 г.: Ранние формы и функции письма. М., 2019. С. 383–405.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966. Вып. 1: Мечи и сабли IX–XIII вв.

Кирпичников А.Н. Мечи с надписью ULFBEHRT в Северной Европе // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. 1997. № 6. С. 116–122.

Семенова Л.А. Ибн аз-Зубайр о Фатимидах // Письменные памятники Востока, 1975. М., 1982. С. 82–92.

Abū Bakr Muḥammad and Abū ʿUthmān Saʿīd al-Khālidiyyān. Kitāb al-Tuḥaf wa-l-hadāyā / S. Dahhān. Cairo, 1956.

Book of Gifts and Rarities (Kitab al-Hadaya wa al-Tuhaf) / G. al-Qaddumi. Cambridge (Mass.), 1996.

Christys A. The Queen of the Franks Offers Gifts to the Caliph al-Muktafi' // The Languages of Gifts in the Early Middle Ages. Cambridge, 2010. P. 49–170.

Drocourt N. Arabic-speaking Ambassadors in the Byzantine Empire (from the 9th to 11th Centuries) // Ambassadors, Artists, Theologians: Byzantine Relations with the Near East from the 9th to the 13th Centuries. Mainz, 2019. P. 57–71.

The Fihrist of *al-Hadim*. A Tenth-Century Survey of Muslim Culture / Ed. and transl. by B. Dodge. N.Y.; L., 1970.

Hamidullah M. Embassy of Queen Bertha of Rome to Caliph al-Muktafî billah in Baghdad // Journal of the Pakistan Historical Society. 1953. Vol. 1. P. 272–300 (цит. по: *Hamidullah M.* Nouveaux relatifs aux rapports entre la France, l'Italie avec les pays musulmans; Échange de correspondance entre Berthe, marquise de Toscane et Al-Muktafi, calife de Bagdad, en l'an 293 de l'hégire, soit l'an 906(1) // https://archive.org/stream/MuhammadHamidullah/1961%20Rapports%20entre%20France%2C%20Italie%2C%20Espagne%20avec%20les%20Pays%20Musulmans%20au%20Moyen-âge_djvu.txt (дата обращения 21.01.2022]. P. 8–9, 9–12).

Ibn al-Zubayr al-Qadi al-Rashid. Kitab al-Dhakha'ir wa-l tuhaf / Ed. M. Hamidullah. Kuwait, 1959.

Inostrancev C. Note sur les rapports de Rome et du Califat Abbaside au commencement de Xème siècle // Rivista degli studi orientali. Roma, 1911. Vol. 4. Fasc. 1. P. 81–86.

Levi Della Vida G. La corrispondenza di Berta di Toscana col Califfo Muktafi // Rivista Storica Italiana. 1954. T. 56. Fasc. 1. P. 21–38.

Talbi M. L'Emirat aghlabide, 184–296/800–909: Histoire politique. P., 1966.

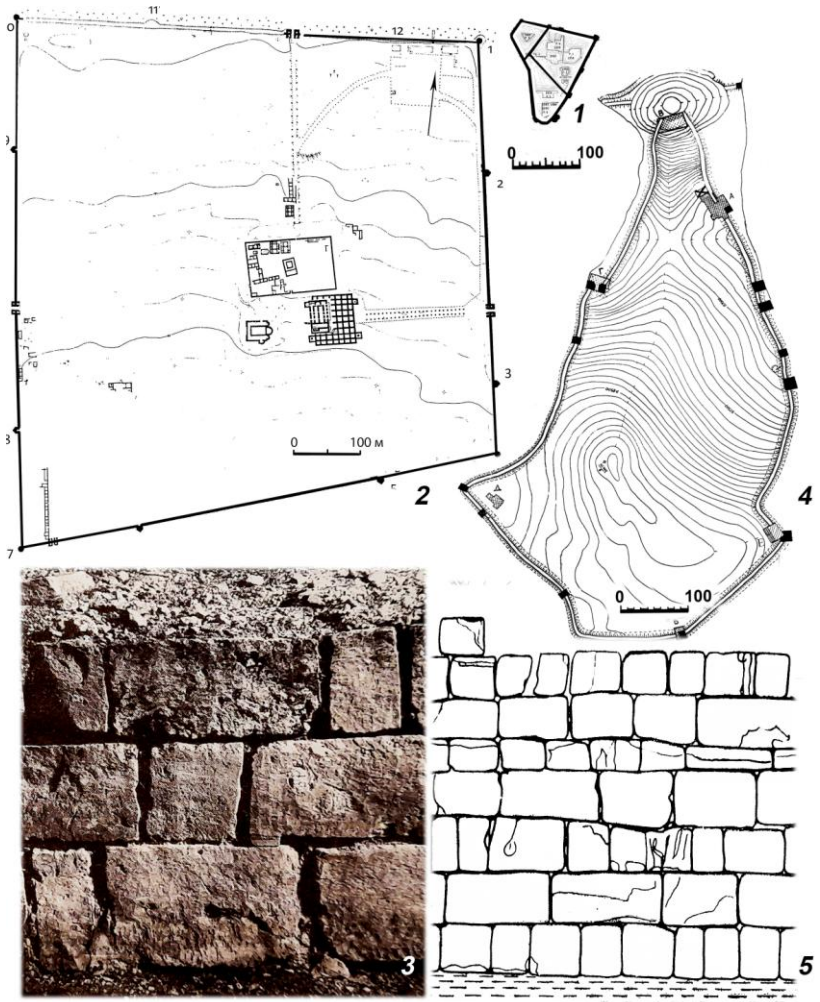
Е. Коматарова-Балинова, В.С. Флёров

ОТ ПЛИСКИ ДО ПРАВОБЕРЕЖНОЙ ЦИМЛЯНСКОЙ КРЕПОСТИ – СТРОИТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФОРТИФИКАЦИИ: ЗАИМСТВОВАНИЯ, ЦИРКУЛЯЦИЯ?*

В 660–670-х годах часть населения Великой Старой Болгарии во главе с ханом Аспарухом под давлением хазар уходит из Приазовья в низовья Дуная. Первоначально пришельцы расселяются в так наз. Онгл, затем осваивают земли от Дуная до гор Стара Планина. К концу VII в. формируется Первое Болгарское царство (ПБЦ) с собственной культурой (Рашев 2008). Начало ее не прослеживается, первые поселения неизвестны. Одно из ранних – обнесенный валами «лагерь» Никулицел (Ваклинов 1977. С. 40). Оставшиеся в Прикубанье и на Нижнем Дону праболгары с участием алан создают на протяжении VIII в. собственную культуру, охватившую территорию всего Хазарского каганата – салтово-маяцкую. Как результат этих событий развитие культур двух разошедшихся групп праболгар пошло разными путями.

Нет сомнения в том, что между населениями ПБЦ и Хазарского каганата не было интенсивных культурных контактов – теперь между ними тысячекилометровое пространство Северного Причерноморья, занятое носителями других культур. Тем не менее нечто общее изредка прослеживается, в частности, в сходстве отдельных сосудов и технологии их изготовления. Проводятся сравнительные исследования на более широких материалах (Коматарова-Балинова 2010). Интересны и общие представления болгарских историков о Хазарском каганате (например: Живков 2010).

В данных тезисах соавторы поставили конкретную задачу: сравнить некоторые технологии строительства каменных крепостей в ПБЦ и Хазарском каганате. Сделать это можно, только привлекая еще один компонент – византийские технологии крепостной фортификации, поскольку они лежат в основе технологий как в ПБЦ, так и в каганате. Принципиально нового, собственного в строительных технологиях в этих двух раннесредневековых государствах не появилось.



Илл. 1. *1* – Правобережная Цимлянская крепость; *2* – Внутренний город Плиски (по: Рашев 1995, обр. 9); *3* – Плиска, кладка блоков (по: Рашев 2008, обр. 22); *4* – Хумара (по: Биджиев 1983); *5* – Хумара, кладка блоков (по: Биджиев 1983, рис. 19)

Вынесенные в заголовок Правобережная крепость и Плиска (илл. 1: 1, 2) являются символическими точками, хотя мысль о сравнении родилась при исследовании именно Правобережной крепости. Нами были привлечены Маяцкая, Верхне-Ольшан-

ская, Камышина и крепость Хумара (илл. 1: 4), а также византийские крепости Юго-Западного Крыма (Герцен 1990. С. 112, 113; Манаев 2003). С другой стороны, болгарские археологи не оставляют без внимания крепости Хазарского каганата (Аладжов 2009. С. 85–106; Рабовянов 2011. С. 94, 95, 109).

В сравнениях мы чаще других будем обращаться к Плиске (илл. 1: 1)[1], независимо от того, что на сегодня известны и Великий Преслав – вторая столица ПБЦ, и праболгарские крепости Аул Омуртаг, Кладенци, Пукуюл Луй Соаре, Цар Асен, Хума и др.

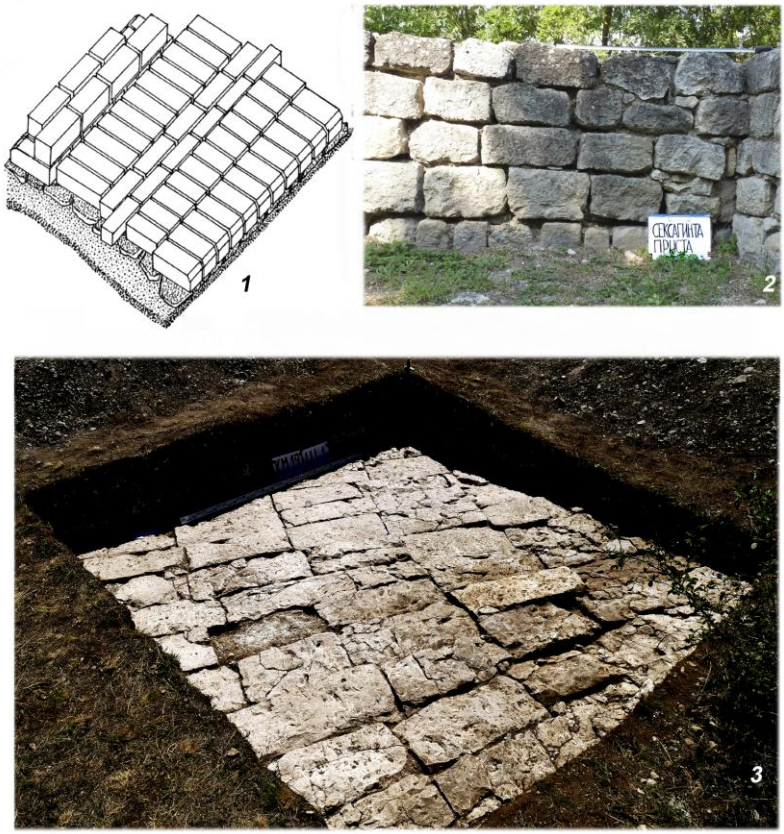
Проведем сравнение по признакам, которые не всегда привлекают внимание. Учтем также, что в технологиях строительства самих праболгарских крепостей нет единообразия (Рабовянов 2011. С. 25).

Фундаменты. В равнинных крепостях Болгарии они обязательны. В Плиске и Преславе они достигают глубины 1 м и более. Состоят фундаменты из вбитых кольев, засыпанных бутовым камнем и залитых раствором (Рашев 1985. С. 217, 218, обр. 7, 9). Ширина фундамента в Плиске достигает 2,7 м (Рашев 2008. С. 83). В Хазарском каганате фундаментов нет даже под стенами кирпичного Саркела. В Правобережной крепости, стоявшей на массиве песка, где фундамент не был бы лишним, он заменен уложенными на поверхность необработанными плитами.

Блоки кладки стен. Блоки крепостей ПБЦ выполнены прежде всего из прочного твердого песчаника. Из блоков песчаника и ракушечника в Хазарском каганате возведены только стены и башни Хумары. В бассейне Дона – Северского Донца основной материал – мергель и твердый мел, породы непрочные (примеры: Верхне-Ольшанская, Маяцкая, Правобережная).

Тип кладки. Стены крепостей Хазарского каганата, судя по Маяцкой и Хумаре, были двухпанцирные с забутовкой из грунта и рваного камня без заливки раствором.

Однако стены Правобережной Цимлянской ввиду плохой сохранности создали проблему в реконструкции ее кладки. Лишь на южном углу остались *in situ* несколько блоков нижнего и второго слоя. Возник вопрос о возможности монолитности стены хотя бы в нижних слоях по одной из разновидностей *opus quadratum*, чего не исключала болгарский историк архитектуры Д. Василева[2].



Илл. 2. Кладки блоков. *1* – Правобережная Цимлянская крепость (реконструкция В. Флёрова); *2* – Сексагинта Приста (фото В. Флёрова); *3* – Камышина, Нижний Дон (фото В. Ключникова).

В этой же группе блоков Правобережной крепости обратим внимание на положение блоков нижнего слоя торцом, как на внешней, так на и внутренней лицевых сторонах (илл. 2: 1). Такая кладка известна в византийских крепостях V–VI вв., например на Нижнем Дунае в Сексагинта Приста (илл. 2: 2), а позже в первых крепостях ПБЦ, в Крыму в Чуфут-Кале, а также в Хумаре (илл. 1: 5). Однако во всех известных крепостях ПБЦ, Крыма

и Хазарского каганата участки с положением блоков тычком или ложком чередовались.

Связующий раствор. В ПБЦ, как наследие поздневизантийского периода, связующий раствор в строительстве применялся повсеместно, в том числе в Плиске. Для праболгарского строительства было характерно добавление в раствор дробленых черепиц и кирпичей, что придавало швам между блоками красноватый оттенок.

В Хазарском каганате только в стенах Хумары блоки соединял раствор извести (Биджиев 1983. С. 17, 24, 30), но иногда и глина.

В Правобережной между блоками раствор не зафиксирован, однако найден кусок белого раствора с оттисками двух-трех блоков. Из такого же раствора изготавливали декоративные треугольные кирпичики. Обнаружены десятки фрагментов штукатурки из очень мелкозернистого раствора с отполированной до блеска поверхностью.

В соседней крепости Камышино на 2019 г. на площади 4×4 м в однослойной кладке (стена крепости?) не было ни малейших следов раствора (спасательные раскопки В.В. Ключникова) (илл. 2: 3).

Нет раствора в стенах Маяцкой и В-Ольшанской крепостей. В Маяцкой швы между блоками снаружи замазывали глиной. Положительный эффект от этого сомнителен.

В Крыму раствор применялся. Как на примеры укажем на Мангуп (Герцен 1990. С. 112, 113) и Сугдею (Майко 2020. С. 5).

Башни. В ПБЦ они разнообразны: квадратные, прямоугольные, треугольные, пятиугольные, в форме утюга, круглые, каплевидные. В Крыму преобладают прямоугольные; встречаются с округлой передней стенкой, как в Мангупе (Герцен 1990. С. 254, 256, рис. 19, 21). В Хазарском каганате только прямоугольные и только в крепостях Правобережной и Хумара.

Подземные ходы в Плиске суммарной протяженностью до 2 км. Трудно было удержаться, чтобы не упомянуть их. Стенки и своды выложены не блоками, а кирпичом. У внутренних ширина до 1,5 м, высота до 2,5 м (Рашев и др. 2005. С. 170).

Руинированные позднеримские/византийские крепости I–VII вв., иногда и хорошо сохранившиеся, разбросаны по всей территории будущего ПБЦ. Они составляли Придунайский лимес империи (Ivanov 2012. S. 23–42). С их оборонительными

возможностями праболгары, вероятно, знакомились в ходе войн с Византией и другими путями. Не удивительно, что в ПБЦ можно найти все лучшие образцы византийских строительных технологий, особенно в Плиске и Преславе. Иная картина в Хазарском каганате. Здесь в большей степени византийская строительная технология представлена в крепости Хумара, но не во всей полноте. Правобережная Цимлянская уступает ей в качестве кладки. Впрочем, и в Хумаре встречается небрежная кладка[3].

Пример низкого технологического уровня в Хазарском каганате – Маяцкая крепость: продольный уклон стен, неупорядоченная кладка блоков без раствора (Афанасьев 1984. С. 36, 37, рис. 11, 12). Очень вероятно, что нестойкий строительный материал был причиной ее непродолжительного существования.

В ПБЦ византийские технологии стали основой в строительстве, а в Хазарский каганат проникли лишь некоторые, но и они воспроизводились не везде. Прямых заимствований технологий фортификаций между ПБЦ и Хазарским каганатом не происходило. Можно говорить лишь о циркуляции византийских технологий в обоих государствах. Посредником между ними был Крым. Так, на примере Мангупа А.Г. Герцен пришел к заключению, что поиск аналогов технологиям создания этой крепости «приводит нас в Балканский регион» (Герцен 1990. С. 155).

Примечания

[*] Исследование подготовлено в соответствии с Соглашением между НАИМ Болгарской АН и Институтом археологии РАН от 3.04.2019 г.

[1] Авторы данных заметок знакомы с проблематикой фортификации не только по литературе. Е. Коматарова-Балинова многие годы принимает участие в раскопках Плиски, осматривала крепости Маяцкую, Правобережную Цимлянскую, Семикаракорскую, работала в музеях России и Украины. Ее соавтор посещал объекты фортификации в Болгарии, включая Плиску, Преслав, крепости Мадару, Доростол-Силистру, Шуменскую и др., руководил раскопками Правобережной Цимлянской, осматривал Хумару и крепости Крыма, включая Мангуп, Чуфут-Кале и др.

[2] Проблема обсуждалась В.С. Флёровым с Д. Василевой в переписке конца 1980-х годов.

[3] Благодарим за консультации У.Ю. Кочкарова (Ин-т археологии РАН).

Литература

Аладжов А. Византийският град и българите VII–IX век (по археологически данни) // Диссертации. София, 2009. Т. 4.

Афанасьев Г.Е. Исследование южного угла Маяцкой крепости в 1977–1979 гг. // Маяцкое городище. М., 1984.

Ваклинов Ст. Формиране на старобългарската култура. VI–XI век. София, 1977.

Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Т. I.

Живков Б. Хазария през IX и X век. София, 2010.

Коматарова-Балинова Е. Езическите некрополи на Долен Дунав и некрополите в ареала на Салтово-Маяцката култура: Автореф. … научната и образователна степен «доктор». София, 2010.

Майко В.В. Сугдея во второй половине VII – первой половине X в. Симферополь, 2020.

Манаев А.Ю. Ранневизантийские оборонительные сооружения Юго-Западного Крыма и Болгарии: опыт сравнительного анализа // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2003. № 1.

Рабовянов Д. Извънстоличните каменни крепости на Първото Българско царство (IX – началото на XI век) // Диссертации. София, 2011. Т. 5.

Рашев Р. Плисковскиях аул // Плиска-Преслав. Шумен, 1995. Т. 7.

Рашев Р. Проучвания на външната крепостна стена в Преслав // Плиска-Преслав. София, 2000. Т. 4.

Рашев Р. Българската езическа култура VII–IX век. София, 2008.

Рашев Р., Станилов Ст., Инкова М. Проучвания на тайните ходници в Плиска // Археологически открития и разкопки през 2004. София, 2005.

Ivanov R. The Roman Limes in Bulgaria (1st–6th c. AD) // The Lower Danube Roman Limes (1st–6th C. AD). Sofia, 2012.

Й. Комендова

ФУНКЦИИ ОБРАЗА ЧУЖИХ НАРОДОВ В ДРЕВНЕЙШЕМ ИСТОРИОПИСАНИИ РУСИ, ЧЕХИИ И ПОЛЬШИ

Крупные историографические труды, в науке традиционно обозначаемые неудачным, однако трудно заменимым понятием «национальные хроники», зачастую начинаются повествованием типа *origo gentis* (Plassmann 2006). Их цель состояла в конструировании коллективной идентичности новых государств с новыми династиями, легитимации новой правовой системы, включении недавно христианизированных общностей в рамки христианской ойкумены (ср.: Pohl 2019; Rychterová 2021).

Тот факт, что в древнейшем историописании Руси возникло повествование, аналогичное *origo gentis* хроник Западной и Центральной Европы (Tolochko 2008; Стефанович 2010), заставил исследователей обратить внимание на сходство между «Повестью временных лет» (ПВЛ), хроникой Козьмы Пражского, хроникой Галла Анонима и др. Однако не следует забывать и о специфических чертах восточнославянского историописания, не находящих соответствия в центральноевропейских хрониках. Одной из таких черт является функция чужих народов в конструировании идентичности той общности, которая стоит в центре повествования.

Образ чужих народов в ПВЛ и других древнерусских летописях уже привлекал внимание исследователей (см. обзор литературы: Лаушкин 2019. С. 10–11). Список этносов, упомянутых в ПВЛ, гораздо шире, чем в центральноевропейских хрониках. Также намного острее подчеркивается их чуждость, причем наиболее яркой формой ее выражения является эсхатологическая трактовка – отождествление некоторых этносов с апокалиптическими народами.

Козьма Пражский, напротив, полностью сосредоточивается в своей хронике на чехах (*Bohemi*) и в связи с ними упоминает лишь несколько соседних народов. Их чуждость была политической (Aurast 2019; Wihoda 2019), а не культурной, ценностной. В хронике полностью отсутствует стремление дать чужим народам и столкновениям с ними метаисторический смысл.

Такой же подход характерен и для последующей традиции чешского историописания. Необычайно развитый образ чуждости дает «Повествование о злых временах после смерти Пржемысла II Оттокара» (часть так называемого Второго продолжения Козьмы), где саксонцы изображаются виновниками многих бед и страданий чехов и автор убежден, что гнев и хитрость присущи саксонцам с самого начала истории. Чтобы это доказать, приводится обширное повествование, заимствованное из мировой хроники Фрутольфа и содержащее основные составные части текстов типа *origo gentis* (информацию о переселении данного *gens* и обретении той страны, в которой он живет до сих пор). В отличие от *origo gentis* раннесредневековой историографии, данный сюжет здесь несет не легитимирующую, а дискре-

дитирующую функцию. Автор многократно говорит о хитрости и обманах саксонцев и доказывает это конкретными примерами из прошлого (FRB II. P. 363). Тем самым он старается убедить читателя в том, что отрицательные черты, которые впервые наглядно проявились в начале истории, являются неотъемлемой чертой народа на всем ее протяжении.

Этническая картина хроники Галла Анонима более пестрая. Чужие народы изображаются с разной степенью понимания или отрицания, особенно негативная характеристика дается языческим племенам Прибалтики и чехам. Но автор не приписывает борьбе поляков с чехами, равно как и с другими этносами, какого-либо идейного и тем более метаисторического смысла. Чуждость балтийских племен выражается при помощи стандартных топосов, связанных с темой противостояния язычества и христианства. Чужие народы интересуют Галла лишь в их связи с подвигами князей из рода Пястов. Свою роль играет и тот факт, что Галл Аноним, не будучи поляком, пишет не историю народа (*natio* в средневековом смысле), а историю династии (Aurast 2019).

Разница между образами чужих народов в древнейшем летописании Руси и в центральноевропейской историографии того же периода вытекает из ряда причин, связанных как с историческими реалиями Восточной и Центральной Европы XII–XIII вв., так и с пониманием функций историописания.

Во-первых, различие обусловлено тем, что Русь была окружена намного более многообразными этносами, исповедовавшими к тому же разные религии. В отличие от Чехии, окруженной лишь народами, относившимися к той же цивилизации (в терминологии школы «Анналов»), Польше пришлось сталкиваться с этносами, не принадлежавшими к католическому миру, но они не были настолько могущественными, чтобы представлять серьезную угрозу для Польского государства и тем более вызывать апокалиптические настроения. Для идентичности Руси, а также самого ее существования, чужой мир за границами государства был гораздо более опасен.

Свою роль мог сыграть и тот факт, что в Центральной Европе существовали относительно (со средневековой точки зрения) четкие границы между отдельными государствами, а кроме того были очевидны природные границы. Чтобы определить терри-

торию Чехии, Козьма Пражский считал достаточной информацию о Европе, Германии и Чехии как стране, окруженной со всех сторон горами (Cosmae Pragensis Chronica 1923. P. 5).

Границы Руси – за отсутствием четких естественных границ, равно как и установившихся границ соседних государств (за исключением, пожалуй, границы между Русью и центральноевропейскими государствами), – определить было сложнее. Отсюда определение своей общности при помощи списка этносов, являющихся чужими по отношению к Руси.

Этнический состав самой Руси был значительно более разнообразен, чем в государствах Центральной Европы, однако летописцы не считали это проблемой для идентичности Руси. Напротив, в чешской средневековой историографии в роли опасных чужих народов фигурируют евреи и немцы, жившие на территории Чешского государства.

В отличие от центральноевропейских книжников, которые, будучи носителями латинской католической культуры, считали себя членами общности, выходящей за рамки этносов и государств, для авторов древнейшего восточнославянского летописания было гораздо важнее выделить свою общность из масс чужих. Основывая свою идентичность на религии («христиане»), они не находили за границами Руси никого, с кем могли бы ощущать такое же единство, как латиноязычные интеллектуалы в рамках католического мира. Византия для Руси не могла играть той роли, какую играли католическая церковь и империя для конструирования идентичности новых государств Центральной Европы, т.к. между Византией и Русью отсутствовало языковое единство и слишком глубока была культурная разница между недавно христианизированной, с точки зрения Византии – варварской, страной и гордившейся своей тысячелетней цивилизацией империей ромеев.

Для восточнославянских книжников в определении всех чужих этносов, окружавших Русь, совпадали религиозные, языковые и политические критерии, поэтому их чуждость ощущалась особенно ярко. С другой стороны, восточнославянские летописцы никогда не приписывали отдельным народам конкретных черт характера (за единственным исключением в ПВЛ, см.: Лаушкин 2019. С. 13). Через связь конкретных народов с библейскими или апок-

рифическими прообразами и определение других народов как чужих по отношению к «христианам», т.е. жителям Руси, летописцы четко обозначили и их моральный статус, и их функцию в истории. Определение особых черт характера отдельных народов было в этом контексте уже излишним.

Разница в образе чужих народов в разных историографических традициях связана и с вопросом функций историописания. Восточнославянское историописание синтезировало в себе весьма разнообразные функции, которые в латинской культурной среде соответствовали разным жанрам. Древнейшие летописцы Руси эксплицитно выражают свое понимание историографии как средства нравственно-религиозного поучения, стараются раскрыть в истории Божественный замысел и подчеркивают связь прошлого, настоящего и будущего в контексте истории спасения. Древнейшее летописание Руси, таким образом, берет на себя некоторые функции, которые в латинской традиции были чужды национальным и династическим хроникам, но соответствовали хроникам мировым. Таким образом, особая трактовка чужих народов представляет собой одно из проявлений полифункциональности летописания средневековой Руси – в противоположность гораздо более узкой функции историографии Центральной Европы.

Источники и литература

Лаушкин А.В. Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М., 2019.

Стефанович П.С. «Сказание о призвании варягов» или Origo gentis russorum? // ДГ, 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 514–583.

Anonima tzw. Galla Kronika czyli dzieje książąt i władców polskich / Ed. K. Maleczyński. Kraków, 1952. (MPH. NS; t. 2).

Aurast A. Fremde, Freunde, Feinde. Wahrnehmung und Bewertung von Fremden in den Chroniken des Gallus Anonymus und des Cosmas von Prag. Bochum, 2019.

Cosmae Pragensis Chronica Boemorum / Ed. B. Bretholz. B., 1923. (MGH. SS RG. NS; t. 2).

Plassmann A. Origo Gentis. Identitäts- und Legitimitätsstiftung in früh- und hochmittelalterlichen Herkunftserzählungen. B., 2006.

Pohl W. Historiography and Identity: Methodological Perspectives // Historiography and Identity. Turnhout, 2019. Vol. 1: Ancient and Early

Christian Narratives of Community / Ed. by W. Pohl and V. Wieser. P. 7–50.
Rychterová P. Introduction // Historiography and Identity. Turnhout, 2021. Vol. 6: Competing Narratives of the Past in Central and Eastern Europe, *c.* 1200–*c.* 1600 / Ed. by P. Rychterová. P. 1–18.
Tolochko O. The Primary Chronicle's 'Ethnography' Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the Origin of the Rus' State // Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe / Ed. by I.H. Garipzanov, P. Geary, P. Urbanczyk. Turnhout, 2008. P. 169–188.
Wihoda M. Das Bild der ungarischen Nachbarn bei Cosmas von Prag // Hungary and Hungarians in Central and East European Narrative Sources (10th–17th Centuries) / Ed. by D. Bagi, G. Barabás, M. Font, E. Sashalmi. Pécs, 2019. S. 21–37.

И.Г. Коновалова

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ В КАРТИНЕ МИРА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСЛАМСКИХ ГЕОГРАФОВ

Для исследования межэтнических контактов периода Средних веков целесообразно обратиться к источникам, в которых межэтническое взаимодействие становится предметом рефлексии самих средневековых авторов. Масштаб такой рефлексии мог быть весьма различен – от частных эпизодов повседневной жизни до представлений о мире и населяющих его народах в целом. Мы рассмотрим этот вопрос на материале средневековой исламской географии.

В картине мира исламских ученых этничность выступала как важный маркер, но всегда была встроена в более или менее жесткую схему разграничения ойкумены по какому-либо признаку.

Описание земли через этногенеалогии велось в рамках библейской идеи о разделения земли между сыновьями Ноя (или – применительно к иранской традиции – между сыновьями Фаридуна). Этногенеалогии служили удобным инструментом, при помощи которого новые знания о неизвестных прежде этносах инкорпорировались в структуру традиционных представлений об ойкумене. В своих попытках упорядочить информацию о новых народах, с которыми вступали в контакт жители Халифата, и непротиворе-

чиво включить ее в систему представлений об этнополитической географии мира, исламские авторы столкнулись с необходимостью самостоятельно решать, к кому из сыновей Ноя следует возводить тот или иной этнос. В отличие от средневековых европейских и древнерусских книжников, рассматривавших все азиатские народы в качестве потомков Сима, арабо-персидские ученые связывали с Симом лишь часть народов Азии, а именно – жителей Аравии и Ближнего Востока, в то время как другие азиатские этносы они относили к потомству Иафета.

В трудах по астрономической географии общей рамкой землеописания являлись заимствованное у античных ученых представление о широтных зонах-климатах. Климатическая схема помогала упорядочивать сведения о географических объектах и о народах мира, но оставляла без внимания собственно межэтнические контакты. Сугубо формальный характер астрономического деления земной поверхности на климаты, лишенные каких-либо историко-политических, религиозных или культурных коннотаций, облегчал взаимодействие теории климатов с другими идеями разного свойства, в результате чего в исламской географической литературе система семи климатов постепенно приобрела различные конфигурации (подр. см.: Коновалова 2015. С. 74–78).

Так, изучение трудов античных медиков Гиппократа и Галена, и, в частности, их наблюдений над различными типами человеческого темперамента, привело к идее связать тип темперамента с местоположением его обладателей. В результате жителям того или иного климата исламские авторы начали приписывать определенные телесные качества и черты характера, что с неизбежностью привело к переосмыслению характера границ между климатами, которые теперь стали рассматриваться как инструмент деления ойкумены на зоны варварства и зоны цивилизации.

Благодаря тому, что понятие «климат» получило ценностные коннотации, была выстроена иерархия климатов, согласно которой наиболее совершенные люди населяли самый благоприятный для жизни центральный, четвертый климат:

> Этот климат – климат пророков и мудрецов, ибо он расположен в середине климатов; три из них лежат южнее, а три – севернее. Он

находится в отделе Солнца, величайшего светила, и люди этого климата справедливейшие из людей по своим привычкам и природе. Затем за ними следуют жители тех двух климатов, которые находятся по сторонам этого климата, то есть третьего и пятого, а что касается остальных климатов, то их жители страдают недостатком благородных привычек, ибо лица их гадки, а характеры их дики, подобно зинджам и ал-хабаша и большинству народов, которые находятся в климатах первом и втором, и подобно тем народам, которые располагаются в шестом и седьмом климатах, как Йаджудж и Маджудж, ал-булгар, ас-сакалиба и подобные им… (цит. по: Арабские источники 1960. С. 180–181).

Привнесение в теорию климатов сведений о народах мира привело к тому, что климаты иногда могли рассматриваться как замкнутые области с ярко выраженным этническим обликом. Так, например, географ начала X в. Ибн ал-Факих утверждал, что из семи климатов «один климат находится в руках арабов, климат – в руках румов, климат – в руках ал-хабаша, климат – в руках индийцев, климат – в руках турок, климат – в руках китайцев и климат – в руках Йаджудж и Маджудж», причем «жители одних климатов не входят в земли других» (цит. по: Арабские источники 1960. С. 70).

Наряду с усвоением античных представлений о земном пространстве, арабские ученые восприняли иранскую традицию деления Земли на семь кишваров, под которыми понимались географические области с той или иной историко-культурной доминантой. Поскольку иранские кишвары являлись таксономической категорией того же ранга, что и греко-арабские климаты, и по своему числу совпадали с последними, в арабоязычной географии они тоже стали называться «климатами». Кишвары, изображавшиеся на картах в виде окружностей (Tibbets 1992. P. 94), были сгруппированы вокруг Ирана как центра, что придавало всей схеме иерархический характер. Эта иерархия получила обоснование в трудах ученых «классической школы» арабских географов X в., наиболее яркими представителями которой были ал-Истахри и Ибн Хаукал.

Структурно сочинения географов «классической школы» состоят из двух частей – картографической и текстовой. В картографическую часть входят круглая карта мира и 20 прямоуголь-

ных карт – карты Индийского океана, Средиземного и Каспийского морей, а также 17 карт различных провинций Халифата. Текстовая часть составлена как развернутый комментарий к картам и, в свою очередь, распадается на две неравные по объему части – вводную и основную. В основной части сочинений помещено подробное описание географических и историко-культурных областей, изображенных на 20 упомянутых картах. Введение же не только дает общее описание ойкумены (стран, народов и морей), но и имеет концептуальный характер, т.к. в нем арабские географы излагают свои представления об устройстве мирового порядка и дают обзор системы мировых империй с входящими в них странами и народами мира.

Империй, являвшихся столпами миропорядка, согласно географам «классической школы», было четыре – Халифат, которым управлял из Багдада повелитель правоверных (*амир алму'минин*); Византия (*ар-Рум*), во главе которой стоял царь (*малик*), живший в Константинополе; Китай (*ас-Син*) с правителем (*сахиб*) в городе Кайфэн; Индия (*ал-Хинд*) во главе с царем (*малик*), резиденцией которого являлся город Канаудж (Opus geographicum 1938–1939. P. 9). Нетрудно заметить, что в этой идеальной картине миропорядка выделенные географами четыре империи в целом соответствовали цивилизационным ареалам, сложившимся на основе ислама, христианства, конфуцианства и индуизма (подр. см.: Коновалова 2014).

Проводимый ал-Истахри и Ибн Хаукалем религиозно-цивилизационный принцип описания ойкумены предполагал осмысление межэтнических контактов в пределах мировых империй. Так, пестрота европейской политической карты представлялась исламским географам несущественной по сравнению с причастностью народов Европы к христианству: «Что касается того, что мы присоединили к странам ар-Рума [земли] франков, галисийцев и других [народов], то язык их различен, однако религия и государство едины, подобно тому как в государстве ислама языки различаются, а владыка (*малик*) один» (Opus geographicum 1938–1939. P. 14). В другом месте уточняется, что в орбите влияния Византии находились именно христианские народы: «В государство ар-Рум входят пределы славян и соседних с ними русов, ас-Сарира, алан, армян и [других народов],

исповедующих христианство» (Ibid. P. 9). Точно так же, располагая данными о лингвистических различиях между жителями Китая и окружавшими его племенами тюрок, ал-Истахри и Ибн Хаукал считали их всех подданными одного государя – правителя Китая (Ibid.).

Как видно, данная схема исламских ученых нивелировала этнические различия между народами, входившими в ту или иную империю. Хотя разноэтничность мира признавалась и отмечалась, для имперских пространств она оказывалась менее важной, чем другие параметры – религия (*дин*), культура (*адаб*) и власть (*хукм*), органическое сочетание которых переводило государство в категорию «империй» (*мамлака*), в отличие от простых «стран» (*билад*) и «земель» (*ард*) (Ibid. P. 10).

Система мировых империй с входившими в них народами, по мысли исламских ученых «классической школы», была иерархичной. По словам Ибн Хаукаля, «столпов государств на земле четыре: самое населенное, благоденствующее с лучшим политическим строем, порядком заселения и обилием сборов – государство Ираншахр; центр его – вавилонский округ, оно же государство Фарса. Границы этого государства во времена персов известны; когда же появился ислам, оно у всех государств захватило часть. От государства румов оно захватило Сирию, Египет, Магриб и Андалус; у государства ал-Хинд – то, что примыкает к завоеванным землям, а также Мултан до Кабула и окраин горного Тохаристана; у государства синов – Мавараннахр и присоединило к себе эти обширные государства. Государство ислама возросло, собрав к себе окраинные области этих упомянутых государств» (Ibid. P. 9). Иными словами, Византия, Китай и Индия представлялись не только столпами мирового порядка, но и отчасти тем фундаментом, на котором выросло царство ислама, ставшее самой совершенной из всех империй.

Таким образом, в исламских географических сочинениях различных жанров представление о пестроте этнической карты мира было необходимым элементом рассказа об ойкумене, но играло подчиненную роль по отношению к рамочным принципам землеописания, используемым тем или иным автором, или ценностным установкам последнего.

Литература

Арабские источники VII–X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары / Подгот. текстов и пер. В.В. Матвеева и Л.Е. Куббеля. М.; Л., 1960.

Коновалова И.Г. Мировые империи на средневековых исламских картах // Историја и географија: Сусрети и прожимања. Тематски зборник радова. Београд, 2014. С. 661–671.

Коновалова И.Г. Разграничение как средство описания в средневековой исламской географии // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 4 (21). С. 73–84.

Opus geographicum auctore Ibn Haukal / Ed. J.H. Kramers. Lugduni Batavorum, 1938–1939. Fasc. 1–2.

Tibbets G.R. The Beginnings of a Cartographic Tradition // History of Cartography / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward. Chicago; L., 1992. Vol. 2. Book 1: Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies. P. 90–107.

А.В. Короленков

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ БЫЛИ НАПИСАНЫ МЕМУАРЫ СУЛЛЫ?

В свое время считалось, что Луций Корнелий Сулла написал свои воспоминания на греческом языке (литературу см.: Calabi 1950. P. 249, note 2). В настоящий момент, однако, безраздельно господствует мнение, что их языком была латынь. Прежде всего, указывается, что Присциан (IX. P. 476 = F 20P) и Авл Геллий (I. 12. 6 = F 2P; XX. 6. 3 = F 3P) цитируют фрагменты из мемуаров диктатора на латыни и на их примере анализируют особенности этого языка (Calabi 1950. P. 248–249; Valgiglio 1975. P. 249; Russo 2002. P. 285 et al.). Отмечается также, что Сулла писал комедии на латыни (Athen. VI. 261c). Кроме того, Плутарх особо оговаривает использование латинскими авторами греческого языка. В его тексте, когда речь идет о записках Суллы, встречаются следы латинизмов – так, о преследуемом людьми Сульпиция Сулле говорится συνδιωχθεὶς (Plut. Sulla. 8.7), хотя, по мнению Э. Вальджильо, уместнее было бы, особенно если учесть описание того же эпизода в биографии Мария (35. 2–3), взять производное от διώκω. Вероятно, это отголосок латинско-

го *consector* или, что вероятнее, *compello* (*compulsus*). Калькой латинского *abductum esse* может быть и ἀπαχθῆναι, когда речь идет о том, что Суллу, согласно его словам, силой привели в дом Мария (Plut. Mar. 35.4). Выражение ἔπιπτον εἰς ἄμεινον в Plut. Sulla. 6.8 – буквальный перевод *in melius cadere* или, как в письме Целия Руфа Цицерону (Fam. VIII. 12. 3), просто *melius cadere*. Наконец, ναῦς χαλκήρεις (Plut. Sulla. 22.9) выглядит как перевод *naves aerates* (Valgiglio 1975. P. 248–251). В биографии Лукулла (1.4) мемуары диктатора названы αἱ αὐτοῦ πράξεις, что перекликается с их латинским наименованием у Геллия (I. 12. 156; XX. 6. 3): *res gestae* (Calabi 1950. P. 248–249; Russo 2002. P. 285–286; Noble 2014. P. 27–28). Плутарх, несомненно, на определенном уровне знал латынь, и, хотя многие детали и тонкости ускользали от него, нет оснований полагать, что он смог бы читать воспоминания Суллы только в том случае, если бы они были написаны по-гречески (Noble 2014. P. 23); ничто не мешало ему воспользоваться и помощью друзей-римлян, знавших греческий (Valgiglio 1975. P. 248).

Однако все эти аргументы представляются, по меньшей мере, не вполне убедительными. Наличие латинских фрагментов может свидетельствовать лишь о том, что существовал и латинский перевод мемуаров диктатора, как то, по всей видимости, имело место, например, с историческим трудом Фабия Пиктора (см.: Bispham, Cornell 2013. P. 164, note 18). Правда, К. Смит утверждает, что для такого вывода в случае с Суллой нет никаких оснований (Smith 2013. P. 284, note 4), однако, как мы увидим ниже, это не совсем так. Следы латинских слов и оборотов в тексте Плутарха могут объясняться попросту тем, что греческий язык всё-таки не был для Суллы родным. И некоторые шероховатости (но, заметим, отнюдь не ошибки) в тексте его записок вполне объяснимы. Отметим также, что первый из приведенных примеров к мемуарам Суллы относиться не мог, поскольку в нем сообщается версия о приходе последнего в дом Мария во время беспорядков на Форуме в 88 г., тогда как сам диктатор уверял, будто его доставили туда силой (см. выше). Указание Э. Вальджильо на то, что Плутарх оговаривал использование латинскими авторами греческого языка (Valgiglio 1975. P. 249), основано на двух неудачных примерах: в одном случае речь

идет о мавретанском царе Юбе (Caes. 55.3), для которого ни греческий, ни латинский родными не являлись, а во втором – о Лукулле (Luc. 1. 7–8). Однако это оговаривается лишь в связи с занятной историей о том, что Лукулл по уговору с Гортензием и Сисенной тянул жребий, и ему выпало писать труд прозой на греческом языке. Ничего, естественно, не доказывает и тот факт, что Сулла сочинял комедии на латыни – если речь шла, например, об ателланах или тогатах, странно было бы ожидать, чтобы он писал их по-гречески.

Между тем почти никто не обратил внимания на тот важный факт, что последнюю книгу мемуаров диктатора дополнил (*supplevit*) его вольноотпущенник, греческий (судя по имени) грамматик Корнелий Эпикад (Suet. De gramm. 12). Правда, по мнению К. Смита, это не имеет никакого значения, поскольку Эпикад писал трактаты на латыни (Smith 2013. P. 284, note 4). Стоит, однако, заметить, что это были антикварные или грамматические сочинения, стиль которых в силу самого жанра отличался большей простотой, нежели мемуары, – судя по фрагментам, у Суллы они носили отнюдь не безыскусный, лишенный риторической обработки характер. Кроме того, вряд ли Эпикад взялся бы за такую работу по собственной инициативе – скорее всего, он выполнял распоряжение самого Суллы, подтвержденное его сыном Фавстом. И более чем странно, что для такой задачи они выбрали не носителя языка, а эллина, к тому же вряд ли уже так овладевшего латинским, чтобы закончить сочинение явно знавшего толк в риторике Суллы. А если верно вполне резонное предположение, что он описал похороны диктатора (Russo 2002. P. 299), то для такого сюжета требовался вовсе не сухой стиль хроники (отметим, что о сочинениях художественного характера у Эпикада ничего не известно). Правда, Г. Бекер предполагает, что именно Эпикаду и принадлежит греческая версия воспоминаний Суллы (Becker 2008. P. 149), однако, учитывая отсутствие оговорок у Светония на сей счет, остается думать, что именно греческой она и была изначально.

В тексте Плутарха (Mar. 35.2; Sulla. 8.3) упоминается антисенат (ἀντισύγκλητος), будто бы созданный плебейским трибуном П. Сульпицием. Еще Э. Бадиан заметил, что слово ἀντισύγκλητος не имеет латинского аналога, и счел его результатом поздней-

шей фабрикации (Badian 1969. P. 485, note 110), не уточнив, однако, кто мог бы быть ее автором. Э. Линтотт предложил в качестве варианта для ἀντισύγκλητος латинскую описательную конструкцию *quos in consilium senatus vicem vocabat* (Lintott 1971. P. 422, note 3), однако она выглядит слишком громоздко. Зато всё становится на свои места, если предположить, что источник Плутарха был написан по-гречески. Э. Вальджильо считает, что вся 8-я глава биографии Суллы, где содержится одно из двух упоминаний «антисената», восходит к мемуарам диктатора (Valgiglio 1975. P. 263). Это явное преувеличение, поскольку в 8.7 приводится версия о появлении Суллы в доме Мария во время беспорядков на Форуме, отличающаяся от версии самого Суллы (см. выше). Но не вызывает сомнений, что именно к воспоминаниям последнего восходит яростная филиппика против Сульпиция (Plut. Sulla. 8. 1–5), который будто бы не только создал «антисенат» (вещь в принципе для легального политика немыслимая), но даже, не таясь, подсчитывал прямо на Форуме деньги, вырученные за продажу гражданских прав пришлым, хотя торговать ими трибун просто не имел возможности. Вряд ли кто-то из римских писателей, кроме Суллы, питал столь безотчетную ненависть к Сульпицию, что не постеснялся столь грубой и очевидной лжи. Кроме того, автор этих нелепых выдумок явно не опасался, что его могут опровергнуть, – опять-таки Сулла лучше всего подходит для такой роли, поскольку после победы в гражданской войне он вряд ли беспокоился, что его могут уличить во лжи, да и до публикации своих мемуаров, как известно, он не дожил.

Еще один чрезвычайно важный момент. По подсчетам Дж.П.В.Д. Балсдона, у Плутарха встречается не менее 16 прямых ссылок на записки Суллы, а еще в 9 случаях их использование весьма вероятно (Balsdon 1951. P. 2, notes 16–18), причем не только в биографии диктатора. Стоит подчеркнуть, что ни один латинский источник не привлекался Плутархом в сколько-нибудь сопоставимых масштабах, и это обстоятельство не только не нашло объяснения в научной литературе, но и, насколько можно судить, не привлекало внимания исследователей. Думается, логичнее всего объяснить это опять-таки тем, что мемуары Суллы были написаны по-гречески.

Наконец, стоит учитывать еще два момента. Хотя Сулла жестоко расправился с Афинами, вряд ли он настолько презирал эллинов, что мнение греческих интеллектуалов о нем его не интересовало. Это тем более вероятно, если учесть, сколь важное место в его мемуарах должны были занимать события в Греции (см., например: Russo 2002. P. 297, 303), а также слабую развитость в то время римской историографии по сравнению с греческой, мысль же о воспевании своих подвигов греческими авторами наверняка была не безразлична славолюбивому Сулле. Обращает на себя внимание и то, что близкий друг диктатора, Лукулл, по всей видимости, написал по-гречески историю Союзнической войны (Plut. Luc. 1.7–8). Вспомним также фрагмент из Валерия Максима (II.2.3), который извиняет пренебрежение Мария греческим красноречием, тогда как Молон Родосский мог в сенате говорить без переводчика, т.е. все влиятельные сенаторы его понимали. Конечно, основы греческого Марию могли быть знакомы (Carney 1959. P. 69), но не более, и Сулла, выбрав в качестве языка своего главного сочинения греческий, лишний раз выказывал свое презрение к «неотесанному» «мужлану» Марию.

С учетом всего сказанного мы считаем, что старая точка зрения о греческом как языке мемуаров Суллы представляется как минимум не менее убедительной, нежели общепринятое ныне мнение, что они были написаны на латыни.

Литература

Badian E. Quaestiones Variae // Historia. 1969. Bd. 18. Ht. 4. P. 447–491.

Balsdon J.P.V.D. Sulla Felix // Journal of Roman Studies. 1951. Vol. 41. P. 1–10.

Becker G.H. Form, Intent, and the Fragmentary Roman Historians 240 to 63 B.C.E.: Diss. Ph.D. [Gainesville,] 2008.

Bispham E., Cornell T. Q. Fabius Pictor // The Fragments of the Roman Historians. Oxford, 2013. P. 160–178.

Calabi I. I *Commentarii* di Silla come fonte storica // Atti della Academia Nazionale dei Lincei. Memorie Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Ser. VIII. 1950. Vol. 3. Fasc. 5. P. 247–302.

Carney T.F. Once again Marius' Speech after Election in 108 B.C. // Symbolae Osloenses. 1959. Vol. 35. P. 63–70.

Lintott A.W. The Tribunate of P. Sulpicius Rufus // Classical Quarterly. N.S. 1971. Vol. 21. P. 442–453.

Noble F.M. Sulla and the Gods. Religion, Politics, and Propaganda in the Autobiography of Lucius Cornelius Sulla: Diss. Ph.D. Newcastle, 2014.
Russo R. I *Commentarii* sillani come fonte della vita plutarchea di Silla // Studi Classici e Orientali. 2002. Vol. 48. P. 281–305.
Smith C. L. Cornelius Sulla // The Fragments of the Roman Historians. Oxford, 2013. P. 282–286.
Valgiglio E. L'autobiografia di Silla nelle biografie di Plutarco // Atti del Convegno: gli storiografi latini tramandati in frammenti. Urbino, 1975. P. 245–281.

Д.М. Котышев

РУССКО-ПОЛОВЕЦКИЕ СВЯЗИ И МЕЖДУКНЯЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XII в.

Русская земля в силу своей географической специфики являлась зоной активных межэтнических контактов. На южных рубежах Руси уже с конца XI в. прочно обосновались половцы. Взаимодействие с новыми соседями не всегда было мирным, скорее – наоборот. Весь конец XI в. прошел под знаком практически не прекращавшихся половецких набегов. Орда хана Боняка в 1096 г. чуть не овладела Киевом.

Это обстоятельство вынудило русских князей прекратить междоусобную борьбу и пойти на компромисс, итогом которого стали знаменитые Любечские соглашения. Вопреки расхожему до сих пор мнению, эти соглашения не носили никакого долгосрочного и определяющего характера. Их основной задачей, на мой взгляд, была стабилизация междукняжеских отношений с целью противостояния половецкой угрозе. Результаты были налицо – объединенные силы князей Русской земли (Святополк, Владимир и Давыд) осуществили несколько успешных походов против половцев в 1103, 1107 и 1111 гг. Кочевья приднепровских половцев вблизи границ Русской земли были разгромлены, а сами половцы откочевали далеко на юг. Это привело к практически полному прекращению набегов на поросском и посульском направлениях.

Однако русско-половецкое взаимодействие не ограничивалось военным противостоянием. Уже с 1090-х годов намечается и другая тенденция – заключение династических браков. Один

из первых документированных случаев находим в «Повести временных лет» (ПВЛ) под 6602 (1094) г.: «Сотвори миръ Стꙋ̑полкъ с Половци и поꙗ собѣ женꙋ дщерь Тꙋгорканю кнз҃ѧ Полꙋ̑вецкаг҃» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 226). Пример Святополка в данном случае не единственный – под 6615 (1107) г. ПВЛ сообщает, что «иде Володимеръ и Дв҃дъ и Ꙋ̑легъ къ Аєпѣ и [ко] другому Аєпѣ и створиша миръ и поꙗ Володимеръ за Юргѧ Аєпину дщерь Ꙋ̑сеневу внуку а Ꙋ̑легъ поꙗ за снꙗ Аєпину дчерь Гиргеневу внуку м҃ц҃а генвар҃ в҃ї дн҃ь» (Там же. Стб. 282–283).

Второе сообщение особенно привлекает к себе внимание, тем более что оно помещено сразу после известия о разгроме войск Шарукана и Боняка на Суле, когда половцы, кочевавшие близ переяславских рубежей, были деморализованы и оттеснены в степь. Граничившие же с Новгород-Северской и Рязанской землями половецкие орды Осеня и Гюргеня были замирены путем заключения вышеупомянутых династических браков.

В результате и Ольговичи, и Юрий Долгорукий заполучили в свои руки военно-политический ресурс, который активно использовался в междукняжеской борьбе 1130–1160-х годов. Именно на этом мне бы хотелось остановиться в своем исследовании подробнее.

Начну с предварительных итогов, полученных в ходе наблюдений над летописными сообщениями, а потом постараюсь их проиллюстрировать наиболее показательными примерами.

Первое. Половцы привлекались своими русскими союзниками, как правило, в качестве военной силы, наличие которой давало им решающий перевес над соперниками. Значительное число легкой конницы создавало существенное преимущество у одной из сторон, особенно если в столкновении принимали участие немногочисленные княжеские дружины.

Второе. Эффективность половцев как военной силы в качественном плане, согласно показаниям источников, была достаточно низкой. Свое тактическое преимущество половцы реализовывали исключительно за счет численного превосходства. Но когда половецким союзникам Юрия или Ольговичей противостояли не только княжеские дружины, но и более многочисленное городское ополчение («кияне», «переяславцы», «смоляне»), половцы зачастую либо терпели поражение, либо уклонялись от боя.

Так, в 6636 (1128 мартовском: Бережков 1963. С. 133–134) году Всеволод Ольгович, готовясь к столкновению со старшими Мономашичами, призвал половецкого князя Селука с войском: «Мьстиславъ же съ Ꙗрополкомъ съ вои хотѧща ити на Всеволода про Ꙗрослава Всеволодъ же посласѧ по Половци… Половець же приде ҃з҃ Селелукомъ и ставшимъ имъ оу Ратьмирѣ дубровы за Въремъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 290–291). Однако устрашенные силами Мстислава и Ярополка Владимировичей, а также не дождавшись вестей от Всеволода, половцы «вземше вѣсти ѿ Олговичь бѣжаша оу своѧ»; это дало киевскому князю повод для издевательской иронии в адрес Ольговича: «Мьстиславу бо боли належащю на Всеволода рекоша ему повелъ еси Половци и не въспѣша ничто же» (Там же. Стб. 291).

И в дальнейшем видно, что, не располагая половецкой поддержкой, Всеволод Ольгович предпочитал не ввязываться в военные авантюры. Вступив в противоборство с Ярополком Владимировичем в 6643 (1135 мартовском: Бережков 1963. С. 135–136) году, Всеволод «не изиде противу битьсѧ и еще бо бѧху Половци не пришли к нему». Но как только «Половцемъ пришедшимъ къ Всеволоду», он тут же «съ братьею своею… поидоша воююче села и городы Переѧславьскои власти и люди сѣкуще доже и до Киева придоша» (Там же. Стб. 296). Именно присутствие половцев и в дальнейшем давало возможность Ольговичам на протяжении 1135–1139 гг. вести активные военные действия на днепровском Правобережье, не говоря уже про территорию Переяславской земли: «Олговичи с Половци переидоша Днѣпръ декабрѧ въ к҃ѳ и почаша воевати ѿ Трьполѧ wколо Красна и Васил(ь)ева и до Бѣлагорода оли же и до Деревъ и чресъ Лъıбѣдь стрѣлѧхусѧ»; «приведе Всеволодъ ꙮлговичь Половцѣ Прилоукоу и взѧ инъı городы поима Посоульское» (Там же. Стб. 299, 301).

Значимость половецкого ресурса для Всеволода Ольговича подчеркивает и статья Ипатьевской летописи под 6654 (1145/46 мартовским: Бережков 1963. С. 146–147) годом, которая повествует о походе на Галич: «Всеволо҂ дъ съвкоупи братью свою Игорѧ и Ст҃ослава же wстави в Киевѣ а со Игоремъ иде к Галичю и съ Двд҃чема и съ Володимиромъ съ Вѧчеславомъ Володимеричемъ Изѧславъ и Ростиславъ Мьстислалича сн҃овчѧ его и Ст҃ослава поѧ сн҃а своего и Боле-

слава Лѧдьскаго кн҃зѧ зѧтѧ свое҃г и Половцѣ дикѣи вси и бы҃с многое множество вои идоша к Галичю на Володимирка» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 319). Показательно, что здесь речь идет о «диких половцах», т.е. тех, что не относились к приднепровским или азовским, а кочевали между Осколом и Доном (Плетнева 1990. С. 90–91; Расовский 2016. С. 64–70).

Эти же «дикие половцы» стали главной опорой Святослава Ольговича и Юрия Долгорукого в их борьбе с Изяславом Мстиславичем в 1147–1152 гг. Новгород-северский князь в своих предприятиях опирался на родственников жены и матери. Ипатьевская летопись под 6654 г. говорит о дядьях Святослава Ольговича по матери – половецких князьях Тюнраке и Камосе Осолуковичах; это дало основание Н.А. Баумгартену предположить, что Олег Святославич вторым браком был женат на дочери половецкого хана Осолука (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 234; Baumgarten 1928. P. 18, 20). Кроме собственно Осолуковичей, среди союзников Святослава названы и другие половецкие кланы.

При их помощи Ольговичу удалось нанести урон владениям Ростислава Мстиславича: «Сѣ҃славъ же приде къ Дѣдославлю и тоу придоша к немоу дроузии Половцѣ Токсобичи и пристави к нимъ Соудимира Коучебича и Горѣна и посла ѿ на Смолнѧнъı и повоеваша верхъ Оугръı… В то же верем҃ѧ придоша к не҃м Бродничи и Половци придоша к немоу мнози оуеве его» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 342). Однако, когда на подходе оказались соединенные силы Мстиславичей, то «слъıшавъ же Изѧславъ Дв҃дчь и Сѣ҃сла҃в҃ Ѻлгови҃ч҃ и Половци wже оуже Изѧславъ скоупилъсѧ съ бра҃т҃мъ Ростиславо҃м҃ и идета к нимъ и на тоу ночь Половци w҃ ни҃х҃ поидоша в Половци а мало Половець wста оу нихъ» (Там же. Стб. 357).

Половецкие родичи Юрия, чья жена происходила из рода Осеня (Асеня), кочевали гораздо дальше. Когда в 1149 г. Юрий выступил против Изяслава Мстиславича и обратился за помощью к степной родне, ему пришлось совершить поход вглубь степей, до самой Белой Вежи: «и поиде w҃туду на Бѣлувежю на Старую и стоѧша оу Бѣлъıвежи м҃с҃ць съжидаюче к собѣ Половець», после чего «Половци дикиѣ придоша к Гюргеви ту на Супои многое множьство» (Там же. Стб. 379). Это «множество»

половцев сыграло немаловажную роль в разгроме сил Изяслава Мстиславича под стенами Переяславля и привело, в конечном счете, Юрия на киевский стол.

И в дальнейшем «дикие половцы» являлись главной силой Юрия, на которую суздальский князь опирался при добывании Киева. Когда половцев под рукой не оказывалось, приключалась ситуация 1149/50 г., когда Изяслав Мстиславич быстрым маршем при поддержке Черных Клобуков оказался под стенами Киева: «а того не вѣдаше wже оуже Изѧславъ вшелъ в Чернии Клобоукъı Гюрги же не оутерпѧ бъıти в Киевѣ и перебѣже за Днѣпръ и съ снѣми своими и бѣжа в городокъ въ Вострьскии» (Там же. Стб. 396). Для того, чтобы отвоевать Киев обратно, Юрию пришлось ждать половецкую помощь, и только когда «придоша Половци в помочь Дюргеви на Изѧслава», он пришел «къ Киеву и сташа в Родоунии и придоша Половци диции мнози Дюргеви в помочь» (Там же. Стб. 404, 424). Однако в серьезном сражении половцы показали себя ненадежными союзниками – перед сражением на Перепетовом поле «ꙮлговиче^{м} же и Половцемъ не дадущимъ миритисѧ зане скори бѧху на кровопролитье». Однако, как только сражение началось, «Половци же Гюргеви ни по стрѣлѣ пустивше тогда побѣгоша а потомъ ꙮлговичѣ а потомъ побѣже Дюрги с дѣтьми» (Там же. Стб. 435, 438).

Постоянное обращение Юрия за помощью к половцам стоило ему репутационных издержек в глазах жителей Русской земли. Это отчетливо выразил Изяслав Мстиславич в своем обращении к дяде под стенами Переяславля: «wже бъı пришелъ толико съ дѣтьми то котораѧ ему волость люба ту же бъı взѧлъ но wже на мѧ Половци привелъ и ворогъı моѧ ꙮлговичѣ то хочю сѧ бити». И потом, к Юрию, уже изгнанному из Киева в Городец Остерский, Ростислав, Изяслав и Вячеслав отправляют посольство с требованием: «иди Соуждалю а снѣ посади Переѧславли не можемъ с тобою бъıти сде приведеши на нъı wпѧть Половци» (Там же. Стб. 378, 443). Еще М.С. Грушевский, рассматривая деятельность Юрия на киевском столе, отмечал, что союз суздальского князя с половцами стал причиной сильнейшей нелюбви к нему киевского населения (Грушевский 1891. С. 202). Со смертью Юрия традиции союзничества с половцами не прервались – их активно поддерживал Глеб Юрьевич, ставший переяславским, а затем и на какое-то

время киевским князем. Ростислав Мстиславич, занявший киевский стол, в 1163 г. женил своего сына Рюрика на дочери половецкого князя Белука. Это обусловило очередной всплеск активности русско-половецких взаимодействий в политической жизни Русской земли 1170–1190-х годов.

Подводя итог, можно сказать, что русско-половецкие связи, особенно династические браки, стали в XII в. активным фактором, влиявшим на междукняжеские отношения, на борьбу различных княжеских кланов за Киев. Половцы стали тем фактором, с которым приходилось считаться всем – и князьям, и горожанам. Безусловно, этот фактор можно было купировать, но это требовало мобилизации значительных ресурсов Русской земли, а со второй половины XII в. далеко не всегда оказывалось возможным.

Литература

Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891.

Расовский Д.А. Половцы, торки, печенеги, берендеи. М., 2016.

Плетнёва С.А. Половцы. М., 1990.

Плетнёва С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 260–300.

Baumgarten N.A. Généalogies et Mariages Occidentaux des Rurikides Russes du X-e au XIII-e siècle. Roma, 1928.

А.М. Кузнецова

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВЕНГРИИ В ЗАКОНАХ ВЕНГЕРСКОГО КОРОЛЕВСТВА XI–XIV вв.

Венгерское королевство на протяжении всей своей истории было многоконфессиональным и полиэтничным. Регулирование отношений между представителями разных народов и вероисповеданий нашло отражение и в законах Венгерского королевства, где в равной степени представлены как светские, так и церковные правила. В этом своде юридических источников отражены вопросы, связанные с жизнью на территории Венгрии мусульман, иудеев, православных греков и славян, а также кочевников (язычников). Самые ранние законы Венгрии были со-

ставлены еще при первом христианском законодателе страны, св. Стефане, в XI в. и дошли до нас в составе кодекса, наиболее хронологически близкого времени его создания. К законодательному корпусу раннего Венгерского государства также относятся два свода законов времени правления Стефана I (датируются 1020–1038 гг.), три связаны с деятельностью короля Владислава и датируются 1060–1090 гг., и еще три блока законов относятся ко времени правления Кальмана I и были составлены, скорее всего, в 1105–1106 гг. (Bak 2000. P. 116).

Попытаемся кратко представить зафиксированные законами проблемы, связанные с сосуществованием на территории Венгерского королевства представителей разных этноконфессиональных групп.

Мы не располагаем достоверными сведениями о численности еврейских общин на территории Венгерского королевства XI в. В законах государства в отношении еврейского населения (последовательно называемого там *Judei*) отражены обычные для законодательства того времени ограничения на брачные и другие связи евреев и христиан. В статутах Саболчского синода (1092 г.) есть отдельный пункт, запрещающий заключение брака между христианкой и иудеем. В том же статуте говорится и о запрете пребывания в доме иудея слуги христианина. Те, кто продал раба в такое домохозяйство, теряют полученную плату в пользу епископа (DRMH I. Syn. Szab. X. P. 55). Запрет на приобретение и продажу иудеями рабов из числа христиан подтверждается в законах Кальмана (DRMH I. Colomanus. LXXIV. P. 30). Если у иудея был участок земли, то для работы на нем разрешено было использовать только труд язычника (DRMH I. Colomanus. LXXV. P. 30). В период правления Кальмана появился отдельный небольшой (состоящий из 7 пунктов) свод статутов «об иудеях» *Capitula Colomani regis de Iudeis* (1095–1116 гг.), где в одном из пунктов повторялся запрет на владение рабами из христиан, в то время как в остальных шести оговаривались правила займов и торговли между христианами и иудеями.

В законах ясно прослеживается желание оградить достаточно молодое христианство Венгрии от разных влияний, проявлявшихся в том, что касалось повседневной жизни. Выражение «чтобы не оскандалить христиан» (*ne scandalizetur christianitas*)

употребляется в одном из статутов Саболчского синода, запрещающем евреям работать по воскресным дням (DRMH I. Syn. Szab. XXVI. P. 57). Такая своеобразная характеристика направленности запретов маркирует и законодательные ограничения других обычаев меньшинств.

В отличие от еврейского населения, мусульмане (*Ysmahelitas*) должны были полностью ассимилироваться с венграми. Самое раннее упоминание о них содержится в статутах Саболчского синода. В главе «о купцах, называемых Измаилитами», говорится, что, если принявший крещение мусульманин вернется к своим обычаям (обрезание) и не сможет доказать свою невиновность при помощи Божьего суда, то он должен будет покинуть свое жилище (DRMH I. Syn. Szab. IX. P. 55). Через два с лишним десятилетия, судя по законам короля Кальмана, меры воздействия на мусульман ужесточились. Им запрещалось вступать в браки с соплеменниками. Более того, им предписывалось вступать в матримониальные связи только с христианским населением Венгрии («Ysmahelitarum vero nullus audeat filiam suam iungere matrimonio alicuius de genere sua, sed nostra». – DRMH I. Colomanus. XLVIII. P. 28). В законах Кальмана подробнейшим образом перечисляются запреты на соблюдение мусульманским населением обычаев, связанных с исламом. Интересно, что измаилитам предписывалось есть только свинину, если к ним приходили гости или они сами отправлялись кого-то навестить (DRMH I. Colomanus. XLIX. P. 28). Если же кто обвинял мусульманина в воздержании от запрещенной в исламе еды или в осуществлении ритуальных омовений, тот получал часть его имущества (DRMH I. Colomanus. XLVI. P. 28). Каждое поселение измаилитов было обязано построить церковь, снабдить ее всем необходимым, после чего половина населения должна была перебраться в другое место, где уже живут христиане (DRMH I. Colomanus. XLVII. P. 28). Эффективность таких жестких мер в отношении мусульман подтверждается косвенным образом арабскими путешественниками в Центральной Европе в XII и XIII вв., в записках которых говорится о том, что мусульмане Венгрии забыли свои обычаи и даже не знают арабского языка (Berend 2001. P. 238–239).

Как иудеям, так и измаилитам не разрешалось занимать высокое положение в обществе, будь то на таможне, соляных промыслах или монетном дворе, или приобретать знатный статус (DRMH I. 1222. XXIV. P. 34). Это положение изменилось при короле Беле IV, отменившем в своих привилегиях 1251 г. ограничения на получение должностей при королевском дворе и прочих институтах власти (Berend 2001. P. 76–77).

Участие Византии в христианизации Венгрии и последующее обустройство церквей и монастырей на территории королевства, несомненно, повлекли за собой взаимопроникновение разных конфессиональных особенностей западной и восточной церквей. В законодательстве Венгерского королевства это нашло свое отражение. В главе Саболчского синода «О воздержании от мяса» говорится об обычае начинать Великий пост с понедельника. Там предписывается тем латинянам (речь идет о французах, итальянцах), которые, «не соглашаясь с венгерским законным обычаем», продолжают поедать мясо в понедельник и вторник, покинуть страну, если не хотят придерживаться «лучшего закона». Если они «не придут в себя и не воздержатся от мяса» в эти дни, то, покидая страну, деньги, полученные в Венгрии, должны здесь же и оставить (DRMH I. Syn. Szab. XXXI. P. 57).

К XV в. относится несколько законодательных актов о православном населении Венгрии, наиболее известным из которых является декрет короля Матиаша от 15 июля 1481 г. В нем речь идет о правилах взимания десятины и других налогов, от которых король полностью освобождает «сербов и прочих таких схизматиков» (*Rasciani et ceteri huiusmodi scismatici*), бежавших от турецкого ига. Эту меру король объявляет временной, предоставляемой до той поры, «пока иностранцы и беженцы не восстановят свое здоровье и доходы в Венгрии и в землях Святой короны таким образом, чтобы на примере этих беженцев другие, находящиеся под властью турок, тем больше захотели бы прийти сюда, чем больше они видели бы, какие привилегии получают уже прибывшие сюда» (DRMH III. 15 Iulii 1481. III–IV. P. 36–37; перевод мой. – *А.К.*).

Безусловно, запреты и предписания, отраженные в законах, позволяют лишь частично представить картину этноконфессиональных взаимоотношений в Венгерском королевстве XI–

XV вв. Некоторые законы, например об отношениях венгерского и еврейского этносов, в относительно молодом христианском государстве могли появиться под влиянием опыта соседних стран, что попыталась выявить на страницах своей монографии Нора Беренд (Berend 2001. P. 74–109). Подобные законодательные установления как бы действовали на опережение. Благодаря возможности сопоставления законов о мусульманах с сообщениями арабских путешественников можно оценить результативность законодательных мер. Более позднее законодательство – о пребывании в Венгрии православных беженцев с Балканского полуострова – демонстрирует практическую направленность на создание взаимовыгодных условий как для сербских беженцев, так и для Венгерского королевства, заинтересованного в притоке нового населения, способного впоследствии оказать военную помощь королевству.

Литература

Bak J.M. Signs of Conversion in Central European Laws // Christianizing Peoples and Converting Individuals / Ed. by G. Armstrong and I.N. Wood. Turnhout, 2000.

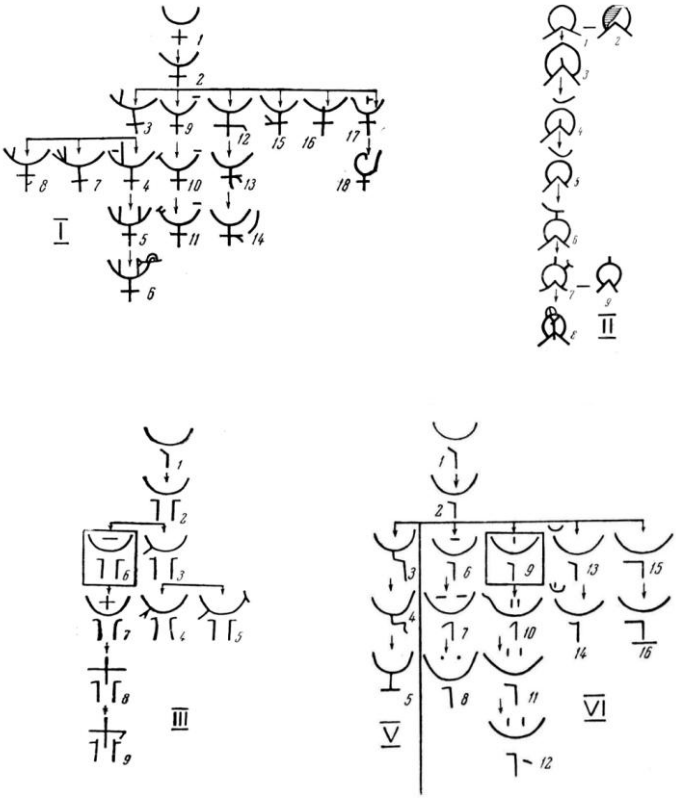
Berend N. At the Gate of Christendom. Jews, Muslims and ‘Pagans’ in Medieval Hungary, *c*. 1000–1300. Cambridge, 2001.

И.Л. Кызласов

ДВЕ ЗОНЫ АРИСТОКРАТИЧЕСКИХ ЗНАКОВ ЕВРАЗИИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: УЧЕНИЕ О ТАМГАХ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ГЕРАЛЬДИКА

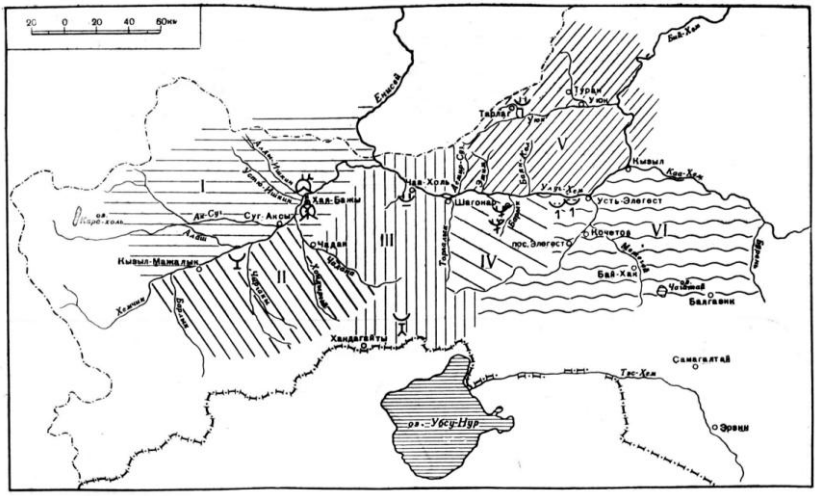
Уже 300 лет, с августа 1721 г., русская наука знает памятники древнетюркской рунической письменности, изучение которых началось в Хакасии с самобытного енисейского письма. Их ставили у княжеских курганов VIII – начала XI в., вырезали слова горестного плача от имени самого умершего, указывали его имя и высекали личную тамгу. Иногда писалось и имя его отца. Через семь поколений в 1889 г. сибиряк Н.М. Ядринцев открыл в Монголии надписи другой обрядовой традиции и иного, но родственного письма, названного орхонским.

Еще 70 лет спустя археолог Л.Р. Кызласов выделил среди енисейских эпитафий стелы отцов и сыновей, а однажды – деда, отца и внука. Сравнив имена и тамги, ученый понял законы графических изменений этих знаков по поколениям: всякий раз сын сохранял форму отцовской тамги, дополняя ее лишь одним элементом, обычно новым штрихом. Благодаря проведенной типологии собранных знаков каждая новая тамга занимала свое место в цепи поколений, а облик недостающих звеньев мог быть надежно восстановлен.



Илл. 1. Изменения по поколениям I, II, III, V и VI групп древнехакасских лично-семейных тамг Хакасско-Минусинской и Тувинской котловин. В рамке – умозрительно восстановленные знаки (Кызласов Л.Р. 1965)

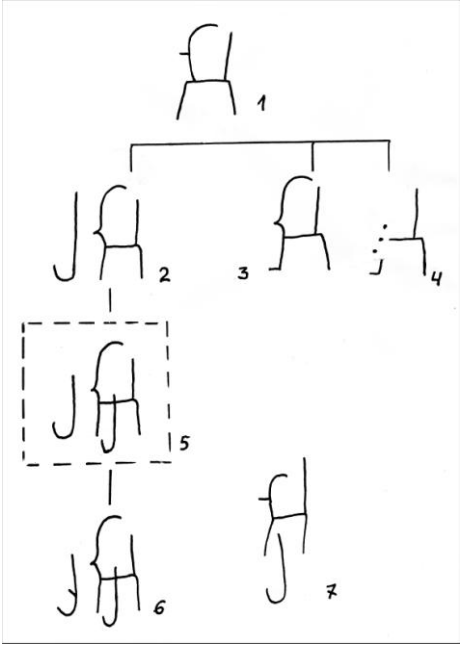
Так к 1960 г. была установлена лично-семейная принадлежность шести групп таких символов Древнехакасского государства. Вместе с вырезанными на скалах, они составили генеалогические древа до 6–7 поколений (илл. 1). Картографирование тамговых групп обрисовало на Верхнем Енисее земли 6 семейных наследственных владений IX–X вв. (илл. 2), доказав родственные связи и указав, откуда пришли в Туву князья-основатели этих династий (Кызласов Л.Р. 1960; 1965). Выводы были подтверждены сбором и систематизацией гербовых знаков на Среднем Енисее, также выстроившихся в генеалогические древа, что позволило установить границы княжеств IX–X вв. и родственные связи владык Хакасии и Тувы того времени (Кызласов И.Л. 2019а). Подобное изучение тамг было начато на Алтае и в Монголии (Кызласов И.Л. 2004).



Илл. 2. Карта княжеств Тувинской котловины второй половины X в. Составлена по расположению лично-семейных тамг (Кызласов Л.Р. 1960)

Тамги памятников Кюль-тегина, Бильге-кагана и Онгинских принадлежали одной семейной линии (Радлов 1892; 1896; Войтов 1989; 1996; Жолдасбеков, Сарткожаулы 2006) и, изменяясь по известному нам закону, выстроили родословное древо в 4–5 поколений (илл. 3), чем указали личный знак Ильтерес-кагана, возродившего Восточнотюркское государство (илл. 3, 1). Стелы

орхонского письма иных мемориалов каганата (VIII в.) имели гербы того же лично-семейного характера.

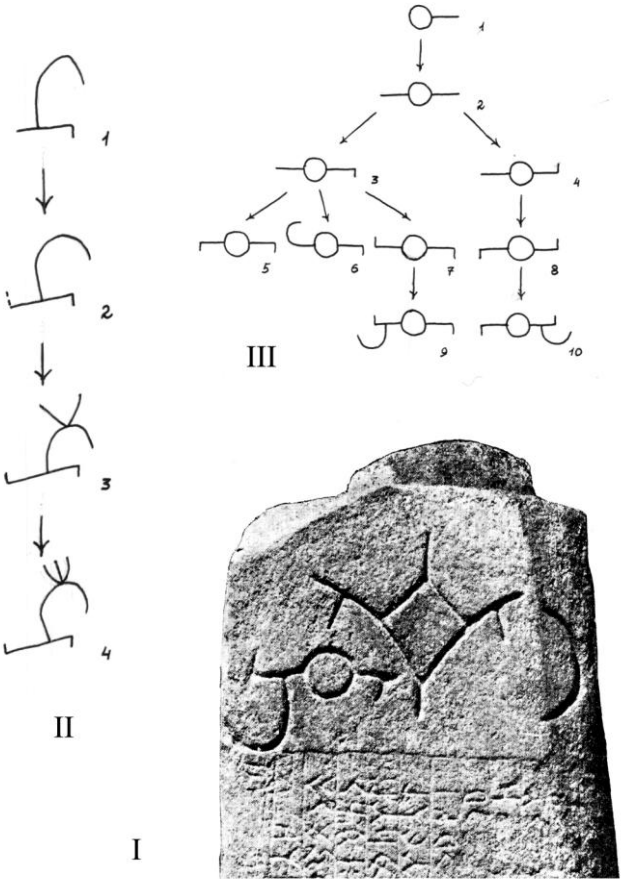


Илл. 3. Второй Восточнотюркский каганат. Генеалогическое древо рода Ашина. Мемориалы: *1* – Унгету; Шивет-Улан, лев; Онгин (О), скульптура (ск); Кюль-тегина (КТ), ск; Асхете; *2* – О, малая стела (ст) (дважды); балбал; *3* – КТ, ст; Кошо-Цайдам (КЦ) III, ск; *4* – Бильге-кагана, ст; *5* – реконструкция автора; *6* – О, большая ст; *7* – КЦ III, ск (Радлов 1892; 1896)

Таковы и знаки Уйгурского каганата (745–840 гг.). Бутоновидной тамгой, венчающей каганскую стелу Моюн-чура (Баянчора) (илл. 4, I), сам владыка отметился и на плите в Шивет-Улане. Там же вырезал свой знак его потомок, проявив путь развития лично-семейных тамг: добавление нового элемента к неизменному символу прямого предка (Кызласов И.Л. 2019б. Рис. 14, 15). Добавив к знакам двух стел (Кляшторный 1980. С. 95, табл. 1; 1987. Табл. 2) отметки на скале Дэл-ула, получаем тамги семьи наследственных создателей орхонских стел в 4-х поколениях (илл. 4, II).

Третий тип тамг уйгурского времени – круг с отводками, высечен на вершине той же стелы Моюн-чура позднее, т.к. пере-

крывает линовку эпитафии и теснится на оставшемся месте (илл. 4, I, III, 9). Знаки этой семьи представлены пятью поколениями. Облик не найденных пока тамг может быть восстановлен (илл. 4, III, 2–4, 7, 8).



Илл. 4. Тамги Уйгурского каганата: I – вершина стелы Моюн-чура (МЧ); II – тамги создателей орхонских надписей (*1–3*, гора Дэл-ула (ДУ); *4* – ДУ и основание МЧ; III – тамги типа 2-го знака на стеле МЧ (*1, 10* – скала с надписью Тэс I; *2–4, 7, 8* – воссоздаваемые звенья; *5* – Шарбулак I; *6* – ДУ; *9* – МЧ (Кызласов И.Л. 2004; 2019б)

Итак, ныне выделены три древа аристократических знаков по 4–5 поколений и намечена линия тамг из двух поколений рода Яглакар, династийного в Уйгурском каганате. Все эти символы оказались лично-семейными тамгами и изменялись так же, как в остальных показанных обществах раннего Средневековья.

Ради полноты картины добавим поздний сюжет. На рубеже XIX и XX в. «выяснение генезиса современных башкирских тамг» Д.Н. Соколовым на многочисленном материале установило строгую лично-семейную принадлежность этих тамг: «наследник дома отца (старший сын) наследует и тамгу отца… но после отделения от отца или старшего брата (что всегда случается, как только башкир женится) изменяют тамгу». При этом «тамги младших сыновей сохраняют тип отцовский, и никогда не бывают всецело изобретенными вновь формами» (Соколов 1904. С. 17, 18).

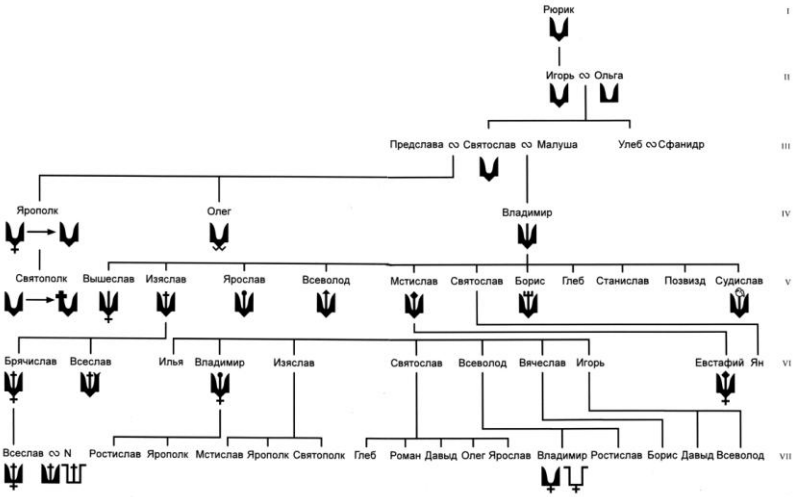
Независимо обнаружив лично-семейный характер тамг Древнехакасского государства, сибиревед значительно позднее познакомился с работой Д.Н. Соколова (Кызласов Л.Р. 1979), но средневековый материал был освоен в полной мере. В отношении изученных знаков Л.Р. Кызласов отметил: «Их эволюция в своих основах совпадает с классификационным принципом известных, распространенных в синхронное время (X–XII вв.) на Руси княжеских знаков – так называемых “знаков Рюриковичей”». Принцип их изменения он характеризовал словами В.Л. Янина: «Каждый знак должен состоять из двух разнородных частей: знака предшественника и “отпятныша” (одного или нескольких в зависимости от числа наследников)… Необходимо учитывать по крайней мере следующие обстоятельства: 1) связь знаков деда и внука должна быть эволюционно опосредованной знаком отца; 2) при большом числе наследников знаки младших братьев основываются не только на отцовском, но и учитываются особенности знаков старших братьев, во избежание возможного повторения». Вслед за Леонидом Романовичем скажем: именно такая «взаимосвязь и типологический генезис знаков отца, сыновей и братьев ясно выступает на представленных таблицах» (Кызласов Л.Р. 1960. С. 105–107), добавив к его материалам из Тувинской и Хакасско-Минусинской котловин до-

полнительно собранные и выстроенные нами семейно-личные древа тамг Хакасии, Горного Алтая и Монголии.

Как видим, в нашей науке самостоятельно возникли три центра изучения тамгообразных гербовых знаков как личнофамильных символов: 1) давнее отслеживание и поименное определение древнерусских знаков Рюриковичей; 2) сложившееся к 1960 г. тамговедение княжеских семей Древнехакасского государства, на деле установившее общие закономерности аристократических гербовых систем Второго Восточнотюркского и Уйгурского каганатов; 3) сформированные к 1904 г. основы эмблематики башкирского народа. Длительное сохранение ранней социальной традиции в живой народной культуре – редкое явление, требующее дальнейшего изучения.

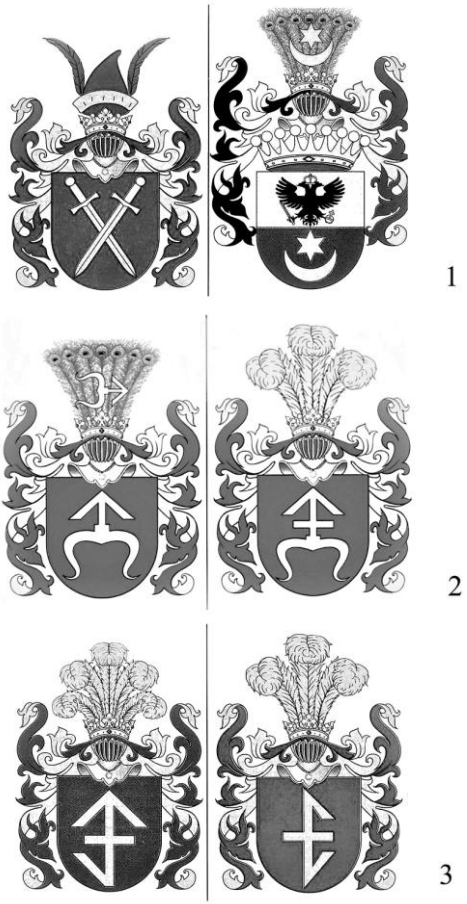
Лично-семейный статус и закономерности графического изменения аристократических знаков по поколениям в раннесредневековых государствах Южной Сибири, Центральной Азии и Восточной Европы были одинаковы.

Это положение очевидно каждому ученому, обработавшему большую серию знаков и подвергшему ее сравнительно-типологическому анализу. Искушенный специалист, составивший ныне наиболее полную сводку знаков Рюриковичей (илл. 5), заключает: «Социально престижный изобразительный



Илл. 5. Древняя Русь. Знаки Рюриковичей IX–XI вв. (Белецкий 2012)

символ в виде двузубца (из которого развился трезубец. – *И.К.*) не был принесен первым династом из-за моря, а появился уже в Восточной Европе… Я не исключаю, что тип социально престижного изобразительного символа в форме двузубца был заимствован Рюриком именно от Хазарского каганата» (Белецкий 2012. С. 458).



Илл. 6. Польские гербы: *1* – западноевропейского типа; *2–3* – с проникновением тамговых мотивов (Gajl 2007)

Вероятно, не случайно графически простые фигуры, изменяющиеся подобно тамгам, проникают на шляхетские гербы

Польши (Gail 2007. S. 70, 71, 81, 127, 136 и др.). Этим они кардинально отличаются от рыцарских эмблем Западной Европы, неизменно сохранявших лишенный личных признаков первоначальный фамильный облик (илл. 6).

Геральдика как историческая дисциплина, выросшая на западноевропейской средневековой основе, поныне исповедует принципы ее фамильной (и в этом смысле родовой) символики, не имеющей персональных показателей владельца герба. Не смешивая разные научные понятия, следует, вероятно, выделять и особую источниковедческую область – *тамговедение*, ту сферу степной и лесостепной символики Евразии, которая в раннем средневековье строилась на других принципах: выделения лично-семейных знаков, характеризующих каждого члена любой фамильной линии.

Литература

Белецкий С.В. Древнейшая геральдика Руси // Повесть временных лет / Пер. Д.С. Лихачева и О.В. Творогова. СПб., 2012. С. 431–463.

Войтов В.Е. Онгинский памятник. Проблемы культуроведческой интерпретации // Советская тюркология. 1989. № 3. С. 34–50.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1996.

Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас орхонских памятников. Астана, 2006.

Кляшторный С.Г. Терхинская надпись (предварительная публикация) // Советская тюркология. 1980. № 3. С. 82–95.

Кляшторный С.Г. Надпись уйгурского Бёгю-кагана в Северо-Западной Монголии // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 19–37.

Кызласов И.Л. Удаль витязя и благочестие попа (Шаханшах Варахран I, пророк Мани и рунические надписи горы Дэл-Ула в Монголии) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004. С. 104–122.

Кызласов И.Л. Археологические признаки государственного межевания. Методическое значение южносибирской медиевистики // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Казань; Кишинев, 2019. Т. 2. С. 157–177. (а)

Кызласов И.Л. Свидетельства дальнего продвижения енисейского рунического письма на запад (Одна из форм самовосприятия в северном манихействе) // Звучат лишь письмена. М., 2019. С. 251–290. (б)

Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. 1960. № 3. С. 93–120.

Кызласов Л.Р. О датировке памятников енисейской письменности // СА. 1965. № 3. С. 38–49.
Кызласов Л.Р. О древнехакасских личных тамгах // Проблемы истории Хакасии. Абакан, 1979. С. 130–136.
Радлов В.В. Атлас древностей Монголии. СПб., 1892. Вып. 1; 1896. Вып. 3.
Соколов Д.Н. О башкирских тамгах // Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии. 1904. Вып. 13 (http://elib.shpl.ru/ru/nodes/44332-vyp-13-o-bashkirskih-tamgah-1904 [25.01.2022]).
Gajl T. Herbarz polski od średniowiecza do XX wieku. Gdańsk, 2007.

А.В. Лаушкин

«ВЕДЕНА БЫСТЬ ДЩИ СВЯТОПОЛЧА СБЫСЛАВА В ЛЯХЫ…»: О ДНЯХ ОДНОЙ СВАДЕБНОЙ ЦЕРЕМОНИИ XII в.

В летописях домонгольского времени неоднократно упоминаются факты сватовства русских и иностранных правителей к русским княжнам, совершавшегося послами, которые были отправлены либо самим женихом, либо его старшим родственником. После успешного завершения посольской миссии сосватанная невеста отправлялась в путешествие к своему суженому для венчания.

В летописных известиях благоприятный финал такого сватовства (или, может быть, его заключительной стадии, если соглашение о браке было достигнуто ранее) описывается с помощью трех кратких лексических конструкций. Если автор известия делал акцент на действиях жениха или его представителя, то в качестве ключевого использовал глагол «поя» (в значении «сосватал»), если на действиях отца невесты или ее другого родственника – глагол «отда», если же фокусировал внимание на самой княжне – причастие «ведена».

Как можно думать, эти выражения указывали не только на состоявшийся свадебный сговор, но и на некую фиксировавшую его церемонию. Основания для такого предположения дают точные датировки, которые иногда появляются в известиях о рассматриваемых событиях и все без исключения (или почти без исключения) указывают на праздничные дни церковного календаря.

Из семи датированных событий, имеющихся в нашем распоряжении, четыре пришлись на воскресные дни и еще три – на крупные праздники. На воскресенья: 16 ноября 1102 г. Сбыслава Святополковна была «ведена» за польского князя Болеслава III Кривоустого (правда, высказывались сомнения, что событие произошло в названном году: Назаренко 2001. С. 602–604), 21 августа 1104 г. Предслава Святополковна – за сына венгерского короля Гезы I Алмоша, 12 мая 1112 г. Ярослав Святополчич «поя» (сосватал) себе дочь Мстислава Великого, а 9 января 1148 г. дочь Святослава Ольговича была «ведена» за Романа Ростиславича (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 276, 280; Т. 2. Стб. 252, 256, 273, 368). В праздники имели место следующие события: 20 июля 1104 г., на Ильин день, дочь Володаря Ростиславича была «ведена» за сына императора Алексия I Комнина, 29 июня 1164 г., на Петров день, Агафья Ростиславовна – за Олега Святославича, 24 июля 1188 г., «на Боришь д(ь)нь» (если в данном случае доверять обстоятельному рассказу Ипатьевской летописи), Всеволод Большое Гнездо «отда» свою дочь Верхуславу за Ростислава Рюриковича (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 280, 407; Т. 2. Стб. 256, 524–525, 658).

Хотя летописцы не сообщили никаких деталей этих церемоний, выявленная их приуроченность к церковным торжествам позволяет предполагать, что они включали религиозный элемент – совершение духовенством некоего подобающего случаю чинопоследования. Если это так, то особый интерес представляют казусы с двумя дочерями киевского князя Святополка Изяславича, которых отдавали замуж за католиков вопреки прямому каноническому запрету русского митрополита Иоанна II (ум. не ранее 1089 г.): «дщерь благовѣрнаго князя даяти замужь в ину страну, идеже служать опрѣснокы… недостоино зѣло и неподобно» (РИБ. 1908. Т. 6. Стб. 7). Следует думать, что или правило митрополита не было авторитетным среди киевского духовенства, или же обе церемонии с участием сестер Святополковн князю и вправду пришлось организовывать с помощью придворного клира, который, по предположению А.В. Назаренко, «формально входя в юрисдикцию местного епископа (в данном случае митрополита. – *А.Л.*), фактически в спорных случаях предпочитал подчиняться воле князя» (Назаренко 2009. С. 282).

Литература

Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.

Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические очерки). М., 2009. (ДГ, 2007 г.).

S. Liccardo

OLD NAMES AND NEW PEOPLES: LISTING AND ADAPTING ETHNONYMS IN THE *LATERCULUS VERONENSIS*

It is easy not to talk about ethnonyms. In fact, one might ask oneself whether it is appropriate for a historian to concentrate on the matter. However, names applied to ethnic groups have socio-cultural, political, and even educational repercussions. Ethnonyms relate to the identity of the defined groups. They can have a symbolic meaning. They can trigger associations and serve as means for claiming ownership on past glories and collective memories. Ethnonyms' connection with their real-life referents is not always clear, but they are more than simple stylistic embellishments. They did and still matter in a variety of ways. They can be studied as parts of speech and rhetorical devices, but they also take part in history.

The *Laterculus Veronensis* (*LV*) is a series of catalogues, two of which contain a large number of ethnonyms (Riese 1878. P. 127–129) dating to the later months of 314 (Подосинов 2002. P. 100–105). Catalogues are practical tools for classifying and archiving information. Such lists make it easier to display, categorize, and transmit ethnographic data. The *LV* represents a particularly clear example of such method within a cultural milieu shaped by Gallo-Roman rhetorical education and late Roman administrative practice. Furthermore, it mirrors a rhetoric of distinction between the Roman and the non-Roman worlds, contrasting the categories of 'ethnic' and 'barbarian' with 'civic' and 'Roman.' The lists of ethnonyms, in fact, follow a catalogue of Roman provinces and the two sections portray Roman emperors exercising their power both inside and outside the empire. Through the collected ethnonyms, readers can recognize and emphasize the otherness of the barbarians. At the same time, these ethnic names also provide a

tool for integrating non-Roman identities into a broader Roman world. Lists of ethnonyms complete the previous catalogue of provinces, thus substantiating the Roman claim of universal dominion.

The second half of the first list that contains ethnonyms is made of names of peoples living in Eastern Europe and the Middle East. The *gentes* that dwelt on the European continent are:

> Armilausini, Marcomanni, Quadi, Taifruli, Hermundubi, Vandali, Sarmata[e], Sciri, Carpiscitae, Gothi.

The sequence follows roughly a west-east direction and has the Danube as the main point of reference. In this cluster of names, I will focus on two ethnonyms that are representative of two different categories of ethnonyms. These are the *Sciri*, a case of a 'disappearing and reappearing' ethnonym (Heather 1998), and the *Taifali*, a name that entered the Roman ethnic nomenclature in Late Antiquity.

Regarding the Sciri, the paucity of the sources and the extremely wide time intervals that divide the few-recorded mentions make any research an arduous task (Castritius, Zimmer 2005). The oldest sources attesting to the Sciri are two inscriptions, one found in Olbia (near the estuary of the Southern Bug) and one in Histria (located near the Danube Delta) that date to the last quarter of the 3rd century B.C. (Avram 2015). The oldest Latin mention of the Sciri is found in the *Naturalis Historia* of Pliny the Elder, where they, together with the Sarmatians, the Veneti, and the Hirri, are located in the area between Aeningia (maybe to be understood as Aestingia, i.e., the Baltic area) and the Vistula River.

In the following centuries, the ethnonym vanishes from historical records. One can suppose that this extraordinary long period of silence is the consequence of a lack of political and military independence. This might be the reason why later sources, referring to an area they barely knew, used only the ethnonyms of more influential *gentes*. While in the inscription of Olbia the preferred ethnonym was *Galatians*, in other occasions one finds the name *Bastarnae*, a term that Greco-Roman authors used to describe the Galatians living near the Danube. So, for example, in Tacitus' *Germania* the Bastarnae are located in an ethnic context very similar to the one described by Pliny in regard to the Sciri, and in the *Ethnica* of Stephanus of By-

zantium under the heading Σκίρος, we read that this group was a 'Galatian people' (Γαλατικὸν ἔθνος).

The testimony of the *LV* attests to the reappearance of the ethnonym after centuries of silence. The *LV* shows that from the point of view of Roman ethnographers the Sciri continued to occupy roughly the same area. Inserted between the Sarmatians and the Carpi, they are included among the *gentes* that dwelt near the Lower Danube. The name of the Sciri represents the extraordinary case of an ethnonym defining both in the Hellenistic period and in Late Antiquity an ethnic group that did not change its dwelling place. What is peculiar regarding the Sciri is that their disappearance as well as their reintroduction in the Greek and Latin ethnic nomenclature is not the consequence of their migration, but rather of a change of posture of Roman authors as well as military and political transformations within the *barbaricum*.

The Taifali are included in the garbled form *Taifruli*. Only a handful of sources attest to this name and, with the exception of Ammianus Marcellinus, they contain a very limited amount of information. The Taifali entered in contact with the Romans around 250, when they, together with the Asdingi and the Carpi, were allies of Ostrogotha, king of the Goths (Mitthof, Martin, Grusková 2020). In the panegyric written for Maximian's birthday in 291, the Taifali are included in a long passage describing the warfare that was occurring within the *barbaricum*. According to Zosimus, the Taifali, defined as a 'Scythian people' (Σκυθικόν γένος), fought against Constantine I during the last years of his reign. More information is found in the *Res Gestae* of Ammianus Marcellinus. Here, we read about the *Taifalorum terrae* located between the Lower Danube and the *flumen Gerasus* (Criş River). Ammianus also describes a battle that occurred in 377 between Frigeridus, a Roman general of Germanic descent, and Farnobius, a 'chief of the Goths', who was in alliance with the Taifali. The Taifali were at the time 'an unknown people' (*gens ignota*) that had recently crossed the Danube and plundered the Roman territory. The barbarians were defeated and could have been annihilated, if Frigeridus had not decided to spare the survivors, who were resettled in Northern Italy.

The *LV* presents the Taifali as living in the western part of the territories north of the Lower Danube. They are closer to Quadi and

Hermunduri than to Carpi and Goths. However, contrary to the entries *Franci* and *Gallovari*, the position of the Taifali does not require any correction (*contra* Müllenhoff 1863. S. 523). In fact, the order of the *LV* resembles both the course of the military events occurred in the 330s and the information found in Ammianus who is the only author referring, although quite vaguely, to the location of the Taifali. It seems plausible to suggest that the Taifali were orbiting east of the Sarmatians, in the historical regions of Transylvania and Moldova, and not north of the Lower Danube. This interpretation is supported by Ammianus' account in which the *Taifalorum terrae* lay between the Danube and the Criş River, namely in roughly the same area in which they were active in the 330s. Finally, the fact that Frigeridus defeated them while moving towards the Illyricum suggests that they crossed the Danube in its middle section and, consequently, had their headquarters beyond this part of the river.

These examples attest to the longevity and adaptability of ethnonyms. Ethnonyms served to give meaning to parts of the oikumene that would have otherwise remained empty and obscure in both the concrete and the mental maps of the Romans. Moreover, they show that lists were a basic form of textual and visual device possessing a strong cognitive power. A list engages memory since its mirrors and facilitates its activities. A mental template serving to disassemble subjects into smaller and easy-to-remember conceits. Cataloguing the world is an expression of a specific mode of information storage. Lists foster a memory system that assigns a mental place to each discrete data and permits to create cross-referencing and associational links. Ethnonyms served to create and modify cultural boundaries according to the political needs. Their flexibility and wide spectrum of meanings permitted to redefine frontiers in the course of time. The relocation of ethnonyms in the mental maps of the contemporaries – a sort of 'migration of ethnonyms' – served to interpret and make sense of the actual movements of peoples on the ground, but it also reflected and helped justifying the repositioning of cultural boundaries.

Bibliography

Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002.

Avram A. Les premiers peuples germaniques sur le bas Danube. Autour du décret *SEG* 52, 724 // Studi ellenistici. 2015. T. 29. P. 27–76.

Castritius H., Zimmer S. Skiren // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde / Ed. by J. Hoops. T. 28. B., 2005. P. 639–645.
Heather P. Disappearing and Reappearing Tribes // Strategies of Distinction. The Construction of Ethnic Communities, 300–800 / Ed. W. Pohl, H. Reimitz. Leiden, 1998. P. 95–111.
Empire in Crisis: Gothic Invasions and Roman Historiography / Ed. F. Mitthof, G. Martin, J. Grusková. Wien, 2020.
Müllenhoff K. Über den Anhang zu dem Provinzialverzeichniss von 297 // Verzeichnis der Römischen Provinzen / Hrsg. Th. Mommsen. B., 1863. S. 518–531.
Riese A. Geographi Latini Minores. Heilbronn, 1878.

А.Ф. Литвина, С.М. Михеев, Ф.Б. Успенский

ОБ ОДНОЙ ПЕЧАТИ РУССКОЙ КНЯГИНИ XII в.

На страницы летописи свидетельства об участии женщин в политической, церковной и социальной жизни чаще всего проникают лишь в ту пору, когда им случается овдоветь и/или принять монашеский постриг. Указания на то, что князь отваживается на какой-либо значимый шаг по совету жены, или замужняя княгиня предпринимает какие-либо самостоятельные действия, весьма редки. Немалое число русских княгинь вовсе не упоминается в летописях – используя только этот тип текста, можно было бы решить, что значительная часть Рюриковичей появилась на свет вовсе без участия женщины.

С другой стороны, из точечных, зачастую косвенных летописных ремарок мы узнаем, что иные княжны-инокини и княгини, монашествующие или просто вдовствующие, владеют землями, занимаются церковным строительством, совершают сделки, участвуют в церковно-дипломатических миссиях и военных переговорах. Едва ли все функции и навыки внезапно появлялись у них только в момент смерти мужа или пострига. Кажется более вероятным, что еще при живом отце или муже княжна или княгиня была более социально активна, чем это явствует из летописи. Пресловутый андроцентризм летописи, как известно, проявляется еще и в том, что чаще всего она называется здесь не собственным именем, а по мужу, по отцу (даже если речь идет

об уже замужней женщине), или – заметно реже – по сыну. Порой для именования княгини задействуются и имя отца, и имя мужа одновременно, а иногда используются еще и имена других родственников и свойственников-мужчин.

При этом существуют свидетельства, позволяющие уравновесить и скорректировать подобную – явно однобокую – картину. Так, наличие у княгинь собственных печатей является бесспорной приметой их активного присутствия в социуме. На сегодняшний день известно уже более двадцати типов таких артефактов (см.: Алфьоров 2013). Наиболее распространенными оказываются печати, где на одной стороне изображена святая, а на другой – святой: их известно более десяти типов. Популярность именно такой сфрагистической композиции на женских печатях полностью соответствует ее распространенности на печатях мужских. В середине XII в. стандартная печать Рюриковича представляла нечто вроде материализации имени и отчества ее обладателя: на одной стороне располагался образ небесного патрона-тезки самого князя, а на другой – небесного патрона-тезки его отца.

На сегодняшний день только малая часть женских булл надежно идентифицирована, а предлагаемые в историографии атрибуции зачастую гадательны. Аналогия с печатями князей подталкивает к мысли, что, если на одной стороне есть изображение святой патронессы самой княгини, то на другой должен фигурировать святой тезка ее отца. Однако в исследовательской литературе бóльшая часть атрибуций исходит из ничем пока не подтвержденного убеждения, что это всегда должен быть не кто иной, как небесный покровитель мужа княгини.

Как кажется, нечто новое в интерпретацию женских печатей способна внести булла с уникальной легендой, известная нам по фотографиям семи экземпляров. Экземпляр № 1, из Киевской области, приведен в каталоге В.В. Нечитайло (2013. С. 104, № 374). Экземпляры № 2 и 3 принадлежат киевскому Музею Шереметьевых (инв. № VP–384 и VP–1209) и изданы А.А. Алфёровым (Алфьоров 2013. С. 497–499). Экземпляр № 3 происходит из Сумской области, экземпляр № 4 – предположительно из Чернигова, экземпляры № 5–6 – из Брянской области, а происхождение экземпляра № 7 не установлено. Все семь булл, по-видимому, были оттиснуты одной матрицей. На наибо-

лее сохранных экземплярах № 5 и 7 на оборотной стороне видно погрудное изображение с нимбом. К сожалению, фигура на реверсе пока не поддается идентификации. На лицевой стороне буллы уверенно читается текст:

†кнѧ
гнибгл
юк°вна

Надпись выделяется необычным увеличенным размером букв *б* и *г* во второй строке. Уникальная для древнерусской сфрагистики легенда, несомненно, содержит два номинатива: слово *княгыни*, записанное с пропуском гласной *ы*, и сокращение некоего женского патронима на *-овна*. Кто же была эта княгиня, или, формулируя несколько иначе, как следует читать ее отчество *Бглюковна*?

В Ипатьевской летописи под 6671 (1162/63) г. сообщается о свадьбе дочери половецкого князя Белука и Рюрика, сына Ростислава Мстиславича: «Том же лѣ*т*(ѣ) приведе Ростиславъ Белуковну . кн(я)зя половецьского дщерь . ис половець . за с(ы)на своего за Рюрика . того же лѣ*т*(а) и миръ взя с половци» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 521–522).

Обратим внимание, что невеста, как и на печати, именуется здесь по отчеству. При этом имя ее отца не раз встречается в Киевской летописи, а написание его основы, как это регулярно случается с половецкими антропонимами, может заметно варьироваться – *Белук*- (в составе патронима) под 6671 (1162/63) г., *Билюк*- (в составе патронима) под 6691 (1184) г. и, что особенно для нас важно, *Беглюк*- (в составе притяжательной формы) под 6676 (1166/67) г. (Там же. Стб. 521–522, 632, 532). Итак, перед нами, несомненно, печать русской княгини и дочери половецкого князя Беглюка.

Состоявшийся в 1162/63 г. брак русского князя и дочери Беглюка в чем-то очень типичен для истории русско-половецких матримониальных связей. Счастливым образом, в летописи мы находим указание года женитьбы Рюрика и обстоятельства, при которых она совершалась. Заключение мира и самый брак здесь сопрягаются напрямую, более того, весьма ясно демонстрируется, что междинастическая свадьба – это прежде всего договор, заключенный между двумя старшими

мужчинами, отцами жениха и невесты. Очевидно, что такого рода сообщение попало в летопись не в последнюю очередь благодаря статусу договаривающегося – Ростислав Мстиславич занимал в ту пору киевский стол.

Отец же невесты, Беглюк, по всей видимости, был главой большого половецкого клана, и вся его семья многие годы оставалась постоянным контрагентом Рюриковичей. Так, зимой 1166/67 г. черниговские князья совершают против них успешную вылазку, в результате чего некие *Беглюковы вежи* достаются князю Ярославу Всеволодичу (Там же. Стб. 532, под 6676 г.). Сын Беглюка, Рюриков шурин Изай, отмечен вторым в одном из списков половецких вождей, захваченных в плен в 1184 г. (Там же. Стб. 632, под 6691 г.). Связи эти, по всей видимости, куда более обширны, но их реконструкция отчасти затруднена благодаря пресловутой вариативности половецкой антропонимики в летописи, причем вариативность подразумевает как фонетическое и графическое варьирование, так и возможность называть одного и того же человека разными способами, например по отчеству или по клановой принадлежности. Бесспорно при этом, что Беглюк был близок со многими половецкими вождями, прежде всего с Кзой, и занимал высокое положение среди половецкой элиты, делавшее его достойным и нужным сватом русского князя.

Таким образом, тот факт, что на печати мы находим отчество половецкой княжны, закономерен и удивителен одновременно: легенда печати здесь в чем-то подхватывает стратегию летописного нарратива, однако самое существование этой печати с этой стратегией контрастирует. В самом деле, наиболее значимой характеристикой нашей половчанки – даже в ту пору, когда она стала замужней женщиной – оставалась связь с родом отца. Именно эта связь призвана была обеспечить мирные, а то и союзнические отношения с определенным кочевым кланом, в первую очередь для ее тестя, а со временем и для ее юного супруга. В различных текстах, повествующих о событиях XII в., вполне возможна ситуация, когда замужняя княгиня именуется по отцу, а не по мужу. За таким именованием зачастую прослеживается специальное желание рассказчика подчеркнуть связь замужней женщины с семьей ее отца, а не только мужа, причем в некото-

рых случаях род мужа противопоставляется отцовскому, а в иных – подчеркивается возможность их сотрудничества.

Вообще говоря, для середины и второй половины XII в. ситуация, когда главными бенефициарами заключаемого брака оказываются два отца-свата (а не, скажем, тесть и зять), на Руси весьма распространена и отнюдь не ограничивается половецкими казусами (Литвина, Успенский 2020. С. 38–58). В такой перспективе естественно предположить, что буллы княгинь (по крайней мере, некоторых, а, возможно, и большинства), устроенные по принципу ‘святая + святой’, являются (подобно синхронным мужским печатям ‘святой + святой’) не чем иным, как овеществленным, материализовавшимся христианским именем и отчеством.

Русские княгини половецкого происхождения, в частности наша Беглюковна, отличались от своих свойственниц, урожденных Рюриковен, совершенно очевидным образом – их отцы не были крещены, и отослать к их имени, изобразив фигуру святого на печати, было решительно невозможно. Между тем связь таких княгинь и их детей с половецким родом оказывалась чуть ли не единственным значимым основанием для их брака. Необычная композиция печати жены Рюрика Ростиславича демонстрирует ее связь с отцом, попросту называя ее по нехристианскому отчеству.

Так или иначе, соответствие летописных сведений и сфрагистических данных позволяет увидеть, что половецкая княжна, ставшая русской княгиней, обладала собственной печатью и пользовалась ею вполне активно. Положение ее мужа было, скорее, перспективным, нежели выдающимся: он был совсем молодым третьим сыном киевского князя. То обстоятельство, что и в такой ситуации у его жены была печать, многое говорит нам о роли княгинь-половчанок в русском династическом обиходе.

К сожалению, наша Беглюковна, по всей видимости, прожила не очень долго, и не она была спутницей Рюрика в те времена, когда он сам занял киевский стол. Однако обнаружение целых семи экземпляров печати Беглюковны – оттиснутых, впрочем, одной и той же матрицей – подкрепляет предположение о том, что их брак с Рюриком не был совсем уж быстротечным и продлился, по крайней мере, несколько лет.

Литература

Алфьоров О. Жіночі печатки Київської Русі // Спеціальні історичні дисципліни: Питання теорії та методики. Збірка наукових праць. Число 22–23. Київ, 2013. С. 488–502.

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Династический мир домонгольской Руси. СПб., 2020.

Нечитайло В.В. Каталог древнерусских печатей X–XIII веков. Киев, 2013. Т. 2: Печати князей Русских, посадников, епископов, должностных лиц.

Е.В. Литовских

ЕЩЕ РАЗ О «ЧЕРНЫХ» ИСЛАНДЦАХ

Проблемам взаимоотношений скандинавов с финно-угорскими народами посвящено множество исследований (обзор литературы см.: Aalto, Lehtola 2017). Тем не менее хотелось бы еще раз остановиться на фигурах исландских братьев-первопоселенцев Гейрмунда и Хамунда Хьёрссонов (ок. 850–ок. 905), сведения о которых сохранились в виде генеалогического перечня вводной характеристики Флоси в «Саге о Ньяле» (Флоси был правнуком Хамунда, восходящая линия здесь традиционно доводится до прадеда братьев, Хьёрлейва Женолюба – Brennu-Njáls saga 1954. Kap. 95), небольшого фрагмента в «Саге о Греттире» (он затрагивает только события, непосредственно предшествующие переселению братьев в Исландию, – Grettis saga 1936. Kap. 2–3), большой пряди в «Саге о Стурлунгах» (состоит из 7 глав, включая генеалогии, – Þáttr 1946) и пряди и нескольких фрагментов и генеалогических перечней в «Книге о занятии земли» (Landnámabók 1974. Kap. 40–47, 50, 52, 54, 66, 67, 70). При этом прядь в «Книге» представлена в двух версиях: практически идентичных между собой главах редакций *Sturlubók* (автор Стурла Тордарсон) и *Hauksbók* (автор Хаук Эрлендссон) и отдельной, более краткой, в редакции *Melabók* (наиболее вероятный автор Снорри Маркуссон).

Прядь в «Саге о Стурлунгах» была написана свояком и учеником Стурлы Тордарсона лагманом Тордом Нарвасоном (ум. 1308) ок. 1300 г. Сама «Сага о Стурлунгах» – обширная

компиляция, «Прядь о Гейрмунде Адская Кожа» (именно так, без упоминания брата) выполняет в ней роль пролога (подр. о пряди в составе «Саги о Стурлунгах» см.: Seelow 1994). Прядь была переведена на русский язык и издана в 2008 г. В.Ю. Барышниковым. Не умаляя достоинств аналитической части его работы (Барышников 2008; Прядь 2008. С. 145–150), хотелось бы отметить, что акцент в ней сделан на причины переселения братьев из Норвегии в Исландию, а не на бытовавшие в исландской традиции варианты этой истории.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что в *Hauksbók* у пряди есть заголовок: *Frá Geirmundi ok Hamundi* («О Гейрмунде и Хамунде» – Landnámabók 1974. Kap. 40. Bls. 27r). Он пропорционально освещает деятельность как Гейрмунда, так и его брата Хамунда в «Книге о занятии земли» в противовес прядям в «Саге о Стурлунгах» и «Саге о Греттире», где речь идет в основном только о Гейрмунде.

При этом из текста «Книги» не следует однозначно, что братья были близнецами. Там говорится только: «тогда она родила двоих сыновей» (*þá ól hún sonu tvo* – Landnámabók 1974. Kap. 40. Bls. 25r). Напротив, в «Саге о Стурлунгах» специально оговаривается: «они были близнецами» (*þeir váru tvíburar* – Þáttr 1946. Kap. 1. Bls. 35).

Разночтения в восходящей генеалогической линии по отцу братьев во всех рассматриваемых нами версиях отсутствуют, во всех в качестве первопредка указывается прадед братьев, конунг Хёрдаланда Хьёрлейв Женолюб (хотя «Книга о занятии земли» учитывает еще и боковые ветви: жену Хьёрлейва и потомков его второго сына – Landnámabók 1974. Kap. 40. Bls. 25r). При этом отец братьев, Хьёр, по «Книге» правил Рогаландом, по «Саге о Греттире» – Хёрдаландом (Grettis saga. Kap. 2). В пряди «Саги о Стурлунгах» его правление никак не локализовано, но в идущей следом за прядью легендарной «Саге о Хальве и мужах Хальва» (повествующей о деде братьев) указано, что Хьёрлейв правил и Хёрдаландом, и Рогаландом, а Хьёр назван правителем Хёрдаланда (Sturlunga saga 1946. Kap. 1. Bls. 66). Обе эти норвежские области расположены в непосредственной близости друг от друга, и, возможно, подобная путаница могла возникнуть как из-за перено-

са владения, так и в процессе бытования рассказа в устной традиции, когда сохранилась память лишь об одном из двух владений.

Гораздо более существенные различия касаются матери братьев. В «Саге о Греттире» и «Саге о Ньяле» ни о ней, ни о ее роде нет никаких упоминаний (видимо потому, что этого не требовалось для развития сюжетных линий данных саг). В пряди «Саги о Стурлунгах», несмотря на то что мать братьев активно действует в первых главах, она именуется только княгиней (*dróttning*), без упоминания имени (Þáttr 1946. Kap. 1–3. Bls. 35–40). По «Саге о Хальве», женой конунга Хьёра была Хагню, дочь конунга Хаки из Сконе (Sturlunga saga 1946. Kap. 1. Bls. 66). В.Ю. Барышников склонен считать Хагню матерью братьев, приводя в качестве аргумента наречение Хамунда родовым именем (это же имя носит дед Хагню) (Прядь 2008. С. 159, примеч. 4). Однако, на наш взгляд, с одной стороны, общая частотность этого имени не позволяет на основе одного повторения делать вывод о его принадлежности к родовым, а с другой – официальная жена Хьёра не обязательно должна была быть матерью братьев. Здесь как раз более показательна версия «Книги о занятии земли»: по ней матерью братьев являлась дочь конунга бьярмов Льюфвина (*Ljúfvina*), взятая в плен Хьёром (Landnámabók 1974. Kap. 40. Bls. 25r). Бергсвейн Биргиссон предлагает объединить обе версии: по его мнению, Хагню действительно была женой Хьёра, но отцом братьев был не он, а его внук Хальв, который и захватил Льюфвину (Bergsveinn Birgisson 2014. S. 75).

В.Ю. Барышников, исходя из этимологии имени *Ljúfvina* (досл. «Возлюбленная Двина» – Прядь 2008. С. 159, примеч. 4), считает его искусственно созданным. При этом надо учитывать, что в редакции *Þórðarbók* «Книги о занятии земли» ее имя пишется как *Ljú**f**inna*, что может быть ошибкой переписчика, но нельзя исключить хотя бы ретроспективное образование имени с помощью весьма продуктивного в исландской традиции корня *finn-* (ср. аналогичные женские имена в «Книге о занятии земли» *Dýrfinna* и *Kolfinna*, а также мужские *Finnbogi*, *Finnvarðr*, *Finngeirr*, *Hérfinnr*, *Steinfinnr*, *Þorfinnr* и наличие частотных одноосновных мужских имен *Finnr*, *Finni* и женского *Finna*).

Т.Н. Джаксон, подытоживая многолетние исследования в этой области, убедительно показывает, что под «финнами» саги,

как правило, понимают саамов и представителей родственных им финно-угорских племен (Джаксон 2022). Их было достаточно много среди первопредков исландских первопоселенцев (Aalto, Lehtola 2017. P. 20).

Бергсвейн Биргиссон выдвинул оригинальную гипотезу о том, что Льюфвина принадлежала к так называемым «черным ненцам» *Sikhirtya* (аборигенное племя Арктики сииртя, в рассматриваемую эпоху обитало в том числе в области предполагаемой Бьярмии – Bergsveinn Birgisson 2014. S. 80–141). Однако бьярмы, судя по экзоэтнониму, принадлежали к финно-пермской группе, следовательно, вполне могли в исландской традиции считаться «финнами». Дж. ДеАнджело даже, на наш взгляд слишком категорично, настаивает на синонимичности *finnar* и *bjarmar* в письменных источниках (DeAngelo 2010. P. 263).

Как полагает большинство исследователей, в пользу финно-угорского происхождения братьев говорит их внешность, нашедшая свое отражение в их общем прозвище. В «Книге о занятии земли» читаем, что они были «очень темными» (þeir voru svartir mjök – Landnámabók 1974. Kap. 40. Bls. 24v), а в «Саге о Стурлунгах» их описание более подробно:

> ...они оба были необычайно большого роста и оба удивительно уродливы с виду. Их потому считали самыми некрасивыми на вид, что, казалось, ни один человек не видел такой темной кожи, как у этих мальчиков [пер. В.Ю. Барышникова] (Þeir váru báðir ákafliga miklir vöxtum ok báðir furðuliga ljótir ásýnis. En þó réð því stærstu um ófríðleika þeira á at sjá, at engi maðr þóttist hafa sét dekkra skinn en á þessum sveinum var. – Þáttr 1946. Kap. 1. Bls. 35; Прядь 2008. С. 145).

Этимология их прозвища (Heljarskinn, досл. «кожа, как у Хель», принятый вариант перевода на русский «Адская Кожа»; однако О.А. Смирницкая в своем переводе «Саги о Греттире» использовала вариант «Черная Кожа») тоже проанализирована более чем подробно, поэтому не будем останавливаться на данном вопросе.

При этом, если попытки проследить выраженность гаплогруппы Z1a-16362, характерной для представителей, как ни странно, монголоидной расы (гаплогруппа финно-угорских народов N1a1-TAT), у потомков братьев (Bergsveinn Birgisson 2014. S. 282) имеют под собой хоть какое-то основание, то вер-

сия с принадлежностью братьев к негроидной расе может рассматриваться лишь в качестве курьеза.

Не до конца понятно, почему, если братья были похожи на свою мать-бьярмку, то негативные эмоции вызывала только их внешность, а не внешность матери. Если вспомнить традиционный облик саговых персонажей, надо отметить, что, хотя светлая кожа и русые волосы воспринимались как признак красоты, неоднократны упоминания брюнетов без однозначных отрицательных коннотаций. Кроме того, другие дети от смешанных браков, фигурирующие в источниках, не вызывали таких эмоций у своих родителей, а «ужасный вид» никак не связывался с происхождением (Bragge 1994. P. 8–9, 21). Следовательно, одна лишь «финская» внешность не могла стать причиной наделения таким прозвищем и отторжения собственной матерью, решившейся на подмену детей. На наш взгляд, скорее можно предположить наличие у них обширного невуса, но в таком случае их вид никак не может служить аргументом в пользу норвежского или «финского» происхождения.

Следует отметить, что внешний вид братьев никак не сказался на их социальном статусе, поведении и политических пристрастиях во взрослом возрасте. Оба брата вели себя не как полукровки, а как полноценные и полноправные представители норвежской знати. Можно предположить, что представления о «чистоте» родословных последней (особенно на севере полуострова, в непосредственной близости от регионов проживания финно-угорских племен) сильно преувеличены. В любом случае, происхождение братьев ни разу не приводится в тексте «Книги о занятии земли» в качестве причины, определяющей их поступки. И уж совсем органично они воспринимаются в Исландии, где скандинавский компонент оказывается сильно разбавлен (в первую очередь, кельтской кровью). Братья вписываются в жизнь новооснованного исландского общества, благодаря личному богатству и знатности рода их отца, прочно занимают в нем привилегированное положение и становятся основателями обширных родов. При этом следует отметить, что территория, занятая в Исландии братьями, совпадает во всех рассматриваемых нами источниках. Также согласуются между собой гл. 5 пряди в «Саге о Стурлунгах» (Þáttr 1946. Kap. 5. Bls. 49) и гл. 50 «Книги» (Landnámabók 1974. Kap. 50.

Bls. 32v), в которых речь идет о достойном поведении раба Гейрмунда Атли. При этом в «Книге» отсутствует какой-либо аналог гл. 6 пряди «Саги», где речь идет о предвестниках христианства на острове (Þáttr 1946. Kap. 6. Bls. 53–57).

На наш взгляд, нельзя однозначно утверждать, как это делал Л. Брагге, что Торд Нарвасон специально доводил генеалогию Гейрмунда в гл. 7 пряди до своих предков и вся прядь вставлена в «Сагу о Стурлунгах» и дошла до нас только потому, что Гейрмунд был предком Торда (Bragge 1994. P. 25). Разумеется, такое продление служит показателем авторского вклада Торда, но также, безусловно, не один Гейрмунд приходился предком Торду. В силу регулярного заключения брачно-политических союзов между исландскими родами к началу XIV в. практически все хоть сколь-нибудь значимые исландцы оказались в той или иной степени родства между собой и при необходимости их родословия (которые в исландской традиции считались не только по прямой мужской линии) можно было довести до десятка выдающихся первопоселенцев, включая того же Гейрмунда. В той же гл. 7 Торд в числе своих прямых предков называет Ингольва Арнарсона и Сидухалля (Þáttr 1946. Kap. 6. Bls. 64–65). Этим, скорее, можно объяснить, почему внимание Торда сосредоточено только на одном из братьев, его предке, тогда как Хамунд тоже был первопоселенцем, и в «Книге о занятии земли» ему, занятым им территориям и его потомкам посвящены несколько отдельных фрагментов (Landnámabók 1974. Kap. 47. Bls. 30r; Kap. 66. Bls. 46v–47r; Kap. 67. Bls. 47v; Kap. 70. Bls. 49r). Отсутствие единой «пряди о Хамунде» в «Книге», на наш взгляд, связано, с одной стороны, с тем, что он был зятем известного исландца Хельги Тощего и поэтому оказался включенным в связанные с ним фрагменты и родословия его потомков; а с другой, – с тем, что всё повествование в «Книге» строится по территориальному признаку и заселение разнесенных территорий описывается в разных главах.

Кроме того, в соответствующей главе редакции *Hauksbók* нисходящая генеалогия Гейрмунда доведена до епископа Палля Сёльвасона (Landnámabók 1974. Kap. 87. Bls. 68v), а в редакции *Melabók* – до Халльдоры, матери Снорри Маркуссона (Landnámabók 1974. Kap. 30. Bls. 1v). И пропуск в тексте редакции

Sturlubók, возможно, как раз скрывает несколько нисходящих генеалогических линий, вполне вероятно, и до Торда Нарвасона.

Часть исследователей вслед за Якобом Бенедихтссоном придерживаются мнения, что прядь в составе «Книги о занятии земли» можно атрибутировать Ари Торгильссону (Jakob Benediktsson 1968. Bls. LXIII–LXXI). В качестве доказательства постулировалось ее стилистическое отличие от остального текста «Книги». На наш взгляд, аргументы в пользу именно стилистической обособленности недостаточно весомы, однако следует учитывать ссылку в пряди на сведения «мудрых людей» и то, что в ней говорится о Гейрмунде как о «самом выдающемся из всех исландских первопоселенцев» («gaufgastr verit allra landnámsmana á Íslandi» – Landnámabók 1974. Kap. 41. Bls. 26r), тогда как в заключительном пассаже второй части «Книги» в редакции *Sturlubók*, где перечисляются самые известные первопоселенцы Западной четверти, имя Гейрмунда стоит в середине списка из 9 человек, он никак особо не выделяется ни по родовитости, ни по богатству (Ibid. Kap. 54. Bls. 37r). В итоговый список самых выдающихся первопоселенцев Исландии, приведенный в гл. 102, братья вообще не попали (Ibid. Kap. 102. Bls. 75v–76r). Исходя из текстологической близости прядей в «Книге» и саге, можно считать вполне вероятным, что и авторы старших редакций «Книги о занятии земли», и Торд Нарвасон пользовались несохранившимся текстом Ари.

При этом каждый из них изменял «прототекст» пряди, руководствуясь своими целями. В целом, прядь в «Книге» гораздо лаконичнее пряди в «Саге о Стурлунгах». И это могло быть, скорее, связано как раз не с большей древностью текста (их авторы – современники), а с тем, что Стурла отбирал и компоновал свой материал, создавая единое последовательное повествование. Соответственно, «несущественные» на его взгляд детали могли быть отброшены. В итоге прядь в составе «Книги о занятии земли» смотрится вполне органично и пропорционально, не выделяясь размером и характером материала. А фрагменты в других главах, дополняющие генеалогические сведения о потомках Хамунда, дают более полную (хотя и не всеобъемлющую) картину родственных связей братьев.

Источники и литература

Барышников В.Ю. «Прядь о Гейрмунде Адская Кожа»: поединок с рабом и переселение в Исландию // ВЕДС. 2008. [Вып.] 20: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. С. 12–16.

Джаксон Т.Н. «Финны» в «Саге о Кетиле Лососе» // Археологические вести: Памяти А.Н. Кирпичникова. СПб., 2022 (в печати).

Прядь о Гейрмунде Адская Кожа. Пер. с др.-исл., вступ. ст. и прим. В.Ю. Барышникова // Cursor mundi: Человек Античности, Средневековья и Возрождения. Иваново, 2008. Вып. 1. С. 145–168.

Aalto S., Lehtola V.-P. The Sami Representations Reflecting the Multi-Ethnic North of the Saga Literature // Journal of Northern Studies. 2017. Vol. 11. № 2. P. 7–30.

Bergsveinn Birgisson. Den svarte vikingen. Oslo, 2014.

Bragge L. Disfigure, Disability, and Disintegration in Sturlunga saga // Alvísmál. 1994. T. 4. P. 15–32.

Brennu-Njáls saga / Einar Ólafur Sveinsson gaf út. Reykjavík, 1954. (ÍF; 12).

DeAngelo J. The North and the Depiction of the "Finnar" in the Icelandic Sagas // Scandinavian Studies. 2010. Vol. 82. № 3. P. 257–286.

Grettis saga / Guðni Jónsson gaf út. Reykjavík, 1936. (ÍF; 7).

Jakob Benediktsson. Formáli // Íslendingabók. Landnámabók / Jakob Benediktsson gaf út. Reykjavík, 1968. (ÍF; 1). Bls. III–LXXX.

Landnámabók: Ljósprentun handrita / Jakob Benediktsson gaf út. Reykjavík, 1974. (Íslenzk Handrit. Ser. in folio; 3).

Seelow H. Der *Geirmundar þáttr heljarskinns* in der *Sturlunga saga* // The 9th International Saga Conference. Reykjavík, 1994. S. 26–28.

Þáttr Geirmundar heljarskinns // Sturlunga saga / Jón Jóhannesson, Magnús Finnbogason og Kristján Eldjárn gafu út. Reykjavík, 1946. Bd. 1. Bls. 35–65.

О.В. Лицкевич

ЗАВИСИМАЯ ОТ ПОЛОЦКА ОБЛАСТЬ ДВИНСКИХ ЛИВОВ И ЕЕ ПРЕДЕЛЫ В НАЧАЛЕ XIII в.

По сообщению «Повести временных лет» (ПВЛ), Руси платили дань ливы («либь»), земгалы («зимигола») и курши («корсь») (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 11). Эти данные отражают ситуацию на начало XII в., и, вероятнее всего, под Русью здесь понимается Полоцкое княжество (Насонов 1951. С. 152). Полоцкие князья могли установить свою власть над двинскими ливами во второй половине XI в., т.е. в начальный период правления Всеслава Брячиславича (1044–1064) (Назарова 1986. С. 181).

В 1106 г. земгалы нанесли полоцким князьям Всеславичам тяжелое поражение (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 281), и после этого источники уже ничего не знают о выплатах куршской и земгальской дани в Полоцк. Зато зависимость двинских ливов от Полоцка сохранялась вплоть до начала XIII в. В булле папы Климента III от 1 октября 1188 г. о передаче бременскому архиепископу Гартвику епископства в Икшкиле, основанного каноником Мейнардом, особо отмечалось, что это епископство находилось на Руси («in Ruthenia». – LECUB. Bd. 1. S. 11). Согласно хронике Генриха Латвийского, прежде чем начать миссионерскую деятельность в области двинских ливов, Мейнард испросил разрешения у полоцкого князя Владимира (ГЛ. С. 71). В 1212 г. на переговорах с рижским епископом Альбертом тот же князь заявил, что «в его власти либо крестить *рабов* (*servos*) его ливов, либо оставить некрещенными» (ГЛ. С. 152; Кейсслер 1900. С. 3). При этом полоцкой администрации или полоцких форпостов в области двинских ливов с XI по начало XIII в., по-видимому, не существовало (Назарова 1986. С. 182).

Кроме периодической уплаты дани, в том числе денежной (ГЛ. С. 85), ливы выставляли военные отряды для участия в походах полоцких князей (Алексеев 1966. С. 280).

Окончательно полоцкий князь отказался от притязаний на ливскую дань в 1212 г. (ГЛ. С. 153), поэтому период зависимости двинских ливов от Полоцка длился от 110 до 160 лет. В области двинских ливов и на соседнем земгальском городище Даугмале выявлены крестики и другие археологические находки, имеющие отношение к христианству восточного обряда (Spirgis 2012. P. 140–141). С территории между ливскими центрами Гольм и Икшкиле происходит большинство найденных в Латвии подвесок с родовым знаком Рюриковичей, которые ливские женщины носили в качестве украшений (Mugurēvičs 1994. P. 81, 83).

Сообщение Арнольда Любекского о дани, которую ливы *время от времени* платили князю Полоцка, лишено конкретики: говорится о ливах в общем смысле (MGH SRG. 1868. Bd. 14. S. 217). В первых книгах хроники Генриха Латвийского собственно «Ливонией» нередко называется область двинских ливов, состоявшая из местностей вокруг Риги, Гольма, Икшкиле, Лиелварде и Айзкраукле (Ашерадена). Хронист четко отделяет ее от области ливов Торейды, располагавшейся в нижнем течении р. Гауи и ее правого

притока р. Брасла. Например, епископ Мейнард перед смертью «созвал всех старейшин *Ливонии и Торейды*» (ГЛ. С. 75). Под 1206 г. хронист вновь сообщает, что послов в Ригу отправили *«жители Торейды и двинские ливы»* (ГЛ. С. 104).

В историографии сложилось полярное отношение к вопросу, платили ли торейдские ливы дань Полоцку. Одни, как Ф. фон Кейсслер, считали, что в источниках нет данных об этом (Кейсслер 1900. С. 4). Однако, по мнению Е.Л. Назаровой, Полоцк получал от ливов Торейды дань, так же как и от двинских ливов, и эта дань поступала в Кукенойс (Назарова 1986. С. 182). Остается неясным, на чем основано это утверждение.

С.А. Аннинский в комментарии к хронике Генриха Латвийского провел северную границу полоцкой зоны влияния по р. Трейден-Аа, т.е. по Гауе (ГЛ. С. 456). Эта гипотеза кажется спорной, поскольку между областями двинских ливов и ливов Торейды должна была бы существовать ненаселенная лесная зона (*межа* или *пуща*), и на карте археологических памятников ливов она действительно отчетливо прослеживается между реками Маза-Югла и Гауя (Финно-угры. С. 24).

В старину между областями двинских ливов и ливов Торейды протекала река, носившая название Русской. Эта река как *Ruschen beke* впервые упоминается в ливонских актах 1382 и 1404 гг. (LGU. S. 109, 184). Свое название она получила еще до того, как началась немецкая колонизация Ливонии, иначе непонятно, что побудило бы немцев и ливов назвать так реку уже после упадка влияния Полоцка в Нижнем Подвинье. Как показано в атласе Людвига Меллина 1798 г., речь идет о правом притоке р. Лиела-Югла, который стал обозначаться на картах как *Kreew Uppe, Krievupe* (Mellin 1798). Можно предположить, что эта река именовалась в древности Русской в силу своего пограничного статуса, поскольку она отделяла область ливов, зависимую от Руси, т.е. Полоцка, от более северных ливских территорий, в частности от области Торейды. Однако граница *населенной* области двинских ливов, судя по археологическим находкам, проходила фактически по р. Маза-Югла.

Южным пределом области двинских ливов и, соответственно, полоцкой зоны влияния служила Западная Двина, за которой находилась уже земгальская зона влияния. На левом берегу реки, в

22 км от устья, располагалось городище Даугмале – «Земгальская гавань» из хроники Генриха Латвийского (Мугуревич 1965. С. 102; Радиньш 2003. С. 154–155). Впрочем, в окрестностях Даугмале проживало смешанное земгальско-ливское население (Финно-угры 1987. С. 24, 32).

Восточный предел области двинских ливов пролегал между Айзкраукле и Кукенойсом (Laakman 1932/34. S. 95; Мугуревич 1965. С. 14–15). Примерно здесь проходила западная граница распространения латгальских грунтовых могильников (Радиньш 2001. С. 65). Здесь же зафиксирована языковая граница между ливами и латгалами, по данным XIX в. (Bielenstein 1892. S. 65). Выделяется мнение Г.Н. Семенчука, который при реконструкции полоцкой зоны влияния по состоянию на XI в. предложил проводить ее границу от точки, где находится современный г. Яунелгава (Семянчук 2017. С. 53). Однако в этом случае от области двинских ливов оказался бы отторгнутым такой центр, как Айзкраукле, который, согласно хронике Генриха Латвийского, принадлежал ливам (ГЛ. С. 92).

Между Айзкраукле и Кукенойсом издавна лежала лесистая и чрезвычайно заболоченная местность. На довоенной карте Генштаба Латвии к северо-востоку от Айзкраукле показаны обширные топи, к северу от которых находится оз. Лобес (LAŠ). Эти болота и могли служить естественной *межой* между областью двинских ливов и Кукенойсским княжеством. В одном из актов 1378 г. называется погост *Loben*, или иначе *Janczem* (LGU. S. 106), относившийся, как можно понять, к Кокенхузенскому дистрикту и надежно локализуемый в районе оз. Лобес, к востоку от которого на довоенных картах обнаруживается д. Яунземьи, а к западу – д. Яунзем. Этот погост составлял граничившую с землями ливов юго-западную окраину Кокенхузенского дистрикта, а значит, и Кукенойсского княжества начала XIII в.

Литература

Алексеев Л.В. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX–XIII вв. М., 1966.

Кейсслер Ф., фон. Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII столетии. СПб., 1900.

Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига, 1965.

Назарова Е.Л. Из истории взаимоотношений ливов с Русью (X–XIII вв.) // ДГ, 1985 год: Мат-лы и исслед. М., 1986. С. 177–184.
Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951.
Радиньш А. Погребальный обряд и инвентарь латгальских захоронений 10–13 веков // Archaeologia Lituana. 2001. № 2. С. 65–118.
Радиньш А. Даугмале и Даугавский путь. К проблеме образования городов // Archaeologia Lituana. 2003. № 4. С. 152–160.
Семянчук Г. Полацкае княства ў XI ст.: фармаванне дзяржаўнай тэрыторыі // Гадавік Цэнтра Беларускіх Студыяў. Варшава, 2017. № 2. С. 30–62.
Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В.В. Седов. М., 1987.
Bielenstein A. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. St-Petersburg, 1892.
Laakman H. Zur Geschichte Heinrichs von Lettland und seiner Zeit // Beiträge zur Kunde Estlands. Reval, 1932/34. Bd. 18. Heft 1–5. S. 57–102.
[*Mellin L.A.*] Atlas von Liefland, oder von den beiden Gouvernementern u. Herzogthümern Lief- und Esthland, und der Provinz Oesel. Riga, [1798]. N. I. Der Rigische Kreis // Library of Congress (https://www.loc.gov/item/75572471/ [10.01.2021]).
Mugurēvičs E. Piekariņi ar t. s. Rjurikoviču cilts zīmi Latvijā 11.–13. gs. // Arheoloģija un etnogrāfija. Rīga, 1994. T. 17. P. 76–83.
Spirgis R. Kristieši pirms krusta kariem Latvijas teritorijā? Kristietības izplatība Daugavas Lībiešu zemēs 11.–12. gs. // Arheoloģija un etnogrāfija. Rīga, 2012. T. 26. P. 113–142.

П.В. Лукин

ЭТНИЧЕСКИЕ И ГРУППОВЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ В НОВГОРОДСКО-ГАНЗЕЙСКИХ ДОКУМЕНТАХ*

Под новгородско-ганзейскими документами здесь и далее понимаются тексты официального характера, связанные с деятельностью немецкой (ганзейской) купеческой общины (Конторы) в Новгороде, функционировавшей в XII–XV вв.: договоры Ганзы с Новгородом, переписка ганзейских городов с немецкой купеческой общиной, отчеты ганзейских послов и др. Эти источники привлекались для изучения новгородско-ганзейской торговли, эпизодически – для исследования ряда аспектов внутреннего строя Новгорода, но для характеристики представлений сторон друг о друге использовались очень мало. В историогра-

фии XIX – первой половины XX в. господствовала идея о постоянной враждебности между новгородцами и немецкими купцами, о двух чуждых друг другу мирах, неспособных понять друг друга и т.д. (Goetz 1922. S. 336–346; Johansen 1953. S. 138). В более позднее время появились работы, авторы которых ушли от парадигмы «тотальной враждебности» и показали, что отношения между Ганзой и Новгородом, особенно на практически-повседневном уровне, были невозможны без определенного уровня взаимопонимания и без определенной «инфраструктуры» такого взаимопонимания (взаимной коммуникации, личных контактов, общего языка – в разных смыслах этого слова) (Angermann 1994; Сквайрс, Фердинанд 2002). Тем не менее вопрос о том, как ганзейцы и новгородцы воспринимали друг друга с этнической точки зрения и воспринимали ли они друг друга таким образом в принципе, даже не был поставлен. Между тем в настоящее время такая постановка вопроса не может не быть признана актуальной. Ныне в науке преобладает так называемый конструктивистский подход к этническим общностям прошлого, отрицающий объективное, «реальное» существование таковых, и акцентирующий внимание на идеологической составляющей этнических представлений (центральное значение тут имеют апелляции к авторитету Б. Андерсона, который, впрочем, медиевистикой никогда не занимался). Применительно к эпохе до Нового времени говорить об этносах как о чем-то реальном стало до некоторой степени даже неприличным. Такие выводы делаются, однако, в основном на материале нарративных источников. Поэтому имеет смысл посмотреть, как этническая (или псевдоэтническая) проблематика выглядит в источниках, которые по самой своей сущности не являются идеологическими. Применительно к Руси уникальным типом таких источников можно считать новгородско-ганзейские документы.

Для раннего времени (до конца XIII в.) таких документов очень немного. И всё же они имеются, и они достаточно красноречивы. В договоре Новгорода с Любеком, Готландом и немецкими городами 1259–1263 гг., сохранившемся в древнерусской версии (ГВНП. С. 56–57, № 29; здесь и далее о датировках договоров см.: Янин 1991), русская сторона представлена «новгородцами», ганзейская – «немцами» и «готами». Первыми оказы-

ваются жители Любека, вторыми – не готы как племя или народ, а жители о-ва Готланд. В то время речь могла идти уже о немецкой, а не скандинавской купеческой общине г. Висбю на Готланде (Friedland 1988; Рыбина 2009. С. 38–44, 55–57). Поэтому с собственно этнической точки зрения, «готы» здесь – тоже немцы. Есть в документе и обобщающее понятие, охватывающее «готов» и «немцев», – «латинский язык». Итак, этническое по происхождению обозначение («немцы») присутствует, но оно не имеет четкого терминологического характера, смешиваясь с понятиями чисто территориальными и историко-культурными («готы», «латинский язык»). В проекте договора между новгородцами и немецким купечеством 1268 г. (проект немецкой стороны, написан на латыни), в самом его начале упоминаются «русские Новгорода» (*Rutheni Nogardiae*), а в дальнейшем многократно – просто «русские» (*Rutheni*), под которыми понимаются новгородцы. Однако практически во всех этих упоминаниях «русские» противопоставлены «гостям» (*hospites*) – заморским купцам, «готским/готландским» и «немецким». Главный акцент обозначения *Ruthenus*, таким образом, – на том, что это местный житель в отличие от чужака (эти чужаки могут, впрочем, называться и обобщенно немцами – *Theutonici*). Когда же, однако, дело доходит до политических обозначений, фигурируют только новгородцы (новгородский князь = «князь новгородцев», *rex Nogardensium*; Новгородская земля = «владение новгородцев», *dominium Nogardensium*: HUB. Bd. I. S. 229–233, № 663). Зато в утвержденном договоре 1269 г. (сохранился средненижненемецкий текст) вообще нет русских. Там фигурируют только новгородцы (*Nogardere*). Другая сторона вновь представлена «готами» (т.е. готландцами) и «немцами»/«немецкими сынами» (*Goten, Dhutsgen, Dhutschen sonen*), которых вместе охватывает понятие «латинский язык» (*Latinsche tunge*) (ГВНП. С. 58–61, № 31). В пространном латиноязычном отчете послов немецких торговых городов о миссии в Новгород от 26 марта 1292 г. также нет ни одного упоминания ни русских, ни Руси, но упоминаются только новгородцы (*Nogardenses*), даже там, где речь идет о коммуникации между новгородцами и послами (Лукин, Полехов 2020. С. 363–369).

Приведенный материал свидетельствует о том, что этнические понятия в новгородско-ганзейских источниках раннего времени существовали («немцы», «русские»), но использовались окказионально, причем можно думать, что понятие «русские» в большей степени использовалось именно немцами в качестве экзоэтнонима, поясняющего, с какой этнокультурной группой они имеют дело. Сами новгородцы предпочитали использовать понятие «новгородцы», причем при характеристике политических реалий оно превалировало абсолютно.

Другую ситуацию мы видим, начиная с XIV в. В немецких документах, связанных с Новгородом, новгородцы достаточно последовательно именуются «русскими». Стандартным выражением становится «русский/русские из Новгорода». Например, в послании немецкой купеческой общины в Новгороде властям Риги 1331 г. о кровавом конфликте между немецкими купцами и новгородцами противоборствующие стороны последовательно называются «русскими» и «немцами» (*Ruscen, Duschen*). О вече также говорится, что оно было созвано «русскими», а не «новгородцами»: «Do ludde(n) de Rusce(n) eyn dinc» («Тогда русские созвонили вече…») (Лукин 2018. С. 546). В таком, несомненно, официальном документе, как запись о судебном разбирательстве на заседании ревельского совета (рата) в 1393 г., тяжущийся с бургомистром Кордом Кегелером новгородец Давид назван «Růssen van Naůgarden» («русским из Новгорода») (Ганзейские документы 2021. С. 33–34, № 2). Однако для русских источников такое словоупотребление не было характерно. Точнее, ганзейцев называли «немцами», но «немцами» могли называть не только собственно немцев. Так, в 1313 г., согласно Н1мл., «по грѣхомъ нашимъ изъѣхаша нѣмци Ладогу и пожгоша» (ПСРЛ. Т. 3. С. 94). Этими «немцами» были, как выясняется, шведы. Характерно при этом, что практически одновременно шведские «немцы» совершали набеги на «немцев» ганзейских (Шаскольский 1987. С. 69–71). Что касается официальных документов, исходящих от Новгорода, то ганзейская сторона могла там называться «немецкими детьми», «немецкими купцами», «немцами», «всем немецким купечеством». Однако новгородская сторона продолжает выступать преимущественно как «новгородцы». Понятие «русские» тоже используется, но как синоним «новгородцев», как бы во избежа-

ние тавтологии – см., например, в договоре Новгорода с немецким купечеством о перемирии 1372 г., текст на средненижненемецком языке: «…что из товара немец (*Důssche*) взял у русского (*Růssen*) во время торговли, или что взял новгородец (*Nowerder*) у немца (*Důsschen*) во время торговли, об этом истцу ведаться с истцом…» (ГВНП. С. 78, № 43).

Таким образом, этнические обозначения в новгородско-ганзейских документах появляются, как только появляются сами эти документы. Нельзя сказать, чтобы они были совершенно размыты: ганзейцы вполне четко определяли новгородцев как русских, а новгородцы ганзейцев – как немцев. При этом степень значимости этнического фактора в новгородско-ганзейской коммуникации не стоит преувеличивать. Он в большей степени носил культурно-бытовой характер, а не политический или тем более идеологический. Применительно к новгородцам обозначение «русский» вообще играло, скорее, второстепенную роль, причем, прежде всего, в языке самих же новгородцев. Обозначение «немцы» имело несколько большее значение (позднее даже сам Ганзейский союз мог называться в источниках «Немецкой Ганзой»), но зато в новгородском узусе не отличалось большой определенностью: так, «немцами», как мы видели, причем без специального уточняющего определения, могли называть и шведов. Складывается, впрочем, впечатление, что в XIV в. намечается тенденция к большей «этнизации» новгородско-ганзейской коммуникации. Причины этого любопытного обстоятельства еще предстоит выяснить.

Примечание

[*] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00065.

Источники и литература

Лукин П.В. Новгородское вече. 2-е изд., испр., перераб. и доп. М., 2018.

Лукин П.В., Полехов С.В. Латинское послание о новгородско-ганзейских переговорах 1292 г. // ДГ, 2019–2020 годы: Дипломатические практики античности и средневековья. М., 2020. С. 349–372.

Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова. 1392–1409 гг. / Сост., подгот., предисл. и коммент. П.В. Лукина, С.В. Полехова, Е.Р. Сквайрс. М.; СПб., 2021.

Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. М., 2009.

Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород: Языковые аспекты исторических контактов. М., 2002.
Шаскольский И.П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л., 1987.
Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991.
Angermann N. Die hansisch-russische kulturelle Begegnung im mittelalterlichen Novgorod // Norwegen und die Hanse. Wirtschaftliche und kulturelle Aspekte im europäischen Vergleich / Hrsg. von V. Henn, A. Nedkvitne. Frankfurt-a/M, 1994. S. 191–209.
Friedland K. Gotland. Handelszentrum – Hanseursprung // Gotland. Tausend Jahre Kultur- und Wirtschaftsgeschichte im Ostseeraum. Veröffentlichungen des Zentrums für nordische Studien, II / Bearb. von R. Bohn. Sigmaringen, 1988. (Kieler Historische Studien; Bd. 31). S. 57–64.
Goetz L.K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922. (Hansische Geschichtsquellen. Neue Folge; 5).
Johansen P. Novgorod und die Hanse // Städtewesen und Bürgertum als geschichtliche Kräfte. Gedächtnisschrift für F. Rörig. Lübeck, 1953. S. 121–148.

В.И. Матузова

ПРУССЫ В «ХРОНИКЕ ЗЕМЛИ ПРУССКОЙ» ПЕТРА ИЗ ДУСБУРГА: ВОСПРИЯТИЕ АВТОРА

Занимаясь сочинением Петра из Дусбурга как памятником крестоносной идеологии или как памятником, отразившим особенности ментальности рыцарей Тевтонского ордена, невозможно оставить в стороне содержащиеся в нем этнографические сведения: иногда они образуют фон повествования, иногда выступают на первый план.

Петр из Дусбурга был не первым средневековым автором, обратившимся к этносам Восточной Прибалтики, в том числе и к пруссам. Его ближайшими предшественниками были Генрих Латвийский и Варфоломей Английский. Каждый из этих авторов по-своему характеризовал описываемые им народы. Автору «Хроники Ливонии» Генриху свойственно эмоциональное восприятие ливов, которых он называет злыми, лживыми, непокорными и т.п. Варфоломей Английский в географическом разделе

своей энциклопедии «О свойствах вещей» дал краткие сведения о некоторых землях Восточной Прибалтики (Литве, Ливонии, Эстонии и прусской Самбии) и населявших их народах. С удивительной прозорливостью автор, описывая Литву, защищенную реками, лесами и болотами, предупреждал читателей, что «едва ли эта область может быть завоевана летом, но только зимой, когда реки покроются льдом» (Матузова 1979. С. 83). А обратившись к Самбии, этот автор отметил, что «народ ее по сравнению с прочими варварами красив телом, отважен духом, превосходит все соседние народы талантом, искусством и ремеслами» (Там же. С. 85).

Понятно, что характеристика пруссов зависит от личного восприятия хрониста, от стоящей перед ним задачи, т.е. автор достаточно субъективен. Однако степень этой субъективности может быть различной.

В данном случае остановимся на ментальности самого Петра из Дусбурга, на его восприятии пруссов. Возможно, тем самым я отвечу и на некоторые отзывы, полученные в разное время, на опубликованные мною статьи.

Петра из Дусбурга среди хронистов-крестоносцев выделяет одна особенность: он очень внимателен к пруссам, этому, по сути, чуждому и враждебному для него народу. Начать с того, что пруссы для него – это не некая масса. Ему известно, что Пруссию образуют 11 земель, а именно: Помезания, Погезания, Вармия, Натангия, Самбия, Надровия, Скаловия, Судовия, Галиндия, Барта и Плика Барта, населенные соответствующими прусскими племенами. Разумеется, первостепенное внимание он уделяет военной силе этих племен. «Едва ли был хоть один из этих народов, у которого бы не было для сражений двух тысяч конницы и многих тысяч воинов. Богатая и многонаселенная Самбия могла иметь 4 тысячи конницы и 40 тысяч воинов… У каждого из этих языческих народов было много крепких замков» (ПД. III, 3). Эта «статистика» необходима, чтобы показать, с каким сильным противником предстоит столкнуться крестоносцам, поначалу весьма малочисленным.

Даже крещение пруссов – это не массовое крещение, а скорее ряд наиболее ярких эпизодов, разбросанных по тексту хроники, из которых следует, что, принимая христианство, пруссы следо-

вали примеру своих вождей, но для многих из них оно было сугубо личным жизненным опытом: самб Дорге (ПД. III, 6), Налубо (ПД. III, 101), Руссиген (ПД. III, 207), Скуманд (ПД. III, 224).

Современные исследователи крестовых походов всё чаще рассматривают их как «столкновение двух культур», но в этом столкновении есть место и для «культурного обмена».

Подробно рассказывая «об идолопоклонстве и обрядах и нравах пруссов» в одноименной главе (ПД. III, 5), хронист обнаруживает нескрываемый интерес к внутренней жизни пруссов, и на протяжении всей хроники он будет при удобном случае подчеркивать, что некий обычай распространен среди пруссов. Таков обычай бросать жребий, о чем неоднократно упоминается на страницах хроники (ПД. III, 240, 241, 347). Или обычай устраивать банные дни (ПД III, 199). Однажды хронист даже упоминает котел, в котором «пруссы имели обыкновение варить священные приношения по обычаю своему» (ПД. III, 120).

Изредка Петр из Дусбурга сообщает о том, что́ привнесли Тевтонские рыцари в жизнь пруссов. В частности, они познакомили язычников с новым видом оружия: арбалетом (в хронике он называется «баллистой»). Хронист описывает, как пруссы, найдя брошенный кем-то из рыцарей арбалет, «чрезвычайно дивились тому, что это такое, ибо раньше такого не видели». Но когда кто-то из разглядывавших его нажал на спуск, прусс, державший баллисту в руках, был убит. «Поэтому пруссы с тех пор очень боялись баллист», пишет автор (ПД. III, 105). При штурме замка Шёнензее выстрелом из арбалета был сражен вождь бартов Диван (ПД. III, 165). Оружием пруссов были луки, мечи, копья и камнеметы. Понятно, что завоеватели в техническом отношении превосходили местное население. Тем не менее, увидев, что один из рыцарей взял в руки арбалет, вождь натангов Генрих Монте пошел на него с копьем и убил. А рыцари, случалось, не гнушались камнеметами язычников. Так, при осаде пруссами замка Висенбург рыцари похитили один из трех камнеметов язычников, «доставили в замок и долго им оборонялись» (ПД. III, 117). Камнеметы упоминаются и при осаде замков Крейцбург, Бартенштейн и Вилов.

Надо сказать, что, в отличие от Генриха Латвийского, Петр из Дусбурга запечатлел своей хроникой попытку несколько идеализировать пруссов. Характеризуя пруссов, он особо выделяет судовов: «Благородные судовы как благородством нравов выделялись среди прочих, так превосходили их и богатствами, и силой» (ПД. III, 3). Не исключено, что в этом случае, как и во множестве других, хронист выступает носителем куртуазной культуры. По крайней мере, ему хотелось бы видеть в своем противнике не только силу, но и благородство. И он делает это многократно, то просто признавая мужество врага (ПД. III, 271), то описывая случаи сочувственного отношения пруссов к своим противникам (ПД. III, 91, 210). Недаром восхищенные отклики язычников-пруссов (ПД. III, 70) о жизни братьев Тевтонского ордена в крепостях для него столь же значимы, как и отклики «неких благочестивых людей» (ПД. III, 22). Осуждения, по его мнению, заслуживают лишь те пруссы, которые прибегают к нечестным методам в войне. Например, пруссы, владеющие немецким языком (как правило, представители прусской знати, получившие воспитание в немецкой среде), заманивают врага, чтобы его погубить.

Хроника полнится именами не только тевтонских рыцарей, но и пруссов. Некоторые прусские имена упоминаются как в сочинении Петра из Дусбурга, так и в жалованных грамотах Тевтонского ордена пруссам. Хронист избирателен, приводя прусские имена. Понимая, что он создает хронику на века, он, прежде всего, уделяет внимание пруссам, вставшим на сторону ордена. Прусские нобили, присоединившиеся к восставшим, совершили «отвратительное деяние», которое «вполне заслужило того, чтобы предать огласке их имена», однако автор не делает этого «из почтения к положению их» (ПД. III, 227). Но неожиданно, и по той же причине, хронист поименно называет вождей пруссов в пятом прусском восстании и сразу же добавляет: «имена которых да будут преданы вечному забвению» и перечисляет «злодеяния» некоторых из них (ПД. III, 262).

Обращение к «этнографическому» аспекту «Хроники» позволяет уяснить и то, что в восстаниях, столь подробно описанных автором, пруссы не были движимы единым порывом, что прусские нобили разделились на противников и сторонни-

ков Тевтонского ордена, и что одновременно с восстаниями разворачивалась братоубийственная (подчас) война между самими пруссами (Матузова 2018. С. 260). Внимательное отношение хрониста к любым событиям и любым участникам этих событий в целом способствует созданию достаточно объективной картины истории Пруссии времени крестового похода второй половины XIII в. И заслуга Петра в том, что он сохранил для потомков яркую страницу истории этого бесписьменного народа.

Литература

Матузова В.И. Английские средневековые источники, IX–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1979.

Матузова В.И. Прусские нобили и Немецкий орден // ДГ, 1987 год: Мат-лы и исслед. М., 1989. С. 281–287.

Матузова В.И. Пруссы глазами Петра из Дусбурга // Балто-славянские исследования. М., 2009. С. 606–613.

Матузова В.И. Войны Тевтонского ордена в Пруссии и Литве: Конфликт двух культур // ВЕДС. 2012. [Вып.] 24: Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. С. 176–181.

Матузова В.И. «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга о пруссах // ДГ, 2016 год: Памяти Г.В. Глазыриной. М., 2018. С. 253–265.

Eihmane E. The Baltic Crusades: A Clash of Two Identities // The Clash of Cultures on the Medieval Baltic Frontier / Ed. A.V. Murrey. L.; N.Y., 2009. P. 37–51.

Matuzova V. Mental Frontiers: Prussians as Seen by Peter von Dusburg // Crusade and Conversion on the Baltic Frontier, 1150–1500. Leeds, 2001. P. 253–259.

Mažeika R. An Amicable Enmity: Some Peculiarities in Teutonic-Balt Relations // The Germans and the East / Ed. Ch. Ingrao. West Lafayette, 2008. P. 49–58.

Mažeika R. Violent Victims? Surprising Aspects of the Just War Theory in the Chronicle of Peter von Dusburg // The Clash of Cultures on the Medieval Baltic Frontier / Ed. A.V. Murrey. L.; N.Y., 2009. P. 123–137.

И.Г. Матюшина

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ БРАКОВ: ЭММА НОРМАНДСКАЯ, ЭТЕЛЬРЕД II И КНУТ ВЕЛИКИЙ

Цель доклада состоит в том, чтобы, сопоставив сохранившиеся источники (три рукописи Англо-Саксонской хроники: C, D, E, «Панегирик королеве Эмме», «Деяния правителей Нормандии» Гильома Жюмьежского, «Хронику хроник» Иоанна Вустерского, «Житие короля Эдуарда Исповедника», «Деяния Вильгельма» Вильгельма из Пуатье, «Деяния английских королей» Вильгельма Мальмсберийского, «Историю англов» Генриха Хантингдонского, «Историю англов» Жеффрея Гаймара), выяснить политические последствия двух межэтнических браков Эммы Нормандской для истории средневековой Англии.

Эмме Нормандской (982–1052), дочери правителя Нормандии Ричарда I и его второй жены датчанки Гунноры, довелось вступить в два межэтнических брака: с Этельредом II (уэссекским правителем в 1002–1013 и 1014–1016 гг.) и с Кнутом Могучим (прав. 1016–1035). Брак с Кнутом сделал Эмму королевой Дании (1019–1035) и Норвегии (1028–1035).

В рукописи из Питерборо (E), наиболее раннем источнике сведений о королеве Эмме, сообщается о ее прибытии на Британские острова весной 1002 г. В этой записи говорится не о ее браке с английским правителем, как можно было бы ожидать, но о ее отце Ричарде, союз с которым сулило Этельреду это супружество. Эмма называется «госпожой» (*hlæfdige*), дочерью Ричарда: ее нормандское имя Эмма было изменено на древнеанглийское имя *Эльфгифу* (*Ælfgifu*). То же имя носила и первая жена короля Этельреда II, родившая шесть сыновей, включая Эдмунда Железнобокого, и первая жена Кнута Могучего, мать Харальда Заячья Лапа и Свейна, однако имя первой ни разу не упоминается ни в одной рукописи Англо-Саксонской хроники, а имя второй встречается всего один раз, в связи с утверждением, что Харольд не был сыном ее и Кнута (Абингдонская рукопись C, *s.a.* 1035). Уделяя немалое внимание Эмме (она упоминается в записях за 1002, 1003, 1013, 1017, 1023, 1035, 1037, 1040, 1042,

1043, 1051, 1052 гг.), составитель Хроники, очевидно, признавал ее роль как участницы исторических событий.

В первом браке (с королем Этельредом II) у Эммы было двое сыновей: Альфред Этелинг и Эдуард (будущий Исповедник, король Англии в 1042–1066 гг.), причем оба получили воспитание при дворе своего дяди герцога Ричарда II Нормандского (Keynes 1991. P. 173–205). По свидетельству Хроники, когда датский правитель Свейн Вилобородый со своим сыном Кнутом вторгся в Англию, Этельред «послал епископа Эльфхуна через море вместе с этелингами Эдуардом и Альфредом, дабы он (Ричард Нормандский. – *И.М.*) о них позаботился» (рукописи C, D, E, *s.a.* 1013). Как сообщают рукописи C, D и E, Эмма Нормандская, мать Альфреда и Эдуарда, бежала в Нормандию отдельно от сыновей.

Свейн умер в феврале 1014 г., и «все советники… решили послать за королем Этельредом» (рукописи C, E *s.a.* 1014), который возвратился в Англию с сыновьями Эдуардом и Альфредом (Keynes 1991. P. 173–205). Напротив, нормандские историки утверждают, что Этельред оставил этелингов в Нормандии: «Услышав тогда о смерти Свейна, Этельред все приготовил для отъезда в свое королевство вместе с женой, оставив своих сыновей Эдуарда и Альфреда с их дядей» (van Houts 1992. P. 20–21). Согласно Гильому Жюмьежскому, Эмма возвратилась в Англию со своим мужем.

После кончины Этельреда в апреле 1016 г. правителем северной части Англии был провозглашен Кнут Могучий, который «приказал доставить ему в качестве королевы вдову прежнего короля Этельреда, дочь Ричарда» (MS E, *s.a.* 1017). Благодаря этому межэтническому браку Кнут заключил союз и с нормандской, и с уэссекской династиями. Эмма, согласно «Панегирику королеве Эмме», созданному в аббатстве св. Бертина по ее заказу (Campbell 1998. P. ci–ciii), не соглашалась на брак с Кнутом, пока тот не принес клятвы, что не назначит своим преемником сына от другой жены. Очевидно, Эмма хотела воспрепятствовать тому, чтобы английский престол достался сыновьям Кнута от предшествующего брака. «Панегирик» сообщает, что после брака с Кнутом и рождения их общего сына Хардакнута «родители, которые были счастливы благодаря глубокой и необычайной любви к этому ребенку, отослали других законных

сыновей на воспитание в Нормандию» (Ibid. P. 34). Составитель «Панегирика» имеет в виду Альфреда и Эдуарда, но умалчивает о том, что их отцом был Этельред.

Отправив этелингов в Нормандию, Кнут постарался избавиться и от других потомков Этельреда, представлявших угрозу его сыновьям на пути к английскому престолу. О том, как Кнут расправился с отпрысками Этельреда, упоминает в «Драпе о Кнуте» скальд Сигват Тордарсон: «И скоро Кнут убил или выгнал вон всех и каждого из сынов Адальрада (Этельреда. – *И.М.*)». Сигват соотносит убийство и изгнание Кнутом сыновей Этельреда с убийством нортумбрийского правителя Эллы викингом Иваром Бескостным, который, согласно «Саге о Рагнаре и его сыновьях» (гл. 17), обещал, что его кости не позволят врагам проникнуть в Англию; Вильгельм Незаконнорожденный раскопал курган Ивара и сжег его кости, а потому смог завоевать страну.

Когда Кнут скончался в 1035 г., на английский престол оказалось несколько претендентов. Согласно «Панегирику» (Ibid. P. 6), Кнут считал, что и Англией, и Данией должен править Хардакнут. Противники Харальда Заячья Лапа выражали сомнение в его королевском происхождении и, следовательно, в его правах на королевский престол: «И Харальд сказал, что он был сыном Кнута и другой Эльфгифу из Нортамптона, хотя это и не было правдой» (MS C, D, *s.a.* 1035; Two of the Saxon Chronicles 1963. P. 164). Слухи о незаконном происхождении Харальда могли возникнуть благодаря единомышленникам Эммы Нормандской, которая видела соперницу в Эльфгифу и угрозу в ее сыновьях. Несмотря на противодействие Эммы и ее сторонников, в частности Годвине, Харальду всё же удалось захватить власть: рукопись E называет его «покровителем» (*heald*), а C – «королем» (*cing*).

Большинство англо-саксонской знати было настроено против сыновей Кнута и хотело возвращения на престол уэссекского наследника, поэтому возможно, что Эмма послала письмо своим старшим сыновьям от брака с Этельредом, находившимся в Нормандии, с просьбой приехать в Англию. Она могла обратиться к ним за помощью, т.к. Харальд начал притеснять ее, как только получил власть (C, D, *s.a.* 1035). В «Панегирике» утверждается, что Эмма не посылала приглашения и, следовательно,

не могла нести ответственности за трагическую судьбу, постигшую Альфреда, а письмо подделал Харальд с целью заманить сыновей Эммы и Этельреда в ловушку (Campbell 1998. P. 41–43).

Очевидно, возвращение в Англию представителя уэссекской династии было воспринято как вызов датскому правлению: в нормандских источниках идет речь о том, что целью Альфреда было «вступление во владение королевской вотчиной» (Barlow 1992. P. 32) и захват английского престола (Davis, Chibnall 1998. P. 6). Альфред был схвачен, отправлен в Или и ослеплен, после чего умер от ран или был убит. Ответственность за убийство «безвинного отрока» (*se unsceððiga æþeling*, рукопись C) неравно распределяется источниками. Составитель D (*s.a.* 1036), автор «Панегирика» (Campbell 1998. P. 41–47), создатель «Жития короля Эдуарда Исповедника» (Barlow 1992. P. 32–34) и Вильгельм из Пуатье (Davis, Chibnall 1998. P. 7–11) считают, что Годвине лишь действовал по приказу Харальда. Рукопись C (*s.a.* 1036), Иоанн Вустерский (McGurk, Darlington 1995. P. 523–525) и Гильом Жюмьежский (van Houts 1992. P. 130–131) обвиняют в злодеянии Годвине. На версии рукописи C основывались англо-нормандские хроники XII в. («Деяния английских королей» Вильгельма Мальмсберийского, «История англов» Генриха Хантингдонского, «История англов» Жеффрея Гаймара), изображающие Годвине главным злодеем. Стремление обелить Харальда и обвинить эрла Годвине доходит до того, что убийство Альфреда относится в них ко времени после смерти Харальда.

Гибель Альфреда повлекла унижение его матери, которая «была безо всякого милосердия (*butan ælcere mildheortnesse*) изгнана навстречу бушующей зиме» и отправилась во Фландрию, в Брюгге, где ее «хорошо принял и содержал ее там столько, сколько ей было нужно» (C, *s.a.* 1037), тамошний правитель герцог Балдуин, дочери которого Матильде было суждено стать женой Вильгельма Завоевателя.

Вильгельм из Пуатье утверждает, что Хардакнут «помог получить престол своему сводному брату Эдуарду, другому сыну Эммы» (Davis, Chibnall 1998. P. 6–7). Желание подчеркнуть нормандское влияние на английское престолонаследие побуждает Вильгельма из Пуатье заявить о том, что Эдуард стал королем благодаря поддержке нормандского герцога Вильгельма, который полу-

чил прозвище Завоевателя (Ibid. P. 18–21). Последнее утверждение Вильгельма из Пуатье вызывает сомнения, т.к. Вильгельму в 1041 г., когда Эдуард возвратился в Англию, не могло быть более 12–13 лет, и даже в Нормандии его возраст и статус незаконного сына были препятствиями к упрочению власти.

Первое королевское деяние Эдуарда, о котором упоминается в Англо-Саксонской хронике (C, D *s.a.* 1043), было связано с его матерью Эммой, у которой он отобрал все земли и всё, что у нее было в золоте и серебре, потому что она «слишком крепко» от него это удерживала. Действия Эдуарда могли объясняться влиянием Годвине, в интересах которого было посеять вражду между матерью и сыном, чтобы обезопасить себя на случай открытого проявления вражды Эммы, не простившей ему убийства своего сына Альфреда.

Вслед за Гильомом Жюмьежским историки XI–XII вв. Иоанн Вустерский, Вильгельм Мальмсберийский, Генрих Хантигдонский видели в событиях 1036 г. повод к Нормандскому завоеванию, считая Альфреда старшим из этелингов и, следовательно, наследником престола (Giles 1847. P. 336–339; McGurk, Darlington 1995. P. 522–524; Greenway 1996. P. 370–373). Вильгельм из Пуатье (Davis, Chibnall 1998. P. 20, 68, 114, 120) объяснил вторжение Вильгельма в Англию тем, что Эдуард и Альфред нашли приют в Нормандии, поддержка Вильгельма помогла Эдуарду занять престол, Эдуард сам назначил Вильгельма своим преемником, т.к. он был родственником Эдуарда по его матери Эмме Нормандской. Межэтнические браки Эммы Нормандской способствовали упрочению союза между Англией, Нормандией и Скандинавией, однако создали условия для династических кризисов 1035 и 1066 гг.: первый повлек гибель Альфреда, сына Эммы и Этельреда, второй был вызван кончиной второго сына Эммы и Этельреда, Эдуарда, и закончился Нормандским завоеванием.

Литература

Barlow F. The Life of King Edward who rests at Westminster attributed to a Monk of Saint-Bertin. Oxford, 1992.

Campbell A. Encomium Emmae Reginae. Cambridge, 1998.

The Chronicle of John of Worcester / P. McGurk, R.R. Darlington. Oxford, 1995. Vol. 2: The Annals from 450 to 1066.

Henry, Archdeacon of Huntingdon. Historia Anglorum. The History of the English People / D.E. Greenway. Oxford, 1996.
Keynes S. The Æthelings in Normandy // Anglo-Norman Studies. 1991. Vol. 13. P. 173–205.
Two of the Saxon Chronicles Parallel: A revised text / Ed., with intr., notes, appendices and glossary by Ch. Plummer; on the basis of an edition by J. Earle. Oxford, 1963. Vol. 1.
William of Jumièges. The Gesta Normannorum Ducum of William of Jumièges, Orderic Vitalis and Robert of Torigni / E.M.C. van Houts. 2 vol. Oxford, 1992. Vol. 1.
William of Malmesbury's Chronicle of the Kings of England. From the Earliest Period to the Reign of King Stephen / J.A. Giles. L., 1847.
William of Poitiers. Gesta Guillelmi of William of Poitiers / R.H.C. Davis, M. Chibnall. Oxford, 1998.

Д.Е. Мишин

«КУЛЬТУРНЫЙ ШОК» В ОТНОШЕНИЯХ АРАБОВ И ПЕРСОВ В ДОИСЛАМСКУЮ ЭПОХУ

Как в древности, так и ныне проявления культуры одних народов подчас вызывают недоумение или даже отторжение у представителей других; возникает то, что мы называем «культурным шоком». Прежде, когда народы и культуры были обособлены больше, чем ныне, это происходило чаще. Здесь мы попытаемся рассмотреть данное явление на примере восприятия в неарабской среде доисламской арабской поэзии.

В источниках сохранились два показательных рассказа, которые целесообразно привести целиком.

1. [Маймӯн] Подслеповатый ездил к царям Персии; поэтому в его стихах много персидских слов… Однажды Кисрā услышал, как он поет стихи, и сказал: «Кто это?» [Ему] сказали: «*Асрӯз гӯйаз тāзӣ*», то есть «[Это] – певец из арабов». А он (Маймӯн. – *Д.М.*) пропел: «Плохо спал я, то засыпая, то просыпаясь. Откуда бессонница, которая вызывает всё это? Ведь нет во мне ни болезни, ни страсти». Кисрā сказал: «Переведите нам, что он сказал». [Ему] сказали: «Он не мог заснуть, хотя не был болен, и не было в нем страсти». Тогда Кисрā сказал: «Если он не спал и не оттого, что был болен или испытывал страсть, значит, он – вор и разбойник» (аш-Ши'р 1982. С. 258).

2. Передатчики сообщений рассказали, что Ṭулайḥа ал-Асадӣ был знатен и ездил к Кисрā, а тот хорошо принимал его и сажал близко к себе.

Сказал Ṭулайḥа: «Однажды я прибыл к нему и попал на один из праздников персов. Я был у Кисрā, среди приближенных его. Когда мы поели, принесли напитки, и мы стали пить. Тогда певец пропел: “Не стоял он на одном месте ради того, что в котле, желая получить это”. Кисрā спросил переводчика: “Что он говорит?” Тот объяснил, и Кисрā сказал: “Это безобразно”. Затем певец пропел: “Пришли к тебе белые, с оттенком рыжего, верблюды, дышавшие в продетые в ноздри кольца”. Кисрā спросил переводчика: “Что он говорит?” Тот ответил: “Не знаю”. Тогда один из тех, кто обычно сидел вместе с Кисрā, сказал: “*Шāхāншāх уштур уф-уф*”, то есть “О царь царей! Это – верблюд, который дышит” – а *уштур* на их языке – верблюд, а *уф* означает дыхание».

Ṭулайḥа сказал: «Его перевод с арабского на персидский рассмешил меня».

Он (Ṭулайḥа. – *Д.М.*) сказал: «Затем певец пропел персидский стих, который я не понял. Кисрā же был растроган. Ему наполнили кубок, он встал, выпил стоя, и кубок пошел по рукам сидевших вместе с ним».

Ṭулайḥа сказал: «Переводчик был рядом со мной, и я сказал ему: “Что это за стих, который так растрогал царя?” Он сказал: “Однажды он (царь. – *Д.М.*) отправился на прогулку и увидел юношу с красивым лицом и розами в правой руке. Ему это понравилось, и он повелел, чтобы об этом сложили стих. Если певец поет его, на него (Кисрā. – *Д.М.*) находят чувства, и он делает то, что ты видел”. Тогда я сказал: “И что в этом такого трогательного?” А Кисрā спросил переводчика, о чем он разговаривал со мной. Тот сообщил ему, и он сказал: “Скажи ему: ‘Если это не трогательно, что тогда трогательно для тебя?’” Переводчик довел до меня его слова. Я сказал: “Слова [Маймӯна] Подслеповатого: ‘Что за плач старца среди холмов?’”. Переводчик перевел ему. Тогда Кисрā сказал: “И что это значит?” Я сказал: “Старец заехал к жилищу возлюбленной своей и увидел, что оно стало другим и опустело, следы его исчезли; тогда он заплакал”. Кисрā же засмеялся и сказал: “И что растрогало тебя в том, что какой-то старик стоит на остатках жилища и плачет? Разве то, что растрогало нас, не более трогательно?”».

Ṭулайḥа сказал: «После этого общество мое было неугодно ему» (Ḫизāнат 1996. Ч. 9. С. 514– 515).

Первый из этих рассказов приведен по наиболее подробному и раннему из дошедших до нас переложений, принадлежащему Ибн Ḳутайбе (828–889). ʻАбд ал-Ḳāдир ал-Баḡдāдӣ (1620/21–1682), приводя его со ссылкой на Ибн Ḳутайбу, добавляет к имени *Кисрā* эпитет *Анӯширвāн*, относя тем самым сюжет ко временам сасанидского царя Хосрова I Ануширвана (531–579) (Ḫизāнат 1996. Ч. 3. С. 253). Ибн Нубāта (1287–1366) дает аналогичный рассказ со слов более раннего автора ал-Аṣмаʻӣ (739/40–828/29); его текст в целом как у Ибн Ḳутайбы, но в конце прибавлено, что после слов Кисрā о «воре и разбойнике» Маймӯна выпроводили (Сарḫ 1963/64. С. 415). Видимо, данный рассказ получил распространение и был известен в нескольких версиях. Что касается второго рассказа, мне пока не удалось обнаружить его нигде, кроме книги ʻАбд ал-Ḳāдир ал-Баḡдāд, на которую выше сделана ссылка.

В части исторической достоверности данные рассказы вполне заслуживают критического отношения. Стих, который Маймӯн Подслеповатый декламирует в первом рассказе, – часть его поэмы, в которой он упоминает об уходе из жизни шаханшаха Кисрā, а далее – о смерти последнего правителя Хиры из арабской династии Лаḫмидов ан-Нуʻмāна III (579–601). К тому же в самом начале поэмы Маймӯн говорит о своих сединах и плохом зрении (Gedichte 1928. S. 144–147). Известно, что Маймӯн умер в конце 620-х годов. Итак, отождествление Кисрā рассказа с Хосровом I Ануширваном отпадает, и практически единственно возможной остается идентификация с Хосровом II Парвизом (591–628) (отметим, что *Кисрā* – арабская передача имени «Хосров»). Но тогда для Маймӯна было крайне рискованным, если не самоубийственным, напоминать Хосрову II о том, как тот предал смерти ан-Нуʻмāна III (а за этим последовало поражение сасанидских войск от соплеменников поэта, арабов банӯ Бакр, в сражении при зӯ Ḳāре), или о смерти деда царя – Хосрова I. Поэтому данный рассказ можно принимать так, как он передается в источниках, только если считать, что Маймӯн исполнял стих не для Хосрова II, а для кого-то еще, а царь услышал пение из-за стечения неизвестных нам обстоятельств.

Некоторые другие данные свидетельствуют в пользу достоверности рассказа. Сам Маймӯн в одном стихе говорит, что по-

бывал в земле персов (*арḍ ал-а‘джам*) (Gedichte 1928. S. 33). Известно, что он восхвалял некоторых арабских вождей, служивших Сасанидам; на каком-то этапе он мог решить и выступить с панегириком в адрес самого царя. Известен рассказ о том, как ан-Ну‘мāн III ездил к Хосрову II с лучшими мудрецами из арабов (Китāб 1956. Ч. 2. С. 4–19).

Герой второго рассказа – Ṭалḥа ибн Ḫувайлид, лжепророк (согласно арабским источникам; поэтому в тексте он фигурирует под уменьшительным «Ṭулайḥа»), который впоследствии стал мусульманином и погиб в битве при Нехавенде (642 г.). О его жизни в доисламское время известно мало, хотя авторы источников изображают его богатырем, поэтом, провидцем и знатоком родословных. Такой человек мог быть среди тех, кто отправлялся к сасанидскому царю. Немаловажно, что рассказ приведен от имени самого Ṭалḥи; при прочих равных (правильность передачи и т.п.) это говорит в пользу его достоверности.

Если принимать данный рассказ, то, с учетом времени, на которое пришлась жизнь Ṭалḥи, Кисрā следует отождествлять с Хосровом II Парвизом.

Впрочем, следует отметить, что для арабов царь был воплощением Сасанидской державы; поэтому в подобных повествованиях он мог занимать место любого сановника даже если участие в событиях принимал именно последний. Не исключено, что Маймӯн и Ṭалḥа на деле встречались с кем-нибудь из сановников или военачальников (например, с наместником, командиром приграничного гарнизона), но при передаче этих сообщений на его место встал лучше известный слушателям царь.

В любом случае, однако, реакция Кисрā на стихи – персидская, а не арабская. Фраза о плаче старца среди холмов – начало поэмы Маймӯна Подслеповатого, которая в его собрании стихов (*дīвāн*-е) помещена первой (Gedichte 1928. S. 3); вероятно, она была хорошо известна арабам и вопросов у них не вызвала бы. Фраза о бессоннице, фигурирующая в первом рассказе – начало другого стихотворения Маймӯна (Gedichte 1928. S. 3). Обе эти фразы – зачины, построенные в соответствии с обычаями их составления. Арабский поэт часто начинал большое стихотворение со слов о чём-то трагичном, приносившем тревогу, страдания, беспокойство (пример – начало *му‘аллаḳи* Имру-ул-ḳайса:

«Постойте! Поплачем, вспоминая о любимой и о жилище…»). Но содержание стихотворения было иным, включало в себя многие сюжеты, в том числе и отличавшиеся по тональности от зачина. В этом отношении следует отметить, что в обоих рассказах Кисрā не понимает, что сказанный ему стих – именно зачин, и судит его так, как если бы он передавал основную смысловую нагрузку всей поэмы. Выбор такого сюжета, как бессонница или ожидание пищи у котла был бы для зороастрийца весьма странным. В случае с плачем старца над остатками покинутого жилища дело усугублялось тем, что в глазах зороастрийца запустение было свидетельством того, что силы зла во главе с Ахриманом на время одержали верх. Этот мотив, разумеется, сильно уступал описанию прекрасного юноши с розами (при том, что персы придавали большое значение внешнему облику человека).

Итак, согласно источникам, столкновение с арабской поэзией вызвало у сасанидской элиты культурный шок. Но хотя бы однажды этот шок был преодолён политическим расчетом. Согласно одному рассказу, сасанидский царь «вознаградил [Маймӯна] и щедро одарил его, зная силу слова его среди арабов и поступив по отношению к нему как они, хотя стихи [Маймӯна], когда их перевели ему, не понравились ему, и он счёл их отвратительными и пустяшными; тем не менее он последовал примеру царей – царей арабов» (ал-‘Умда 1981. Ч. 1. С. 81).

Источники и литература

Китāб ал-‘иқд ал-фарӣд. Та’лӣф… бин ‘Абд Раббихи / Изд. А. Амӣн, А. аз-Зайн, И. ал-Абйāрӣ. Каир, 1956.

Сарḫ ал-‘уйӯн фӣ шарḫ рисāлат Ибн Зайдӯн. Та’лӣф… бин Нубāта. Каир, 1963/64.

ал-‘Умда фӣ маḫāсин аш-ши‘р ва адаби-хи ва наḳди-хи. Та’лӣф … бин Рашӣḳ / Изд. М.М. ‘Абд ал-Ḫамӣд. Бейрут, 1981.

Ḫизāнат ал-адаб ва лубб лубāб лисāн ал-‘араб. Та’лӣф ‘Абд ал-Ḳāдир… ал-Баґдāдӣ / Изд. ‘А.М. Хāрӯн. Каир, 1996.

аш-Ши‘р ва аш-шу‘арā’ ли Ибн Ḳутайба / Изд. А.М. Шāкир. Каир, 1982.

Gedichte von Abû Baṣîr Maimûn Ibn Qais al-’A‘šâ / Hrsg. R. Geyer. L., 1928.

Ю.М. Могаричев

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КРЫМСКОЙ АЛАНИИ

В современной историографии сформировалось устойчивое представление, что аланы входили в состав населения позднеантичного и средневекового Крыма (Айбабин 2018а; 2018б; Храпунов 2005. С. 160–164; Могаричев 2017; Герцен, Могаричев 2016. С. 105–148 и др.).

Впервые в эпиграфических источниках этот этнос в связи с Крымским полуостровом упоминается на фрагменте энкомия времени правления боспорского царя Савромата. Среди исследователей нет единой точки зрения относительно того, о каком Савромате идет речь – Первом, Втором или Третьем. Соответственно, и памятник датируется в пределах от конца I – начала II в. н.э. и до начала 30-х годов III в. н.э. При этом надпись не позволяет однозначно утверждать, упомянуты ли аланы как жители полуострова или как временные пришельцы (Храпунов 2016. С. 120–121). Среди памятников эпиграфики можно отметить также две надписи Геракла, сына Понтика, главного переводчика аланов. Одна была найдена в 2017 г. на некрополе Кыз-Аул и датируется 204 г. Вторая, датируемая 208 г., была выявлена еще в 1910 г. в Фанагории (Павличенко 2020).

Археологические материалы свидетельствуют, что в первой половине III в., а массово в IV в., в Крыму получили распространение склепы «особой конструкции, с короткими дромосами между входными ямами и погребальными камерами» (Храпунов 2016. С. 124). Появление таких сооружений аргументированно соотносится с миграцией сюда аланского населения с Северного Кавказа (Там же). Отметим, что существует и гипотеза о том, что на территории Боспорского царства аланские захоронения появляются еще во II в. н.э. (Айбабин 2018а. С. 152). Традиционно считается, что массовая миграция аланского населения в Крым произошла в результате готских походов в середине – второй половине III в. (Там же. С. 168, 173).

На рубеже IV–V вв. в результате гуннского вторжения значительная часть аланского населения переселилась в Горный Крым (Там же. С. 192–193).

По мнению большинства современных исследователей, основанному на изучении археологического материала, население Горного Крыма эпохи раннего Средневековья следует интерпретировать как гото-аланское (Колтухов, Юрочкин 2004. С. 100–202; Айбабин 2018в. С. 226).

Авторы XIII–XV вв. сообщают, что в Горном Крыму проживали по соседству два этноса – готы и аланы. Причем если готы или Готия фиксируются здесь письменными источниками с раннего Средневековья (начиная с известного сюжета Прокопия Кесарийского о стране Дори и населявших ее готах (трактат «О постройках») и вплоть до XVI в. (рассказ австрийского посла Бусбека о встреченных им в Константинополе в 1560 г. двух жителях Крыма, один из которых говорил на готском языке, – Байер 2001. С. 38–42, 244–267), то сведения об Алании и аланах появляются именно только в XIII в. Если, конечно, не считать туманного и, соответственно, проблемного в нашем случае сообщения анонимного автора «Перипла Понта Евксинского» (вероятно, вторая половина VI в.) о том, что город Феодосия «на аланском или таврском наречии называется Ардабда, т.е. Семибожий» (Скржинская 1980. С. 115–124). Скорее всего, в своей основе источник отражает сведения II в. с включением некоторых реалий VI в. (Там же).

По археологическим источникам отмеченное этническое разделение не фиксируется. Это может объясняться сформировавшейся под влиянием христианства, византийских культурных традиций, на фоне общности территории единой материальной культурой жителей Горного Крыма XIII–XV вв. Не случайно еще А.Л. Якобсон предполагал, что в VIII–IX вв. в Таврике начинает формироваться единая средневековая народность, «в которой растворялись различные этнические элементы, в той или иной степени грецизированные» (Якобсон 1973. С. 138). А по мнению А.И. Айбабина, к концу X в. на основе аланского, готского, греческого и других этносов, проживавших в Крыму, завершился процесс формирования горно-крымской народности (Айбабин 1990. С. 229). Нам

представляется, что такой вывод справедлив, если анализировать только памятники материальной культуры.

Напомним основные источники, упоминающие крымских алан. Первым в этом ряду является «Аланское послание» епископа Феодора, составленное ок. 1225 г. и повествующее о событиях 1223 г., в котором говорится: «Близ Херсона живут Аланы, столь же по своей воле, сколько и по желанию Херсонцев, словно некое ограждение и охрана [города]» (Кулаковский 2000. С. 201).

В 1253 г. Вильгельм де Рубрук встретил в крымских степях между Судаком и Перекопом неких алан, зовущихся *аас*, христиан греческого обряда (Путешествия 1993. С. 92).

В 1344 г. Марино Санудо сообщает: «Существуют в Галгарии (Хазарии. – *Ю.М.*) и в других местах, покоренных татарам севера, некие народы, то есть готы, некие аланы и некие другие прочие нации, которые следуют по стопам греков» (Байер 2001. С. 176).

Иоганн Шильтбергер (1394–1427) перечисляет языки православных народов: греческий, русский, болгарский, виндский, валахский, ясский (язык *аас*), язык Готии, черкесский. По справедливому замечанию Х.-Ф. Байера, если следовать географической последовательности перечисления народов, то «язык аас» – это язык крымских алан (Там же. С. 232–234).

Еще более конкретные сведения в 1436–1437 гг. оставил венецианский купец и дипломат Иосафат Барбаро:

> Вокруг, за островом Кафы, которая расположена на большем море, находится Готия, а затем Алания, которая простирается через остров в направлении Монкастро… Готы говорят на немецком языке... Из-за этого соседства готов и алан, я считаю, должно происходить имя готаланы; ибо аланы были первыми на этом месте; однако затем пришли готы и завоевали эти страны, смешивая свое имя с аланами (Там же. С. 237).

Согласно энциклопедии ал-Калкашанди, на полуострове после его завоевания монголо-татарами было образовано три тюмена – Крым (юго-восток и степная часть), страна Ас (юго-западная горная часть), Азовский тюмен (Керчь и округа) (Крамаровский 2003. С. 507).

Центр Готии традиционно связывается с Доросом (Мангупом). Центр Алании – с Кырк-Ером (Чуфут-Кале). По Абу-л-Фиде, жи-

тели Кырк-Ера (Киркри) принадлежат к асам. Ранее упомянутый ал-Калкашанди пишет, что центр зависимой от Золотой Орды страны асов есть крепость Киркир. Это же утверждает и турецкий историк XVIII в. Аали-Эфенди (обзор источников см.: Герцен, Могаричев 2016. С. 105–148; Могаричев 2017).

Таким образом, факт проживания алан в Крыму и, вероятно, существование некой Крымской Алании подтверждается несколькими независимыми источниками и вряд ли может оспариваться.

Почему же источники VI–XII вв. молчат о крымских аланах? Укажем на два момента. Первый – время и характер упомянутых источников. Второй – понимание их авторами политической принадлежности Юго-Западного Крыма. Сообщения о крымских аланах, как правило, имеются в произведениях иностранных путешественников XIII–XV вв., лично посетивших Крым и общавшихся с местным населением. Имеются в виду представители тех стран, которые не воспринимали Таврику как свою территорию. Для более раннего времени таких источников просто нет. В дошедших же до нас сочинениях византийских авторов Юго-Западная Таврика воспринималась как территория, в той или иной степени принадлежавшая Византийской империи. Как правило, это или официальные византийские хроники, или церковные сочинения, составленные людьми, не бывавшими в Крыму или не ставившими своей задачей подробное изучение местных народов. Поэтому в этих трудах название данной местности и ее жителей воспроизводится в трех вариантах:

1. Следуя официальной административной терминологии – архонства или Климаты (тем самым подчеркивается вхождение территории в границы империи);

2. Следуя церковной терминологии – Готия, от одноименной епархии, названной так, очевидно, по имени самого многочисленного местного народа;

3. Наконец, местность, прилегающую к Херсону, называют «крепости соседних племен».

С XIII в., когда Юго-Западный Крым окончательно вышел из юрисдикции Византии и уже не представлялся единым имперским массивом, на фоне образования сначала самостоятельных, а затем вассальных по отношению к Золотой Орде территорий, авторы начинают разграничивать живущие здесь народы.

В связи с вышеизложенным, вряд ли выдерживает критику версия о том, что, коль скоро в источниках Кырк-Ер упоминается как находящийся в стране ассов, а не алан, его жители – это не местные аланы, а потомки асов, пришедших в Крым вместе с татаро-монголами (см., например: Айбабин 1999. С. 124). Подчеркнем, Рубрук прямо указывает, что аланы именуются в Крыму *аас*, и при этом они, согласно епископу Феодору, проживали в округе Херсона до появления татар.

Источники и литература

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Айбабин А.И. Крым в период германских и аланских миграций. Середина III–IV в. // История Крыма. М., 2018. Т. 1. С. 151–182. (а)

Айбабин А.И. Крым в эпоху Великого переселения народов // Там же. С. 183–200. (б)

Айбабин А.И. Крым в VI–VII вв. // Там же. С. 201–235. (в)

Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Кырк-Ер – Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата. Симферополь, 2016.

Крамаровский М.Г. Джучиды и Крым: XIII–XV вв. // МАИЭТ. 2003. Вып. 10. С. 506–532.

Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю. От Скифии к Готии. Симферополь, 2004.

Кулаковский Ю.А. Епископа Феодора «Аланское послание» // *Кулаковский Ю.А.* Избр. тр. по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000.

Могаричев Ю.М. К проблеме Крымской Алании // Аланское православие: история и культура. Мат-лы VI Свято-Георгиевских чтений «Православие, этнос, культура». Владикавказ, 2017. С. 64–77.

Павличенко Н.А. Вторая надпись Геракла, сына Понтика, главного переводчика аланов // Таврические студии. Симферополь, 2020. № 22. С. 110–127.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993.

Скржинская М.В. Перипл Понта Евксинского анонимного автора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 115–124.

Храпунов И.Н. Древняя история Крыма. Симферополь, 2005.

Храпунов И.Н. Население Горного Крыма в позднеримское время // ВДИ. 2016. № 1. С. 118–134.

Якобсон А.Л. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 132–139.

И.М. Никольский

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ЭПИТАЛАМИЕВ ДРАКОНЦИЯ

Среди текстов нехристианской тематики под авторством позднеантичного поэта Драконция (конец V в., северная Африка), известных как *carmina profana*, или *Romulea*, особое место принадлежит двум эпиталамиям – поздравительным свадебным песням (Romulea 6; 7). При том, что автор придерживается канонов жанра, используя в качестве модели творчество Стация, его стихотворения отличаются оригинальностью и не лишены политического подтекста. На это неоднократно обращали внимание исследователи (Stoehr-Monjou 2015; Cichoń 2015; Fielding 2017), находя, среди прочего, основания изучать по ним отношения между римской и вандальской знатью в северной Африке (George 2004; Conant 2012).

В располагаемом вторым по счету эпиталамии Иоанну и Витуле (Romulea 7) и хронологически, очевидно, первом, поэт помимо поздравлений сетует на свою тяжелую участь узника, оказавшегося в темнице после ссоры с вандальским королем. В этом смысле текст продолжает риторику также написанных в тюрьме «Искупления» (*Satisfactio*) и «Хвалы Господу» (*De Laudibus Dei*). Кроме того, он же оказывается инвективой против родителей молодоженов, Оптатиана и Статуления, не вступившихся за поэта, несмотря на свое высокое положение. В научных работах этот выпад Драконция обычно используется как иллюстрация тезиса о том, что римская знать занимала в вандальском королевстве отнюдь не маргинальное положение и имела рычаги влияния на германских завоевателей Африки. В таком же ключе интерпретируется и второй эпиталамий, приуроченный к одновременной женитьбе двух братьев, Руфиниана и Викториана (Romulea 6), и написанный уже после освобождения в благодарность семейству, нашедшему возможность поддержать опального поэта (Conant 2012. P. 143; Fielding 2017. P. 122).

Анализировавшая этот, уже наоборот панегирический, текст А. Стоер-Монжу заметила, что, описывая свои прошлые несчастья, Драконций практически дословно повторяет вергилиевский монолог Энея после пережитого шторма: «post varios casus, per tot

discrimina rerum» у Вергилия (Verg. Aen. 1.204) и «post varios casus, per tot discrimina rerum» у Драконция (Romulea 6.37 – Stoehr-Monjou 2015. P. 271). На мой взгляд, это интересное наблюдение нуждается в развитии. Обнаруженная параллель подразумевает не просто сравнение поэта с троянским героем, а набор значительно более широких аналогий, касающихся представлений автора эпиталамиев о взаимоотношениях римлян и вандалов в Африке.

Во-первых, обращает на себя внимание контекст того отрывка из первой книги «Энеиды», который Драконций практически прямо цитирует. Ее главный герой здесь не просто испытывает «превратности» и «испытания» (те самые *casus* и *discrimina rerum*), но, обращаясь к товарищам, воодушевляет их продолжать поход в Лаций, где «предначертано вновь воскреснуть Троянскому царству» (Verg. Aen. 1.205–206; перевод здесь и далее С.А. Ошерова). Затем уже Венера, покровительствующая троянцам, возмущается тем, что для троянцев стал «недоступен весь мир, кроме стран Италийских», хотя Юпитер обещал, что «в Италии род победителей-римлян восстанет, будут править они полновластно морем и сушей» (Verg. Aen. 1.235–236). Тот же вынужден оправдываться, что не менял своего решения, и после всех невзгод римляне получат *imperium sine fine*, «вечную (букв. безграничную) власть» (Verg. Aen. 1.279). Прочие детали позволяют рассматривать эту отсылку не просто как абстрактную декларацию могущества римлян, но в связи с актуальными для его времени политическими реалиями. Местом, где Эней произносит свою речь, оказывается именно Северная Африка, а шторм, воплотивший те самые *casus* и *discrimina* героя Вергилия, является очень прозрачной аллегорией гражданской войны (Ginsberg 2017. P. 121–129).

Discrimina и *casus*, о которых говорит уже Драконций, в свою очередь, необязательно обозначают только его собственные злоключения и личный конфликт с вандальским королем, приведший поэта в тюрьму. В его творчестве присутствуют яркие примеры противопоставления римлян и вандалов как самым прямым образом, так и при помощи деклараций на манер религиозной проповеди. В самом раннем сочинении, написанном еще до тюрьмы посвящении Фелициану Грамматику (Romulea 1), «варвары» сравниваются с дикими хищными зверями, а «потомки Ромула» – с их травоядными жертвами (подр. см.: Никольский

2018). С другой стороны, в более поздней «Хвале Господу» Драконций подчеркивает троичность божественной природы (LD 1.562–563: «Solus in aeternum Deus est regnator et auctor / virtus trina Deus, triplex Deus omnis et unus, / de quo speratum»), что вряд ли может быть прочитано вне контекста конфессиональных противоречий между кафоликами-римлянами и антитринитарианами арианами-вандалами.

Столь прямая проримская и антивандальская риторика заставляет под соответствующим углом рассматривать и прочее творчество Драконция – в частности, обнаружить подобные нотки во вроде бы политически нейтральном «Похищении Елены» (*De Raptu Helenae*/Romulea 8; см. подр.: Никольский 2019) и даже в извинительном по тону «Искуплении» (*Satisfactio*; см. подр.: Никольский 2018). С учетом такой предыстории по-новому могут быть интерпретированы и эпиталамии, в которых даже воззвания к Венере, кажущиеся на первый взгляд обычным жанровым атрибутом, обретают дополнительный смысл. Ведь получается, что Венера должна сопутствовать новобрачным не только как богиня любви, но и как защитница троянцев; не только потому, что они молодожены, но и потому, что римляне.

В любом случае, возникающая в Romulea 6 отсылка к карфагенской катастрофе флота Энея позволяет сказать о политическом подтексте эпиталамиев намного больше, нежели просто констатировать, что римляне могли ходатайствовать перед вандалами за других римлян или что внутри римской среды были возможны конфликты. Эта отсылка дает основания искать параллели с тем, что может рассматриваться как карфагенская катастрофа, современная уже самому Драконцию. Здесь, помимо личной трагедии поэта, его тюремного заключения, можно вспомнить как вандальское завоевание Африки, так и существовавший в ней конфликт элит, представленных противоборствующими религиозными и этническими группами. Подобно Вергилиеву Энею, после преодоления своих *casus* и *discrimina rerum* надеявшемуся на успешный приход в Лаций и утверждение власти потомков, Драконций мог лелеять мысль о реванше – не только личном, но и римском. Причем не только в пределах вандальской Африки, но во всех областях, где «облаченное тогою племя» уступило власть варварским элитам к концу V в.

Литература

Никольский И.М. Панегирик или тонкая издевка? Как образы животных могли поменять смысл «Искупления» Блоссия Эмилия Драконция // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2018. Т. 22. Ч. 2. С. 967–974.

Никольский И.М. Политический дискурс в «Похищении Елены» Драконция // Диалог со временем. 2019. № 67. С. 273–286.

Cichoń N. Obraz niedoli w pieśni weselnej, czyli epitalamia Drakoncjusza jako przykład jego nowatorstwa // Collectanea Philologica. 2015. T. 18. S. 79–89.

Conant J. Staying Roman. Conquest and Identity in Africa and the Mediterranean, 439–700. Cambridge; N.Y., 2012.

Fielding I. Transformations of Ovid in Late Antiquity. Cambridge, 2017.

George J.W. Vandal Poets in Their Context // Vandals, Romans and Berbers: New Perspectives on Late Antique North Africa / Ed. A. Merrills. Burlington, 2004. P. 133–143.

Ginsberg L.D. Staging Memory, Staging Strife: Empire and Civil War in the Octavia. N.Y., 2017.

Stoehr-Monjou A. Le rôle du poète dans la Carthage vandale d'après les épithalames de Dracontius (Romulea 7–6) // Littérature, politique et religion en Afrique vandale / Ed. É. Wolff. P., 2015.

С.М. Перевалов

ГРЕКО-ВАРВАРСКИЕ ДИАЛОГИ В ЭПИЛОГЕ «ТЕОГОНИИ» ИОАННА ЦЕЦА

Эпилог к небольшой поэме в 855 «политических стихов» Иоанна Цеца «Теогония» (1140-е годы) издавался частями, начиная с издания И. Беккера (1842). Целиком эпилог в 137 поэтических строк (ст. 719–855) с переводом на английский язык недавно опубликовал П. Агапитос (Agapitos 2017. P. 39–47). Эта часть «Теогонии» Цеца изучена сравнительно слабо за исключением раздела (смыслового), озаглавленного Д. Моравчиком как «варварские фразы». Раздел содержит короткие разговоры с представителями разных народов, где Цец демонстрирует свое знание чужих языков: скифского (на деле куманского), персидского (турок-сельджуков), латинского, арабского, аланского, русского и еврейского. Первые 12 строк с тремя языками – «скифским», «персидским» и латинским – опубликовал И. Беккер (1842) по венской рукописи cod. Vindobonensis phil. gr. 321, еще 23, а всего

35 строк со всеми семью языками – Д. Моравчик (Moravcsik 1930) по ватиканской рукописи Barberinus gr. 30 (B), те же 35 строк с двумя интерлинеарными глоссами и одной дополнительной строкой (785a) – Г. Хунгер по Vindob. phil. gr. 118 (V) (Hunger 1953).

Более двадцати лет назад я опубликовал текст варварских фраз на семи языках с переводом и комментариями (Перевалов 1998), нынешнее возвращение к теме связано с появлением новых идей в исследованиях последнего времени, о чем ниже. Републикую с небольшими изменениями свой перевод варварских фраз эпилога «Теогонии» Цеца по нумерации Г. Хунгера–П. Агапитоса (ст. 766–800). Оригинал (Hunger 1953 = Перевалов 1998) здесь опущен, греческий текст переведен на русский, переводы с чужих языков на греческий выделены курсивом, сами «варварские» фразы транслитерированы латиницей.

766 Ты найдешь меня скифом среди скифов, латинянином среди латинян
И среди любого племени, как [человека] одного рода с ним.
767a (*команское*)
Когда я приветствую скифа, я обращаюсь к нему так:
«*Добрый день, госпожа моя, добрый день, господин мой*.
770 Salamalek alti – salamalek altugep».
770a (*туркам*)
К персам, в свою очередь, обращаюсь по-персидски так:
«*Добрый день, брат, как поживаешь, откуда ты, друг*?
Asan khais kuruparza khandazar kharandasi».
Латинянину говорю на латинском языке:
775 «*Добро пожаловать, господин мой, добро пожаловать, брат*.
Bene venesti, domine, bene venesti, frater».
«*Откуда ты и из какой области прибыл*?
Unde es et de quale provincia venesti?»
«*Как, брат, ты прибыл в этот город*?
780 Q[u]omodo, frater, venesti in istan civitatem?»
«*Пеший, верхом, морем, хочешь* [*ли*] *остановиться*?
Pedone, caballarius, per mare, vis morare?»
К аланам обращаюсь на их языке:
«*Добрый день, господин мой, архонтисса, откуда ты*?
785 Tapankhas mesfili khsina korthi kanta (kortikan ta?)» и так далее.
785a Если же аланка имеет любовником [святого] отца, услышишь такое:
«*Не стыдно тебе, госпожа моя? Ведь с тобой имеет связь твой отец*?»
То есть: «farnetz kintzi mesfili kaitz fua saunge».

К арабам, поскольку [они] арабы, обращаюсь по-арабски:
«*Как поживаешь, откуда ты, госпожа моя? Господин мой, добрый день*.
Alentamor menende siti mule sepakha».
В свою очередь, к росам я обращаюсь по их обычаю:
«*Будь здоров, брат, сестрица, добрый день*».
То есть, «sdra<ste>, brate, sestritza», и «dobra deni» говоря.
Евреям же, как полагается, говорю по-еврейски:
«*Колдовской дом, пасть и глотка, поглощающие мух, слепец*.
Memakomene beth fagi beelzebul timaie».
«*Еврейский камень, Господь сошел, молния на твою голову*.
Eber ergam, maran atha, bezek» на твой «khothar».
Так со всеми я разговариваю подходящим и подобающим способом,
Зная искусство наилучшего обхождения.

«Скифский» (куманский, согласно межстрочной приписке, т.е. половецкий) и «персидский» (тюркский) – языки племен тюркского круга, на которых византийцы перенесли, в соответствии со своей практикой, названия древних насельников Северного Причерноморья и Анатолии. Приблизительная реконструкция «азиатских» (по византийской классификации) фраз такова (Шукуров 2017. С. 97–98). «Скифская»: Salam-alek alt ı, salam-alek alt ı-ağa-bek (‘Здравствуй, невольница! Здравствуй, господин’). «Персидская» (возможно, соответствующая «анатолийскому огузскому диалекту»): Ḥasan qays(sın), qaru barsa, qanta(n) ä(r)sär, qarındaş? (‘Хорошо, замечательно! Куда ты идешь, откуда ты, брат?’). Арабская: ʿAlā ayn tamurr min ayn anti sittī mawlāyī ṣabāḥ (‘Куда идешь, откуда ты, госпожа? Господин мой, доброе утро!’).

Фразы на латинском вполне прозрачны. В коротких русских фразах встречаются малозначительные ошибки.

В еврейских фразах на собеседника обрушивается вал негативных коннотаций. Цец использует иврит и ссылки на Библию. Еврей – филистимлянский бог Вельзевул (βεελζεβοὺλ), чье имя (ивр. *ва'a1-z^{e}bûb*, Баал-Зебуб), обозначающее «повелитель мух» (4 Цар 1:2, 3, 6, 16), переведено как их «поглотитель»; этот же персонаж представлен «князем бесов» в Новом Завете (Мф. 12: 24; Мк. 3: 22; Лк 11: 15). В стк. 798 μαρὰν ἀθα соответствует известному из посланий ап. Павла (1 Кор 16:22) арамейскому выражению «Маран-афа» («Господь грядет» – Munkácsi 1937. S. 280–281; Hunger 1937. S. 307).

Две аланские фразы изучены достаточно подробно, историографию см. у Т. Камболова (2006. С. 179–202). Последнее важное исследование проведено А. Лубоцким (2016. С. 141–160). В отношении первой фразы он признает точность греческого перевода, тогда как вторая создает большие методологические проблемы. Аланский текст и греческий перевод не соответствуют друг другу, а потому «для выяснения значения аланской фразы не остается иного пути, как прибегнуть к разбору текста самого по себе» (Лубоцкий 2015. С. 148). Весь сюжет об аланке и святом отце Лубоцкий считает поздней интерполяцией (XIV в.), своеобразной шуткой переписчика, плохо разбирающегося в аланском языке. Аланскую фразу в стк. 787 Лубоцкий трактует как свадебное пожелание или поздравление тестю (или тестю и жениху) примерно такого рода: «да будет (ваш) фарн долгим, длящимся вечно!» Никакой непристойности, присутствующей в греческом переводе, аланская фраза не содержит.

Вопрос о датировке и авторстве межстрочных записей, передающих вульгарную народную речь, отличную от культурного языка аттициста Цеца, привлек внимание специалистов по средневековой обсценной лексике. Перевод стк. 786 мной, конечно, смягчен, выражение «с тобой имеет связь твой отец» имеет более откровенную форму: «твой отец трахает твою манду», у А.Ю. Виноградова: «поп долбит твою мохнатку» (Византийская кунсткамера), англ. «a priest fucks your cunt» (Agapitos 2017. P. 45). Австралийский эллинист Ник Николас относит появление в греческом мире скандального слова μουνί (манда, *cunt*) ко времени более позднему, чем творчество Цеца, и приписывает его писцу XIV в., работавшему над рукописью V. Тасос Капланис (*Tasos Kaplanis*), занимающийся поисками следов новогреческого в византийский период, разобрал ряд языковых артефактов у Цеца, предположительно позднего происхождения, и в итоге сделал заключение: «с лингвистической точки зрения в эпилоге Цеца нет ничего неправдоподобного (*nothing in Tzetzes' epilogue is implausible linguistically*)… Есть некоторый дискомфорт в принятии того, что Цец действительно написал стих с μουνίν в том виде, в котором он записан. Но этого недостаточно, чтобы сделать вывод, что он этого не делал» (Nicholas 2017). Вопрос о датировке и авторстве вульгарных межстрочных заметок для

всех семи языков остается открытым и требует дополнительных сравнительных исследований в области текстологии, кодикологии, лингвистики, литературоведения и исторических реалий XII и XIV вв. византийского и околовизантийского мира.

Литература

Византийская кунсткамера. Неортодоксальные факты из жизни самой православной империи. Гл. XV. Иностранцы и стереотипы (641–1453) // http://voxmediiaevi.com/bibliotheca/byzantine_curiosities/

Камболов Т.Т. Очерк истории осетинского языка: Учебное пособие для вузов. Владикавказ, 2006.

Лубоцкий А.М. I. Аланские маргинальные заметки в греческом литургическом манускрипте. II. Аланский текст в «Теогонии» Иоанна Цеца // Памятники аланского языка и письма / Сост. и отв. ред. Ю.А. Дзиццойты. М., 2016. С. 89–160.

Перевалов С.М. Еще раз о варварских фразах в «Теогонии» Иоанна Цеца // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 1998. Вып. 5. С. 116–122.

Шукуров Р.М. Тюрки в византийском мире (1204–1461). М., 2017.

Agapitos P.A. John Tzetzes and the Blemish Examiners: a Byzantine Teacher on Schedography, Everyday Language and Writerly Disposition // Medioevo Greco. 2017. T. 17. P. 1–57.

Agapitos P.A. Vom Aktualisierungsversuch zum kommunikativen Code: Johannes Tzetzes und der Epilog seiner Theogonie für die sebastokratorissa Eirene // Herbert Hunger und die Wiener Schule der Byzantinistik: Rückblick und Ausblick / Hrsg. von A. Külzer. Vienna; Novisad, 2019. S. 271–290.

Hunger H. Zum Epilog der Theogonie des Johannes Tzetzes. Neue Lesungen und Ergänzungen, besonders zu den alt-ossetinischen Sprachresten, aus einer bisher unbekannten Handschrift der Österreichischen Nationalbibliothek (Phil. gr. 118) // Byzantinische Zeitschrift. 1953. Bd. 46. S. 302–307.

Kaldellis A. Ethnography after Antiquity. Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature. Philadelphia, 2013.

Moravcsik G. Barbarische Sprachreste in der Theogonie des Johannes Tzetzes [1930] // *Moravcsik G.* Studia Byzantina. Budapest, 1967. S. 283–292.

Munkácsi B. Beiträge zur Erklärung der „barbarischen“ Sprachreste in der Theogonie des J. Tzetzes // Körösi Csoma-Archivum. 1. Kiegészitó kötet. 3. Füzet. 1937. S. 266–281.

Nicholas N. Did Tzetzes write the first attested instance of μουνί? // Ἑλληνιστεύκοντος. Set Union of Greek and Linguistics (http://hellenisteukontos.opoudjis.net/did-tzetzes-write-the-first-attested-instance-of-%CE%BC%CE%BF%CF%85%CE%BD%CE%AF/).

В.Я. Петрухин

ИМЯ *РУСЬ*: ПРИМОРДИАЛИЗМ И ЭТНИЧЕСКИЕ ГЕНЕАЛОГИИ

В продолжающейся дискуссии об исходном значении имени *русь* инициаторам этого продолжения очевидной представляется несостоятельность давно принятой филологами этимологии этого имени, которое возводится к обозначению дружины – гребцов, идущих в поход на гребных судах (см.: О происхождении этнонима русь). Для скандинавистов (А. Куник, В. Томсен и др.; ср.: Стендер-Петерсен 2021. С. 197–198) после анализа источников, предпринятого еще Августом-Людвигом Шлёцером (1809. С. 317–330) с учетом прибалтийско-финских обозначений Швеции (*Ruotsi* и т.п.), стали ясны исторические основы возведения имени *русь* к варягам (при посредстве прибалтийской чуди) в начальном летописании.

С точки зрения скептиков, это «профессиональное» обозначение не подходит для этнонима, куда надежней, по их мнению, возводить этноним к обозначению кровного родства. Близкий подход сформулировал в середине XX в. Б.А. Рыбаков, неверно понявший текст Никоновской летописи: «Роди же нарицаеміи Руси». Продолжение летописной фразы – «иже и Кумани, живяху въ Ексинопонтѣ» (ПСРЛ. Т. 9. С. 13) исследователь проигнорировал. Речь в летописи идет о «родах» – народах, угрожающих Восточной Римской империи, руси и половцах: правда, вырвав из летописного контекста упоминание руси, исследователь принял слово «роди» за раннее наименование «русов» (Рыбаков 1953. С. 100).

Схожим образом, игнорируя контекст источников, возводят имя *русь* к нескандинавским лексическим основам – «родичи», праслав. **roud-sь* ‘сообщество людей с русыми/рыжими волосами’ (Максимович 2021; этимология, распространенная со времен того же Шлёцера: Шлёцер 1809. С. 61) и т.п. Эта игра с лексическими формами, основанная на убеждении, что этнонимия развивается в пределах «родного» языка и не терпит иноязычных заимствований, лишается смысла при обращении к историческому контексту. Уже первое упоминание «народа Рос (*Rhos*)»

Бертинскими анналами (839 г.) демонстрирует *не* прямолинейность (примордиализм) этнических связей: люди Рос признаются в Ингельхайме, что они «от рода свеонов» (да еще подвластны правителю, носившему тюркский титул *хакан*). Давно было ясно, что с точки зрения «чисто» этнической ономастики это заявление выглядит как дезинформация, ибо среди свеонов/свеев не существовало этнического объединения, именовавшего себя «Рос». Как дезинформацию воспринял это заявление и император Людовик Благочестивый, задержавший людей Рос по подозрению в шпионаже. Непонятной, с точки зрения этнического примордиализма, остается эта ситуация и для современных исследователей, в том числе для А.П. Толочко, хотя он и следует представлению А.А. Шахматова о начальной руси как о торговой корпорации: «мы никогда не узнаем, что за *народ Рос* представляли свеоны» (Толочко 2015. С. 113).

Ситуацию проясняет начальное летописание: и дело не в том, что «Повесть временных лет» (ПВЛ) «примордиально» помещает народ русь среди варяжских «языков»: такова была обязанность монаха-летописца, знавшего, что русь была призвана с варяжскими князьями из-за моря. Примордиальный взгляд на этнические генеалогии присущ был библейской картине мира, и составитель ПВЛ должен был определить место крещеного народа русь в этой картине, среди потомков Иафета. Проясняет ситуацию первая – новгородская – редакция этой летописной конструкции. Со времен А.И. Соболевского было ясно, что начальная история руси была сокращена составителем Новгородской I летописи младшего извода, стремившимся продемонстрировать первенство Новгорода перед Киевом и Русской землей в узком смысле (в Среднем Поднепровье; ср.: Соболевский 1905; Петрухин 2017. С. 58–70).

Кажущуюся несообразность варяжской легенды ПВЛ А.А. Шахматов стремился объяснить позитивистски: летописец откуда-то знал, что в Скандинавии нет народа русь, поэтому в варяжской легенде утверждалось, что призванные князья «пояша по собѣ всю русь» (ПВЛ. С. 13; Шахматов 2002. С. 234). «Вся русь», однако, не конструкция летописца, а характерное для начального летописания (и договоров с греками) обозначение *дружины*: составитель Н1мл. заменяет непонятное для нов-

городцев XIII в. словосочетание «вся русь» на слова «пояша со собою дружину многу [и предивну]» (ПСРЛ. Т. 3. С. 106; Шахматов приписывал эту конструкцию гипотетическому Начальному своду). Дружинное имя актуализировалось именно тогда, когда участники похода должны были использовать гребные суда, пересаживаясь на них в Ладоге (первая «столица» призванного Рюрика) и надеясь использовать на Рейне (в Ингельхайме). Впрочем, и в морском походе (на пути из варяг в греки) именно *гребцы* составляют организующую часть войска: недаром Олег в той части договора с греками, которая была заключена под стенами Царьграда в 907 г., потребовал дани «на ключь» (ПВЛ. С. 17) – уключину.

Имя *русь* действительно имеет славяно-русское происхождение, ибо отражает в славянском прибалтийско-финское наименование скандинавских выходцев из-за моря (Швеции) – *Ruotsi*/*Rootsi*. И хотя это наименование в современных финском и эстонском языках означает Швецию, согласно давней общепринятой, неоднократно ошельмованной, но никем не опровергнутой этимологии, оно отражает не этнос, а *занятие* людей, направляющихся в Восточную Европу – «гребцы, участники похода на гребных судах» (<*rōþeʀ*) (см.: Мельникова, Петрухин 1989). Начальную летопись не интересовала эта историческая специфика, ее задача была «примордиальной» – найти место руси как «нового народа» в библейской традиции.

Эта задача, заявленная в самом начале летописи («откуду есть пошла Русская земля»), игнорируется в историографических конструкциях, направленных на разоблачение «примордиализма» и настаивающих, что «вероисповедный принцип был главным в средневековье» (ср.: Дмитриев 2021. С. 270 и сл. – вслед за формулировкой М.М. Крома). Библейская традиция, авторитет которой признавался всеми последователями «авраамических» религий, была не «вероисподведной», а конфессионально нейтральной и позволяла определить место новых народов (в том числе «языческих») в библейской картине мира. Поэтому иудейские («Иосиппон») и мусульманские авторы размещают русь, славян и прочих среди потомков Иафета (Петрухин 2017. С. 85–90; Калинина 2021. С. 218–235).

Конфессионально нейтральными оставались и этнические генеалогии: Иван Грозный в послании Юхану III (1573 г.) отождествляет варягов, служивших русским князьям, с немцами (БЛДР. Т. 11. С. 130), осовременивая этническую генеалогию Начальной летописи – там этникон *варяги*, а не *немцы*, использовался как термин, объединяющий народы («языки») северогерманского мира («Афетово бо и то колѣно: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне» – ПВЛ. С. 8; ср. уже у Шлёцера: 1809. С. 100, 330). В соответствии с легендой о призвании варягов свой царский род Грозный выводил «от нѣмец», что не противоречило принятой в этом «роде» официозной генеалогии: царевич Иван Иванович характеризовал себя как «многогрешного Ивана колѣна Августова отъ племени Варяжска, родомъ Русина»; он создавал список жития северорусского святого Антония Сийского «близь восточныя страны, межь прѣделъ Словеньскихъ и Варяжскихъ и Агаряньскихъ, иже нарицается Русь по рѣкѣ Русѣ» (Карамзин 1989. Т. 9. С. 138, примеч. 612). Конфессиональный смысл не отменял и не подменял исторического – этнического даже в риторических конструкциях, связанных с антилатинской полемикой: ученый грек XII в. митрополит Никифор возводил раскол между «ветхим» Римом и Константинополем ко времени вандальского завоевания, когда поменялся этнос господ Рима, когда «покорени быша римлянѣ, иже латина наричеться, от уандилъ, иже нарицаются нѣмцы, и утрѣмишася на ины обычаи паче церковных» (Понырко 1992. С. 74).

Литература

Дмитриев М.В. «Русский народ» или «люди Божии»? // POLYSTORIA: Бог, Рим, народ в средневековой Европе / Сост. М.А. Бойцов, О.С. Воскобойников. М., 2021. С. 256–305.

Калинина Т.М. Этиологическая и этимологическая легенды персидского писателя XI в. Гардизи о славянах // ДГ, 2021 год: Восточная Европа и мир ислама. М., 2021. С. 218–235.

Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 9.

Максимович К.А. *Rodici – ruotsi – русь: критические заметки к новой этимологии старого этнонима // Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 99–105.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24–38.

О происхождении этнонима русь // Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 79–137.
Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М.; Смоленск, 1995.
Петрухин В.Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2017.
Понырко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси. СПб., 1992.
Рыбаков Б.А. Древние русы // СА. 1953. Вып. 17. С. 23–104.
Соболевский А.И. Древняя переделка Начальной летописи // ЖМНП. 1905. Ч. 358. Март. Отд. 2. С. 100–105.
Стендер-Петерсен А. Варангика: историко-филологические изыскания / Пер. В.И. Матузовой; Под общ. ред. Е.А. Мельниковой. М., 2021.
Толочко А.П. Очерки начальной руси. Киев; СПб., 2015.
Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1. Кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах.
Шлёцер А.Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличеннные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлёцером / Пер. с нем. Д. Языкова. СПб., 1809. Ч. 1.

А.В. Подосинов

«ГОНЧАРНЫЙ КРУГ ИЗОБРЕЛ СКИФ АНАХАРСИС» (Plin. VII, 198): АНТИЧНЫЕ АВТОРЫ О ТЕХНОЛОГИЯХ, ОТКРЫТЫХ ВАРВАРАМИ

Римский энциклопедист Плиний Старший в своей «Естественной истории» (вторая половина I в. н.э.) составил огромный список человеческих изобретений (технологий) и их авторов.

В VII книге он пишет (пер. здесь и далее А.Н. Маркова):

191. Прежде чем мы оставим описание человека, было бы целесообразно назвать важнейшие изобретения и тех, кому они принадлежат (*quae cuiusque inventa sint*). Куплю и продажу ввел (*instituit*) Меркурий, сбор винограда – Бахус, и он же изобрел (*invenit*) диадему, украшение царей, и триумф; Церера создала зерно, тогда как прежде люди питались желудями; она же научила молоть его и выпекать хлеб в Аттике и другие вещи в Сицилии, за что ее почитали. Она же дала первые законы, однако другие полагали, что это сделал Радамант.

Как мы видим, важнейшие для жизни людей изобретения были сделаны богами. Затем (§ 192–215) Плиний перечисляет другие достижения человеческой цивилизации – изобретение письменности, изготовление кирпичей для строительства домов, основание городов, изготовление черепицы, обработку металлов, рытье колодцев, каменоломни, башни, ткачество, валяние, сапожное дело, медицину, использование железа, серебра, золота и олова, гончарное ремесло, плотницкое дело, получение огня, изобретение колесницы, ведение торговли, разведение винограда, оливок, меда, использование быков и плуга, изобретение различного вооружения и доспехов, использование лошадей в военном деле, ведение боевых действий, гадание по различным предметам и явлениям, астрологию, музыку и музыкальные инструменты, пляски, поэтическую и прозаическую литературу, гимнастические игры, живопись, морское дело, бритье бороды, наблюдение за временем. Упоминает он также «изобретение» монархии, тирании и рабства.

Получилось весьма внушительное перечисление технологических прорывов человечества (см. об истории этих открытий подр.: Blümner 1975–1986). Как Плиний заявил в начале перечня открытий, его целью было указать также и их авторов. Рассмотрение авторства изобретений показывает настоящую глобализацию межкультурных и межэтнических связей в рамках античной ойкумены – глобальную циркуляцию технологий. Конечно, многие изобретения приписываются у Плиния грекам, но и количество иноэтнических изобретателей поистине огромно. Так, в его перечне упоминаются в качестве первооткрывателей ассирийцы, египтяне, финикийцы, вавилоняне, лидийцы, фригийцы, халибы, скифы, африканцы, карийцы, персы, фракийцы, мисийцы, троянцы, карфагеняне, этруски. Среди изобретателей названы еще и легендарные циклопы, амазонки, кентавры.

Во второй половине II в. н.э. Климент Александрийский в своем труде «Строматы» также приводит впечатляющий список изобретений, принадлежащих «варварам» (имея в виду «негреков»). Более того, Климент настаивает, что «варвары были изобретателями не только философии, но и почти всех других наук и искусств» (Οὐ μόνης δὲ φιλοσοφίας, ἀλλὰ καὶ πάσης σχεδὸν τέχνης εὑρεταί

βάρβαροι. – I, XVI, 74, 1; пер. здесь и далее Е. Афонасина). Затем он перечисляет изобретения, авторами которых были негреки (I, XVI, 74, 1–77, 1), завершая этот список словами: «Все эти выдержки я привожу для того, чтобы продемонстрировать еще раз, что варвары изобрели немало полезного для обыденной жизни, и греки многое у них позаимствовали» (I, XVI, 77, 2).

Жанр сочинений, рассказывающих об открытиях и их авторах (обычно эти труды назывались «Об изобретениях» – Περὶ εὑρημάτων), был, по-видимому, довольно популярным в античной литературе (см. о них: Kremmer 1900); в любом случае, авторы многих сочинений охотно упоминали об этом (даже римский мифограф Гигин в свой энциклопедический труд об античной мифологии включил главы 274 «Кто что открыл» и 277 «Первые изобретатели вещей»). Сам Плиний в своем перечне открытий ссылается на произведения следующих авторов (по порядку их упоминаний): Геллий, Аристотель, Антиклид, Эпиген, Бероз, Критодем, Феофраст, Гесиод, Филостефан, Гегесий, Ктесий, Архемах, Дамаст, Фукидид, Мнесигитон, Ксенагор, Марк Варрон, Фабий Вестал. Некоторые из этих авторов нам не известны, чаще всего цитируются римский писатель середины II в. до н.э. Гней Геллий (4 раза), а также классики греческой науки Аристотель и его ученик Феофраст. Известно, что Филостефан Киренский написал в III в. до н.э. несохранившийся трактат «Об изобретениях» (Περὶ εὑρημάτων), который мог быть одним из важнейших источников для Плиния. Интересно отметить, что уже Филостефан в своем труде отчетливо различал греков и варваров в качестве изобретателей (εὑρεταί) (Gisinger 1941. S. 111–113). Климент Александрийский среди своих источников упоминает труды Скамона Митиленского, Феофраста, Кидиппа Мантинейского, Антифана, Аристодема, Аристотеля, Филостефана и Стратона (I, XVI, 77, 1). Известны также имена таких составителей подобных трактатов, как Эфор, Филохор, Филарх – все авторы IV в. до н.э.

Как мы увидим ниже, для некоторых открытий Плиний упоминает нескольких альтернативных изобретателей, иногда указывая при этом разные конкретные источники, а иногда приводя безличные мнения («одни считают… другие же полагают»).

Для истории Северного Причерноморья интересны сведения об изобретениях скифов, приводимые Плинием и другими античными авторами.

Так, по Плинию, «Аристотель считает, что плавить и обрабатывать медь (или бронзу. – *А.П.*) научил лидиец Скиф, по мнению же Феофраста, – фригиец Делас» («aes conflare et temperare Aristoteles Lydum Scythen monstrasse, Theophrastus Delam Phrygem putant». – NH. VII, 197).

Сочинения Аристотеля и Феофраста, на которые ссылается Плиний, не сохранились. Надо полагать, что Плиний использовал здесь упоминаемый Диогеном Лаэртским (Vitae phil. V, 2, 47) и другими античными авторами труд Феофраста «Об изобретениях» (Περὶ εὑρημάτων) в двух книгах, где содержались подобные сведения.

Надо заметить, что в приведенной цитате из Плиния возможны два перевода выражения *Lydum Scythen*: «лидиец Скиф» (в переводе А.Н. Маркова) и «скиф Лид» (в переводе В.В. Латышева). Второй перевод представляется мне предпочтительным, т.к. Плиний берет свои сведения непосредственно у греческих авторов, которые на первое место ставили имя собственное, а на второе – слово, обозначающее этническую принадлежность человека. Так же звучит выражение «фригиец Делас» (*Delam Phrygem*), в котором имя собственное и этноним понимаются однозначно. Да и само слово *Scythen* – это греческая форма винительного падежа, выдающая греческое происхождение цитаты.

При всей лестности приписывания такого замечательного изобретения скифам, едва ли оно принадлежало этому народу, хотя и Гесиод считал, что искусство изготовления меди/бронзы открыли скифы (см.: Clem. Alex. Strom. I, XVI, 75, 4). Более того, римский автор V–VI вв. н.э. Кассиодор сообщает, что царем Скифии Индом было открыто еще и серебро («primi enim dicuntur aurum Aeacus, argentum Indus rex Scythiae repperisse et humano usui summa laude tradidisse». – Var. IV, 34, 3). Кстати, имена скифов – изобретателей металлов – *Indus* и *Lydus* (*Ludus*?) – выглядят подозрительно близкими графически (*In*=*Lu*), и это наводит на мысль, что речь идет об одном персонаже.

Два изобретения приписывает Плиний знаменитому Анахарсису – скифскому царевичу, будто бы прибывшему во времена Солона из Скифии в Афины и ставшему популярным в Греции философом: «Обработку железа изобрели циклопы; гончарное ремесло – афинянин Кореб; гончарный круг – скиф Анахарсис или, как считают другие, коринфянин Гипербий» («fabricam ferrariam invenerunt Cyclopes, figlinas Coroebus Atheniensis, in iis orbem Anarcharsis Scythes, ut alii, Hyperbius Corinthius». – NH. VII, 198). Климент Александрийский в своем экскурсе о «варварских» изобретениях не упустил случая подчеркнуть, что «Анахарсис был скифом, а между тем историки почитают его больше, нежели многих греческих философов» (I, XVI, 72, 1).

По свидетельству Страбона (VII, 3, 9), еще греческий историк Эфор (IV в. до н.э.) приписывал изобретение гончарного круга мудрому скифу Анахарсису. Подобные рассказы сохранились в ряде сочинений древних авторов, например, у Сенеки, со ссылкой на Посидония (Epist. ad Luc. 90, 31, 1). Страбон же опровергает это мнение Эфора, указав, что Гомер, живший гораздо раньше Анахарсиса, уже знал гончарный круг. Страбон приводит цитату из «Илиады» XVIII, 600–601: «Так же, как некий гончар, сидя перед кругом и держа его в ладонях, испытывает, будет ли он вращаться…» (ὡς ὅτε τις τροχὸν ἅρμενον ἐν παλάμῃσιν // ἑζόμενος κεραμεὺς πειρήσεται, αἴ κε θέῃσιν). Посидоний, судя по тексту Сенеки, предпочел больше верить легенде об Анахарсисе, нежели стихам Гомера, которые он счел неподлинными («‘Anacharsis’ inquit (sc. Posidonius) ‘invenit rotam figuli, cuius circuitu vasa formantur’. Deinde quia apud Homerum invenitur figuli rota, maluit videri versus falsos esse quam fabulam». – Sen. Epist. ad Luc. 90, 31, 1).

Впрочем, археологические исследования показывают, что гончарный круг не был известен скифам и они изготавливали лепную посуду.

Плиний приписывает Анахарсису и еще одно изобретение: «Простой якорь изобрел Эвпалам, а двулапый – Анахарсис» («ancoram Eupalamus, eandem bidentem Anacharsis». – NH. VII, 209). Об этом же писали Эфор: «Его [Анахарсиса] изобретениями [Эфор] считает кузнечные мехи, двойной якорь и гончарный

круг» (εὑρήματά τε αὐτοῦ λέγει τά τε ζώπυρα καὶ τὴν ἀμφίβολον ἄγκυραν καὶ τὸν κεραμικὸν τροχόν. – Strabo VII, 3, 9) и Диоген Лаэртский в биографии Анахарсиса: «Изобрел он, как уверяют некоторые, якорь и гончарное колесо» (Εὗρε δ᾽ εἰς τὸν βίον ἄγκυράν τε καὶ κεραμικὸν τροχόν, ὥς τινες. – I, 8, 105).

Эвпаламом звали отца легендарного афинского изобретателя Дедала, построившего знаменитый критский лабиринт (Apollod. Bibl. III, 15, 8; Hyg. Fab. 39, 244, 274), и он логично попадает в число первооткрывателей. Каким образом Анахарсис мог изобрести двойной (двулапый) якорь, трудно объяснить, тем более что мы знаем про отрицательное отношение Анахарсиса к кораблям и мореплаванию (см. его высказывания: «Люди делятся на три вида: живых, мертвых и тех, что ходят по морям»; «Узнав, что корабельные доски толщиной в четыре пальца, он сказал, что корабельщики плывут на четыре пальца от смерти»; «На вопрос, какие корабли безопаснее, он ответил: вытащенные на берег»). Тем не менее, как мы видим, общее мнение в античности приписывало это изобретение именно Анахарсису.

Еще одно изобретение, по мнению Плиния, принадлежало скифам: речь идет о луке и стрелах: «Одни говорят, что лук и стрелы изобрел Скиф, сын Юпитера, другие утверждают, что стрелы изобрел Перс, сын Персея» («arcum et sagittam Scythen Iovis filium, alii sagittas Persen Persei filium invenisse dicunt». – NH. VII, 201).

И это не удивительно: как известно, скифы считались в античности народом лучников *par excellence*. Среди греков великий воитель и путешественник Геракл был известен как выдающийся лучник, при этом античная традиция называла его учеником скифа. Автор большого труда о Геракле Геродор из Гераклеи ок. 400 г. до н.э. писал, что Геракл носил с собой скифский лук и был воспитан пастухами своего отца Амфитриона (FGrH 31, F 17–18 Jacoby; подр. об этом рассказе см.: Braund 2010. P. 381–389). Греческие поэты Каллимах, Феокрит и Ликофрон называют и имя пастуха – это был скиф Тевтар (Τεύταρος). Так, в схолиях к Ликофрону говорится: «Тевтар, скиф, пастух быков Амфитриона, выучил Геракла стрелять из лука, передав ему и свои луки» (Τεύταρος Σκύθης βουκόλος Ἀμφιτρύωνος ἐδίδαξε τὸν Ἡρακλέα τοξεύειν παρασχὼν αὐτῷ καὶ τὰ τόξα αὐτοῦ. – Schol. ad

Alex. 56). В схолиях к Феокриту мы читаем: «Геракл пользовался скифскими луками, как говорят Геродор и Каллимах» (Σκυθικοῖς δὲ ὅπλοις ἐχρήσατο Ἡρακλῆς, ὥς φασιν Ἡρόδωρος καὶ Καλλίμαχος. – XIII, 55 и schol.).

Напомню, что и очертания Черного моря напоминали грекам и римлянам форму хорошо им известного скифского лука; об этом писали Гекатей Милетский (Fr. 197), Дионисий Периэгет (157–162), Саллюстий (Hist. Fr. 63), Валерий Флакк (IV, 728), Помпоний Мела (I, 102), Плиний (NH IV, 76; 86), Аммиан Марцеллин (XXII, 8, 10–13) и другие авторы.

В некотором противоречии к скифскому приоритету в изобретении лука находится рассказ Геродота о том, как Геракл, прибыв в Скифию и зачав здесь трех сыновей, оставил для них лук, который они должны были, выросши, натянуть, чтобы стать царем. Отцов лук смог натянуть младший сын Геракла по имени Скиф, он-то и стал царем и прародителем народа скифов (Herod. IV, 8, 10). Здесь, по-видимому, произошла инверсия в обмене достижениями между греками и скифами, в результате чего образовалась хронологическая нестыковка (от Геракла произошли скифы, которые в его детстве научили его стрелять из лука!).

В целом, следует признать, что сведения о скифах – изобретателях различных благ – находили себе место в сочинениях тех древних греческих авторов (например, Эфора), которые идеализировали варварские народы, приписывая им необычайно высокие моральные качества, добродетели и мудрость (об идеализации скифов см.: Riese 1875; Иванчик 1999. С. 7–45; Подосинов, Джаксон, Коновалова 2016. С. 162–164).

В русле этой социально-утопической традиции большое значение и распространение получил образ легендарного скифского мудреца Анахарсиса, которого Эфор и другие авторы после него делают изобретателем нескольких «культурных» достижений человечества, причисляя его к семи знаменитым греческим мудрецам.

Литература

Иванчик А.И. «Млекоеды» и «абии» «Илиады». Гомеровский пассаж в античной литературе и проблемы возникновения идеализации скифов // ДГ, 1996–1997 годы: Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. М., 1999. С. 7–45.

Подосинов А.П., Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г. Скифия в историко-географической традиции Античности и Средних веков. М., 2016.
Blümner H. Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern. Leipzig; B., 1975–1986. Bd. 1–4.
Gisinger F. Philostephanos // Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. 1941. 39. Hlbbd. S. 104–118.
Kremmer M. De catalogis heurematon. Lipsiae, 1900.
Riese A. Die Idealisierung der Naturvölker des Nordens in der griechischen und römischen Literatur. Frankfurt, 1875.

Б.Е. Рашковский

СУЩЕСТВОВАЛИ ЛИ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ ЕВРЕЙСКИЕ ОБЩИНЫ?

Древнейшая история еврейского этно-конфессионального меньшинства в домонгольской Восточной Европе привлекает внимание ученых на протяжении полутора столетий (Гаркави 1866). Исследовательский интерес к этой теме подпитывается неразрешенным до сих пор вопросом о завершении культурной и этнической истории иудаизированных хазар, а также вниманием специалистов к предыстории еврейских общин на землях Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. В течение последних десятилетий опубликован ряд обобщающих исследований по данной теме (Чекин 1994; Kulik 2004/2005; 2008; Петрухин 2010; 2013). Цель данной статьи не в том, чтобы в очередной раз обобщить упоминания о евреях в различных городах или землях Древней Руси в источниках, написанных на разных языках. Наоборот, в ней предлагается единый подход к проблеме оценки достоверности их свидетельств.

К бесспорным свидетельствам существования иудейской общины в той или иной местности следует относить данные письменных или археологических источников о наличии:

1. инфраструктуры, обеспечивающей жизнедеятельность и функционирование общинных институтов: кладбища, бассейна для ритуальных омовений (миква), зданий синагоги или синагог (хотя ими могли быть и обычные жилые дома);

2. актуальных для современников свидетельств в иудейских религиозно-правовых (галахических) текстах; использования в них юридической терминологии, связанной с функционированием общинных институтов; обозначений различных общинных должностных лиц, а также использование терминов *ḳehilah* или *ḳahal* для обозначения самой общины;

3. данных нарративных памятников (как иудейских, так и иноконфессиональных и инокультурых) местного и иноземного происхождения, включая свидетельства местной топонимики, указывающие на существование еврейского квартала или какого-то иного поселения иудеев.

Идеальной, конечно, могла бы быть ситуация совпадения всех трех групп сведений. Однако для домонгольской Руси ее следует признать невозможной уже хотя бы потому, что какие-либо археологические свидетельства или же сохранившиеся памятники материальной культуры евреев в домонгольской Восточной Европе просто отсутствуют. Даже в Крыму древнейшие сохранившиеся синагоги (в Чуфут-Кале и на Мангупе) или археологические свидетельства их существования относятся уже к послемонгольскому времени (Герцен 2000. С. 26; Герцен, Науменко 2019. С. 159; Кизилов 2011. С. 153). То же касается и кладбищ. Самые старые сохранившиеся из них относятся ко времени не ранее конца XIV в. (Чуфут-Кале – Кизилов 2011. С. 121) и середины XV в. (Мангуп – Герцен, Науменко 2019. С. 159). В Восточной Европе непрерывные археологические и эпиграфические свидетельства прослеживаются начиная с XVI в. (с 1520 г. в галицийском Буске, др.-рус. Бужескъ, – Носоновский 1999. С. 21; Fishel, Nosonovsky 2017).

Несколько лучше обстоят дела со вторым типом свидетельств – данными о функционировании общинных институтов. Термины *ḳehal* или *ḳehilah*, обозначающие иудейскую общину, встречаются в контекстах различных юридических и социально-экономических казусов, связанных с жизнью евреев на территории русских земель в домонгольский период. Так, в известном «Киевском письме» эксплицитно упоминается именно об общине Киева (ивр. *ḳehal shel [ḳ]iyov*) и перечисляются имена ряда членов этой общины (Голб, Прицак 2003.

С. 25–26). Широкая датировка «Киевского письма», написанного на пергамене, а не на бумаге, охватывает весь домонгольский период.

Термин «община Русии» (ивр. *ḳehal Rusia'*) используется в рекомендательном письме, выданном общиной Салоник неизвестному паломнику из русских земель (Marmorstein 1921. P. 95; Mann 1922. P. 192). Характерно, что в данном случае он употребляется применительно к стране, а не к одному из ее городов. Эта тенденция подтверждается и в дальнейшем. Свидетельства еврейских источников X–XII вв. не поддерживают версии о существовании многих общин на территории русских земель.

В письменности западноевропейских евреев X–XII вв. почти не сохранилось никаких данных об устройстве еврейской жизни на Востоке. Единственным исключением можно назвать респонс Элиэзера бен Ицхака из Праги с упоминанием о нехватке раввинов, канторов и учителей «во многих местах» Польши, Венгрии и Руси (Kupfer, Lewicki 1956. S. 59). Известно также единичное упоминание о раввине общины, проживавшем в русских землях или происходившем из них. Рабби Моше из Киева (ивр. *ha-rav rabbi Mosheh mi-ḳiyov*) упоминается в адресованном ему самому респонсе (Poznański 1914. S. 54) Шмуэля бен Али из Багдада (ум. 1194). Шмуэль бен Али принимал в Багдаде Петахию Регенсбургского, который во время своего ближневосточного путешествия (между 1174 и 1189 гг.) посетил и Киев (Sivuv 1905. S. 12). Прочие свидетельства как еврейских, так и западноевропейских источников (Матузова 1979. С. 50), содержащие упоминания евреев-выходцев из Руси или ее городов – Владимира Волынского (Kupfer, Lewicki 1956. S. 270–273) или Чернигова (Ibid. S. 173–175), – еще не являются доказательствами существования целых общин (ср.: Weinryb 1962. P. 497–498).

Данные топонимики – сообщения Ипатьевской летописи о киевском квартале «жиды» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 272), или «жидове» (Там же. Стб. 285), а также о «жидовских воротах» (Там же. Стб. 316, 427) – обычно рассматриваются в историографии

и как свидетельство реальности расселения этноконфессиональной общины в раннесредневековом городе (Кулик 2008. С. 56), и как обозначение местности, напрямую не связанной с расселением определенной этнической или конфессиональной группы (Чекин 1994. С. 39; Петрухин 2010. С. 216, 230; Weinryb 1962. P. 496). К числу книжных или агиографических топосов принадлежат упоминания об иудеях в житии Феодосия Печерского (БЛДР. Т. 1. С. 418) и свидетельства летописной повести об убиении Андрея Боголюбского (Чекин 1994. С. 37; Петрухин 2010. С. 231).

Наконец, коснемся также вопроса о Руси (ивр. *Rusia'*) и ее пространственных границах в нарративных еврейских источниках. Существуют два подобных свидетельства: сообщения Вениамина из Туделы и Петахии из Регенсбурга. И Вениамин, никогда не бывавший на Руси (Itinerary 1907. P. 72 [евр. текст]), и Петахия, посетивший Киев и южные окраины Киевской земли (Sivuv 1905. P. 2; David 1996. P. 254), уже не знают русских земель на левом берегу Днепра. И потому *Rusia'* еврейских источников X–XII вв. ограничивается правобережьем Днепра на пути между Прагой и Киевом. В итоге аутентичные свидетельства источников не подтверждают существования еврейских общинных структур или институтов на территории русских земель в домонгольский период где-либо, кроме Киева.

Литература

Гаркави А.Я. Об языке евреев, живших в древнее время на Руси, и о славянских словах, встречаемых у еврейских писателей. СПб., 1866.

Герцен А.Г. Мангупская синагога – кенасса. По данным археологических исследований // Мат-лы VII ежегодн. междунар. междисципл. конф. по иудаике. М., 2000. Ч. 1. С. 20–27.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. Сакральная топография Мангупа: история изучения, каталог и периодизация культовых памятников городища // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Симферополь, 2019. Вып. 2: Миры Византии. С. 115–176.

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. М.; Иерусалим, 2003.

Кизилов М.Б. Крымская Иудея: очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. Симферополь, 2011.

Кулик А. Евреи Древней Руси: источники и историческая реконструкция // Ruthenica. Київ, 2008. Т. 7. С. 52–70.

Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII в.: тексты, перевод, комментарий. М., 1979.

Носоновский М.И. Эпитафии XVI в. с еврейских надгробий Украины // Памятники культуры. Новые открытия: письменность, искусство, археология, 1998. М., 1999. С. 16–27.

Петрухин В.Я. Евреи в древнерусских источниках. XI–XIII в. // История еврейского народа в России. М.; Иерусалим, 2010. Т. 1: От древности до раннего нового времени. С. 214–240.

Петрухин В.Я. Киевское восстание 1113 г. и еврейский погром (в интерпретации В.Н. Татищева) // Славяноведение. 2013. № 2. С. 3–11.

Чекин Л.С. К анализу упоминаний о евреях в древнерусской литературе XI–XIII веков // Славяноведение. 1994. № 3. С. 34–42.

David A. Sivuv r'. Petakhiah me-Regensburg be-nusakh khadash // Kovets al-Yad. 1996. T. 13. P. 237–269.

Fishel A., Nosonovsky M. Rediscovered Gravestones from a Destroyed Jewish Cemetery in Ostróg: The Case of Two Inscriptions of 1445 // Zutot. Perspectives on Jewish Culture. Leiden, 2017. Vol. 14. P. 73–87.

The Itinerary of Benjamin of Tudela / Critical text, transl. and comment. by M.N. Adler. L., 1907.

Kulik A. The Earliest Evidence of the Jewish Presence in Western Rus' // Harvard Ukrainian Studies. 2004–2005. Vol. 27. № 1/4. P. 13–24.

Kupfer F., Lewicki T. Źródła hebrajskie do dziejów słowian i nektórych innych ludów Środkowej i Wschodnej Europy. Wyjątki z pism religijnych i prawniczhyh XI–XIII w. Warszawa; Wrocław, 1956.

Mann J. The Jews in Egypt and in Palestine under the Fatimid Caliphs. Oxford, 1992. Vol. 2.

Marmorstein A. Notes et mélanges // Revue des Études Juives. 1921. T. 73. P. 92–100.

Poznański S. Babylonische Geonim im nachgaonäischen Zeitalter nach handschriftlichen und gedruckten Quellen. B., 1914.

Sivuv Rabbi Petaḥiyah me-Regensburg / Hrsg. E.H. Grünhut. Frankfurt-a/M, 1905.

Weinryb B.D. The Beginnings of East European Jewry in Legend and Historiography // Studies and Essays in Honor of A.A. Neuman. Leiden, 1962. P. 445–502.

Я.А. Риер

БРАК АЛЬДОНЫ (АННЫ) ГЕДИМИНОВНЫ И КАЗИМИРА, СЫНА ВЛАДИСЛАВА ЛОКЕТКА, В КОНТЕКСТЕ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИХ ОТНОШЕНИЙ конца XIII – 30-х годов XIV в.

Проблема генезиса и развития польско-литовских отношений на первых этапах становления Литвы (позднее – Великого княжества Литовского) является сложной и малоизученной. На протяжении XIII и начала XIV в. отношения двух государств сводились главным образом к взаимным набегам на пограничные земли. Активизация польско-литовских контактов наблюдается только со второго десятилетия XIV в. Одним из ключевых элементов данного процесса стал брак, заключенный в 1325 г. между Альдоной (Анной), дочерью Гедимина, и Казимиром, сыном польского короля Владислава Локетка. В исторической науке этот династический и политический союз традиционно рассматривается как отправная точка польско-литовских отношений.

Для понимания обстоятельств заключения польско-литовского союза 1325 г., а также оценки последующих событий стоит обратиться к отношениям двух государств в период, предшествующий правлению Гедимина. Необходимо отметить, что на протяжении XIII в. они сводились главным образом к периодическим нападениям обеих сторон на пограничные земли (Žiugžda 1962. S. 15). Ранние источники не содержат информации о начале этих походов. Только «Хроника» Яна Длугоша говорит о том, что первые нападения литовцев на польские земли случились в 1209–1211 гг. (Długosz 1973. S. 257–261). Основываясь на этих данных, С. Зайончковский и О. Халецкий, а позднее Г. Пашкевич, относили начало польско-литовских контактов к 1209 г. (Zajączkowski 1926. S. 587–601; Paszkiewicz 1833. S. 37). В последующие десятилетия подобные нападения были немногочисленны. Они значительно усилились во время правления Миндовга, т.е. во второй половине XIII в., что можно объяснить развитием государственности в Литве. Самые значительные нападения произошли в 1255, 1262, 1265 и 1269 гг. (правда, до сих пор дискуссионным является вопрос о конкретных участниках таких нападений и участии в них

самого литовского князя: Błaszczyk 1998. S. 40). Еще более активные военные контакты наблюдались во время правления Витеня (например, крупный поход литовцев на Ленчицу в 1294 г. – Peter von Dusburg 1861. S. 193).

Литовские нападения на польские земли продолжились и на первом этапе правления Гедимина, который «имел постоянные войны с поляками, крестоносцами, мазовшанами, опустошал их земли» (МРН 1884. S. 37). Но уже в 1320-е годы в отношениях соседних государств происходят значительные изменения, что отчетливо проявилось в 1325 г., когда был заключен союз Гедимина с польским королем Владиславом Локетком, скрепленный браком их детей. Очевидно, что союз 1325 г. вырос из польско-литовских отношений предыдущего периода. Свою роль сыграли не только нависшая угроза со стороны Тевтонского ордена, но и литовские интересы в южной Руси в 1324 г. (Rowell 1994. S. 233). Среди других факторов, которые оказали влияние на заинтересованность и Локетка, и Гедимина в данном альянсе, исследователи называют вопрос Подляшья, а также многолетние политические и династические контакты мазовецких и литовских правителей (Zajączkowski 1926. S. 587). Вместе с тем не вызывает сомнения то, что главной причиной данного союза всё же была угроза со стороны Тевтонского ордена, которая вынудила польского правителя пойти на союз с Гедимином.

Таким образом, Владислав Локетек, желая обезопасить свои территории от нависшей угрозы, отправил польских послов ко двору Гедимина с просьбой выдать его дочь Альдону за своего сына Казимира. Гедимин согласился на данное предложение, тем более что оно сулило не только налаживание полезных связей с сильным соседом, но также материальные блага: Владислав пообещал серебро и золото, которых не было в Литве (Daniłowicz 1862. S. 163). Гедимин же в качестве приданого отпустил всех польских пленников, которых к тому времени захватили литовцы. Эти люди заселили пустовавшее до тех пор Подляшье и начали обрабатывать его земли (Bielski 1856. S. 370).

Династические браки как элемент внешней политики активно использовались Гедимином и ранее, и Альдона (Анна) не была первой его дочерью, выданной замуж за представителя иноземного правящего рода. Ранее (между 1316 и 1320 гг.) другая дочь

Гедимина, Эльжбета, стала женой плоцкого князя Вацлава (Tęgowski 1999. S. 42–43). А в 1331 г. еще одна сестра Альдоны, Ефемия, станет женой Болеслава Юрия II Тройденовича из династии мазовецких Пястов (Rowell 1994. S. 232).

Альдона была отправлена в Польское королевство в сопровождении 1000 рыцарей (Długosz 1973. S. 988). После прибытия в Краков она была крещена и получила имя Анна (Bielski 1856. S. 370). 16 октября 1325 г. в храме на Вавеле состоялся ее брак с сыном Локетка, 16-летним Казимиром. Как можно судить по сообщениям «Малопольского рочника», Альдона-Анна была ровесницей Казимира (Rocznik Małopolski 1872. S. 190). Молодоженов обвенчал краковский епископ Нанкер. В честь данного события Владислав Локеток повелел создать Белый орден (Stryjkowski 1846. S. 404).

Без сомнения, брачный союз 1325 г. имел важное политическое значение. На его цель – заключение мира между двумя государствами – прямо указывает «Меховский рочник»: «Pax fuit inter Poloniam et Litwaniam» (Rocznik Miechowski 1872. S. 884).

Заключенный в 1325 г. союз принес практические результаты уже в следующем, 1326 году, что проявилось в польско-литовском походе на Бранденбург. Объединенные войска возглавил гродненский каштелян Давид. В результате военных действий Польское королевство вернуло себе Междуречское каштелянство, а его союзники захватили богатую добычу (Rowell 1994. S. 234). Во время этой кампании литовцы рассматривались поляками скорее как силы *in servicio nostro*. В то же время и сам союз, и совместный военный поход Польши и языческой Литвы были критически восприняты христианскими правителями. Последующие события 1330–1331 гг. показали его непрочность, а также отчетливо проявили антагонизм языческой и христианской политической культуры. Например, в 1330 г., во время польско-венгерско-литовского похода против крестоносцев в Добжинскую и Хелминскую земли, венгерский король высказал свое нежелание сражаться бок о бок с язычниками (Bielski 1856. S. 374). Вследствие этого Гедимин вернулся домой, а Локетек с венграми продолжили поход в Хелминскую землю, но одержать победу им не удалось (Błaszczyk 1998. S. 143).

Окончательный разрыв между союзниками произошел в 1331 г. Из-за сложных погодных условий начало очередного совместного похода против Тевтонского ордена, в котором по просьбе Локетка Гедимин согласился принять участие, затянулось. В результате литовцы, которые долгое время ожидали своих союзников, решили вернуться домой. Не желая уходить с пустыми руками, они опустошили польские земли (Zajączkowski 1926. S. 615). После этого союз Польши и Литвы практически перестал существовать. Важным фактором в последующем, практически полном прекращении контактов между двумя странами стала смерть Владислава Локетка в 1333 г. Тем не менее на протяжении всей жизни Альдоны (Анны), т.е. до 1339 г., можно говорить об отсутствии военных конфликтов в приграничных землях.

Оценивая роль брака Альдоны (Анны) с Казимиром в польско-литовских отношениях, необходимо отметить, что он имел большое значение с точки зрения налаживания контактов между двумя правителями и заключения польско-литовского союза. Хотя союз 1325 г. оказался непрочным и развалился уже через несколько лет, сам факт заключения подобного союза – военного и династического – повлиял на дальнейшее развитие польско-литовских отношений, а также способствовал сближению двух стран в последних десятилетиях XIV в.

Источники и литература

Антонович В.Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев, 1878.

Bielski M. Kronika Marcina Bielskiego / Wyd. K.J. Turowski. Sanok, 1856.

Błaszczyk G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. Poznań, 1998. T. 1.

Daniłowicz I. Scarbiec dyplomatów papieskich, cesarskich, krolewskich, książęcych… Wilno, 1860.

Jan Długosz. Roczniki czyli kroniki sławnego Królestwa Polskiego. Warszawa, 1973. Ks. 5, 6.

Halecki O. Dzieje Unii Jagiellońskiej. Kraków, 1919. T. 1.

Jasiński K. Polityka małżeńska Władyslawa Łokietka // Genealogia: rola związków rodzinnych i rodowych w życiu publicznym w Polsce średniowiecznej / Pod red. A. Radzimińskiego i J. Wroniszewskiego. Toruń, 1996. S. 9–18.

Kosman M. Polacy o Litwinach (do połowy XVI w.) // Społeczeństwo Polski sredniowiecznej. 1985. T. 3. S. 387–428.

Łowmiański H. Polityka Jagiellonów. Poznań, 2006.

Narbutt T. Dzieje narodu litewskiego. Wilno, 1838. T. 4.
Naruszewicz A. Historya narodu polskiego. Kraków, 1860. T. 4.
Nikžentaitis A. Gediminas. Vilnius, 1989.
Paszkiewicz H. Jagiellonowie a Moskwa. Warszawa, 1933. T. 1: Litwa a Moskwa w XIII i XIV wieku.
Peter von Dusburg. Chronicon terrae Prussiae. Leipzig, 1861. (MGH. SS RP; 1).
Petrauskas R. The Gediminas, the Algirdis and the Jagiellonians – strips regia in the Grand Duchy of Lithuania // *Saviscevas E., Uzorka M.* Lithuania–Poland–Sweden: European Dynastic Unions and Historical-Cultural Ties. Vilnius, 2014. S. 35–47.
Prochaska A. Stosunki Krzyżaków z Giedyminem i Łokietkiem // Kwartalnik Historyczny. 1896. T. 10. S. 1–66.
Rocznik Małopolski / Wyd. A. Bielowski // MPH. Lwów, 1872. T. 2.
Rocznik Miechowski / Wyd. A. Bielowski // Ibid.
Rowell S.C. Lithuania Ascending. A Pagan Empire within East-Central Europe, 1295–1345. Cambridge, 1994.
Stryjkowski M. Kronika polska, litewska, żmódska i wszystkiéj Rusi. Warszawa, 1846.
Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań; Wrocław, 1999.
Zajączkowski S. Przymierze polsko-litewskie 1325 r. // Kwartalnik historyczny. 1926. T. 11. S. 567–617.
Žiugžda J. Rozwój stosunków przyjaźni między narodami litewskim i polskim. Wilno, 1962.

Ю.В. Селезнёв

РУССКИЙ КНЯЗЬ ЮРИЙ АНДРЕЕВИЧ И ПОЛОВЕЦКИЙ КНЯЗЬ СЕВЕНДЖ: К ВОПРОСУ О РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ

Судьба князя Юрия, сына князя Андрея Боголюбского, неизменно привлекает к себе внимание фактом его женитьбы на грузинской царице Тамаре. Именно в связи с этим событием грузинские авторы обратили на него внимание, и о нем сохранились свидетельства, в том числе о том, что сваты отправились в половецкую степь, поскольку Юрий «теперь находится в городе Кипчакского царя Севенджа» (История 1954. С. 40). Вполне закономерно исследователи отметили, что Юрий воспользовался своими родственными связями, чтобы укрыться в Половецкой степи. К примеру, А.В. Гадло, исходя из справедливого вопроса: «Куда мог уйти от преследований нового владимирского владетеля молодой княжич и

где он мог в течение десяти лет скрываться, не потеряв ни своего имени, ни своего достоинства?», – делает логичное предположение: «Вероятнее всего, он скрылся… в кочевьях своих родичей по отцу – Андрей был сыном половецкой хатуни дочери хана Аепы, внучки хана Осеня, на которой Владимир Мономах женил Юрия Долгорукого, деда Юрия Андреевича, в 1107 г.» (Гадло 2004).

Действительно, Юрий Андреевич оказывается правнуком Аепы, половецкого князя, погибшего в 1117 г. при набеге на дунайских болгар (Селезнёв 2019а. С. 229; 2019б. С. 54–55, 82).

Надо отметить, что взаимоотношения русских князей с половецкой знатью включали в себя и матримониальные альянсы: наличие смешанных браков между половецкими и русскими правящими родами надежно фиксируется письменными источниками. Дети от таких браков оказывались включенными в системы родства и свойства как на Руси, так и в Половецкой степи. Вполне закономерно, что князья и их дети могли рассчитывать не только на мирное взаимодействие с породнившимися кланами и племенами, но и на военно-политическую поддержку своих родственников. Выявленные семейные альянсы между русскими князьями и дочерями половецких правителей позволили В.В. Аксенову декларировать наличие сложившихся русско-половецких кланов (Аксенов 2002. С. 6).

Брачный альянс февраля 1108 г. был связан с мирными переговорами. В конце 1107 г. в степь оправилась представительная делегация: «иде Володимеръ и Давыдъ, и Олегъ, къ Аепѣ, и ко другому Аепѣ, и створиша миръ». Переяславский князь Владимир Всеволодич Мономах для укрепления мирных договоренностей женил своего сына Юрия (Долгорукого) (Коган, Домбровский-Шалагин 2004. С. 240) на дочери князя Аепы, сына Осеня (Асеня), а Олег Святославич Черниговский женил своего сына (Глеба или Святослава) на дочери также Аепы, только сына князя Гиргеня (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 282–283; Т. 2. Стб. 259). Свадьбу Юрия сыграли 12 января 1108 г.

Жена Юрия Долгорукого в крещении получила имя Анна (Коган, Домбровский-Шалагин 2004. С. 240), и у нее родились сыновья – Ростислав, Андрей (Боголюбский) и Борис – и дочь, не известная по имени (Там же. С. 359).

Матримониальный союз был использован князем Юрием Владимировичем для решения внутренних задач. Половцы, вероятно родственники жены князя, привлекались в качестве союзников в усобной борьбе *шесть раз*: в июле–августе 1149 г. князю при помощи половцев удалось занять Переяславль и Киев (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 320–321; Т. 2. Стб. 373–389; Т. 7. С. 46; Т. 9. С. 182); осенью 1149 г., вероятно, тот же отряд по распоряжению князя Юрия разорил земли около Луцка (Там же. Т. 2. Стб. 387–391; Т. 7. С. 47); весной (апрель–май) 1151 г. князь Юрий привлек половцев для штурма Киева, однако компания сложилась для него и половцев неудачно (Там же. Т. 1. Стб. 328–335; Т. 2. Стб. 424–443; Т. 7. С. 51–55; Т. 9. С. 187–189; Т. 24. С. 77; Т. 30. С. 65; Т. 33. С. 46–48); половцы участвовали осенью 1152 – зимой 1153 г. (до 18–19 февраля) в походе на Черниговское княжество и осаде Чернигова (Там же. Т. 1. Стб. 338–340; Т. 2. Стб. 455–458; Т. 7. С. 58–59; Т. 9. С. 194–195; Т. 24. С. 77; Т. 30. С. 66; Т. 34. С. 75); летом 1154 г. (однако из-за мора в войсках князя Юрия военных действий не велось – Там же. Т. 1. Стб. 341; Т. 2. Стб. 468; Т. 7. С. 60; Т. 9. С. 198); зимой–весной 1155 г. в походе на черниговские земли (войска возглавлял князь Глеб Юрьевич – Там же. Т. 1. Стб. 342–344; Т. 2. Стб. 474–476; Т. 4. Ч. 1. С. 153–154; Т. 7. С. 62; Т. 9. С. 200–201; Т. 26. С. 50; Т. 30. С. 67; Т. 42. С. 102).

Зафиксирован и единственный случай (летом 1136 г., июнь–август), когда половцы выступили союзниками Всеволода Олеговича Черниговского и его братьев Святослава и Игоря и, соответственно, противниками Мономашичей: Ярополка Владимировича Киевского и его братьев Юрия и Андрея (Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 147–148; Т. 6. Вып. 1. Стб. 223; Т. 9. С. 159–160; Т. 42. С. 100–101).

Дети князя Юрия Владимировича суздальского, в частности Ростислав и Андрей, участвовали в военно-политических акциях отца осенью 1149 г. (Там же. Т. 2. Стб. 387–391; Т. 7. С. 47). Летом (до Воздвиженья, 14 сентября) 1150 г. они вдвоем противостояли набегу половцев на Переяславль-Южный (Там же. Т. 1. Стб. 328; Т. 2. Стб. 404; Т. 7. С. 49; Т. 9. С. 184). В 1154 г. к половцам для переговоров князь Юрий Владимирович направил своего сына Глеба (Там же. Т. 2. Стб. 468).

Князю Андрею Юрьевичу пришлось столкнуться с половцами летом 1154 г., когда кочевники выступили союзниками рязанского князя Ростислава Ярославича и изгнали суздальского князя из Рязани (Там же. Т. 33. С. 48).

В коалиции с половцами князь вступал осенью–зимой 1159/60 г. (коалицию возглавлял князь Изяслав Давыдович, а суздальские войска – сын Андрея Изяслав: Там же. Т. 1. Стб. 350; Т. 2. Стб. 508; Т. 7. С. 72; Т. 9. С. 215–216); в Никоновском своде сохранилось свидетельство об участии половцев во взятии Киева коалицией русских князей во главе с князем Андреем Юрьевичем в 1169 г. (Там же. Т. 9. С. 236–237). Таким образом, князь Андрей Юрьевич только *дважды* (причем один эпизод – достаточно сомнительный) привлекал в качестве союзников половецкие отряды.

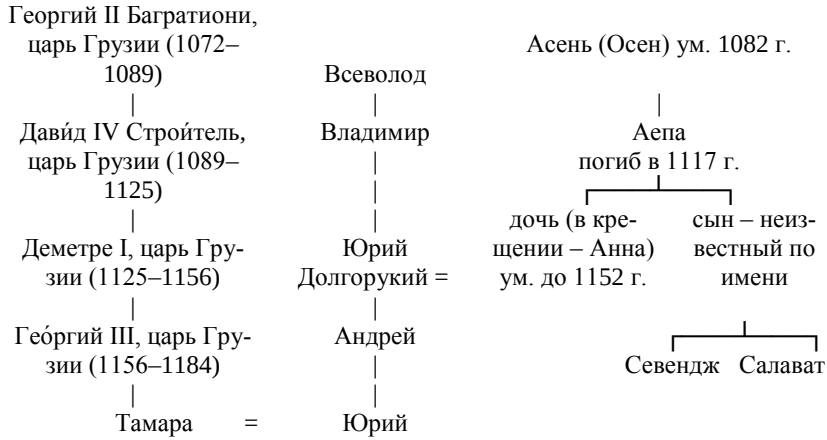
Тем не менее вероятность того, что связь суздальского княжеского дома с родственниками в Половецкой степи сохранялась и князь Юрий Андреевич прибыл в ставку именно того клана, из которого происходила его бабка – жена Юрия Долгорукого, – представляется весьма высокой. Однако степень такого родства остается невыясненной.

Между тем закономерности генеалогического счета позволяют нам сделать определенные наблюдения и предположения. В частности, рассчитано, что в среднем на 100 лет выпадает деятельность трех поколений. Среднее значение разницы между поколениями стремится к 30 (при близком значении к ней, 28–33, мы можем говорить о достоверности свидетельств о родственных связях).

В рамках родословной князя Юрия Андреевича мы наблюдаем уникальную ситуацию: нам известна и дата смерти его прапрадеда Асеня (1088 г. – единственный случай упоминания о естественной смерти половецкого князя), и дата гибели его прадеда Аепы (1117 г.). Между смертями отца (Асеня) и сына (Аепы) фиксируется разница в 35 лет. Эта цифра близка к средним показателям разницы поколений в генеалогическом счете, что позволяет привлечь ее как основу выявления поколений среди потомков Асеня. Так, известно, что дочь Аепы, внучка Асеня, выданная замуж за князя Юрия Долгорукого, к 1152 г. умерла (Коган, Домбровский-Шалагин 2004. С. 240), что дает такую же разницу между смертью отца и дочери: 35 лет. Следующее 35-летие заканчивается 1187 г.: на него выпадает деятельность внуков Аепы, к примеру князя Ан-

дрея Боголюбского. Следующее поколение – в частности, князь Юрий Андреевич – действует позже – князь умирает около 1194 г.

Повторюсь, вполне закономерно, что князь Юрий искал убежища у своих родственников – потомков князя Аепы. На 1185 г. – год сватовства грузинских вельмож к Юрию – должно выпадать время деятельности внуков Аепы. В связи с этим кипчакские/половецкие князья Севендж и его брат Салават (История 1954. С. 57), упомянутые в грузинских источниках, должны быть признаны внуками Аепы. Вероятно, они являлись сыновьями брата жены князя Юрия Долгорукого и, соответственно, сына Аепы. Тогда князь Юрий находился в ставке своего двоюродного дяди.



Илл. 1. Родственные связи русских, половецких и грузинских правителей

Литература

Аксенов В.В. Великая Степь и Земля Половецкая: По данным русских летописей: Автореф. дис… канд. ист. наук. Казань, 2002.

Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.

История и восхваление венценосцев. Тбилиси, 1954.

Коган В.М., Домбровский-Шалагин В.И. Князь Рюрик и его потомки. Историко-генеалогический свод. СПб., 2004.

Селезнёв Ю.В. Русские внуки половецких князей (к вопросу о половецких родственных связях в политической борьбе на Руси в XI – первой половине XIII в.) // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 2. С. 225–241. (а)

Селезнёв Ю.В. Элита Половецкой степи. Воронеж, 2019. (б)

В.И. Ставиский

CLERICI CHRISTIANI В ОКРУЖЕНИИ ВЕЛИКОГО ХАНА ГУЮКА (ПО МАТЕРИАЛАМ «ИСТОРИИ МОНГАЛОВ»)

В дополнительном материале, появившемся в «Истории монгалов» при ее редактировании в Лионе, обосновывается мысль о том, что вновь избранный великий хан Гуюк был готов стать христианином (как следует из текста «Истории монгалов», под «христианами» Карпини подразумевал тех, кто признает волю «Господина Папы», сделав лишь два исключения: уйгур он специально обозначил как «христиан несторианской ереси», а князь Михаил в качестве христианина обозначил сам себя в прямой речи).

> Говорили нам также христиане, принадлежавшие к его челяди, что они твердо веруют, что он должен стать христианином; и явный признак этого они видят в том, что он держит христианских клириков и дает им содержание, также перед большой своей палаткой имеет всегда христианскую часовню; и они поют всенародно и открыто и звонят к часам, согласно обычаю Греков, как и прочие христиане, как бы велика там ни была толпа Татар или также других людей (Dicebant etiam nobis christiani qui erant de familia eius quod credebant firmiter quod deberet fieri christianus, et de hoc habent signum apertum, quoniam ipse tenet clericos christianos et dat eis expensas; christianorum etiam capellam semper habet ante maius tentorium eius, et cantant publice et aperte, et pulsant ad horas secundum morem Grecorum, ut alii christiani, quantacumque sit ibi multitudo Tartarorum vel etiam hominum aliorum; quod non faciunt alii duces).

Один из признаков грядущего воцерковления великого хана Карпини видел в присутствии в его окружении *clericos christianos*, которые перед большой его «палаткой» имеют «всегда христианскую часовню» («christianorum etiam capellam semper habet ante maius tentorium eius»). Сопоставление описаний трех «шатров», в которых по разным случаям размещался Гуюк, позволяет говорить о том, что речь идет о «большом шатре», где он был провозглашен великим ханом:

> Когда же мы приехали к Куйюку… уже был воздвигнут большой шатер (extensum erat tentorium magnum), приготовленный из белого пурпура.

Это было временное сооружение, построенное для проведения конкретного ритуала. Именно там Карпини увидел *capellam*, устройство которой было приурочено к конкретному торжественному собранию. Косвенно это подтверждают и обстоятельства богослужения, которое производилось, «как бы велика там ни была толпа Татар или также других людей», прибывших на праздник. Игнорируя окказиональный характер действия, Карпини сообщил, что Гуюк «имеет всегда христианскую часовню». Это – очевидное преувеличение. Но для нас важны характерные особенности отмеченного действия: «и они поют всенародно и открыто и звонят к часам, согласно обычаю Греков, как и прочие христиане».

Францисканец обратил внимание на *последование часов*, занимавшее существенное место в уставе, изложенном Бенедиктом Нурсийским в виде «Правил». В тексте этого Устава подробно описывается организация общего монашеского богослужения по часам, которое охватывает ночное бдение (*vigilia*) и 7 дневных служб: утреню, 1, 3, 6, 9-й часы, вечерню и дополнительно *completorium* (службу перед сном). Отличительной чертой Устава является распределение по службам чтения Псалтири, которая должна прочитываться целиком в течение недели. Устав вводит в монашеское богослужение различные славословия и гимны, распеваемые в службе часам. Одной из особенностей Устава является придание большого значения совместному богослужению, которое ставится в центр монашеской жизни. Ежедневное общее псалмопение является обязанностью, возлагаемой на всю братию. Богослужение по Уставу Бенедикта к XIII в. было воспринято римско-католической церковью в целом. Общий характер богослужения, сопровождавшегося песнопениями, был отмечен Карпини: «они поют всенародно и открыто».

Для совершения службы по уставу Бенедикта было необходимо наличие различных книг. Но в XIII в. получила распространение практика приватного вычитывания служб, для чего был составлен Бревиарий. При папе Гонории III реформированный Бревиарий был воспринят братьями-миноритами, о чем свидетельствуют соответствующие указания в Правилах св. Франциска Ассизского (1223 г.). Трирский собор 1227 г. обязал всех клириков, находившихся в дороге, иметь у себя лишь один Бревиарий для прочтения часов. В 1241 г. папа Григорий IX санкционировал вне-

сение новых изменений в Бревиарий для согласования его с уставом и обычаями ордена францисканцев. В связи с активной миссионерской деятельностью были значительно сокращены службы, в первую очередь за счет певческих текстов и библейских чтений. Исполнение чина часов в ставке Гуюка не соответствовало тем изменениям, которые произошли в богослужебной практике францисканцев с 1223 г. Очевидно, что для последних было в диковинку архаичное совместное и полное исполнение часов, что и было отмечено Карпини.

Не менее экзотично выглядело для него правило «et pulsant ad horas secundum morem Grecorum» («и бьют к часам по греческому обычаю»). А.И. Малеин осовременил выражение, обозначив его как «звонить к часам». Это неверно, т.к. для XIII в. выражение «звонят к часам, согласно обычаю Греков» несет в себе непримиримое противоречие – «звон» (колокольный) в греческой литургии не признавался, считаясь признаком латинства. В IX в. к колокольному звону в Византии относились как к языческому атрибуту. По свидетельству современника событий архиепископа Новгородского Антония, «колокола не держат в святей Софеи; но бильцо мало в руце держа, клеплют на заутрени… била же держат по ангелову учению, а в колоколы латины звонят». Значит, Карпини стал свидетелем еще одной архаичной практики – созывать к «часам», используя *lignum sacrum*, что подразумевалось использованием глагола *pulsare*.

Карпини зафиксировал праздничное богослужение по католическому обряду в ставке великого хана Гуюка в августе 1246 г., говорящее о наличии там определенного числа лиц католического вероисповедания. Миссия Карпини была первой католической миссией, добравшейся до Монголии. Возникает вопрос о том, каким образом там ранее оказались иные представители католической церкви? Их вряд ли можно связывать с обращением тысяч половцев орды Котяна и созданием Половецкой епархии в 1228 г., как это мы сделали для пояснения появления половецких католиков в ставке Батыя. Ведь Батый завоевывал Венгрию и уничтожил Куманскую епархию, а Гуюк в Венгрии не был.

В качестве наемников половецкие отряды на постоянной основе использовались во многих регионах Европы (Spinei 2008. P. 415–417), чем можно объяснить распространение знания вен-

герского, латыни и иных языков, помимо тюркского, в их среде. Из их среды в окружении Гуюка могли появиться лица, знавшие латынь и тюркский и долгое время (до 30 лет, т.е. с 1215 г.) уже находившиеся среди монголов:

> ...много других тайн вышеупомянутого императора мы узнали через тех, кто прибыл с другими вождями, *через многих Русских* и *Венгров, знающих по-латыни и по-французски*, через русских клириков и других, бывших с ними, *причем некоторые пребывали тридцать лет на войне и при других деяниях Татар и знали все их деяния, так как знали язык и неотлучно пребывали с ними некоторые двадцать, некоторые десять лет*, некоторые больше, некоторые меньше.

Поскольку Карпини использовал термин «русский» как политико-географический, а не этнический, указание на русских и венгров, знавших латынь и «язык татар», указывает лишь на то, что эти люди определялись им как выходцы из Южной Руси и Венгрии и, вероятно, были половцами. Часть из них могла позиционироваться как *священнослужители* (надо принимать во внимание особенности трактовки христианских обрядов в кочевой среде). Их длительное нахождение среди монголов (30–20–10 лет), оторванность от церковной жизни могли обусловить архаический характер богослужения. Расположение *capellae* перед входом в шатер великого хана указывает на весьма почетный статус этих лиц.

Из монгольского текста «Сокровенного сказания» известно, что в какое-то время «к Темучжину пришел урянхадаец Чжарчиудай… Теперь же Чжарчиудай отдавал своего сына Чжелме со словами: “Вели ему коней седлать, / Вели ему дверь открывать”». Исключительностью «службы при дверях» обусловлено неоднократное упоминание в тексте источника одного из лучших нукеров Чингис-хана – Чжэлмэ, служение которого у порога начинается с его вступления в дружину. Чингис-хан говорит своему соратнику-нукеру Чжэлмэ: «Вступив в дружину мою вот с каких пор, Чжельме, *рабом при пороге*, / Моим вратарем ты служил» (Сокровенное сказание 1941. С. 96, 164).

Безусловно, обязанности привратника не состояли в открывании дверей. Это одна из почетных должностей, которой награждались сподвижники (нукеры) Чингис-хана. Не случайно при назначении специально упоминалась не только дверь, но и порог – они были сакральными частями юрты. Термин «раб порога» – это

маркер категории лиц, находившихся в подчиненном положении (младший брат) по отношению к великому хану.

Итак, в далекой Монголии в ставке великого хана Гуюка имелась группа *клириков*, исполняющих службу латинского обряда перед входом в главный шатер великого хана. Отмеченное Карпини расположение часовни перед *сакральным порогом* «большого шатра» позволяет думать, что служившие в ней лица входили в состав монгольской иерархии. Их высокий социальный статус, осведомленность и способность общаться на латыни позволяют сделать вывод о том, что они были из числа куманов.

Литература

Зайцев Д.В. Венедикт Нурсийский // ПЭ. Т. 7.

Иоанн де Плано Карпини. История монгалов / Введ., пер. и примеч. А.И. Малеина. СПб., 1911.

Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. / Пер. и примеч. С.А. Козина. М.; Л., 1941.

Ткаченко А.А. Бревиарий // ПЭ. Т. 6.

Pulle G. Historia Mongalorum. Viaggio di f. Giovanni da Pian del Carpine ai Tartari nel 1245–47. Testo. Firense, 1913.

Spinei V. The Cuman Bishopric – Genesis and Evolution // The Other Europe in the Middle Ages (Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans) / Ed. by F. Curta. Leiden; Boston, 2008.

И.Е. Суриков

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ, «ВАРВАРЫ» И СТАНОВЛЕНИЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

«Греческое чудо, *в той мере, в какой его вообще можно объяснить,* обязано своим происхождением в основном столкновению культур» (Поппер 1987. С. 564). Это слова Карла Поппера, одного из виднейших мыслителей XX в. (под «столкновением культур» имеются в виду, как ясно из контекста, именно межэтнические контакты). Сказано броско, но, пожалуй, слишком общо; можно попытаться конкретизировать механизмы соответствующих процессов на каких-нибудь отдельных примерах, что мы и попытаемся сделать в рамках данного доклада.

В конце архаической эпохи и в начале классической безусловным культурным авангардом эллинского мира являлись населенные греками регионы Малой Азии (которые можно условно обозначить как Ионию в широком смысле слова, включая Эолиду и малоазийскую Дориду). Всем известно, что именно там действовали первые античные (а, стало быть, и европейские) философы («милетская школа»). Но оттуда же происходили и первые крупные представители историописания: и Гекатей Милетский, и Геродот. Последний был уроженцем Галикарнасса, который, строго говоря, относится к Дориде. Но характерно, что писал он не на родном дорийском диалекте, а на ионийском. Согласно одной точке зрения, он поступал так потому, что «рано приобщился к передовой ионийской культуре», и потому, что такова была сложившаяся к его времени традиция (Фролов 1981. С. 194). С другой стороны, есть и мнение, согласно которому Галикарнасс в V в. до н.э. стал уже фактически ионийским городом (Cook 1962. P. 30).

Впрочем, это частности; более важно другое. Согласно распространеннейшей точке зрения, воспринимающейся как нечто само собой разумеющееся, этой своей культурной ролью малоазийские эллины обязаны тому, что ареал их обитания был зоной межэтнических контактов, в которой жители греческих городов постоянно сталкивались с «варварскими» народами Востока. Сам этот факт не подлежит сомнению, но какие последствия он порождал?

Галикарнасс, родина Геродота, был местом, где контакты, о которых идет речь, имели весьма интенсивный характер. Вокруг города расселялись карийцы, которые очень рано начали подвергаться эллинизации. Немало карийцев жило и в самом Галикарнассе, и в городе существовал целый карийский квартал – Салмакида. Карийцы и дорийцы-галикарнасцы, очевидно, заключили между собой брачный союз и начали активно родниться друг с другом. В результате население полиса со временем стало смешанным, греко-карийским. Это хорошо заметно по ономастике галикарнасцев: часто бывало, что в одной и той же семье часть членов носила греческие имена, а часть – карийские. Впрочем, несмотря на сильный карийский элемент в населении, преобладавшим в социальном плане компонентом оказался всё-таки эллинский: греческий язык был в галикарнасском государстве официальным, греческий

облик носили образ жизни и культура. Таким образом, перед нами эллинизованное малоазийское общество. Хотя эллинизацию «варваров» обычно связывают с эпохой, которая так и называется эллинистической, в некоторых частях Малой Азии она началась несравненно раньше (ср.: Габелко 2009).

Отец Геродота носил карийское имя *Ликс* (Suid. s.v. Ηρόδοτος). Имя матери историка в источниках передается поразному, поэтому для чистоты картины лучше не брать его в расчет. К карийскому же ономастикону принадлежит и имя *Паниасид*, принадлежавшее знаменитому родственнику Геродота, крупнейшему эпическому поэту того времени. Относительно степени родства двух галикарнасцев в лексиконе «Суда» приводятся две версии: то ли Паниасид – дядя Геродота по матери, то ли его двоюродный брат, причем не по матери, а по отцу (Suid. s.v. Πανύασις). В принципе, тут может и не быть противоречия, если предположить, что родители «отца истории» приходились друг другу дядей и племянницей (вполне допустимый и достаточно распространенный тип брака у греков: на своих племянницах были женаты и отец Платона Аристон, и спартанский царь Леонид – знаменитый герой Фермопил).

Итак, семья Геродота была, в сущности, эллинизованной карийской. Но сделаем здесь упор на слове «эллинизованной». Человек с карийским именем *Ликс* дал своим сыновьям чисто греческие имена *Геродот* и *Феодор*. Из эпиграфического памятника (ML. 32) известно имя сына Паниасида, и оно тоже оказывается греческим (*Формион*). Итак, перед нами семья, в которой лица карийского происхождения (или, во всяком случае, с карийскими корнями) хотели, чтобы в их детях видели уже полноценных эллинов, и фиксировали это ономастическими средствами.

Менее известной, но тоже весьма значительной фигурой в раннем греческом историописании был Ксанф Лидийский (о нем см.: Pearson 1975. P. 109–138; Lendle 1992. S. 25–28; Mehl 2004). Он также работал в V в. до н.э.; считается, что из всех ранних ионийских историков он по духу своего нарратива стоит ближе всего к Геродоту, и это, видимо, в целом соответствует действительности. Ксанф считается уроженцем Сард, лидийской столицы, хотя Страбон был в этом не уверен (Strab. XIII. 4. 9. P. 628). В том же лексиконе «Суда» об этом авторе сказано сле-

дующее: «Ксанф, сын Кандавла. Лидиец из Сард, историк, живший (или «родившийся». – *И.С.*) во времена падения Сард. “Лидийские дела”, 4 книги» (Suid. s.v. Ξάνθος).

Датировка, данная здесь, демонстративно ошибочна (если имеется в виду взятие Сард Киром в 546 г. до н.э.), ибо во фрагментах Ксанфа упоминаются события середины и даже второй половины V в. до н.э. Но обратим внимание на то, что имя отца Ксанфа – *Кандавл*, – несомненно, действительно является лидийским. Согласно Геродоту, так звали последнего царя Лидии из династии Гераклидов (Herod. I. 7 sqq.), убитого первым Мермнадом – Гигесом. Возможно, историк возводил свою родословную именно к Гераклидам; не случайно он в своем главном труде довольно много говорил о представителях этой династии, в отличие от Геродота, который упомянул ее лишь мимоходом и сосредоточился на Мермнадах.

Итак, перед нами лидийская по происхождению семья, но опять же рано эллинизовавшаяся: сам Ксанф уже носит чисто греческое имя и пишет историю своей родной страны на греческом языке, т.е. владеет им свободно (и даже мастерски, как показывают сохранившиеся фрагменты его труда). Иными словами, здесь мы имеем весьма близкую параллель к ситуации с Геродотом: выходец из «варварской» среды становится видным деятелем греческой культуры.

Близко к древнейшим историкам стоит такой автор рубежа архаической и классической эпох, как Скилак Кариандский (Карианды – город в Карии), признаваемый одним из древнейших географов (следует отметить, что на этом раннем этапе развития античных научных знаний география и история были еще неразрывно связаны друг с другом, что ярко проявилось, например, в творчестве Гекатея). Современник Гекатея Скилак, находясь на службе у Дария I и по его поручению совершив в 510-х годах до н.э. свое знаменитое плавание от Индии до Египта, затем издал (Suid. s.v. Σκύλαξ) описание этого путешествия, а также перипл «Нашего моря» и еще один трактат, который мог бы быть из всего его наследия наиболее интересен именно исследователям древнегреческой исторической мысли, если бы от него дошел хоть один фрагмент.

Трактат этот назывался «События при Гераклиде, царе миласян» (Милассы, чаще Миласы – тоже город в Карии). Практически

несомненно, что этот Гераклид должен быть отождествлен с карийским военачальником Гераклидом, сыном Ибаноллия, из Милас, которого упоминает Геродот (Herod. V. 121), рассказывая о восстании против персидского владычества в Карии в самом начале V в. до н.э. Таким образом, в данном сочинении Скилака речь шла о событиях первого этапа греко-персидских войн. Обратим внимание на очередное сочетание «варварского» патронимика с греческим именем: герой труда Скилака оказывается еще одним эллинизованным карийцем. Вполне допустимо, что таковым был и сам Скилак (к сожалению, неизвестно имя его отца).

Однако применительно и к Геродоту, и к Ксанфу, и к Скилаку приходится констатировать: абсолютно независимо от того, какая кровь текла в их жилах (а в том, что без «варварской» примеси здесь не обошлось, сомневаться практически не приходится), они были отнюдь не «варварами», а полноценными греками в любом отношении – по образу жизни и мысли, по языку и воспитанию, по самосознанию. Для Геродота, чьи взгляды известны лучше всего, поскольку его «Историю» мы имеем в своем распоряжении полностью, а не фрагментарно, «своими» самым очевидным образом являются эллины, с ними он себя идентифицирует, а «варвары» для него – чужие. Собственно, он ведь является одним из главных создателей грандиозной картины всего исторического процесса как векового противостояния «эллинского» и «варварского» миров; этим он, можно сказать, внес ключевой вклад в формирование идентичности европейской цивилизации (Суриков 2011. С. 260–270).

Вышеприведенный материал, как нам представляется, свидетельствует о том, что уже достаточно рано, в VI–V вв. до н.э., в контактах малоазийских греков с местными «варварскими» этносами активной, дающей стороной выступали эллины, а туземцы были стороной пассивной, воспринимающей. Характер отношений здесь лучше определять не как «греко-восточный синтез» (излюбленная формулировка специалистов по эллинизму), а как эллинизацию «варваров». Не потому у греков возникло историописание, что их цивилизация вступила во взаимодействие с иной, а потому среди греческих историков оказали сь представители этой иной цивилизации, что они сменили свою цивилизационную принадлежность на эллинскую.

Литература

Габелко О.Л. Еще раз о проблеме «предэллинизма» // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире / Под ред. О.Л. Габелко. Казань, 2009. С. 173–183.

Поппер К. Логика и рост научного знания: Избр. работы. М., 1987.

Суриков И.Е. Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011.

Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1981.

Cook J.M. The Greeks in Ionia and the East. L., 1962.

Lendle O. Einführung in die griechische Geschichtsschreibung: Von Hekataios bis Zosimos. Darmstadt, 1992.

Mehl A. Herodotus and Xanthus of Sardis Compared // The World of Herodotus / Ed. V. Karageorghis, I. Taifacos. Nicosia, 2004. P. 337–348.

Pearson L. Early Ionian Historians. Westport, 1975.

С.Ю. Темчин

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРЕМЬИ СВ. БОРИСУ И ГЛЕБУ КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО (вторая половина XII в.)

Налицо заметный прогресс в изучении исторических (летописных, небиблейских) паремий св. Борису и Глебу (далее – ИП), положенных в паремейниках, служебных и праздничных минеях и иных богослужебных книгах на день их поминовения (24 июля) или перенесения мощей (2 мая). Так, уточнена датировка древнейшего списка XIII в. (Кравецкий 1991. С. 50–51; Успенский 2000. С. 56–57; Назаренко и др. 2003. С. 50), а не XII в., как считалось ранее; проведен их текстологический (Панькевич 1950; Соболева 1981; Мусорин 2006), историко-литургический (Успенский 2000) и источниковедческий (Невзорова 2004; 2006) анализ; рассмотрена жанровая специфика (Лихачева 2003); окончательно установлена производность от «Повести временных лет» (ПВЛ), а не более ранних гипотетических сводов (Гиппиус 2010); рассмотрены литературные образы (Ранчин 2020), в том числе в сопоставлении со службой Борису и Глебу (Legkikh 2020). ИП скомпилированы из ПВЛ, Паремейника, Псалтыри, Апостола, Пчелы и Хроники Георгия Амартола (Гиппиус 2010. С. 59).

Инципиты ИП ориентированы на конкретные ветхозаветные стихи, которыми начинаются паремейные чтения определенных дней подвижного годового круга. Оба комплекта (старый и новый) обычных библейских паремий Борису и Глебу также соотносятся с уставными (в том числе общими) чтениями:

Паремьи Борису и Глебу		
исходные библейские инципиты ИП	комплекты обычных библейских паремий	
	старый	новый (введен Пахомием Логофетом)
1. Притч 17.17 ~ пт 5 Вел. поста	1. Быт 4.8–15 = вт 2 Вел. поста	
2. Быт 14.14 ~ вс 7 по Пасхе (св. отцов в Никее) = общее чтение св. отцам	2. Притч 3.34–4.22 = пн 2 Вел. поста	2. Ис 43.9–14 = св. Георгию (23 апр.) и общее чтение мученику
3. Ис 62.6 ~ особое общее чтение всем святым и мученикам	3. 1 Ин 4.20–5.5 = св. Иоанну Богослову (8 мая, 26 сент.) и общее чтение апостолу	3. Прем 4.7–15 = св. Георгию (23 апр.) и общее чтение мученику, преподобному (-ным), преподобномученику (-кам)

ИП связаны со старым комплектом библейских паремий: инципит его третьего чтения (1 Ин 4.20) цитируется в первой исторической паремье (Успенский 2000. С. 26). При этом ИП ориентированы на особое чтение мученикам, но в новых библейских паремьях эта тенденция проведена радикальнее. Следовательно, хронологически ИП располагаются между старым и новым комплектами библейских паремий.

Указания «От Бытия» и/или «От Притч», обычные перед ИП, не могут быть ни, вопреки А.Г. Кравецкому, типичными для Паремейника ошибками (необъясним выбор именно этих двух книг), ни, вопреки Б.А. Успенскому, результатом соотнесения гибели Бориса и Глеба с библейским рассказом об Авеле и Каине (необъяснимо указание «От Притч»), ни, вопреки А.А. Гиппиусу, реликтами старого комплекта библейских паремий (с иным распределением указаний «От Бытия» и «От Притч»).

Названия обеих книг обусловлены здесь тем, что именно они употребляются в качестве обобщенных названий паремий во-

обще: «От Притч» ~ греч. παροιμία ‘притча; паремья’, тогда как указание «От Бытия» вызвано тем, что Паремейник мог называться «книгой Бытия», поскольку открывался чтением (на канун Рождества Христова) из начала первой книги Ветхого Завета (Успенский 2000. С. 6–7). Указания «От Бытия» и «От Притч» перед ИП являются синонимичными и потому взаимозаменяемыми определениями жанра.

Необычность ИП объясняется влиянием западного богослужения, в котором библейские чтения в дни памяти великих святых могли заменяться житиями (Назаренко и др. 2003. С. 50). Но ИП написаны на Руси, поскольку цитируют церковнославянский Паремейник (Кравецкий 1991. С. 49–52), не следуют строго западному обряду (Успенский 2000. С. 14–18) и используют летопись вместо жития.

Исследователи относят создание ИП к Киеву или Вышгороду, но датируют весьма широко: от эпохи Ярослава Мудрого (Соболева 1981; Невзорова 2004. С. 444; 2006. С. 121) до первой половины или до самого начала второй половины XII в., ранее 1158 г. (Голубовский 1900. С. 141), не позже второй половины XII в. (Соболевский 1890. С. 796) либо до 1191 г., когда мощи Бориса и Глеба были перенесены на Смядынь (Абрамович 1916. С. XIX).

А.М. Ранчин (2020) обратил внимание на выражение *безглавный зверь*, употребленное в третьей исторической паремье по отношению к Святополку Владимировичу, отметив редкость его метафорического значения ‘безрассудный, лишенный разума’ и применение того же словосочетания к еретику Арию в «Слове и похвале отцам Никейского собора» Кирилла Туровского. Исследователь решил, что Кирилл заимствовал это выражение из ИП.

Эта интерпретация неверна: она предполагает ретроспективный перенос редкого словосочетания со Святополка на Ария, тогда как подобные переносы бывают лишь проспективными. Поскольку история мыслится как постепенное раскрытие божественного замысла, более ранние явления признаются прообразами будущего – иногда прикровенными, но непременно имеющими важное гносеологическое значение. Потому в христианской книжности новые явления и исторические лица называются именами старых: Константинополь – Новым Римом или Новым Иерусалимом; Владимир Святославич – Новым Константи-

ном и т.п. Обратное же невозможно, поскольку прообраз не может называться по последующему аналогичному явлению: Рим не называется **Ветхим Константинополем*, а Константин Великий – **Ветхим Владимиром*. Поэтому словесное уподобление Ария Святополку невероятно.

В выражении *безглавный зверь* прилагательное продолжает прасл. **bezgolvъпъ(jь)* (ЭССЯ II. С. 27: ошибочно **bezgolvъпь(jь)*), но отличается от его рефлексов в иных языках метафорическим значением ‘безумный, безрассудный’, которое, однако, вполне обычно для более архаичного по структуре суффиксального образования **bezgolvъ(jь)*.

Схожее переносное значение есть у белор. диал. *безгалоўны* ‘не кампетэнтны, не здатны да разумення’ (Крывіцкі и др. 1994. С. 51), не указанное в ЭССЯ и уникальное не только в восточнославянском, но даже в белорусском контексте (Чалавек 2006. С. 295). Оно зафиксировано лишь под Мозырем, в восточнополесских говорах, охватывающих также Туров.

Если даже семантика прилагательного *безглавный* оказывается узколокальной, то тем более уникально необычное словосочетание *безглавный зверь*, которое следует признать авторским выражением Кирилла Туровского. Примечательно, что оно употреблено в «Слове Никейским отцам», тематически совпадающем с исходным библейским инципитом второй исторической паремьи Борису и Глебу.

Кирилл связан с Туровом, где некогда находился удел Святополка (с его активными западными связями), а епископы в XII в. жили в Борисоглебском монастыре. Этого достаточно для заинтересованности в борисоглебской тематике. Кроме того, исходный библейский инципит третьей исторической паремьи Ис 62.6 «На стенах твоих…» тематически связан со столпничеством (потому позже чтение Ис 62.6–12 было положено столпнику Никите Переславскому, 24 мая), тогда как Кирилл одно время сам стоял на столпе.

Исторические паремьи Борису и Глебу следует считать творением Кирилла Туровского второй половины XII в. (ср. датировки А.И. Соболевского и Д.И. Абрамовича), возможно, одним из наиболее ранних.

Литература

Абрамович Д.И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. (Памятники древнерусской литературы; Вып. 2).

Голубовский П.В. Служба святым мученикам Борису и Глебу в Иваничской минее 1547–1579 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1900. Кн. 14. Вып. 3. С. 125–164.

Гиппиус А.А. «Летописные» Паремийные чтения о Борисе и Глебе: история текста и исторический контекст // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории. М., 2010. Вып. 2. С. 42–71.

Кравецкий А.Г. Из истории паримейного чтения Борису и Глебу // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян / Отв. ред. В.П. Вомперский. М., 1991. С. 42–52.

Крывіцкі А.А. і ін. Усходнепалеская гаворка наваколля Мазыра // Гавораць чарнобыльцы (з мясцовых гаворак чарнобыльскай зоны ў Беларусі) / Рэд. А.А. Крывіцкі. Мінск, 1994. С. 37–88.

Лихачева О.П. Паремийные чтения Борису и Глебу // Книга и литература в культурном контексте: Сб. науч. ст., посв. 35-летию начала археографической работы в Сибири (1965–2000) / Отв. ред. Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев. Новосибирск, 2003. С. 69–74.

Мусорин А.Ю. Лексические разночтения в списках паремий Борису и Глебу: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.

Назаренко А.В. и др. Борис и Глеб // ПЭ. 2003. Т. 6. С. 44–60.

Невзорова Н.Н. Паримии Борису и Глебу: опыт прочтения // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 428–452.

Невзорова Н.Н. О первоначальном культе Бориса и Глеба: Паримийные чтения и Летописная повесть // История в рукописях и рукописи в истории: Сб. науч. трудов к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки / Под ред. А.А. Давыдовой. СПб., 2006. С. 101–128.

Панькевич И. Семигородське парамійне читання про пімсту Ярослава на Святополкові за убиття Бориса і Гліба // Slavia. 1949–1950. R. 19. S. 86–99.

Ранчин А.М. К интерпретации небиблейских паремийных чтений Борису и Глебу: Образ Святополка Окаянного // ДРВМ. 2020. № 3 (81). С. 83–94.

Соболева Л.С. Исторические паремии Борису и Глебу – малоизученный памятник Киевской Руси: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1981.

Соболевский А.И. «Память и похвала» св. Владимиру и «Сказание» о свв. Борисе и Глебе (По поводу статьи г. Левитского) // Христианское чтение. 1890. № 5–6. С. 791–804.

Успенский Б.А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000.

Чалавек: Тэматычны слоўнік / Рэд. Л.П. Кунцэвіч, А.А. Крывіцкі. Мінск, 2006.
Legkikh V. Paroemiae to SS Boris and Gleb: Complementarity of Chronicles and Liturgical Canon in the Creation of the Image of the First Russian Saints // The Medieval Chronicle. Leiden, 2020. Vol. 13. P. 106–130.

Д.М. Тимохин

ДИНАСТИЙНЫЕ БРАКИ В ГОСУДАРСТВЕ ХОРЕЗМШАХОВ В XII – НАЧАЛЕ XIII в.

Династийные браки правителей Хорезма из рода Ануштегинидов (1097–1220) являются относительно хорошо изученной проблемой: к ней в разное время обращались В.В. Бартольд (1963), З.М. Буниятов (1986), И. Кафесоглу (Kafesoğlu 1956) и другие ученые. Однако их внимание было привлечено к, пожалуй, самому дискуссионному сюжету: браку хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Текиша (1172–1200) и его последствиям, к чему в специальных исследованиях обращался и автор этой статьи (Тимохин, Тишин 2018. С. 83–103; Тимохин 2020. С. 549–564). Однако браки других правителей Хорезма из той же династии никогда не были объектом специального изучения, отчасти ввиду скудости источниковой базы, отчасти в связи с тем, что они имели гораздо менее значимые последствия для истории этого государства. В данной статье на основании сведений средневековых мусульманских исторических сочинений мы попытаемся восполнить этот пробел и рассказать о том, как формировалась традиция брачных связей внутри династии Ануштегинидов и какую роль здесь играла элита кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака. Отдельно хотелось бы отметить тот факт, что анализ династийных браков правителей Хорезма способен дать ответ на вопрос о том, как и за счет чего формировалась военная и политическая мощь этой державы, ставшей к началу XIII в. крупнейшим мусульманским государством Среднего Востока.

Относительно полулегендарного основателя династии правителей Хорезма, Ануш-тегина (Нуш-тегина), в исторических источниках нет ничего значимого, кроме указания на его тюркское

происхождение и карьеру, которую он сделал при дворе сельджукских наместников (Ибн ал-Асир 2006. С. 232). Справедливости ради стоит отметить, что и правителем Хорезма, даже с формальной точки зрения, Ануш-тегин не был, а вот уже его сын, Кутб ад-Дин Мухаммад (1097–1127/28), может считаться сельджукским наместником в Хорезме и полусамостоятельным правителем этой области (Qazvini 1903. P. 367). Впрочем, и в отношении этого правителя Хорезма, и его сына, ‘Ала’ ад-Дина Атсыза (1127/28–1156), исторические источники не содержат прямых указаний на особенности их браков и не упоминают даже имен их жен. Однако уже в биографии третьего правителя Хорезма, Абу-л-Фатха Ил-Арслана (1156–1172), мы находим любопытные для нас сведения: мусульманские историки указывают на то, что после смерти этого хорезмшаха началась борьба за престол между его сыновьями, ‘Ала’ ад-Дином Текишем и Султан-шахом Махмудом.

> После него стал править сын его Султан-шах Махмуд, а делами государства и войск стала распоряжаться его мать [Туркан]. Старший же сын его [Ил-Арслана] ‘Ала’ ад-Дин Текиш находился в Дженде, который дал ему отец в надел. Когда он узнал о смерти отца и возведении на престол его младшего брата, то вознегодовал на это, направился к царю хитаев, попросил у него помощи против своего брата, возбудив его алчность богатствами и сокровищами Хорезма (Ибн ал-Асир 2006. С. 270–271; см. также: ал-Хусайни 1980. С. 238).

Почетное имя жены хорезмшаха Абу-л-Фатха Ил-Арслана, Теркен-хатун (Туркан-хатун, Туракин-хатун), совпадает с почетным именем жены ‘Ала’ ад-Дина Текиша и матери хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада (1200–1220). Именно эта хорезмийская правительница, как нами уже было отмечено выше, чаще всего становится объектом пристального внимания исследователей, а ее принадлежность к конкретному тюркскому племени восточного Дешт-и Кыпчака является предметом дискуссии, длящейся по сей день (Тимохин, Тишин 2018. С. 83–103). Здесь же хотелось бы обратить внимание на два важных момента. Во-первых, тюркское происхождение жены ‘Ала’ ад-Дина Текиша не вызывает сомнений благодаря обширной информации об этом в мусульманских исторических сочинениях (ан-

Насави 1973. С. 87). Ничего подобного нельзя сказать об упомянутой нами жене Абу-л-Фатха Ил-Арслана: кроме почетного имени, которое, впрочем, фигурирует не во всех исторических текстах, и участия в междоусобной борьбе, других деталей ее биографии мусульманские источники нам не сообщают. При этом очевидно, что в династии Ануштегинидов существовала традиция в отношении почетных имен старших жен хорезмшахов, однако, насколько данная традиция была сильна и все ли правители Хорезма следовали ей, сказать сложно по всё той же причине – скудости сведений в исторических источниках. Впрочем, можно уверенно заявить о том, что данная традиция, если она и являлась таковой, скорее всего, была заимствована Ануштегинидами у Сельджуков, от державы которых были зависимы первые хорезмшахи из данной династии. У Садр ад-Дина ал-Хусайни в его труде «Ахбар ад-Даулат ас-Селджукиййа» («Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-селджукиййа» – «Сообщения о Сельджукском государстве», «Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях») есть несколько примеров этого имени, которым называли жен сельджукских правителей. В частности, именно под этим именем исследователям известна жена султана Муизз ад-Дина Абу-л-Хариса Ахмада Санджара (1118–1157), последнего правителя восточной части некогда могущественной Сельджукской державы (ал-Хусайни 1980. С. 91–92).

Данный пример говорит скорее в пользу того, что этим почетным именем награждались именно жены правителей, имевшие тюркское происхождение. Так у того же ал-Хусайни указан отец Теркен-хатун, жены султана Санджара: им являлся правитель Самарканда по имени Ахмад-хан. Мусульманский историк дает ему следующую характеристику:

> После этого Санджар пошел [походом] на Самарканд. Его правителем был Ахмад-хан, один из величайших тюркских султанов. У него было 12 тысяч мамлюков редкой храбрости. Он покорил [всех] тюрок и овладел в стране кибиток (т.е. кочевников. – *Д.Т.*) землями, отстоящими [от его столицы] на расстояние двух месяцев пути (Там же. С. 90).

В том же тексте мы находим любопытное описание смерти сельджукского султана Малик-шаха (1072–1092):

Когда Малик-шах умер в Багдаде, рядом не оказалось ни одного из его сыновей, кроме Махмуда, а он был еще малым ребенком. Войска присягнули ему по следующим причинам: первая – его мать Теркен-хатун во время правления султана Малик-шаха стала полновластной во [всех] делах. Она была благосклонна к войскам, и они предпочли ее сына. А вторая причина была та, что она была из тюркских царей. Говорили, что она из рода Афрасийаба (Там же. С. 77–78).

Таким образом, можно предположить, что Ануштегиниды скопировали сельджукскую традицию присвоения жене почетного имени «Теркен-хатун» в случае династийного брака с представителями тюркской кочевой элиты. Проследить это на протяжении всей истории правления данной династии не представляется возможным, как уже нами было отмечено, ввиду скудости сведений, однако на данный момент подобный вывод кажется нам логичным. Это вполне согласовывается с другими заимствованиями сельджукских традиций правителями Хорезма, а также с тем фактом, что именно Ануштегиниды станут прямыми наследниками власти Сельджуков в Хорасане, Мавераннахре и сопредельных с ними регионах, пусть и на очень короткий срок.

Источники и литература

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В.В.* Соч. М., 1963. Т. I.

Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, 1097–1231. М., 1986.

Ибн ал-Асир. «Ал-Камил фи-т-тарих» «Полный свод по истории». Избранные отрывки / Пер. П.Г. Булгакова, Ш.С. Камолиддина. Ташкент, 2006.

ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер. З.М. Буниятова. Баку, 1973.

Тимохин Д.М. Об эпизоде из биографии суфийского шейха Маджд ад-Дина ал-Багдади и хорезмийской правительницы Теркен-хатун // История, археология и этнография Кавказа. 2020. № 16 (3). С. 549–564.

Тимохин Д.М., Тишин В.В. Происхождение Теркен-хатун, матери хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада: к проблеме соотношения этнонимов в восточном Дешт-и Кыпчаке в XII – начале XIII вв. в исторических источниках // Мат-лы II-й науч. конф. средневековой истории Дешт-и Кыпчака. Павлодар, 2018. С. 83–103.

ал-Хусайни, Садр ад-Дин ‘Али. Ахбар ад-Даулат ас-Селджукиййа (Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-селджукиййа)

(«Сообщения о Сельджукском государстве». «Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях») / Пер. З.М. Буниятова. М., 1980.
Kafesoğlu I. Harezmşahlar devleti tarihi (485–617/1092–1229). Ankara, 1956.
Qazvini Hamdallah. Târikhè gozîdè: les dynasties persanes pendant la période musulmane depuis des Saffârîdes jusques et y compris les Mogols de la Perse en 1330 de notre ère / Trad. J. Gantin. P., 1903.

В.В. Тишин

СОГДИЙЦЫ В РАННЕЙ ИСТОРИИ ТЮРКСКОГО КАГАНАТА (ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ГИПОТЕЗЫ)*

Активность представителей согдийской среды на территории Центральной Азии, связанная, в первую очередь, с их торговой деятельностью, в период V–VIII вв. хорошо известна, формы их адаптации на территориях, охваченных этой активностью, изучены (La Vaissière 2005). Вопросы о роли и месте согдийцев в истории Тюркских каганатов неоднократно рассматривались в специальных работах (см., например: Stark 2008. S. 289–314, с предшествующей литературой). Имеется вполне хрестоматийная подборка письменных свидетельств об участии согдийцев во внутренней жизни степной империи восточно-тюркских каганов. Вместе с тем о роли согдийцев в становлении самой Тюркской империи говорят всё еще с осторожностью.

К. Бэквиз сделал замечательное наблюдение: те, кто впервые в истории известен под именем *тюрк*, с самого своего появления на исторической арене упорно стремились наладить торговые отношения с соседями, упорно продолжая эту линию в дальнейшем, не пренебрегая даже войнами (Beckwith 1987. P. 178 ff.). Действительно, наладив сначала союзнические, а затем даннические отношения с правившими Срединной равниной сяньбийскими династиями, от которых они получали шелк, тюрки последовательно расширяли свою экспансию на запад в направлении торговых магистралей, дойдя до попыток заключить торговые соглашения на поставку шелка с сасанидским Ираном и Византией.

В свое время С.Г. Кляшторный на основе анализа генеалогических преданий, связанных с тюрками, и ряда других сведений о них, выделил два периода в их ранней истории: ганьсуйско-гаочанский и алтайский (Кляшторный 2003. С. 157, 160). Первый связан с пребыванием предков правящего клана А-ши-на 阿史那 в местности Пин-лян 平涼 среди тех, кто именуется в китайских источниках *цза ху* 雜胡 ‘смешанные *ху*’, пока они вместе с 500 семействами не вынуждены были переселиться на территорию Турфанского оазиса, а затем, после 460 г., на Алтай, где уже произошло формирование нового исторического сообщества, получившего имя *тюрк* (Там же. С. 149–160). Также придерживаясь концепции о глубоких исторических связях с согдийцами тех, кто позже назвался именем *тюрк*, еще задолго до переселения предков их правящего клана, Э. де Ла Вэссьер вполне прямо написал о последних как о представителях кочевнической среды, которые происходили от смешанного населения согдийских торговых баз в Гань-су 甘肅 и имели с влиятельным согдийским купечеством более тесные контакты по сравнению с кочевниками предшествующих эпох (La Vaissière 2005. P. 205–206). Такая интерпретация объяснила бы не только природу плотных на протяжении всей истории Тюркских каганатов тюрко-согдийских взаимодействий, но также темпы и логику экспансии Тюркской империи, позволяя рассматривать ее как своего рода «согдийский проект».

Слово *ху* 胡, использовавшееся в древней китайской историографии для обозначения некоей группы северных кочевников, а затем для аллегорического обозначения «варваров» в целом, с конца VI в. определенно начинает обозначать представителей западных регионов, в основном иранской (или шире – индоевропейской) языковой среды, контекстуально связываясь преимущественно с согдийцами (Pulleyblank 1952. P. 318–323; La Vaissière 2005. P. 57, 60, 72–74, 119–122). Термин *цза ху* **雜胡**, сокращенный вариант от *цза-чжун ху* 雜種胡, обозначает ‘*hu* barbarian of mixed race’, подразумевая смешанное происхождение от союзов представителей разных идентичностей и, в общем, потенциально новую идентичность (Pulleyblank 1982. P. 10, 104, note 1; Chen Sanping 2012. P. 90–92).

Имя правящего клана тюрков **ašina* (отмеченное теперь кроме китайских источников дважды в согдийских эпиграфических текстах – на Бугутской и Карабалгасунской стелах) наиболее удачно этимологизируется на основе восточноиранских языков (хот.-сак. *āṣṣeiṇa* ~ *āṣṣeṇa* ‘синий’, согд. *’xs’yn’k* [əxsānē] ‘синий, темный’, ср. тохар. А. *āśna-* ‘синий, темный’ < хот.-сак. или согд.: Кляшторный 2003. С. 158, 246–248). Имена представителей первых поколений тюркской династии не этимологизируются на основе тюркских языков (Golden 1992. P. 120–121; Rybatzki 2000. P. 206–221, 246). Впрочем, личная ономастика, как и титулатура (которая у тюрков в ранний период целиком заимствованная), не могут рассматриваться как однозначное основание для лингвистической атрибуции их носителей. Нет, однако, никаких определенных данных о языке носителей наименования *тюрк* в период второй половины VI – первой половины VII в. Известие под 575 г. о поручении одному из сановников Северного Ци, владевшему многими языками, перевести на «тюркский язык» (突厥语) *Nirvānasūtra* (Цэнь Чжун-мянь 1958. С. 36 [Бэй Ци шу, цз. 20]) не говорит ни о чем, кроме как о существовании некоего тюркского – причем не в лингвистическом, а в политическом смысле – языка, т.е. языка сообщества, идентифицирующегося как *тюрк*.

Два монументальных памятника периода раннего Тюркского каганата – Бугутская надпись в Монголии и надпись из Монголкюре в Восточном Туркестане – выполнены согдийским письмом и на согдийском языке (мы не касаемся здесь надписей на брахми). Следуя ранним китайским сведениям о тюрках, «их письмена аналогичны [письменности] *ху*» (其書字類胡) (Цэнь Чжун-мянь 1958. С. 502 [Чжоу шу, цз. 50], 519 [Бэй ши, цз. 99]). Речь идет о согдийской письменности, что подтверждается упоминанием аутентичных источников о «письменности *ху*» (**胡書**) касательно населения владения Кан 康 (Самарканд) (Вэй шу, цз. 102. С. 27а; Суй шу, цз. 83. С. 11а; Бэй ши, цз. 97. С. 33б)[1] или, например, даже касательно Гао-чан **高昌**, где «письменность и одинакова с китайской, [и] используют *ху*ское письмо» (**文字亦同華夏兼用胡書**) (Бэй ши, цз. 97. С. 13б). Что касается языка, высказанное еще П. Пельо мнение о том, что согдийский

язык выполнял функцию своего рода *lingua franca* на Шелковом пути, по-видимому, находит подтверждение, по крайней мере, для VII–VIII вв. (Skaff 2003. P. 475–476, note 1; p. 506, note 74; p. 512). Так, в Гао-чан 高昌 местные жители, «хотя упражняются в чтении [по-китайски], но везде есть *ху*ский язык» (雖習讀之而皆為胡語) (Бэй ши, цз. 97. С. 13б).

Таким образом, перспективной представляется следующая детализация гипотезы о постепенном складывании политического сообщества *тюрк*. Его ядром стал коллектив, состоявший из представителей разных групп населения местности Пин-лян 平涼, лингвистически и ментально связанный с согдийской купеческой средой. В течение периода, характеризующегося его передвижением в Турфан и пребыванием там, он интегрировал в свой состав новые, в известной степени родственные ему, компоненты из местных обитателей. В законченном виде сообщество с новой идентичностью сформировалось уже на Алтае, в результате сплочения вокруг этого ядра групп местного населения, когда и случилось принятие общего имени *тюрк*. Создание новой идентичности как раз отражено в генеалогических преданиях, типичных по своей сути *origo gentis*.

Эта гипотеза никогда не получит подтверждения или опровержения археологически. Потенциальные возражения могут быть парированы за счет двух моментов.

В качестве примера, если говорить о тех же согдийцах в новой среде, мы не должны искать «археологических» согдийцев, равняясь на знания о них по Средней Азии. Гробницы носителей согдийских фамилий на территории Турфанского оазиса и Центральной равнины (Чжун-юань 中原) показывают вариативность погребальной обрядности. В Восточном Туркестане известны традиционные погребения в оссуариях, относящиеся, правда, к концу VII – началу VIII в. (Hansen 2005. P. 298). На территории Центральной равнины согдийцы адаптировали китайскую погребальную обрядность, которая у них, однако, не отличалась универсальностью. Наряду с гробницами, которые содержат погребения в деревянных гробах, есть иные отличные случаи. Так, погребения Юй Хун 虞弘 (ум. 592 г.) в Тай-юань 太原 и Ань Цзя 安伽 (ум. 579 г.) в Си-ань 西安 не имеют гробов, а только плат-

формы для гробов, при этом кости Ань Цзя 安伽 были помещены за воротами гробницы, будучи предварительно сожжены (Rong Xinjiang 2006. P. 154, 158)[2].

Другой момент предполагает, что сами искомые согдийцы (как и другие *ху*) необязательно должны предстать здесь как оседлые торговцы и ремесленники, оставившие бы характерный археологический след. Они могли быть и полноценными всадниками-номадами, адаптировавшими свой образ жизни под степной быт, подобно тому, что наблюдалось в отношении носителей согдийских фамилий в VIII в. (Pulleyblank 1952. P. 331).

Примечания

[*] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства культуры, образования, науки и спорта Монголии в рамках научного проекта № 19-59-44013.

[1] Здесь и ниже пагинация китайских источников приводится по изданию «Цинь-дин сы ку цюань-шу хуэй яо» 欽定四庫全書薈要 («Избранное из “Высочайше утвержденного полного собрания книг по четырем разделам”»).

[2] Хотя в обоих случаях гробницы были потревожены, в факте сожжения костей Ань Цзя 安伽 сомневаться не приходится (Lerner 2005. P. 10).

Литература

Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.

Beckwith C.I. The Tibetan Empire in Central Asia. A History of the Struggle for Great Power among Tibetans, Turks, Arabs, and Chinese during the Early Middle Ages. Princeton, 1987.

Chen Sanping. Multicultural China in the early Middle Ages. Philadelphia, 2012.

Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992.

Hansen V. The Impact of the Silk Road Trade on a Local Community: The Turfan Oasis, 500–800 // Les Sogdiens en Chine / Ed. É. de la Vaissiere, É. Trombert. P., 2005. P. 283–310.

La Vaissière É. de. Sogdian Traders: a History / Transl. by J. Ward. Leiden; Boston, 2005.

Lerner J.A. Aspects of Assimilation: The Funerary Practices and Furnishings of Central Asians in China // Sino-Platonic Papers. 2005. № 168. P. 1–51.

Pulleyblank E.G. A Sogdian Colony in Inner Mongolia // T’oung Pao. 2nd Series. 1952. Vol. 44. № 4–5. P. 317–356.

Pulleyblank E.G. The Background of the Rebellion of An Lu-shan. L.; N.Y.; Oxford, 1982 (repr.: 1955).
Rong Xinjiang. New Light on Sogdian Colonies along the Silk Road: Recent Archaeological Finds in Northern China (Lecture at the BBAW on 20th September 2001) // Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. Berichte und Abhandlungen. 2006. Bd. 10. P. 147–160.
Rybatzki V. The Titles of Türk and Uigur Rulers in the Old Turkic Inscriptions // Central Asiatic Journal. 2000. Vol. 44/2. P. 205–292.
Skaff J.K. The Sogdian Trade Diaspora in East Turkestan during the Seventh and Eighth Centuries // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2003. Vol. 46. № 4. P. 475–524.
Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien. Wiesbaden, 2008.
Цэнь Чжун-мянь 岑仲勉. Ту-цзюэ цзи ши 突厥集史. Пекин, 1958.

Э.А. Хайрединова

ВИЗАНТИЙСКАЯ «МОДА» В КОСТЮМЕ ГОТО-АЛАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА*

В эпоху раннего Средневековья Крым находился в сфере влияния Восточной Римской империи. Главным союзником и форпостом империи в Крыму стал город Херсон (античный Херсонес). Управляемый византийской администрацией, он был крупным транзитным портом на самом коротком морском пути из Византии, входил в имперскую торговую систему и вел активную торговлю с портами Черноморско-Средиземноморского бассейна (Ajbabin 2010. S. 401). Херсон стал центром распространения византийской культуры в Юго-Западном Крыму, в области, где исследователи локализуют описанную Прокопием Кесарийским страну Дори, населенную готами – союзниками византийцев (De Aedificiis III, 7, 13–17; Айбабин 1999. С. 111). Анализ археологической культуры этого времени, зафиксированной в регионе, позволяет говорить о смешанном гото-аланском населении (Айбабин, Хайрединов 2017. С. 149–160).

Присутствующий в материальной культуре раннесредневекового населения Юго-Западного Крыма византийский компонент наиболее отчетливо проявляется в костюме. В начале VI в. в регионе распространились отдельные византийские аксессуары

одежды и украшения. Ярко византийская «мода» проявилась в мужском воинском костюме. С середины VI в. гото-аланские воины носили византийские наборные пояса, названные по наличию элемента в форме гербового щитка геральдическими (Хайрединова 2018. С. 207–232). Считается, что геральдический стиль возник в византийских провинциях Нижнего Подунавья в результате смешения византийских и варварских вкусов в среде местных военных поселений (Амброз 1994–1995. С. 49). Многочисленные находки разнотипных деталей геральдических поясных наборов и каменных форм для их отливки подтверждают существование в Нижнем Подунавье центра по изготовлению и распространению поясной гарнитуры этого вида (Ivanišević 2018. Fig. 2, 3). Вместе с тем происходящая из Каппадокии литейная форма для производства геральдических бляшек и наконечников ремней (Bavant 2005. P. 629, fig. 1), а также находки на территории Малой Азии и Сирии геральдических деталей поясной гарнитуры второй половины VI в. (Schultze-Dorllamm 2009. T. 1. Kat. Nr. 71; T. II. Ab. 112) позволяют говорить об одновременном распространении стиля во многих областях империи.

Во второй половине VI – VII в. женщины Юго-Западного Крыма носили парадный костюм, состоявший из подпоясанного широким ремнем с большой пряжкой верхнего платья, наплечной накидки, которую зачастую пристегивали к платью парой одинаковых фибул, и специфического набора украшений. Мода на подвязывание платья широким поясом с большой пряжкой с одновременным застегиванием верхней одежды на плечах парой одинаковых фибул возникла в первой половине V в. на Среднем Дунае под влиянием римской провинциальной моды в среде полиэтничной варварской аристократии, а в VI в. сохранилась только у визиготов, остготов и готов Крыма (Bierbrauer 1975. S. 80–83; Амброз 1994–1995. С. 61). В женском традиционном костюме крымских готов наиболее ярко выражен восточногерманский компонент. Прототипами для больших пряжек и многих фибул из Юго-Западного Крыма послужили застежки остготов и гепидов. Местные ювелиры, взяв за образцы восточногерманские изделия из Подунавья и Северной Италии, выработали свои формы аксессуаров, украшенных в своеобразном стиле. Массовое и одновременное распространение костюма совпадает

с активизацией политики Византии в регионе. Основным занятием местного населения во второй половине V – начале VI в. было сельское хозяйство, его продукцию обменивали в Херсоне на необходимые, сделанные городскими ремесленниками товары (Айбабин 1999. С. 82, 90), в число которых входили и металлические аксессуары одежды. Натуральный обмен не способствовал накоплению запасов золота и серебра. Для производства одного набора из большой пряжки, пары фибул и браслетов необходимо было от 100 до 200 г серебра и еще примерно 10–15 г золота для различных украшений. Из письменных источников известно, что в эпоху раннего Средневековья ювелиры получали драгоценный материал от своего заказчика или приобретали его сами в виде старой золотой и серебряной утвари (Рудаков 1997. С. 154). Благосостояние жителей Юго-Западного Крыма при Юстиниане I, как о том сообщает Прокопий, стало основываться не только на земледелии, но и на военной службе империи (De Aedificiis III, 7, 13–17). Получение постоянных выплат за воинскую службу давало возможность приобретать дорогие украшения и аксессуары или заказывать их у ювелиров. На их изготовление могли пускать и добытые в ходе военных действий трофеи. Женщины с большими пряжками в склепах часто захоронены рядом с мужчинами-воинами, как о том свидетельствует присутствие воинских поясных наборов и оружия.

С усилением политической и военной активности Византийской империи в Юго-Западном Крыму с последней четверти VI в. возросло и влияние византийской «моды» на костюм местных жителей. В костюме с большой пряжкой появились импортные провинциально-дунайские фибулы, обувные пряжки и отдельные типы украшений. Под влиянием христианства распространились личные предметы культа (кресты, филактерии, медальоны), которые носили в ожерельях как подвески, перстни с христианской символикой. Христианская символика появляется также на местных фибулах и пряжках. В VII в. особенной популярностью пользовались небольшие цельнолитые пряжки – со щитком, украшенным растительным декором (типа «Сиракузы»), с изображением льва или со щитком в форме креста, распространенные во всей Византии и на прилегающих к ней территориях (Хайрединова 2016. С. 242–265; 2019. С. 72–102).

Бронзовые византийские цельнолитые пряжки отличались от больших поясных застежек крымских готов дешевизной и практичностью. Они представлены распространенными, стандартными типами, производившимися в литейных мастерских по всему византийскому миру. Пряжки были предметом массового производства, рассчитанными на торговлю. Изготовлялись они без ремня. Легкость, с какой пряжку укрепляли на ремне, позволяла потребителю самому выбирать, в каком качестве использовать застежку. В итоге византийские пряжки стали универсальными застежками, которые носили и мужчины, и женщины, и дети. В женском костюме с большой пряжкой и в мужском воинском костюме такие пряжки использовались как вспомогательные – только в качестве застежки для сумочки или ремешка для ножа. Пояса ими застегивали только дети, подростки и мужчины – не воины.

Во второй половине VII в. разнообразие византийских застежек возросло: появились шарнирные пряжки со щитком U-образной или лировидной формы, либо со щитком с дисковидной тыльной частью. Последние представляют особый интерес. Они сделаны из бронзы и покрыты позолотой. Массивные рамки и язычки этих пряжек литые, тогда как щиток вытиснен из тонкой пластины в форме коробочки, заполненной изнутри пастой, в которой зафиксированы три проволочные петли для крепления застежки на ремне. На примыкающей к шарниру поверхности щитка пряжки из Баклинского Оврага вытиснены две птицы, клюющие растение. В центре дисковидной части в той же технике исполнена девятилепестковая розетка с геометрическим орнаментом. Щиток пряжки из Лучистого декорирован рельефными волнами и крестом, вписанным в круг из псевдоскани. Пряжки изготовлены византийскими ювелирами, которые в качестве образцов использовали золотые парадные аксессуары знати (Айбабин, Хайрединова 2005. С. 289–290, 294. Рис. 1, 3). Тонкая штампованная пластина, заполненная пастой, и позолота позволяли при небольшой затрате средств создать имитацию дорогих украшений. Византийские шарнирные пряжки с лировидным или дисковидным щитком, копировавшие парадные золотые поясные застежки аристократов, стали использоваться жительницами Юго-Западного Крыма вместо большой поясной застежки.

К концу VII в. византийские застежки полностью вытеснили из женского костюма большие пряжки, лишив его этнического своеобразия. К этому времени из одежды женщин и девочек исчезли и фибулы. В конце VII в. жительницы Юго-Западного Крыма перешли на византийскую одежду, включавшую платье, подпоясанное узким ремешком с небольшой бронзовой пряжкой, и минимум украшений: небольшую низку стеклянных бусин, серьги и изредка – браслеты.

Жительницы страны Дори стремились одеваться модно, используя в своем костюме импортные украшения. Безусловно, в глазах жителя Константинополя местные «модницы» первой половины VII в., в ожерельях которых могли присутствовать крышка от бронзового светильника или ручка от стеклянной лампады, а пояс мог быть застегнут пряжкой огромных размеров или мужской воинской пряжкой, выглядели по-варварски. Но уже в конце VII – первой половине VIII в. по одежде крымских готок нельзя было отличить от жительниц любой византийской провинции.

Примечание

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда по проекту № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в средние века и новое время».

Литература

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Новые византийские пряжки из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2005. Вып. 11. С. 289–313.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь, 2017.

Амброз А.К. Юго-западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. 1994/1995. Вып. 4. С. 31–88.

Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб., 1997.

Хайрединова Э.А. Пряжки типа «Сиракузы» из Керчи // Боспорские исследования. 2016. Вып. 33. С. 242–265.

Хайрединова Э.А. Геральдический поясной набор с христианской символикой второй половины VI в. из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. 2018. Вып. 23. С. 207–232.

Хайрединова Э.А. Византийские пряжки с изображением льва второй половины VII в. из Юго-Западного Крыма // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Миры Византии. Симферополь, 2019. С. 79–102.
Ajbabin A.I. Das frühbyzantinische Chersonesos / Cherson // Byzanz – das Römerreich im Mittelalter / Hrsg. von F. Daim; J. Drauschke. Mainz, 2010. S. 397–423. (Monographien RGZM; 84,2,1).
Bavant B. Un moule d'orfèvre protobyzantin au British Museum // Mélanges Jean-Pierre Sodini. Travaux et mémoires. P., 2005. T. 15. P. 627–644.
Bierbrauer V. Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975.
Ivanišević V. Metal Workshops of Caričin Grad (Justiniana Prima) // Lebenswelten zwischen Archäologie und Geschichte. Festschrift für F. Daim zu seinem 65. Geburtstag / Hrsg. von J. Drauschke, E. Kislinger, K. Kühtreiber, T. Kühtreiber, G. Scharrer-Liška, T. Vida. Mainz, 2018. S. 711–724. (Monographien des RGZM; 150).
Schulze-Dörrlamm M. Byzantiniche Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuzeum. Mainz, 2009. T. 1–2.

А.А. Хлевов

ТЮРИ, СИГРИД ГОРДАЯ И МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ КОЛЛИЗИИ ЭПОХИ «СМЕНЫ ВЕР»

Не вызывает сомнения, что матримониальные коллизии оказывали решающее влияние на политическую, военную и социальную историю эпохи Средневековья в неизмеримо большей степени, чем на историю античности или Нового времени. Причина этого – как в исключительной персонификации политических процессов периода феодальных отношений, так и в том, что варварские общества Европы оставили в наследство средневековой культуре неординарно большую роль женщин во всех сегментах повседневности. Как в германских, так и в славянских социумах и ранних государствах женщины сохраняли известную автономность в экономическом и социальном аспектах и, следовательно, продолжали оказывать существенное влияние на принятие решений и их реализацию – через связанных с ними мужчин или самостоятельно.

Особенно показателен в этом смысле период «второй волны политогенеза», пришедшейся на VIII–XI вв., когда в Восточной

и Северной Европе возник ряд государств, имевших преимущественно «восточнороманскую» природу (Лебедев 1985. С. 262–265; 2005. С. 182–221; Хлевов 2013; 2016). Особенностью этой эпохи было взаимоналожение собственно политогенеза на смену вер, христианизацию, т.е. кардинальная смена и социального, и духовно-нравственного континуума. Для «женского вопроса», в частности, это имело существенное значение, поскольку привычные для варварской Европы многоженство и наложничество переживали единомоментный кризис. Если, скажем, для Харальда Прекрасноволосого присоединение Гюды (вдохновившей его, согласно Снорри, на объединение Норвегии) к числу его прежних жен проблемой не являлось – как и для самой Гюды (Сага о Харальде Прекрасноволосом, гл. 20–21), – то через сотню лет институт христианского брака серьезно осложнил подобные процессы. Сосуществование стойких и убежденных язычников и еще более горячих христианских неофитов растянулось на несколько поколений, и процесс смены вер был не линейным, а, скорее, возвратно-поступательным и многоэтапным. Женщины сыграли в нем заметную роль.

Весьма показательна коллизия 995–1000 годов. Олав Трюггвасон высадился в Норвегии, Хакон ярл был обезглавлен собственным рабом, прельстившимся обещанной за это наградой, а его сын Эрленд был собственноручно убит Олавом. Олав, не так давно перед прибытием в Норвегию крестившийся, насаждал новую веру столь жестко, что создал мощную оппозицию в эмиграции, что и привело в итоге к знаменитой «битве трех королей» при Свёльде (Хлевов 2006. С. 69–79; 2009. С. 98–135). Однако непосредственной причиной выступления коалиции северных конунгов против Олава Норвежского явилась именно матримониальная коллизия, в которой оказались замешаны две знатные женщины. Сигрид, вдова конунга шведов Эйрика Победоносного и, предположительно, мать Олава Шведского (Шётконунга), получившая прозвище Гордой за твердый и неуступчивый характер, была завидной невестой. История сватовства Олава Трюггвасона к ней лаконично, но детально описана в соответствующей саге в «Круге Земном» (Сага об Олаве сыне Трюггви, гл. 60–61). При личной встрече в Конунгахелле между ними произошел конфликт: Олав заявил, что Сигрид обязатель-

но должна креститься, на что та ответила категорическим отказом. Разъяренный Олав ударил ее перчаткой по лицу; в ответ на это Сигрид сказала фразу, ставшую пророческой: «Это может привести к твоей смерти». Вскоре она вышла замуж за Свейна Вилобородого, конунга датчан, что заложило основу дружбы между Свейном, ее сыном Олавом Шведским и его союзником Эйриком ярлом, послужив одним из толчков к летней кампании 1000 г., закончившейся битвой при Свёльде.

В то же время, по версии «Круга Земного», князь славян-вендов Бурицлейв (Болеслав?), давний друг Олава Трюггвасона, у которого тот долго жил во времена, предшествовавшие его английской эпопее, женился на Тюри, сестре Свейна Вилобородого. Однако брак был неудачен – Бурицлейв был язычником, к тому же преклонных лет, Тюри – христианкой. После свадьбы она в течение недели не притрагивалась к еде и пище язычников, а затем сбежала в Данию со своим приемным отцом, бывшим при ней в качестве сопровождающего. Однако оставаться там она не могла, т.к. опасалась, что Свейн, обнаружив ее, немедленно выдаст Бурицлейву, и проследовала в Норвегию, где вскоре стала женой Олава Трюггвасона. В результате Олав попал в довольно щекотливое положение, ибо женился на сбежавшей жене своего давнего товарища и союзника. Тюри же изводила его жалобами на то, что в стране вендов остались принадлежащие ей по закону (!) владения, которые она хотела бы вернуть себе (Хлевов 2009. С. 100–105).

Наиболее интересна в данном контексте именно фигура Тюри и связанная с ней коллизия. Согласно Снорри, датский конунг Свейн Вилобородый был во вполне детективном ключе захвачен йомсвикингами и удерживался в Йомсборге в стране вендов. Его принудили примириться с Бурицлейвом под угрозой выдачи вендам и мучительной гибели. Именно в подтверждение этого примирения Свейн и должен был жениться на дочери Бурицлейва Гуннхильд, а Бурицлейв – на сестре Свейна, Тюри, дочери Харальда Синезубого (Сага об Олаве сыне Трюггви, гл. 62; Губанов 2020. С. 9–11).

Серьезным вопросом является атрибуция персоны самого Бурицлейва. Механическое отождествление его с польским князем (королем) Болеславом Храбрым или с «гибридом» Болесла-

ва и Мешко соблазнительно и стало общим местом в комментариях к переводам источников и аналитической литературе. Однако оно, сколь соблазнительно, столь и маловероятно. Прежде всего, персона Болеслава и его семейные связи, при всей их сложности, относительно неплохо известны. Среди его четырех или даже пяти официальных супруг никакая датчанка Тюри не умещается: две мейсенские принцессы соседствовали с венгерской; дочь лужицкого князя, как и предполагаемая киевлянка Предслава – тоже не «датский вектор» политики. Этот комплекс связей – вполне польский феномен; Болеслав, каким он предстает в «несеверных» источниках, – подлинный претендент на звание основоположника Польской державы, погруженный в континентальные контакты. Контроль первых польских королей над Балтийским побережьем, занятым многочисленными, воинственными и тесно связанными со скандинавами племенами, вряд ли мог быть ощутимым. К тому же реальный Болеслав был ровесником Олава и в тридцать с небольшим не мог казаться молодой жене стариком.

Логично предполагать, что информаторы Снорри не ошибались и не искажали реалий: под именем Бурицлейва выступает некий князь именно славян Поморья, земли которых непосредственно прилегали к владениям датчан. Этот вендский вождь (вполне вероятно, также носивший имя Болеслав-Бурицлейв, а возможно, просто с ним отождествленный) был достаточно силен для того, чтобы на равных общаться с конунгом данов и привечать на своей земле крайне своеобразное и специфичное сообщество йомсвикингов (гибрид классического лагеря викингов, Запорожской Сечи и современной ЧВК). Бурицлейв в данном случае выступает как вполне равновесный контрагент Швеции, Норвегии и Дании, так сказать, равноправный участник «Балтийского концерта».

В этом контексте роль Тюри, личность которой крайне неудовлетворительно освещена источниками, приобретает особое значение. Выдача ее датчанами замуж за языческого вождя – в обмен на дочь этого вождя – выглядит как вполне типичный матримониальный союз, даже, возможно, менее болезненный, чем аналогичные союзы между византийскими принцессами и лидерами кочевников или русскими княжнами и половецкими

ханами. Однако бурная реакция Тюри на разницу вероисповеданий, острое осознание своей персональной судьбы и принятие непростого решения выглядят очень колоритно.

Бурицлейв, оставаясь последовательным язычником, не вызывает неприязни у Олава Трюггвасона. Очевидно, отсутствие территориальных разногласий и удаленность конунгов друг от друга являются залогом бесконфликтности. Но Тюри вносит турбулентность в эту систему.

С одной стороны, она олицетворяет собой совершенно новый для Северной Европы типаж «плачущей христианки» – жертвы политических обстоятельств и династических связей. С другой – ее своеволие и сила духа оказываются тем камнем, на который находит коса балтийской политики. Попытка датской княжны не отступить от своих принципов и, одновременно, не потерять свое вендское «вено», в конечном итоге втягивает Олава Трюггвасона в абсолютно губительную для него кампанию 1000 г.

Выводы, извлекаемые из этой коллизии, достаточно очевидны. Христианизация социальных и политических лидеров переходной эпохи была экспрессивной, но поверхностной. Жесточайшие репрессии по отношению к «собственным» язычникам сочетались с абсолютной индифферентностью к вопросам веры в союзных землях. Старая дружба Олава с Бурицлейвом безоговорочно пересиливает разногласия с ним в области вероисповедания.

Религиозные пристрастия женщин высокого статуса были ничуть не менее внятными и отчетливыми, чем у мужчин. Их позиция оказывала решающее значение на ход истории: стойкое язычество Сигрид, как и христианские убеждения Тюри, запустили череду неразрешимых конфликтов. Женщина, четко определявшаяся в собственных вероисповедальных приоритетах, играла классическую для Севера роль подстрекательницы, первоисточника вражды, погубительницы героя. Нет сомнения, что списать эти сюжеты на долю литературного канона невозможно. Переломная эпоха становления раннехристианских государств Северной Европы до предела обнажала имевшую тысячелетние корни модель поведения свободной женщины высокого статуса, добавляя новые идейные импульсы, невозможные еще два–три поколения назад.

Источники и литература

Губанов И.Б. Легенды о Харальде Синезубом, Свейне Вилобородом и Пальнатоки по Свену Аггесену, Саксону Грамматику, Адаму Бременскому и исландским сагам // Научный вестник Крыма. 2020. № 6 (29). С. 8–16.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

Сага о Харальде Прекрасноволосом // *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. М., 1980. С. 42–67.

Сага об Олаве сыне Трюггви // Там же. С. 97–167.

Хлевов А.А. «Обыкновенное чудо»: цивилизация северных морей как культурный феномен // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. СПб., 2013. Т. 14. Вып. 2. С. 257–269.

Хлевов А.А. Битва при Свёльде: к вопросу о прогрессе тактики ведения морских сражений раннего средневековья // Скандинавские чтения 2004 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2006. С. 69–79.

Хлевов А.А. Битва трех королей (1000 год) // Величайшие битвы средних веков: сб. / Под ред. В. Гончарова. М., 2009. С. 98–135.

Хлевов А.А. Предвестники викингов: Северная Европа I–VIII вв. СПб., 2016.

Р.П. Храпачевский

РУССКО-ТАНГУТСКИЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ XIII в. (НА СИНХРОННОМ МАТЕРИАЛЕ МОНГОЛО-КИТАЙСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ И РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ)

В Ипатьевской летописи в записи о «татарском первом нахождении» (т.е. в рассказе о сражении на Калке и событиях, ему предшествующих и последовавших вскоре после него, в 1223–1224 гг.) приводится и первое на Руси упоминание о тангутах и их стране:

> Ожидая Богъ покаяния крестьянскаго, и обрати и воспять на землю восточноую и воеваша землю Таногоустьскоу и на ины страны. Тогда же и Чаногизъ кано ихъ Таногоуты убьенъ бысть. Их же прельстивше и последи же льстию погоубиша, иные же страны ратми, наипаче лестью погоубиша (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 745).

Как известно, протограф Ипатьевской (в части за XIII в., так называемой Галицко-Волынской летописи) не имел хронологической сетки (она была произвольно проставлена в Ипатьевском ее списке), а потому дата этой записи определяется через *termi-*

nus post quem, а именно – по известной дате смерти «кано» Чингисхана (25 августа 1227 г.). Наиболее вероятно, что автор этих летописных записей был при дворе галицко-волынского князя Даниила Романовича и сопровождал его в поездках в Орду, где и мог получить процитированные сведения о Тангуте, подробностях войны с тангутами Чингисхана и о смерти последнего в Тангуте. Это дает дополнительные временны́е ориентиры: 1240–1250-е годы. Кроме того, использование этникона «тангут» говорит, что информаторами были монголы или тюрки – ведь самоназвание этого народа было *ми* или *мияг*, а *тангутами* их звали соседи-тюрки и потом монголы.

Это сообщение галицко-волынского летописца передает синхронную событиям монгольскую версию смерти Чингисхана в ходе его тангутского похода (1225–1227 гг.) и является свидетельством знакомства летописца (или его русского информатора, приближенного к Даниилу Галицкому) с монгольскими источниками высокого ранга. На это указывает не только точность деталей войны с тангутами и обстоятельств смерти Чингисхана в ее ходе, но и интересное замечание, что монголы «прельстивше и последи же льстию погоубиша» тангутов. Это совпадает с рассказом монгольского «Сокровенного сказания» (1240 г.), где приводится завет-завещание Чингисхана (перед его смертью) касательно судьбы остатков тангутского государства и предательского уничтожения его последнего владетеля (см.: Козин 1941. С. 191). Название «Сокровенного сказания», несмотря на его условность, указывает на главные его цели – служить для монгольских каанов и других чингизидов книгой наставлений и секретным собранием сведений о событиях и делах, которые не должны быть широко известны (о системе сохранения текстов «Сокровенного сказания», «Алтан дэбтэр» и прочих документов монголов в так называемых «золотых сундуках» и в тайных хранилищах см.: Храпачевский 2021). Для сравнения: Рубрук, побывавший и в Сарае у Батыя, и в Каракоруме у Мэнгу-каана в 1253–1254 гг., не знает версии «Сокровенного сказания», а передает совершенно фантастическую легенду о Чингисхане и его «пленении тангутами» (Рубрук 1957. С. 130), т.е. он, будучи довольно неплохо осведомленным по разным вопросам монгольской политики, не был всё же допущен к сведениям о тангутской войне Чингисхана – в отличие от людей Даниила Галицкого.

С другой стороны, и тангуты в это же самое время познакомились с Русью. Наиболее полным свидетельством этого является юаньская эпитафия знатного тангута (он принадлежал к правящей фамилии государства тангутов Си Ся), который был на службе у монгольских каанов и участвовал в походе на Русь. Его тангутское имя-титул – Шири-гамбу (1191–18.08.1259), а пожалованное китайское имя – Ли Чжэнь-сянь (фамилия Ли была пожалована китайскими императорами династии Тан членам правящей династии Си Ся). Эпитафия эта была написана в 1308 г. юаньским историографом Яо Суем (1238–1313) на основании документов середины XIII в., сохранившихся в архиве монголо-китайской канцелярии Мэнгу-каана. Сведения этой эпитафии стали основой жизнеописания Шири-гамбу в «Юань ши» (Юань ши. С. 3011), но там использовались также и дополнительные сведения других юаньских первоисточников. Согласно сообщениям данной эпитафии, Шири-гамбу имел под своим началом зависимых людей (которые, скорее всего, были тангутами), составлявших его личный отряд воинов (Яо Суй. С. 648–649). Вместе с ними он участвовал в штурме Рязани, а также отличился в других боях с русскими, поэтому Батый приказал подробно записать его заслуги в этом походе и специально сохранить в письменном отчете о нем (Там же). Позднее Мэнгу-каан (1208–1259) приказал сделать копию послужного списка Шири-гамбу, что и позволило Яо Сую сохранить его содержание в составе текста эпитафии. При всем этом Шири-гамбу не стремился к военной карьере, т.к. его жизнеописание в «Юань ши» сообщает, что он, как только получил военное звание тысячника по результатам похода в Европу и на Русь, сам попросился в отставку и пожелал получить гражданскую должность, став судьей (Юань ши. С. 3012). В указанных источниках подчеркивается конфуцианская ученость Шири-гамбу, а значит можно предположить, что он писал свою «частную историю», а по сути мемуары о своих путешествиях и службе в разных частях империи, как это было принято у чиновников-конфуцианцев высокого ранга. Возможно, в них были и его воспоминания о Руси и Европе.

Приведенные русско-тангутские пересечения XIII в. оказались возможными вследствие создания и расширения Монгольской империи. Таким образом, именно монголы и их подъем в XIII в. были основным объединяющим фактором для их появления. И Тангут, и

Русь одинаково стали объектами монгольского завоевания, только первый раньше, а вторая – десятилетием позже. А вот дальнейшие их судьбы оказались весьма различными: в русских землях были сохранены местные династии правителей, а сами они оказались периферийными вассальными княжествами Монгольской империи (фактически независимыми в своей внутренней политике), в то время как Тангут вошел непосредственно в ядро имперских земель (значительная часть его территории стала уделами для чингизидов), его правящая династия была уничтожена физически, а оставшаяся в живых тангутская элита была абсорбирована в имперский чиновный аппарат на территориях Монголии и Китая (где и оказалась в итоге ассимилированной).

Но этим не исчерпывается монгольский, объединяющий, фактор для русско-тангутских пересечений – есть еще один любопытный его аспект. Речь идет о монгольском обычае имянаречения, когда сыновьям давались имена побежденных врагов. У чингизидов он трансформировался в традицию использования названий завоеванных стран и народов для имен сыновей ханов. Так, уже у Джучи, старшего сына Чингисхана, имя Тангут получил его шестой сын (Рашид ад-Дин 1960. С. 75). А имена, означавшие «Русь» – или по-монгольски («Орос»), или в тюркской огласовке («Урус»), – оказались и еще более популярными: так, например, «Урусами» были правнуки каана Угэдэя и Джучи (Рашид ад-Дин 1960. С. 13–14 и 76 соответственно), а имя «Орос» носил праправнук Тэмугэ-отчигина (Юань ши. С. 2713).

Литература

Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongrol-un niruca tobciyan. Юань чао би ши (Монгольский обыденный изборник). Введение, перевод, тексты и глоссарии. М.; Л., 1941. Т. 1.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. 2.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

Храпачевский Р.П. Отражение монгольских первоисточников XIII века в династийной истории «Юань ши». На материале походов монголов на Русь и в Восточную Европу // ДГ, 2021 г.: Восточная Европа и мир ислама. К юбилею Т.М. Калининой. М., 2021. С. 510–523.

Юань ши (元史, 北京). Пекин, 1997.

В.М. Хусаинов

ПЕРВОЕ УПОМИНАНИЕ СКЛАВИИ И КОРОЛЬ СКЛАВОВ СКАЛЬК В «ДЕЯНИЯХ ДАНОВ» САКСОНА ГРАММАТИКА

В произведении Саксона Грамматика «Деяния данов», завершенном ок. 1208–1219 гг., Склавия (*Sclauia*) – страна склавов (*sclaui*), т.е. южнобалтийских славян, – впервые упоминается в легендарной второй книге, в рамках рассказа о завоеваниях Хельги Убийцы Хундинга и Хёдбродда, отца известного в древнеисландской литературе героя Хрольва Жердинки (Saxo II.5.1–7).

Согласно Саксону Грамматику, после смерти датского короля Хальдана его сын Хельгон (Хельги),

> ...разделив королевскую власть со своим братом и по жребию получив во владение море, напал морскими силами на короля Склавии Скалька и одолел [его]. После того как [Хельгон] обратил ее (Склавию. – *В.Х.*) в провинцию, он бороздил водные просторы, исследуя разные заливы (Saxo II.5.2: Qui diuiso cum fratre regno maris possesionem sortitus regem Sclauie Scalcum maritimis copiis lacessitum oppressit. Quam cum in prouinciam redegisset, uarios pelagi recessus uago nauigationis genere perlustrabat).

В этом кратком и уникальном (не встречающемся в других источниках) сообщении о Склавии вызывает интерес ее статус (по отношению к Дании) и имя ее первого правителя.

Говоря о подчинении Склавии, Саксон Грамматик использует античное выражение «обратить в провинцию» (*in prouinciam redigĕre*), в котором слово *prouincia* имеет значение завоеванной (в контексте древнеримской истории – внеиталийской) области с наместником во главе (Дворецкий 1976. С. 829). В других случаях Саксон нередко употребляет это слово в значении более характерном для средневековой латыни: земля или страна безотносительно ее субординации либо часть страны или королевства (Saxonis Gesta Danorum 1957. P. 668–669; Niermeyer 2002. Vol. 2. P. 1131). Обращение Саксона к античным образам в данном случае не случайно. Саксон Грамматик склонен представлять историю Дании как имитацию истории Древнего Рима

(Friis-Jensen 2015. P. xl–xliii), и нарочитая антикизация рассматриваемого сюжета задает нужный автору тон: датский король Хельгон подчиняет внедатскую область Склавию и обращает ее в провинцию Дании подобно римским полководцам и императорам, подчинявшим внеиталийские земли и обращавшим их в провинции Рима. Таким образом, Саксон Грамматик при первом же упоминании Склавии в классических терминах дает понять, что она уже во времена завоеваний легендарного Хельгона становится провинцией Дании, т.е. подчиненной датским правителям внедатской областью.

На подчиненное положение страны склавов, возможно, указывает значение имени первого упомянутого Саксоном Грамматиком «короля Склавии» Скалька (*rex Sclauie Scalcus*). Древнеисландское слово *skálkr* означает ‘человек, находящийся в услужении; слуга; раб’ (IED. P. 542). Как реальное имя собственное оно не встречается в Скандинавии (Lind 1911. S. 908). В континентальной Европе оно известно с VIII в., см.: Köbler 2014). Иное дело – в «легендарной» части «Деяний данов», где имя «Скальк», помимо первого славянского короля, носят несколько персонажей: во второй книге легендарный герой Бьярки (*Biarco*) обращается к своему спальнику, называя его Скальком (*cubicularius suus Scalcus*) (Saxo II.7.5). В пятой книге фигурирует некто Скальк Сконский (*Scalc Scanicus*) (Saxo V.10.1, 13.1), выполнявший военные поручения датского короля Фродона (Фроди Фредегода). Скальк Сконский (*Skalc Scanicus*) назван в числе воинов датского короля Харальда Боевой Зуб в восьмой книге при описании битвы на Бравеллире (Бровалле) (Saxo VIII.2.1). В том же сюжете упомянут отец некоего Скалька (*Scalki pater*) в числе предводителей датского короля, сраженных героем Старкадером (Saxo VIII.4.5). В первом случае связь личного имени «Скальк» с занятием его обладателя непосредственная: имя человеку дано сообразно тому социальному положению, которое он занимает в обществе, а именно спальник, слуга. В остальных случаях речь идет, по всей вероятности, о достаточно знатных людях, но, согласно легендарной части «Деяний данов», состоящих на службе у датских правителей. Мы видим, что имя «Скальк» в произведении Саксона Грамма-

тика не закреплено исключительно за склавами. Собственно, «король» Скальк – единственный склав, который носит это имя.

Высказывалось предположение, что Саксон Грамматик принимает древнескандинавские имена нарицательные за имена личные (Herrmann 1922. S. 78–79). Подобным образом, по мнению П. Херрманна, Саксон образует имена *Scatus* (< *skati* ‘воин’), *Thengillus* (< *þengill* ‘князь, предводитель’), *Egtherus* (< *eggþér* ‘меченосец’?), а также *Scalcus* (< *skálkr* ‘слуга’). Особым примером служит имя одного из первых датских королей – «Грам» (*Gram*) из др.-исл. *gramr*, первое значение которого – ‘гнев, ярость’, но в поэтическом языке часто означающее ‘король’ или ‘воин’ (IED. P. 211). В данном случае сам Саксон объясняет «этимологию» этого слова: король Грам с молодости был награжден настолько превосходными дарами тела и духа, что потомки воздали ему должное и в древнейших датских песнях обозначали его именем королевское достоинство (*regia nobilitas*) (Saxo I.4.1). Подобное представление о происхождении имен нарицательных от имен личных, как отмечал П. Херрманн, характерно и для древнеисландской ученой традиции времени Снорри Стурлусона. К мнению П. Херрманна присоединяется и Х. Эллис Дэвидсон, которая предполагает, что Саксон Грамматик мог принять в письменном источнике имена нарицательные за личные (Saxo 2008. Vol. II. P. 27, 43). Хотя прямых указаний Саксона Грамматика в отношении пары *Scalcus–skálkr* нет, она могла пониматься аналогично паре *Gram–gramr,* где имя личное, по представлениям Саксона, перешло в нарицательное.

В свою очередь, в паре *sclavus–skálkr,* возможно, присутствует игра слов, основанная на синонимии. Согласно Ш. Верлиндену, не позднее X в. в Германии у латинского слова *sclavus* впервые появилось юридическое значение ‘раб, пленный’, указывающее в большей степени на социальный статус, а не на этническое происхождение. В этом значении слово использовалось в Германии в X–XI вв., а затем постепенно вышло из употребления в связи с сокращением торговли рабами, по преимуществу пленными славянами. В других странах Западной Европы оно появляется не раньше XIII в., когда в Италию начали завозить славян-невольников из Юго-Восточной Европы и с черноморского побережья. С этого времени слово

sclavus = ‘раб’ используется в Западной Европе не только в юридических текстах, но и в исторической литературе и постепенно проникает в национальные европейские языки (Verlinden 1943 P. 121–128; Niermeyer 2002. Vol. 2. P. 1234). Современники Саксона Грамматика, вероятно, знали слово *sclavus* в значении ‘раб’. Так, словарь Ш. Дюканжа фиксирует *Sclava* (ж.р.) в значении *serva* (‘рабыня’) в «Краткой истории Иерусалимской» Жака де Витри (ок. 1160/1170–1240), написанной ок. 1219–1221 гг. (Du Change 1846. P. 118). Не исключено, что и Саксону Грамматику было известно значение ‘раб, пленный’ у слова *sclavus*, хотя в «Деяниях данов» это слово употребляется только как этноним.

Таким образом, слова *skálkr* и *sclavus* для Саксона Грамматика и его образованных германоязычных читателей могли иметь одно и то же значение. Использование в Западной Европе слова *sclavus* = ‘раб’ могло повлиять на выбор Саксоном Грамматиком имени первого упомянутого им «короля» Склавии: Скальк, т.е. «Раб», был королем склавов, т.е. «рабов».

Если слова *Scalcus/skálkr* и *sclavus* в представлении Саксона действительно имели одно и то же значение, то гипотетически имя первого упомянутого в «Деяниях данов» «короля» Склавии можно было бы рассмотреть в качестве эпонима: Скальк, иначе «Раб» или на латыни «Склав», дал имя своему народу склавов и своей стране Склавии. Эпонимия хорошо известна Саксону Грамматику: прародителями и первыми правителями данов и англов Саксон считает братьев Дана (*Dan*) и Ангула (*Angul*) соответственно, имена которых дали название и их народам, и их странам (Saxo I.1.1–1.3). Но если в случае с Даном и Ангулом мы располагаем собственным указанием Саксона на их «эпонимичность», то авторских ремарок о том, что Скальк был первым правителем и прародителем склавов, нет – он лишь первым из склавов и склавских правителей упомянут в «Деяниях данов». В подавляющем большинстве случаев в «Деяниях данов» имена впервые упомянутых правителей тех или иных народов не созвучны имени их народа. Мне известно лишь одно исключение – это «король хунов» (гуннов) Хун (Saxo V.7.1: «Hun – rex hic Hunorum erat»; это же имя носит и его брат). Но по сюжету Хун не выступает в качестве эпонимического героя, так же как и Скальк.

Итак, первое упоминание Склавии в произведении Саксона Грамматика обосновывает издревле существующее подчинение этой земли Дании: король Склавии Скальк побежден легендарным датским королем Хельгоном, сама Склавия превращена в провинцию Дании. Значение имени Скальк (‘слуга’), возможно, призвано дополнительно указать на подчиненное положение Склавии по отношению к Дании.

Источники и литература

Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд. М., 1976.

Du Change Ch. Glossarium mediae et infimae latinitatis. P., 1846. Vol. 6.

Friis-Jensen K. Introduction // *Saxo Grammaticus*. Gesta Danorum, The History of the Danes / Ed. K. Friis-Jensen; Transl. P. Fisher. Oxford, 2015. Vol. 1.

Herrmann P. Erläuterungen zu den ersten neun Büchern der dänischen Geschichte des Saxo Grammaticus. Leipzig, 1922. T. 2: Kommentar: Die Heldensagen des Saxo Grammaticus.

An Icelandic-English Dictionary / Init. by R. Cleasby, revised, enlarged & compl. by Guðbrand Vígfússon; Suppl. by W.A. Craigie. Oxford, 1874.

Köbler G. Althochdeutsches Wörterbuch. 2014 // http://www.koeblergerhard.de (25.01.2022).

Lind E.H. Norsk-Isländska dopnamn ock fingerade namn från medeltiden. Uppsala; Leipzig, 1911. Vol. 6.

Niermeyer J.F. Mediae Latinitatis Lexicon Minus / Ed. J.F. Niermeyer, C. van de Kieft; Rev. J.W.J. Burgers. 2nd ed. Leiden, 2002. Vol. 2.

Saxo Grammaticus. Gesta Danorum, The History of the Danes / Ed. K. Friis-Jensen; Transl. P. Fisher. Oxford, 2015. Vol. 1–2.

Saxo Grammaticus. The History of the Danes: Books I–IX / Transl. P. Fisher; Ed., comment. H. Ellis Davidson. 7th ed. Cambridge, 2008. Vol. 1–2.

Saxonis Gesta Danorum. Haunia, 1957. T. 2: Index verborum / Conficiendum cur. F. Blatt.

Verlinden Ch. L’origine de slavus = esclave // Archivum Latinitatis Medii Aevii. 1943. № 17. P. 97–128.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айбабин Александр Ильич – д-р ист. наук, проф., гл. науч. сотр. Ин-та археологии Крыма РАН (Симферополь), aleksandraibabin@rambler.ru

Алексеенко Николай Александрович – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та археологии Крыма РАН, Dr. Etudes médiévales IV-Sorbonne (Париж, Франция) alekseyenkonikolaj@gmail.com

Артамонов Юрий Александрович – канд. ист. наук, науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН, artamonov5@yandex.ru

Арутюнова-Фидянан Виада Артуровна – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН

Ауров Олег Валентинович – канд. ист. наук, доц. РГГУ, вед. науч. сотр. ШАГИ ИОН РАНХиГС, Olegaurov1@yandex.ru

Бубенок Олег Борисович – д-р ист. наук, проф., гл. науч. сотр. Ин-та востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины (Киев, Украина), helgebub@gmail.com

Булычева Елена Владимировна – канд. ист. наук, доц. кафедры всеобщей истории РГГУ, bulychevalena@yandex.ru

Ванькова Анна Борисовна – канд. ист. наук, науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН, avankova@mail.ru

Вдовченков Евгений Викторович – канд. ист. наук, зав. каф. археологии и истории древнего мира Южного федерального ун-та (Ростов-на-Дону), vdovchenkov@yandex.ru

Вершинин Константин Владимирович – канд. ист. наук, науч. сотр. Ин-та российской истории РАН, versh-kv@yandex.ru

Вершинина Юлия Евгеньевна – канд. ист. наук, преп. Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, vershininaue@gmail.com

Вин Юрий Яковлевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН, hkn@igh.ras.ru

Виноградов Андрей Юрьевич – канд. ист. наук, доц. НИУ ВШЭ, ampelios@gmail.com

Гвоздецкая Наталья Юрьевна – д-р филол. наук, проф. РГГУ, проф. Сретенской духовной академии, ngvozd@yandex.ru

Гимон Тимофей Валентинович – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН, guimontv@mail.ru

Джаксон Татьяна Николаевна – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН, Tatjana.Jackson@gmail.com

Добровольский Дмитрий Анатольевич – канд. ист. наук, доц. НИУ ВШЭ, dmdobrowolski@gmail.com

Ермолова Ирина Евгеньевна – канд. ист. наук, доц. Историко-архивного ин-та РГГУ, merira@mail.ru

Зедгенидзе Ангелина Андреевна – канд. ист. наук, приглашенный преп. НИУ ВШЭ, angelina.zedgenidze@gmail.com

Земляков Михаил Вячеславович – канд. ист. наук, доц. НИУ ВШЭ, der-schwarze-obelisk@yandex.ru

Иваненко Александр Владимирович – канд. филол. наук, науч. сотр. Ин-та украинского языка НАН Украины, skyfetym@gmail.com

Калинина Татьяна Михайловна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН, tmka@yandex.ru

Каштанов Денис Викторович – независимый исследователь, kastanon@gmail.com

Коматарова-Балинова Евгения – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. НАИМ БАН (София, Болгария), e_komatarova@abv.bg

Комендова Йитка – д-р гуманит. наук (PhD), проф. Философского ф-та Университета им. Палацкого (Оломоуц, Чехия), jitka.komendova@seznam.cz

Коновалова Ирина Геннадиевна – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН, irina_konovalova@mail.ru

Короленков Антон Викторович – канд. ист. наук, доц. ГАУГН, sallust@list.ru

Котышев Дмитрий Михайлович – канд. ист. наук, доц., педагог доп. образования МБОУ «Лицей № 13», зам. директора МБУ «Троицкий краеведческий музей» (Троицк, Челябинская обл.), grizli973@mail.ru

Кузнецов Андрей Александрович – д-р ист. наук, проф., доц. Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, nalbuz@mail.ru

Кузнецова Анна Михайловна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та славяноведения РАН, kuznetsova.anna.m@gmail.com

Кызласов Игорь Леонидович – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Ин-та археологии РАН, kyzlasovil@mail.ru

Лавренченко Мария Леонидовна – канд. ист. наук, мл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН lavrenchenko1@yandex.ru

Лаушкин Алексей Владимирович – канд. ист. наук, доц. МГУ, laushkin@list.ru

Ликкардо Сальваторе – Австрийская академия наук, постдок-исследователь, salvatore.liccardo@univie.ac.at

Литвина Анна Феликсовна – канд. филол. наук, вед. науч. сотр. Лаборатории лингвосемиотических исследований НИУ ВШЭ

Литовских Елена Владимировна – канд. ист. наук, науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН, eiltovskih@mail.ru

Лицкевич Олег Владимирович – аспирант Республиканского ин-та Высшей школы (Минск, Беларусь), olitskevich@pravka.com

Лукин Павел Владимирович – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та российской истории РАН, lukinpavel@yandex.ru

Матузова Вера Ивановна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН, matuzova@list.ru

Матюшина Инна Геральдовна – д-р филол. наук, вед. науч. сотр. ИВГИ имени Е.М. Мелетинского, почетный проф. Ун-та Эксетера (Великобритания), I.Matyushina@exeter.ac.uk

Мельникова Елена Александровна – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН, melnikova_2002@mail.ru

Михеев Савва Михайлович – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та славяноведения РАН; ШАГИ РАНХиГС, mikheev@gmail.com

Мишин Дмитрий Евгеньевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та востоковедения РАН, mde@mts.ru

Могаричев Юрий Миронович – д-р ист. наук, проф. Крымского респ. ин-та постдипломного пед. образования, вед. науч. сотр. Ин-та археологии Крыма РАН (Симферополь), mogara@rambler.ru

Никольский Иван Михайлович – канд. ист. наук, ст. науч. сотр., доц. ШАГИ ИОН РАНХиГС, доц. РГГУ, науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН, ivan.nikolsky@mail.ru

Перевалов Сергей Михайлович – канд. ист. наук, независимый исследователь (Владикавказ), sarinin@rambler.ru

Петрухин Владимир Яковлевич – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та славяноведения РАН, проф. НИУ ВШЭ, vladimir.petrukhin@gmail.com

Подосинов Александр Васильевич – д-р ист. наук, проф. МГУ, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН, podossinov@mail.ru

Рашковский Борис Евгеньевич – канд. ист. наук, науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН, borisevg@gmail.com

Риер Янина Александровна – канд. ист. наук, доц., нзависимый исследователь (Могилев, Беларусь), morgana_89@mail.ru

Селезнёв Юрий Васильевич – д-р ист. наук, проф. Воронежского гос. ун-та, orda1359@mail.ru

Ставиский Вадим Изяславович – канд. ист. наук, независимый исследователь (Киев, Украина), vstav@ukr.net

Суриков Игорь Евгеньевич – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН, isurikov@mail.ru

Темчин Сергей Юрьевич – д-р гуманит. наук (PhD), проф., гл. науч. сотр. Ин-та литовского языка Академии наук Литвы (Вильнюс, Литва), Sergejus.Temcinas@flf.vu.lt

Тимохин Дмитрий Михайлович – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та востоковедения РАН, horezm83@mail.ru

Тишин Владимир Владимирович – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского Отделения РАН РАН, tihij-511@mail.ru

Успенский Федор Борисович – д-р филол. наук, директор Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова РАН, чл.-корр. РАН, fjodor.uspenskij@gmail.com

Флёров Валерий Сергеевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та археологии РАН, valerij-flyorov@yandex.ru

Хайрединова Эльзара Айдеровна – канд. ист. наук, зав. Отделом средневековой археологии Ин-та археологии Крыма РАН (Симферополь), khairedinovaz@rambler.ru

Хлевов Александр Алексеевич – д-р филос. наук, канд. ист. наук, проф., проф. Ин-та общественных наук и междунар. отношений Севастопольского госуд. ун-та, проф. филиала МГУ в Севастополе, hlevov@mail.ru

Храпачевский Роман Петрович – директор Центра по изучению военной и общей истории (Москва), rutenica@narod.ru

Хусаинов Вадим Маратович – науч. сотр. Музеев Московского Кремля, vadimaratson@gmail.com

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ – Античная древность и средние века. Свердловск; Екатеринбург.
БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997–2020. Т. 1–20.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВЕДС – Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто: Мат-лы конф. М.
ВКЛ – Великое княжество Литовское
ГАУГН – Гос. академический ун-т гуманитарных наук (Москва)
ГВЛ – Галицко-Волынская летопись
ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
ГЛ – *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии / Введ., пер. и комм. С.А. Аннинского. М., 1938.
ГМИИ – Гос. музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Москва)
ДГ – Древнейшие государства Восточной Европы (до 1990 г. – Древнейшие государства на территории СССР): Материалы и исследования. М.
ДРВМ – Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М.
ДСК – Древнеславянская кормчая XIV титулов
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. М.
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей.
ИВГИ – Ин-т высших гуманит. исследований им. Е.М. Мелетинского РГГУ (Москва)
КБН – Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
Лавр. – Лаврентьевская летопись
ЛИИРЯ – Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МГУ – Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
НАИМ БАН – Национальный Археологический ин-т с музеем Болгарской АН
НАН Украины – Национальная Академия наук Украины
НИУ ВШЭ – Нац. исследовательский ун-т «Высшая школа экономики»
Н1мл. – Новгородская I летопись младшего извода

ПБЦ – Первое Болгарское царство

ПВЛ – 1) «Повесть временных лет»

2) Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д.С. Лихачёва; Под. ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996.

ПД – *Петр из Дусбурга*. Хроника земли Прусской / Подгот. В.И. Матузова. М., 1997.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей:

Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997.

Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998.

Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000 (репринт изд.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950).

Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000 (репринт изд.: Пг., 1915. Вып. 1; Л., 1925. Вып. 2; Л., 1929. Вып. 3).

Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.

Т. 7: Воскресенская летопись. СПб., 1856.

Т. 9: Никоновская летопись. М., 1965.

Т. 24: Летопись по Типографскому списку. Пг., 1921.

Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949.

Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959.

Т. 30: Владимирская летопись. М., 1965.

Т. 33: Холмогорская летопись. Двинская летопись. Л., 1977.

Т. 34: Постниковский, Пискарёвский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978.

Т. 38: Радзивиловская летопись. Л., 1989,

Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.

ПЭ – Православная энциклопедия. М.

РА – Российская археология. М.

РАН – Российская Академия наук

РИБ – Русская историческая библиотека. СПб.

РГГУ – Российский гос. гуманит. ун-т (Москва)

СА – Советская археология. М.

СДПИС – Свод древнейших письменных известий о славянах / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1995.

СПРЗ – «Слово о погибели русской земли»

ТИЭ – Труды института этнографии. М.

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы. Л.

ШАГИ ИОН РАНХиГС – Школа актуальных гуманит. исслед. Инта общественных наук Российской академии народного хозяйства и гос. службы при Президенте РФ

ЭСИЯ – *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. М., 2000–2020. Т. 1–6.

ЭССЯ II – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1975. Вып. 2.

CDP – Codex diplomaticus Poloniae. Warszawa, 1847–1887. T. 1–4.

CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum.

DAI – *Constantine Porphyrogennnetos.* De administrando imperio. Vol. 1: Greek text / Ed. by Gy. Moravcsik, Transl. by R.J.H. Jenkins. Washington, 1967; Vol. 2: Commentary by F. Dvornik, R.J.H. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman / Ed. by R.J.H. Jenkins. L., 1962.

De reg. – *Hincmarus Rhemensis*. De regis persona et regio ministerio // Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Darmstadt, 2006.

DOP – Dumbarton Oaks Papers.

DRMH – The Laws of the Medieval Kingdom of Hungary = Decreta regni mediaevalis Hungariae. Vol. 1 / Ed. by J.M. Bak, G. Bonis, J.R. Sweeney, L.S. Domonkos. 2nd ed. Idyllwild (Ca.), 1999; Vol. 3 / Ed. by J.M. Bak, L.S. Domonkos, P.B. Harvey Jr. Los Angeles, 1996.

EE – Estoria de Espanna // Primera Crónica General de España, editada por R. Menedez Pidal con un estudio acutalizador de D. Catalán (Fuentes cronísticas de la historia de España, I). Madrid; Gredos, 1977. Vol. 1.

FRB II – Fontes rerum Bohemicarum / Ed. J. Emler. Praha, 1874–1875. T. 2.

GEL – *Liddell H.G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. With a Revised Supplement. Oxford, 1996.

GT 1951 – Gregorii Episcopi Turonensis Historiarum Libri X / Hrsg. von B. Krusch, W. Levison. Hannoverae, 1951. (MGH SS RM; Vol. 1.1). P. 1–537.

Hibern. – *Flechner R.* The Hibernensis. Vol. I–II. Washington D.C., 2019.

HUB – Hansisches Urkundenbuch / Bearb. von K. Höhlbaum. Bd. I. Halle, 1876.

IED – An Icelandic-English Dictionary / Initiated by R. Cleasby, revised, enlarged & completed by Guðbrand Vígfússon. Suppl. by W.A. Craigie. Oxford, 1874.

ÍF – Íslenzk fornit. Reykjavík.
IG – Inscriptiones Graecae. B., 1924. Vol. 2–3.
JEGP – Journal of English and Germanic Philology
LAŠ – Latvijas Armijas Štābs 1:75 000. 58. Jaunjelgava, Circa 1930.
LECUB. Bd. 1 – Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch / Hrsg. von F.G. von Bunge. Abt. 1. Bd. 1. 1093–1300. Reval, 1853.
LGU – Livländische Güterurkunden (aus den Jahren 1207 bis 1500) / Hsgb. von H. von Bruiningk und N. Busch. Riga, 1908.
LV – *Laterculus Veronensis*
MGH – Monumenta Germaniae historica. Hannoverae.
MGH. Capit. – Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum Francorum.
MGH. Capit. NS – Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum Francorum. Nova series.
MGH. LL – Monumenta Germaniae Historica. Leges (in Folio).
MGH. SS RG – Monumenta Germaniae historica. Seriae scriptorum. Rerum Germanicarum.
MGH SRG – Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi.
MGH. SS RLI – Monumenta Germaniae historica. Seriae scriptorum. Rerum Langobardicarum et Italicarum saec.
MGH. SS RM – Monumenta Germaniae historica. Seriae scriptorum. Rerum Merovingicarum.
MGH. SS RP – Monumenta Germaniae historica. Seriae scriptorum. Rerum Prussicarum.
Michel – Recueil d'inscriptions grecques / Par Ch. Michel. Bruxelles, 1897–1900.
MPH – Monumenta Poloniae Historica. Kraków.
MSE – Mediaeval Scandinavia. An Encyclopedia / Ed. Ph. Pulsiano et al. N.Y.; L., 1993.
PG – Patrologia graeca.
Prov. Gr. – *Simpson D.* The "Proverbia Grecorum" // Traditio. 1987. T. 43. P. 1–25.
RGZM – Römische-Germanischen Zentralmuzeum
Syll^3 – *Dittenberger W.* Sylloge inscriptionum Graecarum. Leipzig, 1915–1924. Vol. 1–4.
VC – *Sharpe R.* Life of St Columba. L., 1995.
ZDMG – Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Айбабин А.И. Климаты в составе византийской фемы в Юго-Западном Крыму 5

Алексеенко Н.А. Полиэтничная Византия: патронимы знати сквозь призму памятников сфрагистики 10

Артамонов Ю.А. Заморские корни суздальского епископа Симона 14

Арутюнова-Фиданян В.А. Контактная зона во времени и пространстве 20

Ауров О.В. Пророк ислама в зеркале кастильской средневековой хроники: к проблеме источников 22

Бубенок О.Б. Брак Ярополка и Елены Яски (к вопросу о происхождении придонецких ясов) 26

Булычева Е.В. Участие афинских технитов Диониса в установлении межкультурных контактов в IV–II вв. до н.э. 31

Ванькова А.Б. Иноязычные монахи в «грекоязычных» монастырях Сирии и Палестины 35

Вдовченков Е.В. Герак, главный переводчик аланов 41

Вершинин К.В. Древнерусские переводы домонгольской эпохи: к состоянию изучения 46

Вершинина Ю.Е. Браки между язычниками и христианами в «Истории франков» Григория Турского 51

Вин Ю.Я. Концепт *res publica* и его рецепция в византийском праве: предварительные наблюдения над славянскими компиляциями в свете информационного похода и когнитивных изысканий 55

Виноградов А.Ю., Каштанов Д.В. Византийское прошлое русских иерархов 60

Гвоздецкая Н.Ю. Этнические, религиозные и языковые конфликты в композиции «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного 65

Гимон Т.В., Кузнецов А.А. Финно-угры в древнерусских письменных источниках (XI–XIII вв.): обзор трудностей 70

Джаксон Т.Н. «Сага о Гриме Мохнатая Щека»: «финны», тролли/великаны, «люди с Хравнисты» и первый исландский законоговоритель как представители одного рода 76

Добровольский Д.А., Лавренченко М.Л. Русские правительницы в Европе XII–XIII вв.: практики межконфессионального взаимодействия 81
Ермолова И.Е. Смешанные браки в Римской империи IV в. 86
Зедгенидзе А.А. Херсонесский полис и тавры в конце V – IV в. до н.э. 92
Земляков М.В. Трирский капитулярий как пример перевода латинского правового текста в Восточно-Франкском королевстве X в. 97
Иваненко А.В. KATIAPOI, или о точном слове в семантических реконструкциях 102
Калинина Т.М. Письмо «королевы франков» халифу ал-Муктафи: коммуникации языков и культур 108
Коматарова-Балинова Е., Флёров В.С. От Плиски до Правобережной Цимлянской крепости – строительные технологии в фортификации: заимствования, циркуляция? 114
Комендова Й. Функции образа чужих народов в древнейшем историописании Руси, Чехии и Польши 120
Коновалова И.Г. Межэтнические контакты в картине мира средневековых исламских географов 125
Короленков А.В. На каком языке были написаны мемуары Суллы? 130
Котышев Д.М. Русско-половецкие связи и междукняжеские отношения в XII в. 135
Кузнецова А.М. Этноконфессиональные отношения в Венгрии в законах Венгерского королевства XI–XIV вв. 140
Кызласов И.Л. Две зоны аристократических знаков Евразии раннего Средневековья: учение о тамгах и европейская геральдика 144
Лаушкин А.В. «Ведена бысть дщи Святополча Сбыслава в Ляхы…»: о днях одной свадебной церемонии XII в. 153
Liccardo S. Old Names and New Peoples: Listing and Adapting Ethnonymes in the *Laterculus Veronensis* 155
Литвина А.Ф., Михеев С.М., Успенский Ф.Б. Об одной печати русской княгини XII в. 159
Литовских Е.В. Еще раз о «черных» исландцах 164
Лицкевич О.В. Зависимая от Полоцка область двинских ливов и ее пределы в начале XIII в. 171

Лукин П.В. Этнические и групповые обозначения в новгородско-ганзейских документах 175
Матузова В.И. Пруссы в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга: восприятие автора 180
Матюшина И.Г. Исторические последствия межэтнических браков: Эмма Нормандская, Этельред II и Кнут Великий 185
Мишин Д.Е. «Культурный шок» в отношениях арабов и персов в доисламскую эпоху 190
Могаричев Ю.М. Некоторые проблемы истории Крымской Алании 195
Никольский И.М. Политический смысл эпиталамиев Драконция 200
Перевалов С.М. Греко-варварские диалоги в эпилоге «Теогонии» Иоанна Цеца 203
Петрухин В.Я. Имя *русь*: примордиализм и этнические генеалогии 208
Подосинов А.В. «Гончарный круг изобрел скиф Анахарсис» (Plin. VII, 198): Античные авторы о технологиях, открытых варварами 212
Рашковский Б.Е. Существовали ли в домонгольской Руси еврейские общины? 219
Риер Я.А. Брак Альдоны (Анны) Гедиминовны и Казимира, сына Владислава Локетка, в контексте польско-литовских отношений конца XIII – 30-х годов XIV в. 224
Селезнёв Ю.В. Русский князь Юрий Андреевич и половецкий князь Севендж: к вопросу о родственных связях 228
Ставиский В.И. *Clerici christiani* в окружении великого хана Гуюка (по материалам «Истории монгалов») 233
Суриков И.Е. Межэтнические контакты, «варвары» и становление древнегреческой исторической мысли 237
Темчин С.Ю. Исторические паремьи св. Борису и Глебу как произведение Кирилла Туровского (вторая половина XII в.) 242
Тимохин Д.М. Династийные браки в государстве хорезмшахов в XII – начале XIII в. 247
Тишин В.В. Согдийцы в ранней истории Тюркского каганата (по поводу одной гипотезы) 251
Хайрединова Э.А. Византийская «мода» в костюме готоаланского населения Юго-Западного Крыма 256

Хлевов А.А. Тюри, Сигрид Гордая и матримониальные коллизии эпохи «смены вер» 261
Храпачевский Р.П. Русско-тангутские пересечения XIII в. (на синхронном материале монголо-китайской канцелярии и русских летописей) 266
Хусаинов В.М. Первое упоминание Склавии и король склавов Скальк в «Деяниях данов» Саксона Грамматика 270
Сведения об авторах 275
Список принятых сокращений 279

Научное издание

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто

Выпуск XXXIV

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Утверждено к печати Институтом всеобщей истории РАН

Л.Р. ИД № 01776 от 11 мая 2000 г.

Подписано в печать 22.03.2022 г.
Заказ №
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Объем 18 п.л. Тираж 300 экз.

Институт всеобщей истории РАН,
Москва, 119334, Ленинский пр-т 32а